

ЮРИЙ ЩЕКОЧИХИН

**ТРИ ЭПОХИ
РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ**

Издание второе, дополненное
Москва 2018

 Яблоко

Первое издание выпущено факультетом журналистики МГУ
имени М.В. Ломоносова в 2010 году

УДК 070(091)

ББК 76.0

Щ 40

Издано при поддержке РОДП «Яблоко»

Щекочихин Юрий

Щ40 Три эпохи российской журналистики. Изд. 2-е доп. —
М.: ИП Матушкина И.И., 2018. — 376 с. + 16 с. илл.

ISBN 978-5-94101-333-3

В книгу вошли статьи, опубликованные в трех газетах, в которых работал Юрий Щекочихин — «Комсомольской правде» 1970-х, «Литературной газете» 1980-х — середины 90-х, и «Новой газете» конца XX и начала XXI века. Три издания, продолжавшие лучшие традиции отечественной журналистики, три эпохи движения общественной мысли, три команды очень разных людей, сумевших в разных, и всякий раз по-своему непростых, условиях утверждать основные принципы честной, отважной и ответственной журналистики, независимого расследования, меткого и точного слова.

Это книга о самой недавней нашей истории, о профессии, о личном выборе, о профессиональном долге.

В сборник вошли знаменитые статьи, ставшие событиями в жизни журналистики и общества. «Лев прыгнул» — первая публикация, в которой говорилось о существовании организованной преступности в СССР, «За Родину?! За мафию!» — о скрытых пружинах чеченской войны, заметки из цикла «Рабы ГБ» — о стукачах. И в то же время совсем небольшие заметки о происходящем в России и мире.

УДК 070(091)

ББК 76.0

© К.Ю.Щекочихин,
Д.Ю.Щекочихин, 2018

ISBN 978-5-94101-333-3

Читайте Щекочихина

Юрий Петрович Щекочихин был не просто профессионалом, он — классический Журналист с большой буквы и неординарный человек.

Для него журналистика стояла на первом месте, прежде, чем политические убеждения и все остальное. Он считал, что его цель — доносить до людей правду о происходящем. При этом он не мнил себя, как это часто случается, «властителем дум, видя себя прежде всего коммуникатором, задача которого — узнать, что происходит и рассказать об этом людям. Он хотел, чтобы люди знали, где они живут, как с ними поступают, и в этом видел смысл своей работы.

После него журналистика такого рода исчезла, её больше нет. По разным причинам.

Прежде всего, значительное число людей, технически владеющих журналистикой как профессией, продались за немалые деньги, положение, собственность. Другая, и довольно большая часть, испугалась. Третья сама пришла в прессу, чтобы служить властям, режиму. Таких, как Щекочихин, почти не осталось. Отдельные люди есть, есть СМИ, в которых они работают, но в силу малочисленности, цензуры, ситуации в целом, они не являются политически влиятельными.

К тому же, в мир пришла «журналистика» «фейк-ньюс» и «пост-правды». Ложь в прессе перестала быть проблемой, поиск правды — целью. СМИ часто сами делают все для того, чтобы читатель не мог отличить правду от лжи, чтобы удобно было всеми манипулировать. На это направлены огромные возможности новых технических средств, технологий управления сознанием. Большие деньги вкладывают в производство информационного шума, за которым не слышно реальных голосов, слов правды.

Это проблема мирового масштаба. Лидеры государств, даже самых крупных, не стесняются лгать, потому что СМИ перестали быть «четвёртой властью» и уже не имеют никакого влияния. Поэтому политики могут говорить вещи, не имеющие связи с действительностью, разрывать важнейшие соглашения, не признавать научных фактов. Мы знаем таких лидеров.

Это новое состояние мира, которое может кончиться большой войной. Одной из её предпосылок становится информационный шум, умышленные и неумышленные провокации, все эти «распятые мальчики», «изнасилованные девочки», заслоняющие реальные челове-

ские трагедии, возгоняющие агрессию, уничтожающие ясность взгляда и понимание происходящего.

Отсутствие ясности в понимании происходящего — главная характеристика сегодняшнего состояния умов. Люди потеряли представления о будущем. Настоящее смешалось с прошлым, а будущее — стена, на которую проецируются то картины «дивного нового мира» с мощным искусственным интеллектом, физическим бессмертием и «сингулярностью», то страхи и ужасы «homo sapiens», утрачивающего свою идентичность. Разговоры о войне («можем повторить») у нас, обещания Трампа «сделать Америку снова великой», мысль «вернуть могущество Британии», приведшая к «брекзиту», попытка создания террористического халифата — повсюду видны проявления «again policy», политики, обращенной в прошлое. Это вызывает огромную тревогу.

После преодоления этого мирового когнитивного кризиса, будем надеяться, все же, без большой войны, неизбежно и обновление, возвращение к принципам, пониманию места и роли журналистики, которые утверждал Щекочихин. Это возвращение будет спасительным и всеобщим. «Выпоротое человечество» будет рвать на себе волосы и говорить о ценностях — о том, что без свободных СМИ ничего не сделать, что без честных журналистов никуда, что государство должно их защищать — не коррумпировать, не уничтожать, а создавать условия для их нормальной работы.

Так после ужасов второй мировой войны человечество обратилось за спасением к понятию прав человека. Потом это понятие по разным причинам было выхолощено, но его значение не исчезло.

Дело жизни Юрия Щекочихина, и то, как он его делал, будет иметь фундаментальное значение. Поэтому издание его текстов сегодня для нас не только дань памяти и уважения к Юрию Петровичу и наш товарищеский долг. Это работа на будущее.

Он сам работал на будущее, потому что без таких журналистов в России нельзя ничего построить. Без Путина можно, без Медведева, и многих других можно, а без Щекочихина — нет, нельзя.

То, что произошло с ним — не случайность. Он был несовместим с системой лжи, коррупции, преступлений. И при этом — во многом ключевой фигурой, в существенной мере определявшей ход событий, хотя сам об этом, похоже, никогда не думал. Он просто верил в то, что слово может изменить мир к лучшему, он будил, вдохновлял, воспитывал и совсем молодых, и опытных людей. Он продолжает это делать своими текстами.

Вы хотите знать, что такое настоящая журналистика? Читайте Щекочихина. Учитесь у него.

Григорий Явлинский
2018 г.

У истоков свободной журналистики

Книга посвящена российской журналистике на рубеже XX–XXI веков, и этот рубеж довольно четко обозначен тремя изданиями, творчеством публицистов, в них выступающих. Юрий Щекочихин был одним из наиболее ярких представителей отечественной публицистики, и его творчество дает возможность увидеть динамику развития нашей журналистики в переломное время.

Начинал Юрий в «Московском комсомольце», мальчиком. А в «Комсомольской правде», где работал в 1970–е, стал широко известным публицистом, признанным и узнаваемым. Затем пришел в «Литературную газету». Это — уже вторая эпоха.

Помню, как 19 августа 1991 г. у нас на факультете проходил международный конгресс журналистов о свободе печати, проводили его вместе с Элом Ньюхартом, создателем газеты «USA Today». Договоренность о конференции была достигнута еще в начале перестройки, американцы приехали, накануне был прием, потом гуляли по Красной площади... Наутро проснулись и увидели совершенно другую Москву. Звонили иностранцы-коллеги — что происходит, не посадили ли нас. Нас не посадили, мы в бывшей Коммунистической аудитории начали наш семинар, и прямо с заседания некоторые студенты отправились к Белому дому и остались там, и писали репортажи для «Литературки», для отдела, в котором работал Юрий Щекочихин, им было важно пойти именно к нему.

Вообще, отдел публицистики «ЛГ» был одним из центров притяжения. Многие молодые стремились туда попасть, и некоторые начали там работать. С одной стороны, это завершило процесс гибели советской эпохи и ее журналистики, но в то же время именно там и создавалось новое лицо российской журналистики. Юрий и его коллеги и помощники представляли именно это направление.

Это было начало новой эпохи, когда стало возможно говорить открыто. Выступать не только в газете, но и по ТВ, радио, был сделан важный шаг к созданию новой атмосферы российской журналистики. Прекрасная пора, прекрасно люди работали, трудности начались уже потом — когда газеты оказались

свободными не только от цензуры, но и от денег. Это привело к борьбе внутри сообщества.

«Комсомолка» распалась, часть ее талантливых сотрудников в начале 90-х создали «Новую газету». Она выходит и сейчас. Многие из тех, кто начинали издавать газеты в ту пору, старались создать издания для истэблишмента. Но газета не стала такой — несмотря на то, что пользуется заслуженным уважением, сейчас в ней выходит еженедельное приложение «Нью-Йорк Таймс», как во многих крупнейших газетах Европы, это своего рода знак принадлежности к клубу истинных профессионалов. Газета, тем не менее, остается острой, боевой, смелой, атакующей. С чувством правды и справедливости, сохранившей идеалы. Приятно, что там работают многие наши выпускники. У нас на факультете висят портреты сотрудников «Новой», которые погибли, и далеко не все истории расследованы до конца. Враги свободного слова остаются достаточно сильными. Враги перестройки и гласности, открытости — опасность существует и сегодня.

Камертоном газеты долгие годы был Юра Щекочихин. Это касалось качества журналистского слова, твердости позиции.

Эти черты всегда отличали лучших расследователей и старой «Комсомольской правды» — времен Бориса Панкина и Юрия Воронова. Я многих из них знал. Помню судьбу создания и публикаций многих материалов — «пробивать» публикации, как тогда говорили, приходилось редактору. Одно из наиболее ярких расследований тех лет — история китобойной флотилии «Слава», которой занимался блестящий публицист Аркадий Сахнин. Флотилия — гордость страны, ее лидер Соляник — герой Социалистического труда, но вот матросы написали письмо о безобразиях в газету... Это было очень трудно опубликовать, потребовалось много времени. И выяснили картину страшной коррупции, в которой были замешаны руководители министерства рыбного хозяйства. Как рассказывал Сахнин, Косыгин, когда ему сообщили, как Соляник ногой открывает дверь в кабинет министра, заметил — а руки-то заняты дарами... Значит, премьер хорошо знал своих министров, знал, что кто из них стоит... Статью удалось напечатать. И она, в том числе, создавала и поддерживала этот честный пафос «Комсомолки», памятный многим. Поэтому газете верили.

В «Литературке» было уже много смелых расследований. Александр Чаковский добился особого положения, он понимал, что газета должна что-то сказать, и собрал очень большой и разнообразный коллектив — с точки зрения взглядов, отношения к жизни. Его заместитель Виталий Сырокомский отвечал за ту часть газеты, которая вела разговор о современном обществе и должна была не развлекать, а заставлять людей думать. Он собрал вокруг себя блистательных публицистов — Богат, Ваксберг, Рост. Недавно ушедший Анатолий Рубинов, который открыл в числе других — секрет советской колбасы. Лучшим инструментом для определения качества оказался кот. Рубинов писал — дайте кусочек колбасы коту, если съест, можете смело брать. Мой кот часто отказывается. Этот остроумный пример из частной жизни высвечивал очень многое из тогдашней реальности, это пример той самой честной журналистики, которой верили люди. Вот в этой компании и работал Юра Щекочихин. И там начал разговор о мафии и организованной преступности в СССР. Вообще, это был очень изобретательный и остроумный коллектив, сочетал остроту, критицизм, расследования с яркой реализацией идей. Героем публикаций была вся жизнь перестроечной России.

Прекрасная была журналистика, замечательная и по форме, и по своей направленности. О жизни в стране и ее качестве, о тех прорехах на теле страны, о которых не принято было говорить, но «Литературка» публиковала. И когда пришла новая пора, «Литературка» сохранила свою позицию. Остался отдел публицистики, хотя пространство журналистики сужалось, помню это по судьбе международного отдела газеты, с которым много времени сотрудничал.

Все лучшее из «Литературки» и «Комсомолки» перекочевало впоследствии в «Новую газету».

Панкин и Воронов в «Комсомолке», Чаковский с Сырокомским в «ЛГ» находили путь сказать о важном в очень трудных условиях. Важен был результат.

Публикации обеих газет способствовали изменению качества жизни и атмосферы в обществе, способствовали тому, чтобы люди стали свободнее. В том числе свободнее внутренне, как личности — это остается проблемой и сегодня. Процесс продолжается...

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Юрий Щекочихин был воплощением свободного человека — по своему поведению, по тому, как одевался, разговаривал, он не любил официоза, хотя много лет был депутатом.

Он воспитал многих журналистов, настоящих людей, профессионалов, что особенно важно для газеты — важно иметь не только благие намерения, но и уметь их реализовать. Особенно в «НГ», где он задавал тональность и сверхзадачу газеты. Это было очень здорово. К сожалению, он рано ушел. Версии его гибели разные. Свободного слова боятся и мстят за него нещадно.

В «Комсомолке» не было убитых не на войне. Список жертв открыл Холодов. Сегодня мы слышим о многих фактах насилия. Маркелов, Бабурова, Политковская, Эстемирова... Они хотели видеть нашу страну и ее людей свободными.

Наследие Юрия Щекочихина — те замечательные люди, которые сегодня работают в газетах, на радио и ТВ, но в газетах прежде всего — сохраняя честное слово, блестящие творцы... Юрий олицетворял важнейшие стороны российской современной журналистики, ее главное достоинство — сочетание стиля, силы слова, убежденности. И поэтому ему верили.

*Профессор Ясен Засурский,
президент факультета журналистики МГУ
2010 г.*

Юрий Щекочихин **Краткая биография**

Юрий Петрович Щекочихин родился 9 июня 1950 года в городе Кировабаде Азербайджанской ССР в семье военнослужащего. Первый журналистский материал опубликовал в газете «Московский комсомолец» подростком. В 17 лет начал работать в «МК» корреспондентом.

В 1972 году пришел в «Комсомольскую правду», где возглавлял страницу для старшеклассников «Алый парус».

В 1975 году окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

В 1980 году начал работать специальным корреспондентом «Литературной газеты», затем возглавил отдел расследований «ЛГ» и был членом редколлегии газеты до 1996 года.

Летом 1988 года опубликовал в «ЛГ» интервью с подполковником милиции Александром Гуровым «Лев прыгнул», в котором впервые открыто было сказано о существовании организованной преступности в СССР. Публикация стала одним из знаковых событий эпохи, во многом определила дальнейшую судьбу как Гурова, который возглавил вскоре созданное управление МВД СССР по борьбе с организованной преступностью, так и Щекочихина.

Осенью 1989 года Щекочихин был избран народным депутатом по территориальному округу № 143 (Луганская область Украинской ССР) в Верховный Совет СССР. Был членом Межрегиональной депутатской группы. Вошел в состав комитета Верховного Совета СССР по борьбе с преступностью, в комиссию по борьбе с привилегиями.

В декабре 1995 года Щекочихин избран депутатом Государственной Думы по списку партии «Яблоко». В феврале 1996 вошел в состав комитета ГД по безопасности, в апреле 1997 — в состав комиссии по проверке фактов участия должностных лиц органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ в коррупционной деятельности.

В июне 1996 года стал заместителем главного редактора и редактором отдела расследований еженедельника «Новая газета-Понедельник» (бывшая «Новая ежедневная газета»). В январе

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

1997 — заместитель главного редактора и куратор отдела исследований «Новой газеты».

В декабре 1999 года вновь избран в ГД от «Яблока». Стал заместителем председателя комитета по безопасности, который возглавлял Александр Гуров.

Работал экспертом ООН по проблеме организованной преступности, активно сотрудничал в этом направлении с коллегами-депутатами и журналистами, а также экспертами из многих стран, об этом регулярно писал в газете.

Публиковал в «Новой газете» статьи и расследования, посвященные проблеме коррупции в России и в мире, положению в Чечне, современной российской политике.

Умер 3 июля 2003 года от внезапно возникшей редкой болезни в разгар одного из наиболее громких расследований.

Расследования причин смерти журналиста и депутата Щекочихина по инициативе коллег и близких начинались четыре раза. Последний раз уголовное дело по факту гибели Щекочихина Следственный комитет при прокуратуре РФ прекратил в апреле 2009 года. По мнению следствия, журналист скончался от заболевания, указанного в диагнозе. Однако коллеги и близкие считают, что в деле по-прежнему осталось много непонятого.

Щекочихин написал несколько киносценариев (в том числе «Меня зовут Арлекино», «Лимита», «Русская мафия»), несколько пьес для театра (наиболее известные — «Ловушка номер 46, рост второй», «Между небом и землей жаворонок вьется»). Автор нескольких сборников публицистики и прозы. В 1999 году вышла книга «Рабы ГБ. XX век. Религия предательства», в 2003 году — «Забятая Чечня».

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Комсомольская правда

Газета создана в соответствии с решением XIII съезда РКП(б). Первый номер вышел 24 мая 1925 года тиражом 31 тыс. экземпляров.

1928 г. Напечатано 46 стихотворений Владимира Маяковского, который носил удостоверение сотрудника «КП» № 367.

1931 г. Первые выездные редакции на новостройки — 28 за год.

1934 г. Участие в полярных экспедициях по спасению челюскинцев.

1941 г. Война. С первых дней — фронтовые сводки, военные очерки Аркадия Гайдара. Выездные редакции на оборонные заводы — 38 за годы войны.

1942 г. Очерк С. Любимова «Мы не забудем тебя, Таня!» о Зое Космодемьянской, статьи о Лизе Чайкиной, других комсомольцах-героях.

1943 г. На восстановление Сталинграда отправляется поезд «Комсомольская правда», в Сталинграде выпущено 230 спецномеров общим тиражом 500 тыс. экземпляров.

1945 г. В апреле начали печатать роман А. Фадеева «Молодая гвардия».

1954 г. Шефство над строительством Братской и Красноярской ГЭС. Журналисты отправляются на целину.

1957 г. Создано Сибирское отделение АН СССР, открывается корпус газеты, первые заметки об искусственном спутнике Земли и с борта атомохода «Ленин».

1961 г. Создан первый в стране Институт общественного мнения. Газета проводит опрос молодежи «Что вы думаете о своем поколении?».

1963 г. Дискуссия «Нужна ли в космосе ветка сирени?» — знаменитый спор физиков и лириков. Первая в истории советской печати страница для подростков «Алый парус», открывшая новое направление в журналистике, воспитав-

шая несколько поколений известных публицистов и нынешних лидеров СМИ. Идеологи направления — И. Зюзюкин и С. Соловейчик. Подростковые страницы и клубы открываются во всех «молодежках» страны.

1970 г. Первый репортаж о Надежде Курченко, погибшей от рук террористов. Первая экспедиция Д. Шпаро к Северному полюсу.

1972 г. Очерк К. Симонова «В свои восемнадцать лет» о подвиге тракториста Анатолия Мерзлова.

1974 г. БАМ — стройка века.

КП пишет о том, что реально волнует людей. «Золотые перья» газеты — признанные лидеры общественного мнения страны. Ярослав Голованов, Юрий Рост, Василий Песков, Инна Руденко, Юрий Щекочихин, Леонид Репин, Валерий Аграновский... Газета известна расследованиями, смелой критикой, интересом к новаторскому опыту, к защите прав граждан, в том числе подростков. В «Алом парусе» открывается первая «горячая линия» для трудных. Активно работает общественная приемная газеты. Редакция получает несколько тысяч писем в день, со всех концов страны — люди не верят советским органам, и обращаются в газету, как в последнюю инстанцию...

1984 г. Впервые рассказали правду об Афганистане — очерк И. Руденко «Долг». Экспедиция В. Пескова в тайгу к семейству Лыковых — повесть «Таежный тупик». Очерки о педагогах-новаторах, о новом в воспитании, о гуманизме. Тираж газеты — 17 млн экземпляров.

1990 г. КП перестает быть органом ЦК ВЛКСМ.

1999 г. Газета выходит новым форматом. Постепенно общественно-политическое направление газеты и критический пафос сменяются интересом к светской жизни, развлечениям, скандалам.

2000 г. 75-летие газеты Ежедневный выпуск — 779 тыс. экземпляров, «толстушка» — 2 983 тыс. экземпляров. Впервые опубликовала полный список погибших членов экипажа подлодки «Курск».

2006 г. Пожар в здании ИД «Правда», сгорел архив газеты.

Главный редактор — Владимир Сунгоркин.

ЧИЩЕ, РЕБЯТА!

Саша Водяник погиб 13 марта, а я приехал в город дней через двадцать.

После шестого урока мы остались с Сашкиными одноклассниками и никак не могли начать разговор. А тут еще пришел учитель:

— Что же вы, ребята, молчите? А помните поход перед Восьмым марта?

— Ага, в горы ходили, — вздохнули на задней парте.

— Не просто в горы — за подснежниками для учителей.

— За подснежниками, — грустно согласились на задней парте.

— Вот видите, — добавил учитель и посмотрел на меня.

Так вот и начался наш разговор. А говорить, ребята, было трудно. Будто все слова, которые мы только знали, Сашка унес с собой. И остались мы без ничего, без самых главных слов, скажи которые — и каждый поймет, что за человек был он. (Это так, наверное, всегда, просто мы этого еще не знаем.)

Вот скажешь: Сашка любил музыку, — и сам поймешь, как-то ты это не так сказал. Он не любил — он страдал, пропускал уроки, забывал делать алгебру, не помнил про обед и про ужин. На репетициях он прямо с ума сходил. Он заставлял ребят проигрывать один и тот же такт десятки раз, он добивался какой-то такой чистоты, видимой и слышимой лишь одному ему.

На первом вечере ансамбль провалился. Совершенно, с треском, как иногда говорят. Он сидел за сценой и плакал.

— Не получится сегодня — получится завтра, — утешали его, а Саше было трудно, будто музыка — верный друг — отвернулась от него.

Но не таким запомнят Сашку — почти никого не было в это время за сценой. Другим запомнят — взмокшим и взъерошенным, и пальцы, как по инерции, на гитарных струнах. Таким он был на последнем вечере, когда ансамбль, как говорят, выступил блестяще.

Учителя подбежали его поздравить, а он вдруг закричал:

— Нет, не говорите, что здорово! Я с ними никогда не буду больше играть!

А «они» — ребята из ансамбля — понуро улыбались:

— Санек, вроде все чисто...

Да, можно сказать: он любил музыку.

Только в этих словах нет крика «чище!» на изматывающих репетициях, нет того Сашки, в середине выступления бросившего гитару: «Нет, так нельзя, так плохо», не услышишь вальса, с которого ребята начали неожиданно свое последнее выступление. В последнее время он вдруг разочаровался в поп-музыке и стал мечтать о том, как бы собрать всю органную классику.

Как-то он скажет:

— Мне очень надоело учить. Учишь, учишь, будто сам много знаешь. Самому бы поучиться. Вот поеду в Москву, там такие ансамбли...

Но об этом никто из ребят не знал, и Серега Вакоев выдает из себя:

— Он был нашим учителем. Ну, неофициальным, что ли.

Кто-то скажет: «У Саши было много друзей».

Да, много.

С ним было трудно ходить по улицам: знакомые на каждом шагу. Он ни с кем не ссорился, и хотя считается, что это плохо, Сашка думал иначе.

Он очень боялся самого себя, своего несдержанного характера, и когда видел вдруг, что на него вот-вот обидятся, подходил и просил: «Ну не стоит. Извини».

— У него много друзей, потому что он был очень современным человеком, — сказал мне Володя Чернышев.

— Как это, современным?

— Здоровался всегда первым, слушал тебя по-настоящему, а не так, как некоторые, поминутно оглядываясь и размышляя о своем, если ошибется — тут же скажет, если не так что-нибудь сделает — извинится.

По натуре он был, наверно, философом и говорил так: «А что ругаться? Все равно же будем все вместе».

Поэтому на улице он разнимал драки, а в классе мирил девчонок.

Может, как раз за это его любили?

А может, за то, что в трамвае брал билеты на всех? Или за то, что в походе когда от холода ни у кого уже не гнулись пальцы и невозможно было порезать хлеб, хлеб резал он?

Он был коллективистом, но иногда вдруг мрачнел, и тогда можно было услышать:

— Меня никто совершенно не понимает. Почему так? Наверное, из-за характера.

Но это случалось не так уж часто.

Так разве, ребята, можно вместить Сашу в три телеграфных слова: «было много друзей»?

«САШКА — ОЧЕНЬ ЧЕСТНЫЙ парень», я уже не помню, кто это первым сказал. Кажется, Наташка.

...Однажды Екатерина Сергеевна пришла в класс и без всякого предисловия начала выражать неудовольствие. За двойки, тройки, невыученные уроки — за все, одним словом, за что время от времени бранят нас учителя.

— Екатерина Сергеевна, вот вы испортите настроение с самого утра, как же здесь будешь учиться, — прервал ее Сашка.

Екатерина Сергеевна обиделась и убежала в учительскую, а Сашка сидел полдня угрюмый и вздыхал: «Опять что-то не так. Зря я обидел человека».

После уроков почти весь десятый «А» стоял возле учительской и ждал Сашку. Сашка извинялся. Вернее, даже не так. Извинился он на следующий день перед лицом всего класса.

Просто он очень не любил оставлять за собой «незакрытые» ошибки.

— А в последнее время Саша изменился. Подошел к Екатерине Сергеевне: «Вот посмотрите, больше вы не упомянете моей фамилии в «черном» списке...»

— Он мечтал поступить в училище гражданской авиации.

— Однажды он сказал: «Вы обо мне, ребята, еще услышите». Шутит, что ли, как всегда.

...Дальше в моем блокноте чистые странички. Правда, еще одна запись.

Если бы он сидел тихо, то он остался бы жить...

И снова — ничего.

Просто, ребята, в этом разговоре после шестого урока мы подошли к самому страшному.

Для каждого из его одноклассников остался какой-то свой Сашка. Фраза или жест, или даже случайный разговор. Но остался еще один. Тот Сашка, который был убит в вечернем трамвае 13 марта.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Наверное, должна быть натянута какая-то тончайшая струна через мозг наш и сердце.

Такая струна, чтобы если на улице избивают человека, казалось, — что это тебя бьют и к тебе никто не придет на помощь. И если оскорбляют, то в тебя в первую очередь попадают эти слова. И если на твоих глазах вот-вот совершится преступление, то преступление это против тебя самого.

На аэродроме я увидел их первый раз. На них были синие, красные и оранжевые куртки, рюкзаки за плечами, а в руках — лыжи.

Мы летели вместе. Эти молодые ребята, московские инженеры, сидели впереди меня, и я первый раз услышал, как в самолете поют песни. Они пели про горы и Домбай, про Москву и перекаты, а потом еще одну: что «нам нужна одна победа,

Одна на всех — мы за ценой не постоим...».

Я возвращался, чтобы написать о Сашке Водянике. И вот что подумал:

«Может, и к нему относится песня? Или слишком уж из разных эпох цена победы?»

11.05.1972

ПОМНИ О «ВИКТОРИИ»!^{*}

Иногда кольнет сердце, горячий ветер дальних времен коснется твоих губ, и ты тихо шепнешь: — Эй, ребята! Подождите, я с вами. Я сейчас — только прихвачу шпагу. Подождите, Атос, Портос, Арамис... Я сейчас. Ты шепнешь, а сам испугаешься: не слишком ли громко, не услышал ли кто?

Ведь известно — жизнь в сто раз интереснее самой интересной книжки, но вдруг, случается, тебе страшно захочется хотя бы на полшага перешагнуть ту границу, за которой живут герои твоих давних снов.

Может быть, поэтому слова, которые мы самыми первыми нанесли на чистый лист, все еще звенят в ушах, как клинки мушкетерских шпаг:

— Помни о «Виктории»!

Откуда эти слова?

Мы вчитываемся в мушкетерский кодекс чести фехтовального клуба «Виктория». Нет, не отсюда. Зато здесь записаны другие слова:

«...На дорожке и вне ее веди себя по-рыцарски.

Умей проигрывать с честью и побеждать с достоинством.

В любом случае уважай своего противника, но старайся всеми силами победить его в бою.

Лучше спокойно принять поражение, чем воспользоваться победой, одержанной нечестно.

Береги, защищай и уважай свое имя, престиж своего учителя, цвета своего общества и знамя своей страны...».

Мы перелистываем устав. Нет, «Помни о «Виктории»!» — не пункт в уставе.

«Всякий принятый в клуб школьник — это ополченец «Виктории». Ополченец только кандидат в члены клуба... Ополченцем может стать любой школьник, даже двоечник, дабы перестать быть таковым.

...Мушкетером может стать ополченец, набравший мушкетерский балл.

---

^{*} Написано в соавторстве с Е. Комарских, корреспондентом «Комсомольской правды» по Новосибирской области.

Мушкетерский балл включает: хорошие спортивные результаты (минимум) и высокие моральные качества (максимум). «В особых случаях коллегия капитанов может принять в мушкетеры ополченца, отличающегося высокими моральными качествами, но не выполнившего спортивный минимум. Но ни при каких обстоятельствах мушкетером не может стать ополченец, не выполняющий кодекса чести, даже если он добился выдающихся спортивных результатов...»

Мы знакомимся с науками «Виктории», будто сидим сейчас за партией в невообразимом классе: «Александр Дюма, Фенимор Купер, Александр Грин...» — урок литературы «Виктории», список «обязательного» чтения; «Куликово поле и Ледовое побоище, Сенатская площадь и сибирские полки в Великой Отечественной» — урок истории; словарь французского языка, книжки о Франции, письма, обратный адрес на которых «Париж», — урок географии мушкетерского клуба, коллективного члена Общества советско-французской дружбы.

Эти слова не высечены на гербе клуба, не вписаны в его эмблему.

...Напряжение в зале, яркий свет ламп, суета тренеров. Все, как и положено в дни больших соревнований. В команде Новосибирской области — клуб «Виктория». Жребий свел на фехтовальной дорожке двух «викторианок». Если победит одна из них — это будет лишь ее личный Успех, не больше. Победа для второй — призовое место, успех всей команды области. Шепот на тренерской скамейке: «Уступи, отдай бой, ведь это же твоя подруга по команде. Разве ты не хочешь успеха для команды?» Может, в самом деле уступить? Но когда начался поединок, на дорожку, расталкивая тренеров, выбежала Наташка Иваничева, и крик ее «Помни о «Виктории»!» заглушил шепоток. Победила та, для которой победа была «личным успехом, не больше». Поздно ночью в гостинице собрался экстренный мушкетерский сбор. Говорили о том, что девчонки и в мыслях не должны были допустить, что бой можно «уступить», кто бы это не предлагал. Что стоит общая победа, добытая нечестным путем? Зачем же тогда есть «Виктория», если ты согласен хоть с такой, совсем маленькой, нечестностью. Чем же тогда мы, мушкетеры, отличаемся от тех ребят, для которых спорт — это только лишь ступенька на жизненной лестнице?

Эти слова гудели в телефонных проводах в тот памятный для клуба вечер, когда капитаны обзвонили всех мушкетеров, чтобы собрать экстренный сбор и исключить тех тренеров, которые так и не заслужили самого высшего звания взрослого учителя «Виктории» — Учителя фехтования.

Да, эти тренеры великолепно владели шпагой или рапирой, но они не отвечали главному, максимальному, мушкетерскому баллу. Они посмеивались над кодексом чести и уставом, они называли ритуалы детскими игрушками, они возмущались, если капитаны, «мальчишки», делали им замечания, они просто не понимали, что кодекс мушкетерской чести — это не только чистота в спорте, но и чистота в жизни. И нарушать эти законы — значит, не отвечать духу «Виктории».

«Помни о «Виктории!»» — суровые и спокойные слова. Ведь забыть их — забыть то, из-за чего когда-то пришел сюда, а потом вдруг вся твоя жизнь стала совсем другой, не как в школе и не как в подворотне (мамы говорят: «Мой сын здорово изменился»).

Проводили в клубе дни и часы, делали все сами — ломали лишние стенки, «по-морскому» драили пол, красили и разрисовывали клуб, и не было таких слов — «грязная работа», и не приходилось никого упрашивать прийти на час раньше. Испытали первые спортивные поражения, но не вешали нос, а сами улыбались над собой и прикрепляли у дверей балетного класса «мемориальную» доску: «Установлено в честь единственного укола, нанесенного Андреем Дерягиным во славу родного клуба под стенами Смоленска в 1969 году марта 24 числа». И были первые победы, и настало время, когда фехтовальный клуб «Виктория» стал выступать отдельной командой и занимать призовые места, но пусть рядом с победными вымпелами и грамотами будут выбиты слова о первом поражении давних времен. И когда смущенные новички-пятиклассники, не различающие шпагу и рапиру, предстают перед капитаном, серебряным призером олимпиады школьников Андреем Дерягиным, — пусть знают они, что не всегда победа начинается с победы. И пусть знают новички, что нет ничего страшнее невежества, и если ты научился владеть шпагой, но ни разу не заглянул в «викторианские» книжные шкафы — грош тебе цена... Вот слышится музыка. Да, сегодня бал, мушкетерский праздник. «Виктории» — 5 лет. Мы стоим в

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

стороне — единственные люди, не догадавшиеся придумать себе маскарадные костюмы. А мимо проносится Главный хранитель порядка, в черном плаще, первокурсник Гарик Карагедов, и пятиклассники-ополченцы радостно испуганы...

...Они сидят за круглым столом, а за стеной всеми гитарными струнами и ударной установкой бушует мушкетерский джаз.

Отряд «Сибирский» — один из четырех гвардейских отрядов «Виктории». В уставе записано: «Составы гвардейских отрядов неизменны. Мушкетер приписывается к отряду на всю жизнь и может выбыть из него, только потеряв это звание». Да, за столом через стенку от бала сидит весело-печальный, как каждый в день первого большого юбилея, отряд «Сибирский», учителя фехтования, основатели мушкетерского клуба «Виктория»: Карем Раш, президент клуба, рапира; Юлий Эткинд, вице-президент, кандидат технических наук, шпага; Василий Димитров, вице-президент, кандидат технических наук, сабля; Гурам Абуладзе, вице-президент, кандидат биологических наук, сабля; Валентин Николаев, кандидат технических наук, оружейник, сабля; Станислав Горячев, инженер; Валерия Синявская, балерина; Юрий Мешанин, учитель французского языка, завуч, радист, библиотекарь, режиссер, тяготеет к сабле...

За стеной — бал, весело и смех. Что, разве невесело отряду «Сибирский»? Да нет, хорошо. Спокойно. «Виктории» все-таки уже пять лет.

Ведь и для взрослого человека чертовски важно, чтобы можно было однажды сказать самому себе эти тихие, как пароль, слова: «Помни о «Виктории»!»

...«Виктория» — это победа. И не только на спортивных дорожках. Везде, где нужны твое мужество, отвага, честь. И пусть у каждого в памяти живет своя победа, то, за что можно драться и что нужно отстаивать в любых схватках.

25.01.1973

ВЫДУМЩИК

Сначала Андрей придумал себе собаку.

— Овчарку? — спросил я.

— Нет, фокстерьера...

— Ну, Андрей, — пожал я плечами, — придумывать — так овчарку. Не обязательно. Овчарку мать не пустит. А с фоксом будем бродить, когда солнце и когда идет дождь... Я выхожу из школы или из булочной, или еще откуда-нибудь, и он кидается мне под ноги, и мы шагаем...

У меня тоже никогда не было собаки. Раньше мне казалось, что приду домой, открою дверь и что-то лохматое и доброе кинется мне под ноги, а может, даже положит лапы на плечи. Я верил в это, но не слишком долго. Но Андрею я сказал так:

— Да, красиво. Раньше у Сереги жил бульдог Пашка, но получалось, что Пашка был у нас всех. Это тогда, когда ты еще не переехал в наш дом...

— Пошел этот ваш Серега... — вздохнул Андрей.

...Потом он придумал себе друга.

Друг появился, смел и весел. И верен, как только бывает верен друг в шестнадцать лет. Не научившийся смеяться, когда не смешно. И не отворачивающийся, когда страшно. Друг не испугается ничего на свете: ни компании в темном переулке, ни пятибалльного шторма в море, ни отвесных скал, ни девчонки с соседнего двора.

Друг встанет рядом и скажет что-нибудь хорошее.

— А в мае мы бы удрали из дома туда, где море, скалы и быстрые кони в дальнем поле.

— Ничего, — сказал я. — Красиво. Только море сейчас холодное. Слишком холодное... Слышишь, а Расскажи об этом ребята из твоего класса?

— Некому. Все такие, как Серега. Вернее, такой — один. Несколько Додиков — отъявленных трусов, пара Мишек не поймешь что. Да еще я.

...Такие, как Андрей, обязательно должны ходить в музыкальную школу. Я так и подумал, когда он переехал в наш двор. И Серега тоже, и Мишка, и Додик. Но я-то уже знаю, что это не так.

...Наконец, он придумал себе отца.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

— Мы встречаемся, — придумал Андрей, — поздно вечером. Отец идет медленно и грустно. По середине тротуара. А я навстречу. Совсем взрослый. Ну, мне лет девятнадцать или больше.

Он не космонавт, и не физик, и не журналист, и не киноактер какой-нибудь. Это я в пятом классе такого придумывал. Он — просто врач. Целый день и целый вечер мотался на «Скорой помощи», поднимался по лифтам или просто отсчитывал ступеньки. Там кровь, боль, слезы. Но он — очень добрый. И никто не знает, что ночью он идет по улице и улыбается, даже когда никто не видит. Он не удивится, что я так поздно. Крикнет на ходу: «Привет!» — и помашет рукой...

— Подожди, Андрей, но ведь твой отец...

— Да, врач.

— Зачем же...

Да, совсем другой врач. Без десяти семь он приходит домой. Он еще ни разу не опоздал. Раз в неделю он покупает три лотерейных билета: себе, маме и мне. Телевизор включает на полную громкость, и если я увижу его когда-нибудь после одиннадцати, то все равно не поверю, что это был он. Никогда не поверю.

— Ну и зря, — говорю я Андрею. — А вдруг когда-нибудь увидишь. Вот будет смех...

— Не будет.

...Вот я думаю, стоит ли доказывать Сереге и его дворовому окружению, что Андрей — парень получше некоторых. Я знаю, вначале Серега отвернется или забренчит на гитаре, но наверняка будет думать день, неделю, пусть год. Пока, наконец, не поймет, что такие, как Андрей, очень нужны его компании: не у каждого получается — не уставать придумывать, не каждый помнит то, о чем когда-нибудь забываем мы сами.

Правда, я сомневаюсь, нужна ли вообще какая-то компания Андрею?

Хотя, с другой стороны, как без собаки, без друга, без отца, который идет по ночному тротуару, по самой середине и тихо на-свистывает...

12.04.1973

МИНУС «НАШ ПАРЕНЬ» СВЕТА

...Светка переехала из нашего дома. С нашей улицы. Из нашего района. Хорошо, что не из нашей Москвы. Вот так мы говорим Сереге: «Хорошо, что не из нашей Москвы». Так мы говорим ему утром, днем, вечером и тогда, когда весь наш дом засыпает, и мы остаемся в беседке одни, да еще пара светящихся окон на седьмом этаже.

— Она же приедет, — говорит Мишка, — она же наверняка будет приезжать... Ты, Серега, кончай, не стоит...

— Ну переехала... Не в другой же город, не на Камчатку ведь, — говорит Андрей.

— Бывает и хуже. Даже если она живет в твоём доме, и даже в твоём подъезде, и пусть на твоей лестничной площадке — все равно бывает плохо, — говорю я.

Но Серега не отвечает на наши «умные» слова ни взглядом, ни словом. Ни полусловом.

А еще я хочу сказать, что все не вечно: твой двор, твоя улица, твои друзья, та девчонка, которая уже много лет для всех «свой парень». Все не вечно, и это вполне объяснимо, и ничего здесь не поделаешь. Надо просто думать о том, что завтра жизнь столкнет тебя еще с каким-нибудь человеком, и ты так же будешь ходить по вечерним улицам, посмеиваясь над тем, кто торопится на последний автобус. Ты всегда будешь такой же, как в четырнадцать и шестнадцать лет, — пусть кто-то другой лениво волочит на плечах свои тридцать или сорок...

Но я понимаю, что об этом я Сереге сейчас не скажу. Потому что и на эти слова он не ответит: ни взглядом, ни словом, ни полусловом. И будет, наверное, прав.

И никто не докажет ему, не только ему — всем нам, что есть хоть самая маленькая доля правоты в том, что мать Светы, Альбина Васильевна, решила «раз и навсегда оградить свою дочь от этих хулиганов», то есть от Миши, Алика, Андрея, меня, и главным образом от Сергея.

На днях Альбина Васильевна выбежала из подъезда и пошла прямо на нас — на нашу беседку. Я только на следующее утро вспомнил то, что первым пришло тогда в голову: я увидел, как взрослый человек может быть счастлив в своей ненависти.

А Альбина Васильевна была счастлива. Она говорила размеренно, и голос ее ни разу не сорвался:

— И ты, хулиган, Свету больше не увидишь, и вся твоя компания ее больше не увидит. Все. Хватит. Я долго терпела...

А что она терпела? Когда в классе пятом-шестом Альбина Васильевна запирала Светку на ключ и не выпускала на улицу, Серега стоял во дворе час, два, три — даже не переступая с ноги на ногу. В седьмом классе Серега собирал всех нас, чтобы в далеком лесу найти для Светы подснежники — к дню ее рождения. А полгода назад, когда ей исполнилось шестнадцать, он сказал, протягивая немыслимого медведя, что, сколько бы лет ни прошло, кем бы она ни стала, ей достаточно будет сказать хоть полслова, чтобы он, Серега, оказался рядом. Мы стояли вокруг, отвернувшись в сторону, и дурацкие мысли вертелись в голове о каких-то рапирах или шпагах.

А голос Альбины Васильевны звучал все увереннее и увереннее. Потому что она говорила о том, о чем говорит весь двор. О том, что Серегу выгнали из школы. О том, что лично к нему теперь навдывается участковый. О том, что отец Сереги — «тоже хорош», а «про мать и говорить нечего». Голос Альбины Васильевны звучал все увереннее и увереннее, потому что все, о чем она говорила, было правдой. Или почти правдой. А раз правда, то можно говорить: кто упрекнет в том, что говоришь в глаза правду?

Я вдруг представил, что нам уже всем по сорок. Что двор наш остался прежним, и даже беседка точно такая же, только еще более вылиняла — вон сколько дождей прошло. И там сидят ребята — такие же, как и мы сейчас. И есть свой Серега. И есть своя Света. И вот что я подумал — вдруг они овладеют «правдой» Альбины Васильевны?

Теперь в беседке нас стало меньше. Всего на одного человека. Но это только легко написать: «Всего на одного». А как Серега?

Каждый вечер мы ждем Свету. Завтра пойдет уже вторая неделя. Вторая неделя, как Серега не замечает наших взглядов, слов, полуслов. Может, все-таки она придет?

ИТАК, ОН ВЫРОС

Сам я при этом не присутствовал, и мне остается только представить, как это все было.

Допустим: лето, подъезд, мальчик на лестничной площадке. Мальчику — 12 лет, он стоит, крепко прижавшись к холодной стенке. Широкополая шляпа, ниспадающий плащ, шпоры звенят... Мальчик напряженно сжимается, как перед прыжком с обрыва, и произносит тихо: «Вызываю на дуэль!». И невидимая дворовому миру перчатка плавно опускается на лестничную ступеньку.

Предводитель гвардейцев кардинала, как написали бы в старину, хохочет, и вся его гвардия радостно потирает руки, в предвкушении нового развлечения. Они не видят, как складки плаща мальчика касаются грязного пола, и не слышат серебряного звона шпор, но на дуэль коварно соглашаются.

Из-за чего же собрался мальчик давать бой предводителю юных хулиганов? Из-за своего старшего брата, обиженного и побитого предводителем.

Итак, пока мальчик стоит возле стены, а к четырем часам проходит в подъезд. Шпаги, к сожалению, нет в его руке, но он смел и решителен и знает, что правда всегда побеждает в честном бою.

Пришла вся дворовая братва, посмеиваясь, они схватили мальчика, притащили его в подвал и там били, пока не устали. «Гуд бай, Дартаньян», — возможно, так попрощался с мальчиком коварный атаман.

А что же потом? Потом наступил вечер. Мальчик шел вдоль стен домой, пряча от прохожих свои синяки и ссадины, потом зашел в подъезд и позвонил в одну из квартир. «Кто тебя, мальчик?» — спросил Президент. «Моя честь оскорблена, я должен драться дальше», — ответил мальчик решительно и грустно. Президент задумался. Он знал, что мальчик физически слабый, а когда делает особенно сильный выпад шпагой, то ноги у него подкашиваются и он валится на ковер. Кроме того, он знал, что если мальчик снова вызовет на дуэль кого-нибудь из хулиганов, то его снова побьют, потому что вряд ли хулиганы изучали правила дуэлей, да и сами правила безнадежно устарели. Президент

долго думал, а потом сказал: «Они нарушили правила дуэли, и ты не имеешь права с ними драться. Я думаю, ты не будешь трусом, потому что не все люди понимают, что такое настоящее рыцарство». Мальчик покачал головой. «Нет», — понял Президент.

К этому времени мальчика уже очень хорошо знали в новосибирском Академгородке, через некоторое время имя его узнают и в нашей стране, и в разных других странах.

...Президент фехтовального клуба «Виктория» Карем Раш сидит в «Алом парусе», смотрит на чистый лист бумаги и ни слова не может написать о мальчике. И я понимаю Президента.

С того дня, как я сам узнал Игоря Сокола, боюсь писать о нем.

Почему и как... Почему человек начинает рисовать, почему берет в руку карандаш, почему весь мир, увиденный им самим, отражается в его глазах совершенно не так, как в глазах миллионов других людей — это глубокая тайна, и ее раскрывали тогда, когда нас никого не было, и будут раскрывать, когда еще пройдет много столетий.

Но как происходит превращение очень хорошего мальчишки в очень интересную личность, и при этом не теряются светлые и наивные мальчишеские представления?

Почему у него так много рыцарей? Почему на одном автопортрете Игорь — в доспехах и в латах, на другом — взгляд из очень дальнего столетия? Почему — мушкетеры? Почему — Дон Кихот?

— Да, я тоже спросил его об этом. Совсем недавно, когда Игорю уже исполнилось 17. И, знаешь, что он мне ответил? — Карем посмотрел на меня, — Я, сказал он, выходил из типовой квартиры и шел в типовую школу. Квартира, в которой я жил, как две капли воды, походила на квартиры моих товарищей. Все вокруг было «типовым», но я избавлялся от этого только тогда, когда садился за лист бумаги.

Я слушал Карема, а неожиданно видел лестничную площадку «типового» дома и слышал несуразное в наше время слово «дуэль». И, главное мне представилось, что есть какая-то связь между безудержной мальчишеской отвагой, Дон Кихотом, уставившимся на тебя с рисунка, и непрерывным думанием и не останавливаемым поиском того, кто ты и зачем ты.

На листе бумаги появляются рыцари... Только чувство нашего времени и только пристальный взгляд на людей, которые окружают тебя сейчас, не дают затеряться в архивной пыли рыцарству, мушкетерству и перчатке, плавно опускающейся на пыльную ступеньку в подъезде.

Итак, он вырос... Семнадцать лет.

Игорь Соколов стал взрослым не только физически, но и взрослым нравственно, мыслящим парадоксально, но неизвестно, что способствовало этому. Книги, которые он тщательно выбирал и поэтому; возможно, не все он брал в руки из того, что читали его сверстники, но зато — Данте, Шекспир, Гёте... Может, поразительная работоспособность — за десять лет им сделано так много, что на его выставку не хватает малого зала... Или «Виктория» — фехтовальный клуб, где он с самого детства и где Карем Раш, тренер, президент и человек, которого, как я знаю, Игорь ценит и любит...

— Знаешь, почему я считаю, что Игорь взрослый? — говорит Карем. — С ним разговариваешь, не делая скидок на возраст. Он думает не просто о месте в жизни, а о конкретном месте — в живописи. Молодые художники так гонятся за тем, чтобы быть не похожими друг на друга, что становятся похожими. Большие художники, по-моему, не боялись быть «похожими», и мировая живопись шла одной, столбовой дорогой... Это из его дневника. Понимаешь?

По залу, не касаясь друг друга плечами, без шороха и разговоров, ходят люди. Какие-то смутные обрывки фраз долетают сквозь не успевшее еще удрать время: «Сколько ему? Тринадцать? Четырнадцать... Не может быть... Что станет с этим мальчиком?...»

Тогда я увидел впервые, что он рисует. По-моему, каждый, кто видит его работы, мгновенно хочет видеть его самого. Я специально сверил это ощущение: позвонил Сергею Сергеевичу Смирнову, писателю, лауреату Ленинской премии. Он первым «нашел» Игоря. «Да, было что-то подобное. Увидел в Новосибирске его работы и тут же кинулся искать...»

Это было уже несколько лет назад.

А что еще?..

Вечер в Академгородке, зима, метель началась к вечеру. Приглашен на бал в «Викторию». Маскарадные костюмы, по-

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

лумрак, гитары в руках ребят. С плечей Карема Раша ниспадает президентская мантия. «Игорь придет?» — спрашиваю его. Он пожимает плечами: «Боюсь, заболел...» Вдруг открывается дверь, клубы пара окутывают всех. Парень в шапке, уши опущены, снег на воротнике... Весь неуверенный... И дальше... Что врезалось в память? Его взгляд.

— Ты знаешь, — говорит Карем, — он прочитал одну книгу и теперь ходит и бормочет... Но я еще не видел ни одного рисунка...

В Москве стоял поздний вечер, в Новосибирске — глубокая ночь.

Было тихо, и шум улицы Горького сюда, в сквер, не залетал.

Интересно, подумал я, как долго еще будет помнить Игорь свою первую в жизни дуэль и сколько еще людей будут размышлять, почему так, а не иначе видит человек мир, в котором он живет?

07.09.1974

НЕПОДТВЕРДИВШЕЕСЯ ПИСЬМО

Первое впечатление: нагл.

— Дайте закурить, — просит он меня и разваливается в кресле гостиницы, расставив широко ноги.

— Все, что ты написал к нам в письме, — правда? — спрашиваю его строго.

Он пожимает плечами.

— Значит, ты глава банды из восьмидесяти человек, вас все боятся... ты едешь на мотоцикле «Ява»?

Он кивает головой и стряхивает пепел о краешек пепельницы.

Первое впечатление: курит совсем недавно, так недавно, что, наверно, ни один миллиграмм дыма не опускается ниже гортели.

— Далее. В парке, — я называю место в городе, известное здесь каждому, — ты собираешь свои «пятерки» и даешь указания, что и как делать. Правильно?

Он кивает головой.

— Вы ненавидите маменькиных сынков, трусов, подхалимов и вообще подонков и карьеристов.

— А вы разве нет? — спрашивает он.

Первое впечатление: совсем мальчишка, тоненькие руки, лохматый достаточно прилично, джинсы, цепочка на руке...

— Итак, значит, иногда вы берете мотоциклы, и сто - сто десять километров в час мчитесь по шоссе. Работники ГАИ вас боятся.

— Не все, но некоторые, — уточняет он.

Что еще? Пожалуйста. Однажды, проезжая с друзьями вот так, на все 110 прижимаясь к рулю и выжимая газ, он первым увидел огненную змейку, пронзившую налившиеся хлебные колосья. Он первым стащил с плеча кожаную куртку и бил ею колосья, пока огонь не был остановлен. Немного обгорел — руки, лежал в больнице. Но поступили они так не для славы и какого-то уважения.

Что еще? Решили конфисковать деньги у одного гражданина, которые тот добыл абсолютно нечестным путем. Дело провели ночью. Втроем. Всего втроем. Милиция до сих пор найти не может следов.

Я смотрю на его тоненькие руки и ладони, которые стали влажными. Сигарета дымится в пепельнице — он забыл про нее, и серый столбик пепла дойдет сейчас до фильтра.

Забыл? Испугался?

Первое впечатление: трус. Боится, что я сейчас сниму трубку, наберу «02» и сообщу: «У вас есть нераскрытое преступление? Передо мной сидит один из его участников. Приезжайте!»

— У нас есть клятва. Устав. Из-за друга можем рискнуть чем угодно. Любим угонять машины. Только частные...

— А деньги переводите в детдома?

Он смотрит внимательно, смеюсь я или — по-настоящему, подбирается в кресле:

— Иногда в детдома.

Первое впечатление... Ну ладно, хватит. Нет никакой банды в 80 человек, нераскрытых квартирных ограблений, угонов автомобилей — это выяснить было не так уж трудно в сведущих организациях. И пожара на хлебном осеннем поле тоже не было — и это проверить оказалось не трудно. И мотоцикла, на котором можно выжать 150 километров в час (что уж там мелочиться — 110...), — мотоцикла тоже нет. Ничего нет, абсолютно ничего. Факты, изложенные в письме, не подтвердились — так принято отчитываться о командировках по письмам, которые от начала до конца придуманы.

— А почему вы спросили про детдома? — он насторожился, и из глаз исчез тот наглый блеск, который наверняка шокирует его собеседника.

— Фильм видел. «Берегись автомобиля» называется...

Первое впечатление: мечты высокие. Поле, вдруг неизвестно откуда взявшееся в душном летнем городе, и огонь, коварный и безжалостный, и этот мальчишка пятнадцати с половиной лет, абсолютно городской.

Но горящие поля встречаются в нашей жизни не так уж часто, а в его жизни они не встретились. Конечно, можно утешать себя: всегда готов к тому, чтобы загасить огонь, спасти ребенка из полыньи, отбить нападение хулиганов на незнакомую девушку. Но жизнь, обыкновенная, в которой хулиганы могут не встретиться и мимо полыньи с тонущим ребенком ты не пойдешь, — такая, обыкновенная, все-таки чаще. И жить-то в ней — такой обыкновенной, без горящих полей и полыней.

Поймет ли это мой собеседник, который сидит напротив и думает, что он там, в той «красивой» жизни, которую высмотрел в кино, вычитал в книжках, подглядел на улице (парень в кожаной куртке на мотоцикле, девчонка вцепилась на заднем сиденье, ветер — красота, одним словом). Думает, что там, а на самом-то деле здесь, в своем городе, завтра в полдевятого в школу.

В школе очень удивились, что Колю разыскивает корреспондент. «Нормальный», «учится — четверки, мог бы лучше», «я не знаю, кто его друг, по-моему, у него их нет», «иногда уставится в потолок и ничего не слышит», «хотел вывести двойку по физкультуре. Очень слабый мальчик, абсолютно не приспособлен к жизни».

Это мне сказали в школе.

Дома я застал только его маму. Отца у него нет.

«Он у меня домашний. Я говорю ему, ну хоть ты ребят к себе приводи или в гости сходи, на день рождения...», «придет и, понимаете, ляжет на диван и может лежать, не вставая, слушать магнитофон... Сначала я думала — болеет. Сейчас привыкла...», «джинсы — это ему брат двоюродный достал. Он — моряк», «последнее время стал грубить... да кто из них в таком возрасте не грубит?», «мотоцикл? какой мотоцикл? да кто же на нем ездить будет? Я, что ли?»

Ниточка жизни его к моменту, когда мы с ним встретились в гостинице: один у матери, свободное время — дом, его маленькая комната; сверстники мужали в уличных «боях», образовывали свой круг общения, куда сам он прийти опоздал — здесь, во дворе, он не мог утвердить право на собственную личность; в школе можно было завоевать уважение учебой — не получилось, силой — какая уж там сила у домашнего мальчика, ни разу в жизни не игравшего даже в футбол; последнее время он окружал свою жизнь некой тайной, и ребята это заметили, но снова поздно — к концу девятого класса; оставалось последнее — статья в газете...

Это — предположение, гипотеза, и как всякая гипотеза, относящаяся к сфере человеческих отношений и самого человека, она может оказаться ложной.

Слово к тем взрослым, которым непонятно, для чего же было писать о таком странном мальчике.

Необычный мальчик, необыкновенный, нетипичный...

И все же.

Тем, которые в секции бокса, не воображают себя боксерами. Тем, кто сидит за «неположенными по возрасту» вузовскими учебниками, не нужно придумывать, что они знают физику.

Придумывают те, у кого вакуум активной жизни. Из вакуума можно выйти в горящее поле. А можно — за руль краденого автомобиля, на темную улицу с кастетом и так далее...

А этот-то куда? С ним-то что будет? Всю жизнь проживет он в такой вот, придуманной жизни? Забудет обо всем через год? Есть еще такой вариант, не вариант даже, а шанс, маленький, почти ничтожный. Станет мальчик каким-нибудь великим писателем, художником, и тогда все это оправдается... Но шанс потому и шанс, что он слишком ничтожен...

Есть такие ребята, и не так уж их мало, кто в шестнадцать лет хочет и может не только брать, жадно брать или не очень, но только брать, поглощать, потреблять. Впитывать все, как губка, все, что впитывается легко и без особого напряжения, мук. Музыка? Шесть часов в магнитофонном одиночестве. Книги? Как вода сквозь пальцы (даже лучшие страницы лучших), на мгновение, на миг — вся человеческая культура вянет в этом вакууме. Разговоры? Как пыль в беззвездном пространстве, ничего не создается и ничего не разрушается? И сам ты, будто пылинка в собственном вакууме. Жизни нет, деятельности... И больно за музыку и за книги.

Пассивные мальчики... В нашей, в реальной жизни пассивные.

Есть некая жизнь, придуманная абсолютно или наполовину, в которой они живут (пусть в мечтах) более или менее активно, но не могут себе найти применения в каждодневной жизни, достойное того, что они сами себе напридумывали, намечтали.

Что же делать с ними? Я представил, какие слова упреков можно бросить в лицо этим мальчикам, и, конечно, слова заслуженные. И их, наверное, скажут им их товарищи — комсомольцы, учителя. Но не спешите. Не выливайте на них всю энциклопедию педагогических приемов. Их мир — шире, чем у ребят из так называемой «подворотни». Мир этот шире, чем двор, и улица, и драка на танцплощадке, и бутылка дешевого вина вчетвером, из единственного стакана. Острее они чувствуют несправедливость, тоньше — боль, болезненнее — фальшь. Их можно

упрекнуть — чувствуют, но бездействуют. Ведь бороться с подонками можно не только в экстравагантных мечтах. Но это уже разговор иной..

— Вы будете о нас писать? — спрашивает меня мой собеседник, который к концу разговора сидит нормально в кресле, и взгляд у него совсем не наглый, обыкновенный.

— Нет, не буду. Не интересно.

Он ошарашен, удивлен.

— Не интересно, — повторяю я, — вот есть еще одно письмо, там, знаешь, компания — человек сто двадцать. И все на конях. И борются с теми, кто нарушает правила советской торговли. Иногда, правда, не чаще двух раз в неделю, спасают поезда от крушений.

— Вы шутите?

Да, как видишь, пошутил. Хотя, если честно, не до шуток.

05.04.1975

ДЕТИ И ДЕНЬГИ*

Сначала мы хотели написать репортаж, и только репортаж, чтобы вместить в него и жаркую узбекскую весну, и яркие здания нового Ташкента, цветы и деревья, и, конечно, щедрый восточный базар: дыни, гранаты, редиска, свежая зелень, лепешки разных сортов — цвета, как в калейдоскопе, когда наставляешь его на светящееся окно и радуешься многообразию жизни.

Да, мы видели детей за прилавками — с зеленью, лепешками, орехами. Но, может, как раз это и придает восточным базарам некий колорит, созданный будто специально для нас, людей, закованных в асфальт больших и малых городов, живущих под музыку автомобильных двигателей.

Ну и что — дети? Нормальные ребята, смуглые, белозубые, с ослепительными, улыбками. Не оружие, ведь продают — редиску, не габардиновый отрез из обворованного универмага приносят на базар — лепешки, которые испекла мама, не яблоки тащат из авосек ошарашенных домохозяек, а складывают в мамин кошелек копейки и рубли, заработанные, за продажу честного товара.

Опасно ли это? А если опасно, то для кого? Для общества? Для самих детей? Но, может, наоборот, — извините за «крамольное» суждение — не опасаться этого надо — приветствовать? Ведь говорим же мы: дети должны узнавать жизнь, которая не вмещается в школьные программы. Узнавать и готовиться к ней, то есть жить. А разве лучше, если парень дорастет до восемнадцати лет, и знать не знает, как этот рубль зарабатывается, и еще до двадцати будет просить у мамы денег — девушку в кино сводить?

Но давайте подождем с выводами. Давайте просто пройдем по Ташкенту. Увидим и подумаем.

Жилой массив Ак-Тепе. Здесь — не базар, здесь — газоны и скверик, а вдоль газонов, вытянувшись четкой линией, стоят кошелки с тем же, что и на базаре, товаром. А возле них — через одного — дети. Маленькие и почти взрослые — старшеклассники. Улыбаются, перебирают в руках зелень и лепешки, отсчитывают сдачу...

---

* Совместно с В. Нийзатовым.

Вместе с нами — лейтенант горотдела милиции Хасан Саламатов. Он — в форме, и это вдруг придало действию некую динамичность. Мундир лейтенанта заметили! Совсем маленькая девочка сгрэбла пучки зелени — и прочь, через газоны. Рослый парень схватил свою сумку — и на другую сторону улицы. Другой, маленький, бежит, ежесекундно оборачиваясь, и большие лепешки вываливаются из его узла...

Через несколько минут все встанет на свои места. Мы увидим из окна машины, как шагает девчонка по газонам — назад, на свое место, как снова переходит улицу рослый парень, как возвращается маленький с узлом, подбирая на ходу вывалившиеся лепешки. Убегают, хотя, мы и не хотели их останавливать, составлять акты, сообщать в школу. Убегают...

Стоп. Давайте, как в кино, на секунду остановим камеру и смастерим стоп-кадр «убегающий мальчик с лепешками». Кто обучил его быть таким ловким, суетливым и осторожным?.. Да, конечно, дети — цветы жизни. Но и — ее зеркало. И в нем-то отражается, к сожалению, не только звон пионерских горнов и отблески походных костров. Но и суета толкучек. Но и магия дефицита. Но и сытое довольство деляг и воротил.

Вглядитесь: какой взгляд у «убегающего мальчика» на нашем самодеятельном стоп-кадре.

Не страшно торговать на рынке... Страшнее — вечное суетливое бегство от большой жизни.

Министр просвещения Узбекской ССР С.Ш. Щермухамедов сказал нам, что дети не учатся хуже из-за того, что торгуют на рынках, — нет таких данных, и из школы не отсеиваются из-за того, что проводят половину дня, за прилавком, — статистика не подтверждает подобные факты. Но задумаемся: не может же такая «внешкольная» жизнь не отразиться на цели, которую избирает человек, только вступающий в жизнь, на человеческих ценностях, которые он для себя находит, на мировосприятии, на мировоззрении? Конечно, нет и не может быть статистических данных, которые бы подтверждали то, что человек, выросший на базаре, обязательно становится профессиональным делягой. Но ведь и спекулянты, и валютчики тоже были детьми, тоже ходили в школу. А если из жизни одно или несколько звеньев нашей системы нравственного воспитания почему-то выпали, то на их месте не пусто — новые «ценности».

А если пребывание на базаре ничуть не зазорно, а если для некоторых из ребят торговля является нормой поведения и общения?

Разумеется, главный виновник — обстоятельства. Задумайтесь...

Может, потому так спокойно относятся к детям на рынке, что, не будь их, пересохнет во рту во время жарких футбольных матчей, не купишь цветы любимой девушке, редиски — и той не будет на рынке...

Обстоятельства связывают абсолютно несвязуемые вещи, и вдруг рядом оказываются нерасторопность торговли и какой-нибудь мальчишка, тихо познающий «нравственную» силу туго набитого кошелька...

Будем понимать, обстоятельства, но давайте будем к ним суровы и требовательны.

Дети живут в большом и сложном мире, и истины, которые внушают им со школьной скамьи, иногда оказываются слабее тех, что наблюдают они невооруженным глазом. И человек может вырасти в совершенно определенный социальный тип, если с детства полнеба будет заслонено у него рублем.

Много ли таких ребят? По данным МВД республики в прошлом году за торговлю на базарах Узбекистана было задержано около трех тысяч подростков, 907 из них — в Ташкенте. Цифра эта складывается так: работники детской комнаты милиции проходят по базару, если видят ребят до 16 лет (постановлением рыночных комитетов торговать детям запрещено), задерживают. В детских комнатах беседуют с родителями и ребят отпускают; если же они торгуют самостоятельно без взрослых, направляют в детприемники. Но, согласитесь, не хватит сил у милиции проводить ежедневные рейды, да и «привод» в детскую комнату милиции, и беседы с родителями совершенно не означают, что на следующий день тот же самый задержанный парень не появится вновь на базаре.

Вот самый большой рынок Ташкента — Октябрьский. Полдень. Рейд. За руки приводят ребят — иногда с родителями, чаще — одних. «Почему вы здесь, ребята?» — «Мама попросила...», «Я не торговал. Я так стоял... «Часто прихожу... Здесь — с самого утра...»

В этот день в детские приемники было направлено пятнадцать детей.

Ровно через сутки мы снова на Октябрьском рынке. Вот мальчик лет двенадцати, разрезая толпу велосипедным звонком, везет переполненный прицеп горячих лепешек. Вот девочка с косичками стоит за прилавком перед грудой зелени сосредоточенно и серьезно как «большая»...

Лично мы насчитали в это утро девятнадцать ребят. И это только на одном Октябрьском рынке. Рынков в Ташкенте десятков...

Этих девятнадцать не задержали. В сводки они не войдут.

В местах массового отдыха Ташкента можно познакомиться еще с одной формой детской коммерции, которой занимаются совсем маленькие ребята — 10–12 лет. Если идешь с девушкой, дорогу вам обязательно преградит (а часто не один) мальчишка с букетом: «Купите девушке цветы...» — ласково скажет он и протянет букет тебе. В эту секунду ты не откажешься — он это знает точно.

И эти, с цветами, не войдут в милицейские сводки.

Стадион «Пахтакор» известен всем болельщикам страны. Но когда смотришь по телевизору спортивные встречи, транслируемые из столицы Узбекистана, многого не видишь. К примеру, подростков, оккупировавших подступы к стадиону. Каждый со своим товаром: простокваша со льдом, просто вода (обыкновенная, водопроводная), семечки, манты, всевозможные национальные сласти и даже — старые газеты (их продают за 2 копейки, чтобы постелить на скамейку). А вместе с финальным свистком судьи на стадионе появляются сотни юных ревнителей чистоты — собирать пустые бутылки.

Они тоже не вошли в сводки. Да, впрочем, причем здесь сводки?

Не так уж редко мечтаем мы ликвидировать беды наши и язвы административным рычагом.

Но идут-то дети в торговые ряды (открытые и «черные») не только потому, что толкают в спину родители («мама попросила...», помните?), они и сами не очень-то сопротивляются. А некоторые ташкентские ребята даже нанимаются за рубль-три таскать каким-нибудь взрослым горячий «товар» или просто торговать за определенный процент. Милиция может отвести их в детскую комнату, но где такая комната, где сменят точки отсчета человеческих ценностей? Нет такой комнаты. На человека, толь-

ко входящего в жизнь, воздействуют не только школьные Уроки и наставления родителей, но и каждый миг, и каждое событие, которому он свидетель, и каждое слово, услышанное им.

Большинство тех, кто торгует на ташкентских рынках, живут в старом городе. У большинства — большие семьи. У большинства — семейная традиция: и отец, когда был маленький, торговал, и дед, когда был маленький, торговал... Выходит, дети на рынках — чуть ли не традиция (и такое мы слышали).

— Такой традиции нет, — категорически заявил нам один из видных общественных деятелей и ученых республики академик Академии наук Узбекской ССР С. Х. Сираждинов, человек, выросший, получивший образование и ставший ученым здесь, в Узбекистане.

— Родители, которые посылают детей на базары, отстают от нашего двадцатого века. Если детей приучить к легкой наживе, то они и вырастут в вере, что это и есть настоящая жизнь...

Но если даже допустить, что в некоторых узбекских семьях осталась такая традиция, то неужели так слабы традиции, которые завоеваны нашим обществом, неужели у нас нет сил и умения для борьбы с тем, что не соответствует нашему образу жизни?

Вечером в ташкентском Дворце искусств шел фильм «Как украсть миллион». Мы стояли, наблюдая, как колышется очередь у касс, где давно уже висела табличка: «Билетов нет». Потом к нам подскочил мальчишка лет тринадцати: «Билет нужен?» Потом второй: «Какой вам ряд?» Потом третий... Мы не покупали билеты, мы просто стояли — долго, почти полчаса, наблюдая лишь за одним парнем лет шестнадцати, абсолютно современно одетым (куда уж там до него дилетантам с Октябрьского рынка). Он подскочил к одному, к третьему, к пятому... Потом подошел к нам: «Билет — рубль», сказал он нам спокойно...

— А сколько стоит в кассе?

Он быстро и ловко скрылся в толпе, современный мальчик, наследник старых традиций... (Да, это внове для Ташкента, раньше не было, но лишь в прошлом году в детской комнате милиции за перепродажу билетов было доставлено 157 подростков).

...И наступал вечер, и зажигались окна в домах, и заканчивалось наше путешествие по Ташкенту. У нас в блокнотах оставалось еще несколько диалогов.

Мальчик с лепешками, 11 лет, учится без троек:

— Скажи, зачем человеку деньги?

— Чтобы покупать...

— А что покупать?

— Все, что можно.

Парень, которого мы встретили возле кинотеатра. Зовут Бен (для газеты пишите — «Бен»):

— Если ты заработаешь десять «левых» рублей, что ты с ними сделаешь?

— Пойду в кафе с девчонкой.

— А сто «левых»?

— В ресторан «Узбекистан» — вместе с ребятами.

— А тысячу?

— Ну, с тысячью я буду вообще король... Вот так. Все просто?

07.06.1975 — был маленький, торговал... Выходит, дети на рынках — чуть ли не традиция (и такое мы слышали).

07.06.1975

ПОСТОРОННИЙ

Вот решетки на окнах, вот табуретка задвинута в дальний угол, вот стул прибит крепко-накрепко к полу. Вот мальчик сидит перед следователем.

Гена прилежно отвечает на вопросы следователя. Иногда теряется, иногда запинаясь, вертит пуговицу, шутит, чуть неуклюже, но, в общем, ведет себя достаточно спокойно.

Мечтал: «Приду домой в форме лейтенанта. Мама на шею кинется: «Геночка!...».

Мечтает: «Я бы сейчас к своему токарному станку. Две смены бы проработал — ни капельки бы не устал...»

Мечтал: «Приду, из армии — женюсь. Если бы я был в армии, девчонка бы обязательно ждала...»

Снится: «Понимаете, будто по канату перелез через стенку, а прямо под ногами — новенькая «Волга». И к ребятам, во двор...»

Это — мечты. Реальность — стул, прибитый к полу, и предстоящий суд. Реальность, как видите, жестока.

Хотел ли Гена, чтобы жизнь, его обернулась решетками на окнах? Нет, не хотел.

В сознании любого человека реальное соседствует с идеальным. Чем выше идеальное, тем чище представления о счастье, тем нравственнее оказывается жизнь. Как формировалось представление о счастье у Гены и его друзей — соучастников по уголовному преступлению? Какие нравственные принципы (вернее, отсутствие их) завели ребят в тупик?

Мы сидели на плотно сдвинутых лавочках в обычном московском дворе. Трое совершили преступление и были арестованы минувшим вечером. Ребята с его двора, с которыми мы сидели возле запорошенной снегом клумбы, об этом еще не знали. Я знал.

«Иногда играем в футбол — летом, конечно. Нет, в спортивных секциях никто специально не занимается...» «Вот еще однажды ходили в поход. Куда? Как куда? Просто в поход». «Что волнует? Летающие тарелки. Шутка»... «Помню, однажды был в театре — вместе с классом. В каком точно — не помню»... «Что запомню на всю жизнь? Ну вот как ходили в поход... Про это Сашка уже говорил...» «А что дома-то сидеть? Нет, одному — тоска»...

«О чем мечтаем? О чем... Ну, допустим — Серый, ты о чем? — Не знаю», — вот что осталось в блокноте после этой беседы.

Да, я уже знал, что трое из компании совершили преступление.

Вот что удивительно. Мы сидим в этой зарешеченной комнате, долго сидим — уже несколько раз заглядывала женщина в форме: «Не пора еще?», спокойненько, разговариваем, и кажется, из разговора с ним, что не преступление за Гениной спиной, а так, легкая прогулочка, и не заключение ждет его, а дружеский розыгрыш. Но не это даже удивительно, а то, как рассказывает Гена, о преступлении. Легко рассказывает, беззаботно. «Что-то мужик буркнул, ну и нам показалось... Понимаете?... Гуляем, идем, а он впереди... Ну, мы чуть выпили перед этим... Показалось нам, что грубо ответил. А мы же у него только сигарет попросили. Догнали. Вы бы не догнали, если б вам нахамили? Ну, мы догнали. Он перепугался. Я ощупал карманы — у него пачка «Беломора». Жмот! Разорвал пачку: половина ему — половина нам. А у него руки трясутся, и женщина, которая рядом с ним: «Мальчики, мальчики...». Тот мужик трус жуткий. Стал рыться в карманах и вдруг — вытаскивает десять рублей. Мы обалдели. Он думал, что мы решили его ограбить. А они вдруг всунули мне в руку эти деньги и побежали. Прямо по аллее. Если бы они не побежали, то ничего бы не случилось. Ну, а они побежали. Понимаете? Нет! Ну — как игра. Бегут — надо догонять. Сработал инстинкт погони.

Догнали. Ну а потом он стал кричать, еще женщина, которая с ним. Володька прижал его ножом. Легко, только чтобы он не кричал...» — рассказывает Гена, когда сидим мы в темной комнате, за окнами которой садится солнце и где-то, в каких-то далеких, как звезды, дворах играют на гитарах какие-то другие ребята...

Нет, но почему же все-таки осуждения и осмеяния, с его точки зрения, достоин не он, Гена, семнадцатилетний городской парень, ученик токаря, а тот прохожий, «трус и жмот». Почему же так уверен в этом Гена? Почему же не сомневается он, что я пойму его и посмеюсь вместе с ним?

— Генка — смелый. Если кто на улице пристанет, другой — испугается, убежит, отдаст двадцать копеек, Генка — никогда, — расскажет мне его лучший друг.

Это так, к слову.

Не было сильнее оскорбление для Гены, чем обвинение в трусости. Сильный он, а хотел стать еще сильнее, и что же — быть самым сильным и есть наивысшее счастье? Он научился не отдавать двадцать копеек «чужим» хулиганам на вечерних бульварах, но не гордиться этим не научился. Он научился презирать трусов, но понять человеческий страх (а вдруг, если не дашь мелочь, пустят в ход нож, а вдруг ты вступишь в драку и не убережешь женщину, которая с тобой) не может. Он научился что-то ощущать, но сопереживать — нет, увы, нет. И не просто тому человеку — на вечернем бульваре, который бежал, крепко схватив за руку женщину.

Гена про это, мне показалось, не знал. Гена этому не научился. Какие чужие поезда пронеслись мимо, какие книги. Прошли мимо люди, способные перевернуть представление о мире, который для Гены заключен был рамками его собственного двора и компании, с которой можно было посидеть на лавочке во дворе, выпить дешевого портвейна, звякая единственным стаканом. Прогремели в эфирах события, так и не задев единственного «нерва», делающего человека, человеком: нерва сопричастности ко всему, что происходит вокруг, ко всем, кто живет вокруг тебя.

Почему? Подумайте, почему.

Наше свидание закончено. Гена встает, спрашивает следователя: «К окну можно подойти?» «Подойди», — отвечают ему. Он смотрит за стекло. За стеклом — жизнь. Она, оказывается, такая сложная.

— А там ребята ходят, на гитарах играют, песни поют, — единственное, что говорит Гена перед тем, как его уводят.

Неужели только об этом жалеет он сегодня?

22.01.1977

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Литературная газета

Одно из старейших российских периодических изданий, первый номер увидел свет 1 января 1830 г. в Петербурге. Газета выходила 1 раз в 5 дней, редактором до ноября 1930 г. был А. Дельвиг, затем О. Сомов. «Литературная газета» была образована группой литераторов, объединившихся вокруг альманаха А. Дельвига «Северные цветы», при активном участии А. Пушкина и П. Вяземского. Несмотря на то, что разрешение на издание было получено при условии отказа от политических известий, газета затрагивала самые острые вопросы современности. В августе 1830 г. Дельвиг получил два выговора за публикацию материалов, связанных с французской революцией. Пушкин публиковал в «ЛГ» главу из «Путешествия в Арзрум» и «Арапа Петра Великого», отрывок из 8-й главы «Евгения Онегина», «Стансы», «Орион», другие стихи. Среди авторов — Н. Гоголь, П. Вяземский, Е. Баратынский, Ф. Глинка, А. Бестужев... С 30 июня 1931 года газета не выходила до 1840 года, когда преобразовалась в «Литературное приложение к «Русскому инвалиду» А. Краевского».

В советское время издание газеты было возобновлено 22 апреля 1929 года при активном участии Горького, сначала как органа Федерации объединений советских писателей, а после I Всесоюзного съезда советских писателей (1934 г.) — как орган правления СП СССР.

В 1947 году газета из чисто литературной становится общественно-политической. К Симонов в книге «Глазами человека моего поколения» вспоминает о том, как Сталин, пригласивший его вскоре после назначения на пост главного редактора газеты (Симонов руководил газетой в 1950—1953 гг.), заметил, что время требует выпуска газеты либерального толка — разумеется, под контролем партии.

С 1 января 1967 года по инициативе А. Чаковского выходит на 16 полосах — первая в стране «толстая» газета. Главными редакторами газеты были многие известные советские писатели — Погодин, Фадеев, Сурков, Кочетов, Лебедев-Кумач, но с именем Чаковского (редактор в 1962—89 гг.) связана слава «ЛГ» как наиболее яркого и смелого издания в стране, лидера интеллектуальной дискуссии и законодателя стандартов качества и этики. «Глотком свежего воздуха» называли ее публикации в период «застоя» 1970—80-х, действительно, несмотря на цензуру и отсутствие реальной свободы слова, в газете появлялись смелые расследования и аналитические материалы, ставились вопросы о будущем развитии общества, экономики, истории и культуры. Здесь публиковались знаменитые судебные очерки-расследования Аркадия Ваксберга и Евгения Богата, фотографии и тексты Юрия Роста, социальные расследования Анатолия Рубинова, блистательные сатирические миниатюры авторов «Клуба 12 стульев» под руководством Виктора Веселовского — Арканова, Горина, Задорнова, Инина, Измайлова, Шендеровича... В годы перестройки газета вместе с «Огоньком» и «Московскими новостями» составила триумvirат еженедельников — флагманов обновления. Здесь впервые было сказано о существовании организованной преступности в СССР, о клановой коррупции в республиках страны, о Катыни и расстреле рабочих в Новочеркасске, о системе доношительства и тотальной слежки, о неизвестных страницах истории Великой Отечественной войны и многом другом.

В 1990 году газета стала одним из первых независимых изданий, учрежденным коллективом в соответствии с новым Законом о печати. С логотипа исчез профиль Горького — он появился вновь в канун 75-летнего юбилея со дня возобновления газеты — в 2004 году. К этому времени сменился и состав редакции и авторов, и направленность газеты.

В 2001 году главным редактором газеты стал Юрий Поляков.

ПОЩАДА

О «детях риска» и риске эксперимента

1

Мне предоставили небольшую комнату: стол, несколько стульев, плакаты на стенах, которые придают любому помещению, даже с геранью на подоконнике, казенный вид. Но в конце концов здесь не чай распивают и не диски слушают.

Первым вошел Миша: улыбка до ушей, вежливое у порога «разрешите?», открытый взгляд, готовность тут же выложить свое «дело». Миша с приятелями-одноклассниками однажды пришел на кладбище и разбил, покорежил несколько памятников.

— Скажи, Миша, с чего вам вздумалось идти на кладбище?

— Отмечали мой день рождения, выпили, а потом кто-то сказал, что нужно ребят спасти, наших знакомых: их арестовали за то, что они разбили памятники. А если мы сейчас пойдём и то же самое сделаем, то в милиции подумают, что это не они, а другие.

— То есть вы хотели создать своим приятелям ложное алиби? Так это, по-моему, называется?

— Ага, — согласился Миша.

Миша, по его словам, не знал, что совершает преступление, и очень удивился, когда за ним явились работники милиции...

Вторым вошел Саша. У него неторопливая речь, взгляд равнодушный, мимо, в окно. Он, в отличие от Миши, понимал, что совершает преступление.

Говорит:

— Я ударил ее по лицу.

Он зашел в магазин, покрутился возле прилавка, зачем-то ткнул пальцем в рыбину, и тут продавщица сказала, что он, наверное, хочет украсть эту рыбину, и очередь на него зашумела, а он, не говоря ни слова, дал продавщице пощечину.

— Я не собирался красть, — говорит Саша. — Не верите?

Я ответил, что верю и дело совсем не в рыбе, а в ударе: как рука-то поднялась?

— Да я «бормотухи» выпил, — отвечает Саша.

Еще один вошел в комнату, зовут Игорь. Если и те двое были безусыми, то этот и подавно пацан — ему еще в «чижика» играть и мультики смотреть. Запинаясь, как у доски, он рассказал, как шли вчетвером по темной улице, увидели девчонку в дорогой меховой шапке...

— Сняли шапку, а дальше что было? — спрашиваю.

— Ну, побежали... — еле слышно отвечает он.

— Это-то ясно. Что с тобой на следующий день было, через неделю, через месяц? Тебе хотелось найти ту девчонку, извиниться, вернуть шапку? Все-таки зима, холодно.

Он отрицательно машет головой, потом, запинаясь, говорит:

— Б-боялся.

Но когда я спросил Игоря, явился ли этот страх — страх возмездия — самым сильным из пережитых в жизни, то оказалось, что нет: страшнее стало тогда, когда до суда его поместили в следственный изолятор (в тюрьму, как считает он) и такие его там встретили «пацаны», что вспомнить их — и то страшно.

— Не хочу в колонию, — по-детски вздохнул он в конце нашей беседы.

Потом в комнате сидел Юра, потом Олег, потом еще один Саша и еще один.

Преступления, за которые они были осуждены, не отличались ни дерзостью замысла, ни необычностью исполнения, ни хитростью сокрытия следов. Но именно такие, обычные и бесхитростные, и составляют сегодняшнюю картину подростковой преступности. Но давайте не будем перечислять причины, которые привели их к преступлению. Об этих причинах сказано и написано так много, что даже сам «трудный» подросток (тому я не раз бывал свидетелем) распишет вам подробно, почему повлияла на него улица, как отразились на его воспитании дрязги в семье и равнодушные учителя, кто не вовремя подтолкнул его к преступлению, а кто вовремя не остановил.

Давайте о другом — о закономерном финале преступления, то есть о наказании. А для этого предлагаю небольшой психологический эксперимент.

Представьте, что вам, читатель, предстоит сейчас определить наказание Мише, Саше, Игорю. У вас в руках Уголовный кодекс. За преступления, которые они совершили, можно и отправить в колонию на год, три, пять, а можно обойтись и без этого, то есть наказать, оставляя на свободе. И те, и те меры законом предусмотрены. Не будем спорить о сроке. Только одно: наказание должно быть мягким или жестким?

Миша в школе занимался в физическом кружке, мечтал поступить в «мореходку», по характеристике «добр и общителен». Саша работал на заводе, сдал разряд, ходил в секцию дзюдо, школу бросил, но мечтает доучиться в вечерней. Любит девочку, на которой мечтает жениться. Игорь учился на тройки, но, по мнению родителей, не без способностей. Увлекается техникой, помогает по дому. Да, у каждого есть мама, которая сейчас плачет, есть мечты, которые в вашей воле мгновенно оборвать: ни тебе мореходки, ни свадьбы с куклой на радиаторе машины.

Какое же вы наказание вынесете?

Усложним задачу: Миша разбил памятник на могиле близкого вам человека, Саша дал пощечину вашей жене, Игорь сорвал шапку с вашей дочери.

Какое чувство у вас пересилит? Куда их? В колонию? Или снова — в школу, на завод, в свой двор, в свою семью?

Как вы уже догадались, ребята, с которыми я разговаривал, — а происходило это в одном из общественных пунктов охраны порядка города Курска — оставлены на свободе: они получили отсрочку исполнения приговора.

Хорошо помню, какие споры разгорелись пять с половиной лет назад вокруг этого принципиально нового закона. Не даст ли он обратный воспитательный эффект? Справятся ли государственные и общественные организации, которым, согласно новому закону, поручался надзор за подростками, остановленными на пороге колонии? Помню разговоры с судьями и работниками инспекций по делам несовершеннолетних: одни готовы были немедленно предоставить отсрочку всем, другие, наоборот, сомневались в каждом подростке. Да и ясно было, как непросто провести в жизнь этот новый закон. Определяя подростку меру

наказания (допустим, три года лишения свободы), суд не только объявлял ему, что приговор отсрочен на полтора, скажем, года, но и налагал на него определенные обязанности, невыполнение которых грозило лишь одним: прекращением отсрочки. А как уследишь за подростком? Да и поймет ли он, что общество предоставило ему еще одну возможность исправиться, а не просто погладило по головке и отпустило из зала суда? А как воспримут это его сверстники, товарищи по школе и двору?

Хотя прошедшие пять лет полностью подтвердили эффективность новой юридической меры, единичные ошибки — дали отсрочку, а мальчишка взял да киоск ограбил — настораживали. Поэтому число подростков, получивших отсрочку исполнения приговора, варьируется в разных областях — от 15 до 25 процентов, то есть их не так много, как можно было предполагать пять лет назад.

В Курской же области половина (!) несовершеннолетних преступников, представших перед судом, остается на свободе. Подобное использование нового закона — уже эксперимент. Что за ним? Излишнее великодушие или тонкий расчет?

Услышав только эту цифру, нужно было бросать все дела и выписывать командировку в Курск. А для того, чтобы не ошибиться и не ввести в заблуждение читателей, редакция обратилась в Министерство внутренних дел СССР с просьбой направить с корреспондентом «Литературной газеты» своего ответственного работника. Вот так на десять дней мы оказались в Курске с человеком, которого я давно знаю и мнение которого, признаюсь, очень ценю.

Начальник инспекции по делам несовершеннолетних МВД СССР полковник милиции Геннадий Иосифович Фильченков отличается поразительной чуткостью ко всему новому (будь то неожиданный опыт районного инспектора или острая статья в газете), знанием стратегических направлений борьбы с подростковой преступностью и — очень ценным — доверием к личности подростка. Поэтому сейчас, опираясь и на его мнение, я могу написать: в области проводится удивительный эксперимент, который уже сегодня дал результат тоже в принципе, удивительный. Вот какой: в Курской области уровень преступности среди подростков стал в два раза меньше, чем в среднем по стране.

То есть пощада, доверие к подростку приводят к снижению преступности, а не наоборот. Добро все-таки сеет добро, а не разгильдяйство, разнузданность, неуважение к обществу, презрение к закону, как, к сожалению, кое-кто думает.

Хотя мое мнение, что жестокость поможет нам искоренить правонарушения, становится особенно единодушным, когда речь идет, увы, о самых юных. Что только не предлагают некоторые читатели. И «стричь» их поголовно, и «сечь», как в добрые старые времена, и «поджечь землю под ногами хулиганов». Помню письмо, в котором предлагалось выселить всех малолетних правонарушителей. Куда только? На Марс, что ли?

3

Из окна комнаты, где проходили мои встречи, я видел, как, беспечно переговариваясь между собой, подбрасывая на ходу попавший под ноги мячик, уходили несколько курских ребят, которые, если бы не было закона об отсрочке исполнения приговора, скорее всего отбывали бы сейчас свои сроки в колонии. Они шли, и можно было бы, вдруг вспомнив высокий стиль, сказать, что уходили они дальше в жизнь. Вот так беспечно болтая? Подбрасывая мячик? А где же раскаяние, потупленный взгляд, испуг? Но есть ли в них нужда? Не обманчивой ли — пусть не сегодня, а, так сказать, в перспективе — окажется подобная покорность судьбе?

Помню, однажды мы долго проговорили с умным воспитателем хорошей воспитательно-трудовой колонии. «Мне надо было, — рассказывал он, — отвезти воспитанника, которого досрочно освободили, в областной центр и посадить его на поезд. Времени до поезда оставалось много, у меня в голове были дела, и я оставил его на вокзальной скамейке: сиди и жди. Дела заняли больше времени, чем я предполагал, и на вокзал я вернулся только через три с половиной часа. Мой воспитанник сидел в той же позе, в которой я его оставил, на том же краешке скамейки, боясь пошевелинуться. Что за урок мы ему дали, подумал я тогда. А как ему жить завтра, когда над душой не будет стоять воспитатель, когда не надо будет ходить строем?»

Этот рассказ запал в память. Не раз находил я подтверждение его тревоги и уже не удивлялся, когда встречался с людьми, по второму, третьему, а то и пятому разу переступившими порог колонии.

Много замечательных педагогов работает в воспитательно-трудовых колониях, нормально там кормят и показывают фильмы, сажают за парты и учат специальности, заставляют быть послушным правилам общежития. Но перевоспитание в условиях изоляции неизменно приводит к тому, что подросток, научившись подчиняться и подчинять свои инстинкты под строгим присмотром старших, теряется, когда этот ежеминутный присмотр кончается, когда иные силы — уже не внешние, а внутренние — должны руководить его поступками. Слишком резок оказывается переход от ограниченных к неограниченным поступкам. Настолько резок, что немало воспитанников колоний выдерживают вот так, «на краешке скамейки», месяц, полгода, год, а потом срываются — кончается завод «пружины» — и, самое главное, срывают других, своих сверстников.

Ведь мы, взрослые, и они, юные, слишком по-разному воспринимаем человека, вернувшегося домой из колонии. Сколько бы ни грозили родители пальцем: «Попробуй свяжись», подросток, прошедший такую школу, притягателен для ребят во дворе не меньше, чем какой-нибудь знаменитый хоккеист. В нем интересно все: от татуировки и жаргонных словечек до историй, наполовину выдуманных, которыми он напичкан. Вот почему многие подростки, наказанные за преступление колонией, становятся, возвратившись домой (часто и сами того не желая), центрами криминогенными, как называют их юристы, вокруг которых бьется невидимая взрослому глазу жизнь. Поэтому первоначальный расчет инициаторов курского эксперимента как раз и заключался в том, чтобы подобных центров было как можно меньше.

Нет, не благодушные альтруисты в Курской области — расчетливые люди. Когда мы, как заклинание твердим (цитируя, быть может, не самую удачную поэтическую строчку) «добро должно быть с кулаками», то просто-напросто боимся: по-иному не поймут, не оценят. А боимся- то тогда, когда не оказывается в нашем распоряжении главного: способности убеждать и желания говорить.

Десятки организаций отвечают сегодня за «трудных» подростков, очень часто надеясь друг на друга. В Курской области почти всю ответственность за «подростковый климат» взяла на себя милиция.

Здесь ценят помощь и студентов-шефов, и рабочих-наставников, и педагогов-организаторов, и пенсионеров-общественников. Но считают, что отвечает-то за предупреждение правонарушений в первую очередь милиция. Чтобы успешно применять новый закон, нужно было научиться работать по-новому.

В Курской области не только считают колонию исключительной мерой наказания для подростка (как, впрочем, и сказано в законе), принципиально по-другому подходят к своим «трудным». Даже термин ввели: «дети риска». Именно в Курске появилась должность подросткового психиатра: замелькали в милицейских отчетах медицинские термины, и руководители двух ведомств — УВД и облздравотдела — разработали совместный документ, где говорится, кого надо воспитывать, а кого надо лечить.

Где-то в других местах инспектор по делам несовершеннолетних случайно забредал в суд. А здесь детские работники (как коллеги по службе в милиции иногда называют инспекторов по делам несовершеннолетних) обязательно выступают на заседаниях. Зачем? Да затем, чтобы лучше понять, что же за дерзким ответом подсудимого — характер, который можно исправить только в условиях изоляции, или обыкновенная подростковая дерзость, за которой скрывается страх показаться смешным, маленьким?

Наркологи, психологи, организаторы разных подростковых клубов, будто десант, «выбросились» на города области. Да и не только они. Приходим к начальнику райотдела милиции. Оказывается, он шефствует над подростком, получившим отсрочку. Рассказывает нам, какая семья у подростка-отсрочника, как трудно изменить в семье климат, как портят ребенка «левые» деньги родителей и так далее. Разговариваем с заместителем начальника областного отдела уголовного розыска, а тот — не о

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

преступниках, погонях, выстрелах, а — с азартом — о том, как удалось своих «рискованных» определить в мотоклуб.

Начальник управления внутренних дел, «самый подростковый» генерал, какого я только видел в жизни, Вячеслав Кириллович Панкин рассказал: пять с половиной лет назад, когда новый закон был только-только принят, ему приходилось еженедельно проводить селекторные совещания, где руководители милиции... должны были отчитываться, как прошла неделя у подопечного, что у него дома, как он в школе, какие новые приятели появились, нужно ли помочь устроить в мотоклуб или позвонить, чтобы «переростка» приняли в секцию.

Сейчас надобность в подобном контроле отпала.

Здесь поняли, что подобная сверхплановая работа окупается в будущем. Вычислили свою завтрашнюю выгоду сегодняшних «сверхнормативных затрат», поэтому-то и добились успеха. Здесь доказывают старую-престарую истину: подростки — это завтрашние взрослые. Вот почему сегодня так заботятся о «детях риска» — чтобы уменьшить этот риск завтра.

Добро все-таки сеет добро. По-моему, есть над чем задуматься.

10.11.1982

ПОСЛЕ ШТОРМА

Пять лет из жизни молодого человека

Где найти героя в мирное время? Чаще всего понятие «герой» мы связываем с понятием «труд». Ну разве еще с подвигом на берегу реки или у горящего дома.

Мне бы хотелось расширить привычную схему. И назвать героем человека не за особо упорный труд, не за спасение кого-то в воде или на пожаре, а — уж простите высокие слова — за нравственную стойкость и несгибаемость.

В вестибюле Одесского мореходного училища заграничания висит стенд, на котором значатся фамилии курсантов, закончивших учебу с отличием. Но фамилии одного отличника — Николая Розовайкина — в этом списке нет. Хотя в 1973 году он упрямо получил «пятерку» за «пятеркой» на выпускных экзаменах.

Как раз в то время в училище пропали деньги. Не в том смысле, что вор забрался, кошелек стащил, а в том, что просто испарились десятки тысяч рублей, заработанных курсантами в совхозе. Нету их нигде, этих тысяч, и до сих пор.

Как море в шторм, бурлило тогда училище. Группа преподавателей потребовала начать служебное расследование. Была создана специальная комиссия, которая работала, проверяла бумаги, шаг за шагом приближаясь к разгадке, кто же так бесстыдно поживился за счет курсантов. Но финансовые документы надо уметь читать и между строк. Комиссия не умела и запуталась. Тогда обратились в районную прокуратуру, которая возбудила уголовное дело — не против кого-либо конкретно, а, как говорят юристы, по факту правонарушения.

Училище ждало скорых результатов. Но они где-то застряли или кто-то их задержал. И тут в нескорое дело «взрослых» решили вмешаться «дети», то есть курсанты. К районному прокурору они пришли во главе с отличником Николаем Розовайкиным. Пришли просто высказать нетерпение, возмущение, поставить прямые «детские» вопросы: где деньги? кто их взял? почему медленно идет следствие?

Об этом визите мгновенно узнало руководство училища. И Николаю был задан интересный вопрос, который он часто бу-

дет потом вспоминать и с которого, собственно, начинается наша история. «Ну а тебе-то лично что надо? — спросили Розовайкина. — Ты же идешь на красный диплом!». И еще он запомнил взгляд, которым его смерили, — такой «взрослый» удивленный взгляд, как на диковинку, на экзотическое растение. Взгляд откровенно насмешливый: «Ишь ты!». В те же дни ему вручили красный диплом, пожали руку на прощание и выпустили в жизнь, то есть в море.

Плыви, юноша, попробуй шквального ветра, испытай штормовую качку, авось обточат тебя волны жизни и ты выйдешь на берег круглым, как камушек-голыш, без зазубрин юности.

Судовой механик Розовайкин был распределен на работу за границу, в далекую южную страну. Как говорится, ветер в его паруса дул только попутный. Вернулся домой уже опытным специалистом, получил хорошую должность, увидел блестящие перспективы. Тогда же решил учиться дальше и поступил на вечернее отделение Института инженеров морского флота. И все бы шло гладко, если бы не предложили ему вернуться в родную мореходку освобожденным комсоргом. Впрочем, кому же и предлагать такую работу, как не бывшим отличникам, уже хлебнувшим морской волны и доказавшим в деле свою надежность.

Итак, он вернулся в родной дом. И увидел, что в доме неблагополучно. Куда-то девались преподаватели, которые особенно волновались тогда из-за курсантских денег: один почему-то сменил специальность, второй совсем уехал из города, третий против воли ушел на пенсию... «Почему?» — громко спрашивал Николай, а ему отвечали шепотом: «Не надо об этом». Встретил своего бывшего однокурсника — оказалось, ищет работу. Рассказал, что написал тогда письмо в газету об этих деньгах, а письмо переслали в училище. И вот теперь всё: ни плавания, ни дальних стран. А уголовное дело, как говорят, тихо прикрыли.

К этому времени Николай уже успел хорошо проявить себя в роли комсорга. Новое поколение курсантов его признало и полюбило. Райком наградил Почетной грамотой. Областная газета написала о нем статью.

Но Николай решил повторить тот «детский» свой вопрос: куда все-таки девались курсантские деньги? И добавил новый: почему вообще происходит неразбериха с финансами? Почему

комсомольцам выписывают премии и тут же заставляют возвращать деньги на «общественные» нужды?

Некоторое время ему пытались отвечать «по-хорошему», мирно объясняли с улыбкой, что курсантам нужна вакцина для сапог, много ваксы, а в смету она не заложена. И на билеты в театр денег не дают. И одну-другую делегацию надо принять прилично. Да мало ли что? Однако по его расчетам выходило, что ваксой, билетами и минеральной водой можно просто завалить училище на такие огромные деньги. Куда-то они еще уплывают, думал он. И все искал течь в трюмах своей мореходки...

Вот тут руководство училища и догадалось окончательно, что этот парень будет «выступать». И что время смешков и намеков прошло. Не обкатали его морские волны, не сгладили углы и зазубрины, не научился он помалкивать, когда «надо», не усвоил правила их игры. За это его полагалось щелкнуть по носу.

Тут я позволю себе замедлить темп рассказа. И прояснить расстановку сил. На фотографии тех лет я видел Николая стоящим на трибуне комсомольского собрания. Он что-то говорил, подняв вверх руку. И тысяча курсантов внимала ему. Хорошая фотография. Впечатляющая для постороннего: вот лидер молодых моряков, их вожак. Но для своего руководства (или его части) он был как бы пылинкой на рукаве, которую можно смахнуть. Винтиком, который можно заменить новым. Мелочью, которая вдруг начинает путаться под ногами.

Механика щелчков по носу отработана давно. Немного уговоров, ухмылка, потом сразу насупленные брови — и крутые меры. Кто-то устно, но твердо (имя это до сих пор остается в тайне) приказал активу училища обсудить моральный облик Розовайкина за то, что тот развелся с женой, и примерно наказать его. Николая обсудили, но, выслушав его объяснения, наказывать не сочли возможным. Это был пробный шар, который прошел мимо цели. Тогда без ведома комсомольцев Розовайкин был освобожден от обязанностей секретаря комсомольской организации училища и — исключен из комсомола. За что? Ну конечно, за развод. Только за развод.

Вот тут уже серьезно столкнулись два взгляда на жизнь, две морали. Чистый порыв нашего героя — и многоопытная уверенность в том, что напуганный парень тихо уберется с дороги и проклянет день и час, когда осмелился «искать правду».

Я не называю по именам всех участников развернувшейся вскоре травли Розовайкина, потому что не могу определить степень участия каждого. Один ведь просто промолчал — и все! Разве он знал, что из этого выйдет? Другой просто позвонил кому-то по просьбе кого-то — и все! Третий, подписывая явно сомнительный документ, пожал плечами в удивлении: надо же, кому-то досадил парень, гореть ему теперь синим пламенем. Всего одна подпись — такой пустяк!

Может быть, они и не отдавали себе отчета в том, что фактически сцепились под руки с другими участниками «мертвой стенки», о которую предстояло расшибиться юноше, начинающему житье... Всего один звонок — пустяк... А стенка-то уже обрзовалась из молчков, звонков, вздохов и мелких бумажек. Такова была одна сторона.

А с другой — упрямый парень, который уже понимал, что не в игрушки играет. Знал, что такое руководители знаменитой мореходки для морского города, что самая маленькая просьба их по инстанциям звучит не как просьба, а как совет, рекомендация, почти приказ. Знал все это, но отказывался верить, что неправда так сильна и может победить.

Не два человека столкнулись — две морали.

Еще совсем недавно ему вручали грамоты и писали об этом в газете, еще только-только ему жали руку руководители комитетов комсомола района и области, еще недавно его ладную фигуру видели на пленумах и активах. И вдруг — все. Его исключили из партии и из комсомола. Он остался без работы — той работы с курсантами, которую успел полюбить и которой его лишили вопреки желанию комсомольцев.

Попросился снова в док: ведь он судовой механик, он специалист высокого класса! Ему предложили лишь одну должность — мастером... в деревообрабатывающий цех. Да еще обиделись, когда отказался.

Комсорг — с энергично поднятой рукой, в аккуратно выглаженной форменке, готовый всегда, по первому зову, поднять своих ребят, будь то митинг, будь то субботник, — в глазах работников обкома и райкома комсомола вдруг трансформировался в какого-то склочника, рвущего на груди тельняшку.

А такой уже был им не нужен.

Тут же после освобождения от занимаемой должности Николай стал не просить, а жаловаться. И жаловаться не устно — письменно. И не куда-нибудь — в Москву.

Пытаюсь представить себе изумление и досаду на лице того многоопытного человека, которому была доверена судьба его писем. «Этот мальчишка мутит воду», — думал он. Снимал трубку, чтобы выяснить, в чем там дело. А ему отвечали на том же языке, полуправдой, что, мол, «завелся» бывший курсант из-за каких-то неоприходованных денег.

Представляю, как снисходительно они отмахивались от «упорного дурачка» и тут же переходили на более приятные темы. А что с парнем делать? Да припугнуть его похлеще — это было ясно. Думали, он «умнее», с полуслова поймет свое место винтика, пылинки. Оказалось, слабоват щелчок.

Тогда в газете «Водный транспорт» появляются подряд два фельетона против «кляузника и клеветника» Розовайкина. Один из авторов даже в глаза не видел героя. Получил материал в Одессе и состряпал произведение, как говорится, не отходя от кассы.

Человек, которого я называю героем, даже бровью не повел. Ему было абсолютно ясно, что ошибка будет исправлена, только время понадобится.

Наконец первая поддержка была получена: бюро ЦК ВЛКСМ отменило как необоснованное исключение его из комсомола. Теперь-то восстановят на работе? Но в Одессе не торопились исправлять ошибку. И Николай поехал в Москву, чтобы еще раз — лично, устно, внятно — объяснить, что происходит.

Снова мое воображение рисует двух (других, заметьте!) или трех, четырех одесских собеседников. Понимаю, как беззащитно воображение перед лицом фактов, как хочется увидеть в газете набранные петитом фамилии, имена, должности этих таинственных «собеседников». Но что делать?! На телефонные звонки не поставишь исходящие номера, намек не скрепляется датой и подписью, «пожелания» не подшиваются в архивы. Знаю только, что были звонки, намеки и пожелания, уверен, что жили, живут и здравствуют эти собеседники не только в авторском воображении. Иначе так драматически не сложилась бы судьба Николая Розовайкина.

И вот снова один выясняет, кто такой Розовайкин, чего он, собственно, добивается, а другой, понаслышке, объясняет, что курсант «зарвался». И третий вносит предложение: «пощупать» его с помощью милиции: неужели за парнем ничего нельзя найти этакое, наказуемое? Если постараются, то найдут!

И дальше случилось вот что.

Николай Розовайкин был арестован в Москве, на квартире у родственников по телефонограмме из Одессы с просьбой срочно задержать опасного преступника и препроводить по месту жительства. На четвертый день его вывели из камеры и передали с рук на руки работникам одесской милиции — старшему лейтенанту и старшине.

Втроем вышли они из отделения, доехали до аэропорта, поднялись по трапу в самолет. Лететь до Одессы полтора часа: достаточно, чтобы познакомиться, разговориться, излить душу. Но все трое молчали. Только старшина сказал куда-то в пространство: «Ну что, будешь еще ездить жаловаться?». Николай пожал плечами. Он понимал, что эти двое прилетели за ним не по своей воле, а по служебному предписанию.

Его привезли, расписались где надо, и Николай предстал перед следователем Жовтневого райотдела милиции Капицей, молодым, но, как считало начальство, перспективным. Из тех, кто понимает все с лета.

Капица предъявил постановление о привлечении Розовайкина в качестве обвиняемого. Из него Николай неожиданно узнал и о том, что уголовное дело было, оказывается, возбуждено тогда, когда он находился не в Одессе, а в Москве, и о том, из-за чего же разгорелся такой сыр-бор, из-за чего была организована операция в стиле кинобоевиков: арест, ошарашенные глаза родственников, не подозревавших, какого рецидивиста приютили они под своим кровом.

Ставили ему в вину, говоря языком уголовного кодекса, во-первых, тунеядство, а во-вторых, дерзкое хулиганство. Хулиганство это было совершено (как свидетельствовал документ, который ему предстояло подписать) 1 июля в 10 часов утра во дворе дома, где Николай родился, вырос и жил. Оказывается, когда в то утро во двор пришла комиссия во главе с заместителем председателя Жовтневого райисполкома Лепинским, чтобы выяснить, правомерно или нет один из соседей расширил свой

балкон, якобы он, Николай Розовайкин, начал оскорблять членов комиссии, «выражаться нецензурной бранью». Мало этого, он будто бы заставил своего старшего брата Виктора накинуться с кулаками на Лепинского — на представителя власти! — и порвать ему подкладку на пиджаке.

Событие, обозначенное в документе, «произошло» 1 июля. Арестован был Николай 17 ноября. И к этому времени те, кто приказал начать следствие, точно знали, что Виктор, брат Николая, с детства парализован, он инвалид первой группы, человек абсолютно беспомощный и физически не способен — заставляй его или не заставляй — кинуться на кого-нибудь с кулаками!

Точно так же знали и то, что не «паразитический образ жизни» ведет Николай — учится на вечернем отделении института, что не на «нетрудовые доходы» он существует, а на деньги, заработанные честным трудом, не «тунеядствует», а добывается восстановления на работе, от которой необоснованно освобожден.

Но слишком много беспокойства он доставлял поисками справедливости, слишком много писал, слишком много говорил. И поэтому следователь Капица слушал обвиняемого холодно и спокойно твердил: «Давай подписывай!».

— Вы нарушаете закон! Вершите беззаконие! Я требую свидания с районным прокурором! — горячился Николай.

— Прокурор не хочет тебя видеть, — отвечал следователь.

Молодой и перспективный следователь Капица работал прилежно: вновь и вновь требовал признания вины, во что бы то ни стало пытаясь доказать, что Николай оскорблял, выражался и подстрекал своего парализованного брата. Сменившая его — по многочисленным протестам — следователь того же Жовтневого райотдела милиции Диброва продолжила дело коллеги, точно так же безуспешно пытаясь заставить Николая признать себя виновным.

Так продолжалось двадцать (!) месяцев, в течение которых ни в чем не повинный человек был изолирован от общества. Пока наконец суд Ильичевского района Одессы под председательством А.В. Чернушенко после шестидневного (!) рассмотрения уголовного дела по обвинению Николая в паразитическом образе жизни и злостном хулиганстве не пришел к выводу (цитируем приговор), что «вменяя Розовайкину Н.Л. в вину совершение злостного хулиганства, следственные органы не исследовали

вопрос, в связи с чем возник инцидент... Утверждение органов следствия о том, что Розовайкин Н.Л. подстрекал к совершению хулиганских действий своего брата Виктора... лишено убедительности». Точно так же он был оправдан и по необоснованному обвинению в «паразитическом образе жизни». Оправдан по всем статьям и освобожден из-под стражи в зале суда.

После освобождения Николай пришел в Черноморское морское пароходство, и ему, специалисту высокого класса, проработавшему после окончания училища за рубежом, нашли работу...

Вскоре Николая Розовайкина можно было встретить на территории Одесского порта. Какой-нибудь любознательный турист, вдруг сошедший с гранитных набережных в пыльные, скрипящие разными голосами, пропитанные терпкими запахами недра порта, мог бы, увидев ладного парня с матросской выправкой и метлой в руках, поразмышлять о превратностях судьбы: что ж, кому-то стоять на мостике, кому-то орудовать метлой, одним словом, жизнь — и так далее.

Но для своих этот парень был обыкновенным уборщиком причалов, и даже те, кто подозревал о чем-то необычном, вопросами не донимали: метет — и метет. Иногда, правда, его встречали бывшие однокурсники по мореходке и, наблюдая, как проходит его жизнь, и боясь обидеть рассказами о том, как проходит их жизнь, перекидывались ничего не значащими словами. Тем из них, кто пытался шутить: «Что, отличник? Таблицу умножения доучиваешь, чтобы правду найти?» — он отвечал жестко и коротко: «Правда — есть! Увидишь!».

И продолжал мести причалы.

Он захотел восстановиться на четвертом курсе института, где прервал обучение не по своей вине. Ему было отказано. «У нас нет, — сказали ему, — факультета для уборщиков причала».

Вряд ли нашелся человек в Одессе, который осмелился бы предсказать подобную судьбу члену Одесского областного комитета комсомола, секретарю комсомольской организации знаменитого мореходного училища заграничного плавания, выпускнику этого же училища, окончившему его с красным дипломом, студенту вечернего отделения Института инженеров морского флота, просто молодому человеку.

Жизнь — то же море (вспомним этот образ, раз уж мы в Одессе). Так же налетают волны, гремят шторма, наступает спокойное время штилей. И точно так же, как в жизни, кому-то первым принимать на себя удары шторма, подставлять себя под разные напасти и трудности.

Но не слишком ли большую волну, в самом-то деле, поднял этот парень? Из-за чего? Банк, что ли, ограбили? Человека убили? Взятку дали миллионную?

И чего он добился? Едет жаловаться — возвращают в Одессу под конвоем. Пишет пронзительные письма в прокуратуру — двадцать месяцев содержат под стражей. Радостный выходит из зала суда, а следователь в течение шести недель не отдает ему паспорт: «Зачем тебе устраиваться на работу, все равно посадим!». Добивается судебной реабилитации, а ему суют метлу в руки.

Вот так, в один абзац уместились испытания, которым подвергла Николая Розовайкина судьба, а они заняли пять — вдумайтесь! — пять лет его жизни: в 1977-м его исключили из ВЛКСМ, в конце 1981 года его еще можно было встретить на территории Одесского порта с метлой в руках. Пять самых прекрасных лет в жизни человека, с 23 до 28, когда уже наступает время зрелого выбора, но еще не закончилась пора романтических представлений юности.

Стоит ли любая наша житейская справедливость таких человеческих испытаний? Стоит ли после этого радостно вздыхать: «Да, есть правда!».

Эти риторические вопросы перед Николаем не стояли, потому что себя лично он не жалел и жалеть не хотел. Он думал о будущем, то есть о торжестве правды.

Да, он вызвал большую волну, и шторм едва не захлестнул его. Но он-то знал, что справедливость не делится на большую и маленькую: мол, за одну необходимо бороться, спасти ее, как спасают человека, гибнущего в море, а с другой можно обращаться по-свойски. И оказался прав, потому что так думал не он один.

Десятки людей встали на защиту Николая Розовайкина, сотни писем пришли в партийные, советские руководящие органы, в редакцию «Литературной газеты», в Прокуратуру СССР.

После вмешательства Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Одесский областной комитет Компартии Украины наложил строгие партийные взыскания на заместителя председателя Жовтневого райисполкома Лепинского и на начальника Жовтневого райотдела милиции Волобуева. Коллегия Прокуратуры СССР за необоснованный арест Николая Розовайкина отстранила от занимаемой должности прокурора Жовтневого района Шатохина и прокурора следственного управления областной прокуратуры Прокопишина. За волокиту и невнимательное отношение к жалобам Николая Розовайкина строгий выговор объявлен прокурору Одесской области Ясинскому. Как необоснованное было отменено решение о прекращении уголовного дела по хищениям курсантских денег в мореходном училище. Розовайкина восстановили в партии и в комсомоле.

Нашел наконец Николай свою и нашу правду.

Сейчас он вновь работает судовым механиком, его восстановили в институте, новая формулировка появилась в решении о прекращении против него уголовного дела: не «за недоказанностью», а «за отсутствием состава преступления».

Справедливость восторжествовала. Но почему же все-таки такой дорогой ценой? И кто стоял за спиной казнокрадов из училища? Кто водил рукой старательного и прилежного следователя Капицы? На эти вопросы еще предстоит получить ответы. Узнать, кто эти невидимки, рискнувшие ради собственной выгоды и ради так называемого «душевного спокойствия» пойти на клевету, фальсификацию, на нарушение законности. Не стараниями ли тех же сил до сих пор нет фамилии Николая Розовайкина на стенде среди других курсантов, закончивших училище с отличием? Невидимые миру силы и связи, надеемся, будут вскрыты органами следствия, республиканскими организациями. Те, кто организовывал преследование Николая Розовайкина, будут наконец-то названы поименно.

С помощью этих «связей» пытались повлиять и на редакцию: в течение полугода телефоны звонили не только в служебных кабинетах, но и дома у автора и у руководителей «Литгазеты». Нам старались доказать, что это мелкий, частный, не заслуживающий общественного внимания факт из жизни одного молодого, чересчур горячего человека, который совершенно случайно оказался в центре событий.

Но, видимо, это и есть главное свойство честного, порядочно-го человека — оказываться в центре событий.

Думаю, уверен, что те, кто преследовал Николая Розовайкина все эти годы, кто препятствовал торжеству справедливости, кто уже потом, когда справедливость все-таки восторжествовала, пытался доказать редакции, что «не стоит», «не следует», «не рекомендуется» делать из частного случая общественный урок, до глубины души обиделись, если бы их назвали непорядочными. Как? За что?

Свой покой и свой, установленный ими порядок они защищали для себя, для подтверждения своей всеильности, и в этом порядке они (уж извините за тавтологию) чувствовали себя в полном порядке. Недаром же, несмотря на строгое партийное взыскание, Волобуев — начальник другого, уже Приморского, райотдела милиции, а Шатохин как ни в чем не бывало работает в органах прокуратуры.

Николай Розовайкин был и остается для них странным, непонятным человеком, даже ненормальным. Кто же для них «нормален»? Да и какими хотят они видеть сегодняшних молодых? Циниками, не верящими ни во что, считающими, что для карьеры все средства хороши? Приспособленцами? Теми, что ли, кто до сих пор уверен, что, живи Розовайкин иначе, все было бы сейчас у него в «полном порядке»?

Такие молодые есть. Ведь следователь Капица — ровесник Николая (ровесник, для которого «дело Розовайкина», возможно, было одним из первых) — не мог не понимать, кто он, сидящий перед ним глаза в глаза, не мог не знать всей истины ложного обвинения.

Кажется, хотя бы для него, для ровесника, эта история должна стать серьезным, может быть, главным жизненным уроком.

Но, увы, Капицу не наказали и не понизили в должности. И даже выговора не объявили за следственную ошибку, хотя ошибка следователя сродни ошибке сапера. Только взрываешь не себя, а других.

Напротив, прилежность и старательность молодого и перспективного работника оценили: он был повышен в звании, его назначили начальником следственного отделения Жовтневого райотдела милиции. Капица вписался в местный «порядок».

И, значит, он-то полностью уверен, что не ошибался — в лучшем случае «заблуждался». Ошибся — Розовайкин.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Но мы-то хорошо знаем, что Николай Розовайкин победил.

Он победил именно потому, что без колебаний подставил свою судьбу под штормовой натиск. Он победил потому, что знал твердо: справедливость торжествует не только в кино, но в жизни, истина только тогда становится истиной, когда ее доказываешь, даже рискуя собственной судьбой.

За правду, наконец, нужно бороться в открытую, иначе мы потеряем ее во множестве допустимых отклонений, которые в сумме создают отклонения недопустимые.

Он стойко доказывал, что белое — это белое, а черное — черное, пугая окружающих пренебрежением к оттенкам, и только поэтому его правоту в конце концов признали. Он оказался сильнее обстоятельств, потому что не отступил перед обстоятельствами.

Вот поэтому так ценна нам сегодня проявленная Николаем Розовайкинским настойчивость. Она ценна нам всем, несмотря на то, что Николаю сегодня всего лишь двадцать девять лет.

А может быть, именно потому, что ему всего лишь двадцать девять и все у него впереди.

19.01.1983

НА КАЧЕЛЯХ

Случай, о котором приходится сегодня рассказывать, взбудоражил город. Под письмом, полученным газетой, стояло 222 подписи.

Стараюсь запомнить все и представить, что же тогда было перед глазами у ребят. Беседка. Стол доминошников. Узорная решетка детского сада. Гаражи, вплотную примыкающие к пятиэтажкам: один, второй, третий, пятый, одиннадцатый... — сбиваюсь со счета. Лужа возле асфальтовой дорожки. В ней — смятая пачка сигарет «Наша марка» и кукла без головы и рук. Наконец, качели. Те самые.

Думал, заскочу сюда, в западный поселок Таганрога, на Большую Бульварную, на пять минут, окину еще раз взглядом место события — и назад. Что рассматривать-то? Дома как дома, гаражи как гаражи, качели как качели. Но вот уже почти час, подняв повыше воротник куртки, брожу между домами, чувствуя на себе взгляды из окон. Меряю шагами двор, вспоминая, что рассказывал пятнадцатилетний Андрей («Бежали от угла соседнего дома, камень ударился здесь, возле качелей»), что было написано в уголовном деле («Свидетель Л. смотрел из окна третьего этажа, свидетельница Н. наблюдала с подоконника второго...»), — и чувствую: еще секунда, еще мгновение, еще шаг — и все пойму, все увижу, все станет объяснимым и ясным, как простая арифметическая формула.

Да неужели все так просто? Неужели и правда — обыкновенная арифметика?

События на Большой Бульварной начались с путаницы: четырнадцатилетнего Андрея приняли за десятилетнего Сашу.

На закате теплого субботнего дня 6 октября прошлого года примерно (как сейчас установлено) в 17 часов 30 минут шестиклассница Лена прибежала в слезах домой и рассказала маме, что ее согнал с качелей четвероклассник Саша. Мама Лены, Вера Егоровна Зенина, воспитывала дочь одна и всегда болезненно воспринимала все ее неприятности, даже такого не бог весть какого масштаба. И она, как была, в халате, сбежала по лестнице,

выскочила из подъезда и увидела, как мимо качелей бегут трое мальчишек. Схватив первое, что попало под руку — а под руку попался камень, — Вера Егоровна швырнула его в ребят. Камень угодил в ногу мальчишке, и тот остановился. «Ты за что избил мою дочь?!» — закричала Вера Егоровна и, подбежав, схватила мальчишку за плечи и начала трясти его, как какую-нибудь грушу. «Да это не он, мама!» — запрыгала вокруг нее Лена. Но Вера Егоровна или не слышала слов дочери, или в этот момент все обидчики девочки представлялись ей на одно лицо.

Мальчиком, которого «перепутали», оказался Андрей Макшаков. И хотя ростом он был невысок, сложением хрупок, а лицом — совсем ребенок (это, видимо, и ввело в заблуждение Веру Егоровну), ему уже шел пятнадцатый год, он закончил восемь классов и учился в техникуме. Не думаю, что таким уж сильным был бросок Веры Егоровны или велик камень, который попал в ногу Андрею. Дело не в этом. Окажись на его месте парнишка помладше, завопил бы он: «Мама!» — вырвался из рук тетки и убежал, забыв обо всем через минуту. Но Андрей уже был не в том возрасте, когда подзатыльник считают мелкой неприятностью. Кажется, что за разница — четыре года! Но это у нас, когда чем старше, тем больше у тебя обнаруживается ровесников. От десяти же до четырнадцати — пропасть: там — детство, здесь — отрочество. Объемнее делается мир вокруг, острее его восприятие, болезненнее любое проявление несправедливости.

Вот почему, когда Андрей (а он и два его приятеля, Толя и Сережа, оказались в этом дворе совершенно случайно: бежали откуда-то куда-то), — да, когда попал он в такую заваруху, то не завопил, как маленький, но и не сказал спокойно, как взрослый и ко всему привыкший: «Гражданочка, уберите руки, вы меня с кем-то спутали». Он начал вырываться и заговорил горячо, громко, с обидой: «Не трогал я вашу дочь!» А потом крикнул: «Что ты ко мне пристала!». Он, подросток, ей, взрослой женщине крикнул «ты».

Повторяю, была суббота, стоял теплый вечер южной осени. И потому свидетелей этой сцены оказалось много. На лавочках, на подоконниках, в открытых настезь гаражах. Наконец, в беседке, прямо возле качелей. Само по себе нападение Веры Егоровны на ребят, ей незнакомых, явно из чужих домов, не было особенным событием, наоборот — привычным. Кто же, как не

матери, вылетают во двор на защиту обиженных детей! И потому свидетели смотрели равнодушно. Встрепенулись, когда из уст сопляка, подростка услышали «ты», брошенное в лицо взрослому.

Мужчины мигом высыпали из беседки, и самый представительный из них и на вид солидный, Владимир Трофимович Опошнян, схватил Андрея за ухо. «Ты чего хамишь! Она тебе в матери годится!» — крутил он «по-отцовски» ухо Андрею. Андрей вырывался и говорил сердито, зло, что он никого не бил. Кругом закричали, что хулиганы вообще надоели, надо звать милицию. Кто-то толкнул Сергея, кто-то слегка ударил ногой пониже спины Толю. Андрей вдруг крикнул, указывая на Владимира Трофимовича: «Вы же пьяный! Вас самого надо в милицию!». Какой-то мужчина тут же вытащил из кармана удостоверение дружинника: «Вот сейчас и пойдем в милицию!». Но другие, наоборот, слова про милицию пропустили, зато возмутились другим. И загудели в ответ: «А ты ему не наливал!».

Андрей действительно не «наливал» ни Владимиру Трофимовичу, ни его товарищам по борьбе с «хулиганствующими» подростками. Как потом выяснилось, наливали другие. В этот день в доме 10/3 (двери подъездов — прямо к качелям) играли свадьбу, Владимир Трофимович как владелец единственной во дворе новенькой «Волги» организовывал свадебный кортеж, ну а потом ему налили. По-соседски.

Мальчишки стояли, окруженные толпой взрослых, можно сказать, с «матерями» и «отцами». Правда, с чужими. Между взрослыми вертелась шестиклассница Лена дергая за рукав то одного, то второго, доказывая с детской жаждой справедливости, что ее согнал не этот мальчик. Андрей что-то пытался еще объяснить, может быть, слишком нервно и громко.

И тогда Владимир Трофимович наотмашь ударил его по лицу. Сильно, так, что из носа потекла кровь.

Так в этой истории пролились первые капли крови...

Ребята вырвались наконец и побежали из этого чужого двора на улицу.

...Уже впоследствии, листая уголовное дело, я пытался найти в показаниях свидетелей — а их вон сколько было! — хотя бы одно слово в защиту Андрея и его товарищей. Кто-то ведь должен был сказать, уже одумавшись: «Да стоило ли так, товарищи!», спро-

силь у самих себя: с чего начался сыр-бор? Представить, наконец, себя, взрослого, в ситуации так называемой напраслины. Ну, что ближе... Хотя бы в магазине самообслуживания, когда тебя незаслуженно подозревают в краже пачки лаврового листа. Ну?..

Нет. «Вели себя вызывающе...», «грубили...», «огрызались...», «оскорбляли...». Даже те свидетели, кто за всем происшедшим наблюдал издали или «свысока», с третьего, пятого этажа, и то оказались единомышленными, распределяя роли. Подросткам — хулиганов. Взрослым, понятно, — если уж не потерпевших, не жертв, так защитников от «хулиганья». Слишком знакома подобная ситуация, слишком ожидаема, слишком легко ложится на сердце. Это как пьеса, по первым репликам которой становится тут же ясно, кто герой, а кто злодей...

И как часто житейский опыт, постепенно становящийся монолитом, мешает нам принять иной расклад событий...

Итак, куда же направился Андрей с двумя своими товарищами, потерпев сокрушительное поражение у качелей в чужом дворе? Думаю, будь они в самом деле десятилетними, побежали бы к мамам, подняли бы их в атаку от кухонь и телевизоров. Или — обиделись бы до слез, но забыли бы обиды с новыми впечатлениями утра.

Но в четырнадцать лет нарождается, проклевывается еще одно чувство, куда более высокое, чем обида, — чувство собственного, человеческого, гражданского достоинства. Не у каждого, конечно, в этом возрасте (в понятие «социальный инфантилизм» входит, наверное, кроме всего прочего, и неуважение к себе как личности, гражданину), но у многих, у большинства, я уверен.

Андрей и его товарищи это чувство в себе уже услышали, ощутили его горькую сладость и будто поняли, что зарастет обида, заживет разбитый нос, но такой шрамище может остаться на сердце надолго.

Вряд ли ребятам было знакомо слово, которым щеголяют юристы: «правосознание», но то, что они были уверены, что уже обладают правом на защиту своего достоинства, — в этом можно не сомневаться. Они пошли искать защиты в милицию.

Перешли широкую улицу. Там в двух шагах от их домов находился пункт охраны общественного порядка. Дернули

дверь — закрыто. Постучались — никто не отозвался. Заглянули в окна — темно и тихо.

Кто-то из ребят вспомнил, что рядом находится медвытрезвитель — тоже, кажется, «милиция». Нашли, где это. Открыли дверь. Увидели человека в милицейской форме с повязкой на рукаве: «Дежурный». Кажется, то, что надо.

По медвытрезвителю дежурил в тот вечер В.С. Тимченко. Потом, когда уже все случится, он вспомнит: да, примерно в 18.00 пришли подростки и один из них спросил: «Меня побил дяденька. Куда нам обратиться?». Тимченко объяснил, что здесь почти медицинское учреждение, на его попечении много разного народа, который в силу особенностей состояния нельзя оставить без присмотра. И — позвонил в отделение. Там сказали — или, как он говорит сегодня, послышалось, что сказали: посылай ребят к нам. Он и послал.

1-е отделение милиции, куда Тимченко направил ребят, находилось уже не возле их домов, а куда дальше, в нескольких остановках на автобусе. Дождались автобуса. Проехали. Нашли вывеску, уже светящуюся огнями: на город опустились сумерки.

По отделению дежурил в тот вечер капитан милиции И.Н. Комаров. И он тоже хорошо запомнил этот визит: «Один парнишка — у него рубашка была в крови — сказал, что его избил дяденька. Я спросил, знает ли он этого «дяденьку». Ответил, что знает только двор. Я сказал ребятам, чтобы они сходили за родителями и вместе с ними пришли в отделение».

Позже на вопрос, почему он даже не записал фамилии ребят, не зарегистрировал происшествие, Комаров объяснит, что ребята ему показались «еще маленькими, лет по 12». Потому и отослал их: подумаешь, взрослый «поучил пацана», врезал разок...

Андрей потом вспомнит, что дежурный сказал им на прощание: «А что же вы того «дяденьку» с собой не привели?». Это была, видимо, не самая удачная шутка капитана милиции.

Они снова оказались на улице. Автобуса ждать не стали — пошли пешком. Завернули за угол и увидели Сашу Проказина. Он стоял, облокотившись о подмостки сцены или эстрады, какие бывают в парках, будто давно ждал товарищей...

Я шел их маршрутом. Вот так же обогнул дом и увидел на пустыре между пятиэтажками эту сценическую площадку, остав-

шуюся здесь, видимо, от каких-то давних праздников, митингов, когда не было вокруг сплошной жилой застройки. Теперь дома окружали ее плотным кольцом и смотрели на нее своими окнами, будто молча ждали начала следующего спектакля...

Дождь пошел сильнее. Ветер был противный, зимний, и сцена, иссеченная нескончаемым дождем, показалась мне в этом дворе чем-то фантастическим, нереальным, нарочно придуманным. Как и вся эта история — хотелось добавить мне. Но мы уже почти подходим к ее финалу.

Ребята сразу и в лицах рассказали Саше про те полтора часа жизни, что они не виделись. Разговаривая, поднялись по лесенке на сцену (просто так), бродили по ней, стояли все вместе, о чем-то споря, будто и вправду играли пьесу перед окнами домов. И Саша Проказин сказал решительные слова: что именно надо делать. Делать прямо сейчас...

Но еще больше, чем об этой символической сцене, я думаю сейчас о другом: почему именно Саша, а не кто иной, попался им в ту минуту на дороге? Ведь ребята могли пройти мимо десятью минутами раньше, а Саша мог выйти из дома на полчаса позже... Почему случай играет такую роль в жизни?

Впрочем, Саша оказался именно там, где и должен быть. Такая выпала ему роль в мальчишеской компании. В свои четырнадцать лет он успел удивительно многое: завоевал разные спортивные призы — от футбола до стрельбы из электронного пистолета, закончил школу бального танца, имел удостоверение юного водителя, поступил, как и Андрей, в техникум, был душой и заводилой в подростковом клубе «Мечта» (вход в подвал, где клуб, — прямо напротив тех качелей).

Но к Саше ребят притягивало и другое: он всегда знает, что делать, всегда защищает слабого, не выносит несправедливости. Это качество его характера — да нет, какое там качество — состояние души подчеркнули все, с кем пришлось мне беседовать.

Мы грубо ошибаемся, полагая, что лидером среди подростков всегда становится самый сильный, или жестокий, или самый недобрый. Эта ленивая мысль держит нас в шорах. Раз подростки — значит, «трудные». Не хотим вспомнить себя. Не даем себе труда подумать, что большинство-то ребят — обыкновенные, хорошие, нормальные, никакого криминала за душой! Порядоч-

ность, обостренное чувство справедливости, правды — вот те «проходные баллы», что выдвигают среди них лидера.

Потому-то, думаю, — пусть даже так распорядился случай, — Саша Проказин оказался там, где ему положено было оказаться в силу душевного своего назначения.

Саша сказал Андрею: «Этот человек должен извиниться перед тобой».

Жизнь может круто изменить профессию, о которой мечтал в детстве, заставить забыть, чему учился, насмешливо отвернуться от прежних увлечений. Но чувство справедливости — самое невычисляемое и самое дефицитное, — если оно сильно проявляется в детстве и юности, остается с человеком на всю жизнь нелегким и высоким грузом за плечами. Я знаю таких людей: уже взрослые — иные уже поседевшие — вдруг скажут вольное детское слово в разгар осторожной беседы и поставят все на свои места или удивят в суете освежающим детским поступком.

Такие «детские» люди всегда берут все на себя, как громотводы.

Шел восьмой час вечера, когда Саша появился с ребятами в том дворе. Из окон дома № 10/3 слышны были музыка и крики «Горько!». Свадьба, начавшаяся утром, еще катилась. Ребята стояли и осматривались, у кого спросить. Увидели человека, нетвердо идущего по двору, «дядю Тураева», как позже выяснилось. «Он меня ногой саданул», — сказал Толя. Саша подошел к человеку: «За что вы этих ребят били?». «Дядя» оглядел компанию мутными глазами, увидел кровь на рубашке Андрея и сказал: «Не, этого я не трогал. Того, — указал он на Толку, — было дело. А этого Володька Опошнян избил». И показал на подъезд дома.

Ребята вошли в подъезд, позвонили наугад в шестую квартиру. Дорошенко, сосед Опошняна по подъезду, вспомнит потом: да, действительно, звонили. Открыла жена. Увидела ребят, отвела на всякий случай, что не знает, где живет Опошнян.

Поднялись еще на этаж, нажали кнопку десятой квартиры. Из-за двери спросили: «Чего нужно?». «Здесь живет дядя Вова?». За дверью помолчали немного, потом ответили: «Нету таких! Идите отсюда!».

Спустились вниз, на улицу. Встали возле подъезда. Спросили у женщин на скамейке, где можно найти «дядю Вову». Женщины поинтересовались — зачем. Объяснили: надо, чтобы он извинился. Женщины поохали, но квартиру не назвали. В это время подошла Л.М. Душаткина, руководитель клуба «Мечта», в совет которого входил Саша Проказин. Остановилась, потому что в толпе ребят заметила и своего сына. Они наперебой начали рассказывать ей, как и за что избили Андрея. Она посоветовала не горячиться, отложить разбирательство до утра. Ей показалось: ребята прислушались к ее доводам. Пошла дальше, но что-то — может, это и было предчувствие — остановило ее. Вернулась к подъезду. Там уже никого не нашла.

Ах, если бы поверила она своему предчувствию! Если бы нашелся хоть один взрослый — а вон сколько их было: кто встречал их в дверях своих квартир, кто провожал глазами на ступеньках лестницы, кто смотрел из окон домов, когда они что-то горячо обсуждали, — если бы хоть один-единственный догадался вместе с ребятами разобраться, что у них случилось, кто виноват, чем им помочь! Но никто, никто... Понимаете, никто!

Что же происходит-то с нами? Свое — видим, чужое — не замечаем. Горло готовы перегрызть за обиду, нанесенную собственному ребенку, обиды чужих детей пропускаем мимо своего сердца.

Ребята дошли до пятого этажа, позвонили. Открыла Вера Егоровна Зенина, та самая. «Уходите по-хорошему, а то сейчас милицию вызову!» — крикнула она. «Вызовите, пожалуйста, — сказал Саша, — мы и хотим разобраться...».

Но Вера Егоровна хлопнула дверь и уже из-за двери крикнула: «Идите в десятую квартиру, там и разбирайтесь».

Итак, у дверей десятой квартиры оказались трое ребят: Андрей, Саша и Володя Ершов. Остальным Саша велел спуститься вниз, чтобы не шумели тут, не базарили. Андрей нажал кнопку звонка.

Вот и подошли мы к последнему мгновению этой истории.

Неделю заняла у меня эта командировка. До меня — тоже неделю — находился в Таганроге эксперт «Литгазеты», опытный и авторитетный юрист Иван Матвеевич Минаев.

Вот сколько времени понадобилось, чтобы исследовать ход события, которое заняло всего ничего — часа два от начала до

конца. Но чем внимательнее прослеживали мы их маршрут — как они метались от одного взрослого к другому, — тем больше убеждались: а ведь похоже! Так бывает и у нас, взрослых, когда незаслуженная обида гонит на поиски справедливости, и мы стоим у закрытых дверей или ищем сочувствия в равнодушных глазах, и даже цель у нас та же: «Пусть хоть извинится...». Похоже, очень похоже! Только у ребят все происходит быстрее, скоротечнее, иногда — со стремительностью пламени бикфордова шнура. Все как у нас, взрослых. Только ярче, открытее. Да, конечно, узнаваемо. Только у них чаще трагичнее финал. Оттого, наверное, что слишком стремительно, и оттого, что ярче. И оттого, наконец, что они куда беззащитнее, чем мы.

Итак, Андрей нажал кнопку звонка. Зазвенели цепочки, загремели запоры. Дверь открыла женщина. «Можно позвать вашего мужа?» — спросил Андрей.

«Ну, входите», — сказала женщина и закрыла за ними дверь на цепочку. И через минуту раздался выстрел. Распахнулась дверь, и выбежал Андрей. Он был в носках, без туфель.

— Сашу убили, — прошептал Андрей. И тут же раздался второй выстрел.

Андрей опустил на ступеньку, заплакал, и у него носом пошла кровь.

При первом, через несколько часов, допросе Опошнян Владимир Трофимович, 1924 года рождения, уроженец села Опошня Полтавской области, показал:

— «...Через полтора-два часа (после конфликта во дворе. — Ю.Щ.) я собрался идти в гараж. В коридоре на лестнице встретилась эта Вера Зенина с дочерью и говорит, чтобы я не ходил, так как у меня дома целая шайка. Я повернул домой...

Потом в дверь позвонили и спросили меня. Жена сказала, что такой не проживает. Затем снова позвонили. Я сказал жене, чтобы она их впустила, а я загоню их в туалет или на балкон и вызову милицию. Зная о том, что они наверняка пришли не с пустыми руками, то есть с оружием, я взял ружье и приказал жене открыть дверь. Вошли трое. Я приказал им идти на балкон. Они не идут, тогда я приказал идти в ванную: там, думаю, они ничего не выкинут, если у них есть оружие. Они нагло идут на меня...».

Все сказанное было ложью.

Ребята вошли в квартиру, дверь за их спиной заперли. Они сняли обувь, как принято здесь, в носках вошли в большую комнату («залу», как скажет Андрей) и увидели направленную на них бельгийскую двустволку. «Ну что, достукались?!» — зловеще спросила жена хозяина. Саша Проказин развел руками (была у него такая привычка в любом разговоре), но успел только сказать: «Давайте разберемся...». И тут хозяин выстрелил. Саша как-то странно улыбнулся и упал. Смерть его наступила мгновенно.

— Я выстрелил в потолок, — показал далее Опошнян, — чтобы напугать их. Но двое, большой и самый маленький, бросились на меня. Большой толкнул меня на диван, и в это время я каким-то образом выстрелил, ни в кого не целясь, и попал в того, что в куртке. Тот упал, а большой стал душить меня на диване...

Вопрос следователя: «Каким по счету выстрелом вы убили Проказина?»

Ответ: «Первый выстрел я произвел в потолок, а второй во время схватки, когда они на меня накинулись. Я в Проказина не целился...».

И это была ложь. Саша был убит первым выстрелом, в упор. Затем Опошнян торопливо вынул из ствола стреляную гильзу и зарядил новую. Как на охоте. В потолок пришелся второй выстрел, и лишь потому, что Володя Ершов успел схватить за ствол ружье и повернуть его вверх.

Впоследствии Опошнян будет утверждать, что курок спустился, так сказать, самопроизвольно. Но и это будет ложью. Эксперты определяют: с курком было все в порядке.

Но не для того, чтобы отделить ложь от правды, вчитывался я в уголовное дело. А для того, чтобы разобраться: да почему же Владимир Трофимович вообще стал убийцей? В собственной квартире, устланной коврами и уставленной полированной мебелью (не то что пуля попадет — оцарапать жалко)? В присутствии жены и внучки? В ребят стрелял, которых все принимали за 10—12-летних? Ну если испугался, то не открывал бы, крикнул бы в окно, обзвонил бы милицию! Что же так специально, что же засаду-то устраивать, что же расстреливать-то?

Читаю его автобиографию в уголовном деле. Все обычно: жил, работал шофером. По характеристике с последнего места работы — автобазы филиала рыбзавода, — трудился вроде до-

стойно: и наставником молодежи был, и председателем цехкома избирался неоднократно, и на Доску почета заносился. В пьянстве замечен не был, и те, по его словам, 120 граммов, принятые на свадьбе, явились для него скорее исключением, чем правилом. В домино и то не играл с мужиками. Был хозяйственным, семейным, «домашним».

Правда, десять лет назад был осужден на исправработы за хищение цемента. И вот еще: слишком уж часто менял автомобили, пока не купил «Волгу». Но есть ли связь между тем мешком цемента и выстрелом, между тем, как вил и обставлял свое «гнездо», и убийством? Не знаю... По бумагам, анкетам, документам — не видно...

Что же все-таки заставило его спустить курок?

Когда мы с ним встретились в следственном изоляторе, и я впервые увидел его: высокого роста, но не грузный, лицом, несмотря на свои шестьдесят, румяный и моложавый, в движениях и разговоре спокоен, — и тогда я никак не мог ответить себе: что же за феномен-то такой передо мной? И хотя некоторые рассуждения Опошняна меня резанули: следы крови на рубашке Андрея он, допустим, приписывал не своему кулаку, а тому, что они, ребята, наверняка после этого еще «кошку убили (почему кошку? — Ю. Щ.) и специально себя кровью измазали», — но в общем говорил он складно. Сам, например, вспомнил старую газетную статью о владельце дачи, который застрелил мальчишку из-за черешни. Сказал при этом: «Вот какие бывают люди!». Свою историю сравнил со «случайным наездом на улице». Да, конечно, ему жалко, что так произошло, но не специально же он! Ведь, объяснял он мне, если бы хотел убить, то убил бы того нахального, в клетчатой рубашке, которому еще во дворе врезал по носу. Надо было, считает он сейчас, сделать по-другому: позвать соседей — есть там два здоровых парня, посадить их в ванной в засаду (он так и выразился — в «засаду») и захватить скопом всех, как он сказал, хулиганов. Вместо всякой стрельбы.

И в самом деле, зачем же было такому человеку идти на убийство? Да еще на такое? И даже стало жаль его, когда в конце нашей беседы на глазах его показались слезы: «Вот ведь получилось... Жил-жил, и такое перед старостью! Выйду оттуда — ведь совсем стариком буду».

И в последний день командировки я все бродил, подняв повыше воротник куртки, между пятиэтажками на Большой Бульварной: беседка, стол для доминошников, узорная решетка детского сада, гаражи, лужа, кукла без головы и рук, качели — те самые. И возле них я, кажется, понял, в чем дело. Понял?! Но неужели «причина» выглядит так просто? Как формула?

Вот что, мне кажется, опустило его палец на курок: ненависть, смешанная со страхом. А это самый взрывчатый сплав в мире. Не лично Сашу Проказина ненавидел В.Т. Опошнян и боялся — он и не знал его, в глаза не видел раньше... А хотя бы и знал!.. Достоинства детской, юношеской души — даже не потемки, а какие-то черные дыры для человека, что называется, «умудренного опытом». Слишком слабый след от собственной юности остается у него в памяти, да и тот, что остается, не бережет он, а часто и не хочет сберечь. Что Владимиру Трофимовичу было до понятий мальчишки о добре и зле и его собственном участии в вечном их противоборстве?! Точно так же не мог быть его личным врагом Андрей Макшаков, знакомство с которым состоялось на два часа раньше. Да больше того! Я выпытывал у Владимира Трофимовича: может, когда-нибудь раньше была у него стычка с подростками, напугавшая его и внушившая ненависть к самой этой возрастной группе населения? То есть, может, Саша Проказин расплатился жизнью за поступок каких-то своих ровесников? Да нет. Сколько ни вспоминал Владимир Трофимович, к нему лично никогда не подходили на улице подвыпившие юнцы, не требовали закурить, не смеялись в спину... Да и наблюдать-то подобные сцены ему не приходилось. И самое интересное (будто специально смоделирована ситуация), что район, где проживал Опошнян, — поразительно тихий. Среди множества подростков, населяющих микрорайон, за последние четыре года ни один — повторяю, ни один! — не совершил преступления, а все юные участники этой истории были на редкость благополучные (по воспитательно-юридической оценке) и порядочные (по общей, вневозрастной) ребята.

Кого же он боялся и ненавидел? В кого стрелял?

Может быть, в тот созданный его страхом и ненавистью образ, который в решающую секунду принял вид паренька с удивленно разведенными руками и с незаконченной фразой «Давайте разберемся...»?

Давайте, давайте разберемся! Давайте разбираться!

В последнее время меня до боли пугают та неприязнь в отношении подростков, открытое и агрессивное непонимание и даже страх, доходящий до ненависти, о которых пишут в редакцию некоторые читатели. Я знаю об этом из разговоров и споров в разных аудиториях и даже из некоторых газетных публикаций. Начинают с мелочей: не то поют, не то танцуют, не так одеваются, а кончают принципом: живут вообще «не так» (в подтексте: негодяи; смысл: что-то надо срочно делать...).

Я пишу судебные очерки, и мне приходится нередко изучать не проступки даже, а преступления несовершеннолетних. Я знаю, что такое слепая сила подростковой стаи. Я сидел — глаза в глаза — напротив маленьких убийц, говорил с ними. Видел и слышал в них такую душевную, духовную нищету, такое убожество интересов, такое пренебрежение к другому человеку, что потом долго не мог прийти в себя.

Но я понимал: эти-то подростки — преступники. И среда их развития была аномальна, и поступки, совершенные ими, не укладывались в общественную норму.

Да разве не такое же ощущение оставалось после бесед с такими же «аномальными» взрослыми? Несмотря на их возраст и жизненный опыт, точно так же ошарашивали и их духовная нищета, и их убожество интересов, и их пренебрежение к другому человеку.

Значит, дело-то вовсе не в возрасте. Есть разные подростки, и есть разные взрослые. Но не закидываем же мы камнями самих себя, когда именно на подростков проецируем все наши взрослые проблемы?

Случай, о котором приходится сегодня рассказывать, взбудоражил город. Под письмом, полученным газетой, стояло 222 подписи: наказать! Сделать частный случай фактом общественного размышления! Защитить ребят! Но в том же письме было сказано: кто-то собирает подписи в защиту убийцы, кто-то заявляет: «Так им и надо, хулиганам». Кто-то — даже сейчас! — говорит, что «и остальных надо было проучить». Не поверил бы, если бы сам здесь, в городе, в кабинете, не услышал — и ужаснулся тому, что услышал: «А пусть не ходят шайками!». Ну да, пусть ходят поодиночке (двое — уже «шайка»), с портфелями, и не торопясь, и только днем, и желательно, чтобы только по той улице, которая видна из окон отделения милиции...

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Вот он, слепой страх, переходящий в слепую злобу!

Мы — как на детских качелях: от неистовой любви к собственному чаду до ненависти к его ровесникам — и обратно. Давайте остановимся и сойдем на землю. Давайте взглянемся в ребят и увидим, как они правдивы и активны, как хотят докопаться до ответов на главные вопросы жизни, как жаждут уважения к себе и как доверчиво отвечают на малейшее к ним внимание...

Упрекая их всех скопом, и чаще всего незаслуженно, за какие-то мелочи, говоря, что они живут «не так», мы порой забываем одну-единственную малость: они — это мы. Только моложе.

За что отдал жизнь Саша Проказин? Странное словосочетание — «отдал жизнь» — по отношению к случайной жертве случайного преступления. Понятно, предотвратил бы ценой жизни крушение поезда — другое дело. А так?.. Но чем дальше я думаю о трагическом происшествии в Таганроге, тем больше убеждаюсь: да нет, все-таки отдал жизнь.

Перед глазами часто, даже когда не хочется — те подмостки сцены во дворе и паренек, застывший на ней. Минута, другая — и он сойдет по ступенькам и скажет с надеждой и верой: «Давайте разберемся...».

Запомним Сашу таким.

* * *

Приговором выездной сессии Ростовского областного суда, состоявшегося в Таганроге в середине мая, Опошнян В.Т. приговорен к десяти годам лишения свободы в колонии строгого режима.

Таганрог — Москва

05.06.1985

КОММЕНТАРИЙ К ПРОШЕНИЮ О ПОМИЛОВАНИИ

Однажды, просматривая утреннюю почту, на одном из конвертов я увидел знакомую фамилию. А над ней вместо обратного адреса с улицей, домом и квартирой — формулу из букв, цифр, черточек, тире.

О, да вот кто это написал: оттуда, куда никто не попадает по доброй воле.

Я вертел в руках конверт и пытался представить, во что был одет этот мой адресат, когда писал письмо, кто бросал на него, проходя мимо, взгляды, да и где он его писал: на тумбочке, как в армейской казарме?..

Но вот какое дело! Сколько я ни напрягал воображение, увидеть его там, в колонии, у меня не получалось. Мне даже сейчас было легче представить его на праздничной трибуне, за столом переговоров, в президиуме собрания. Стройная фигура, волевое лицо, жесткий взгляд. Помню, в свое время, когда передо мной лежали его фотографии — трибуна, переговоры, президиум, — я пытался передать словами этот его фотографический образ: кого он мне напоминал? Откуда взялось ощущение, что я уже когда-то видел этого человека? И понял, вернее, вспомнил. Именно такими представляли с экрана летчики и командиры авиационных полков в сладких фильмах нашего детства.

Ну ладно. Открыв конверт, я обнаружил в нем два письма, маленькое и большое. В маленьком было сказано:

«Уважаемый Щекочихин Ю., здравствуйте! Вас беспокоит бывший рыбак, ныне отбывающий наказание в колонии-поселении, Закурдаев Вячеслав Иванович. Прежде всего благодарен Вам за оценку моего прошлого труда. Мне многое, очень многое хотелось бы рассказать Вам, но Вы слишком далеко, а письма для этих целей не годятся. Прошло более шести лет моего заключения. За это время я прошел длинный путь и вот теперь в колонии-поселении. Работаю плотником-бетонщиком. Работа трудная, но работать надо. Рядом река, хоть и маленький, а все же флот. Несмотря на все пережитое, я не сломался, не пал духом, верю в наше общее дело и остался верен идеалам нашей партии, в которой состоял более 28 лет. Я обратился в Президи-

ум Верховного Совета РСФСР с ходатайством о помиловании. Посылаю Вам копию прошения и очень прошу, если сможете, помогите старому капитану. С уважением (дата, подпись)».

Второе письмо было копией прошения В.И. Закурдаева в Президиум Верховного Совета РСФСР о помиловании.

Что в нем было? Рассказ о собственной биографии, в чем-то типичной для представителя его поколения: и гибель отца на фронте, и раннее взросление — в четырнадцать лет уже матросом на Волге, и потом — работа, работа, работа. Матрос, штурман, капитан, начальник тралового флота, начальник Всесоюзного объединения. От северных морей до южных, от юнги — до председателя международных смешанных комиссий по рыболовству, от никому не известного сталинградского пацана — до депутата Верховного Совета СССР.

«В заключении тоже не потерялся, активно участвовал в общественной жизни, четыре года был председателем совета коллектива и зам. председателя совета коллектива учреждения. В сентябре 1985 года как твердо вставший на путь исправления был переведен в колонию-поселение. По итогам квартала начальником учреждения объявлена благодарность.

Убедительно прошу Президиум Верховного Совета РСФСР простить меня и помиловать. Заверяю, что никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушу советских законов и норм социалистического общежития, буду свято чтить государственные интересы. Осужденный В. Закурдаев».

Читая эти письма, я снова, как когда-то давно, испытывал противоречивые, мучительные чувства. Является ли судьба Закурдаева закономерным воплощением социальной справедливости? Или же, как в старой детской игре, ему просто выпал жребий, именно в него ткнули пальцем и радостно закричали: «Тебе водить!».

Точно такие же чувства испытывал я, когда собирал материалы, а потом писал судебный очерк «Подкуп» («ЛГ», 3 октября 1984 г.), в котором рассказывал о взлете и падении Закурдаева. С одной стороны его вина не вызывала сомнений, не могло идти речи ни о следственной небрежности, ни о судебной ошибке. Его уголовное дело было одним из многих в цепочке аналогичных дел, которые кто-то, скорее всего коллега-журналист, окрестил «делом «Океан». Тогда, на рубеже семидесятых и восьмидеся-

тых годов, на скамье подсудимых оказались ответственные работники Министерства рыбной промышленности СССР и темные личности без определенных занятий, именитые чиновные люди и безымянные дельцы, ворочающие средствами в десятки зарплат чиновных людей, заместитель министра и продавец с тремя классами образования.

Несмотря на полное отсутствие информации (а было в нашей недавней истории и такое), о «деле «Океан» знали и в рабочих курилках, и в литературных салонах. Много из того, о чем говорилось, не соответствовало действительности, было немало домыслов и слухов, но у всех тогда появилось одно общее ощущение: «Наконец-то...».

И дело было даже не в конкретных личностях, превращающихся из недоступных начальников в задержанных, подследственных, подсудимых, и даже не в суммах, которыми оценивалось их конфискованное имущество. Просто, как мне кажется, духота общественной жизни тех лет требовала разрядки, грома, молнии, озона. Открытые, чуть ли уже не становящиеся узаконенной нормой злоупотребления — экстренного хирургического вмешательства. И вмешательство — ожидаемое и желаемое всеми, кто хотел оздоровления общества, — началось.

Тогда-то и был задержан — в Москве, после очередного заседания очередной международной смешанной комиссии — Вячеслав Иванович Закурдаев.

Те, кто в то время попадал на скамью подсудимых, не вызвали общественного сочувствия. И не только за их вскрытый на следствии и в суде образ жизни и способы обогащения. За проворовавшимися руководителями разных рангов видели еще и провалы в экономике, и искусственный дефицит, и очереди в магазинах, и застой в общественной жизни.

Таковыми их видели, не глядя в лицо каждого в отдельности. Виноваты — надо платить.

Арест Закурдаева, суд над ним и — публикация очерка «Подкуп», в котором его история была предана огласке, пришлось по времени на разные периоды нашего общественного развития. Мы все дождались ветра перемен, и звонки «Кыш от Ивана Ивановича» стремительно терпели неудачу. Обо всем этом раньше не принято было говорить вслух, надо наказывать каждого, преступившего закон, несмотря на пост, должность, общественное

положение. К этим истинам постепенно начинали привыкать. «Сняли такого-то», «арестовали того-то», «следователи сидят там-то» — эти новости передавались из уст в уста, и за обилием новостей уже забывалось «дело «Океан». Никто не должен уйти от ответа, так, как жили раньше, жить больше не будем.

И потому, наверное, во многих читательских откликах я увидел негодующие ноты: что это вы вступаете за высокопоставленного преступника?! «Пишете: его считали неподкупным? Знаем мы таких неподкупных!», «Взял всего тысячу, две хрустальные вазы, пальто из кожзаменителя. Вы что, маленький?! Это то, что нашли!», «Жил скромно? Наверняка еще где-нибудь дача построена на имя тещи или на фамилию шурина!». И так далее, и так далее. Свидетельствую: все эти домыслы — неправда.

Дело Закурдаева вел Владимир Иванович Калининченко, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. Мы знакомы с ним давно, знаю, как он работает, знаю, он не только старается доказать, что человек виновен, но и с такой же тщательностью ищет все смягчающие обстоятельства виновного человека, и он разобрался: да, Закурдаев жил скромно, да, он не был стяжателем, да, он отличался от многих, ему подобных.

Но я и тогда отлично понимал, чем было вызвано недоверие читателей и почему в Закурдаеве не хотели видеть никого больше, кроме как обыкновенного матерого взяточника. Какие бы смягчающие обстоятельства не были у него, он должен был платить и за тех, кто взял больше, чем он, и за тех, кто еще продолжал и продолжает брать. То есть Закурдаев являлся представителем той социальной популяции, которая, по мнению многих, несла ответственность за все, что у нас происходило.

Та история уже забылась, больше не вспоминают о знаменитом в свое время «океанском» деле, другие уголовные дела стали и становятся предметом разговоров, и кажется, что к прошлому нет возврата: борьба за порядок во всех сферах нашей жизни превратилась из благих пожеланий в государственную политику.

Но, анализируя сегодняшнюю почту, вдруг обнаруживаем: сколько бы уголовных дел не возбуждалось, сколько бы руководителей различных рангов — будь то начальник цеха или до-

моуправ, руководитель главка или министр — не отправлялось на скамью подсудимых, какие бы переговоры не звучали в зале суда, кому-то из наших читателей все равно мало. То и дело читаешь «сняли с работы, а надо было посадить», «дали восемь, а надо было бы пятнадцать», «дали пятнадцать, а надо было бы к стенке».

Можно было бы радоваться, что таким непримиримым стало отношение общества к любым отступлениям от норм жизни. Но что-то не до радости. Слишком уж многим только в прокуроре, только в милиционере видится разрешение всех проблем. Будто речь идет о поле, усеянном сорняками: все вырвем, тогда и заживем.

Но разве все так просто? Ведь и так бывает! Не успевает утихнуть общественное возбуждение вокруг ареста, суда и приговора одному руководителю, как и его преемник уже оказался в тюремной камере. Так что людей-то можно менять и менять: с треском, грохотом, шумными судебными процессами, а толку-то окажется на ерунду, на копейку.

Опасная штука — кампания, даже нацеленная на всеобщее благо. Жажда кампании — еще опаснее. Когда я читаю или слышу: ату их, ату! — то больше всего боюсь тех, кто громче всех кричит «ату!»...

С ними-то, с теми, кто кричит и жаждет крови, ничего такого не происходит?

Не так давно мне позвонил заместитель директора одного московского таксопарка и попросил встретиться. «У нас в парке, — начал заместитель директора при встрече, — арестовано и осуждено много руководителей за различные злоупотребления. Я пока здесь перед вами... Сколько копались в моей биографии — ничего подсудного не нашли. Я чист!» — «Не сомневаюсь, но и не понимаю, зачем вы мне это говорите». — «А вот для чего». И заместитель директора, немолодой, усталый человек с несколькими орденскими планками на пиджаке, с горечью рассказал, что сейчас трудно стало работать, бороться за дисциплину. «Ловим водителя на нарушении, объявляем выговор, хотим лишить премии, а он тут же, во всеуслышание: начальник хотел, чтобы я ему на лапу положил, вот почему и выговор клеит!.. Хотим одну бездельницу уволить — не можем. Кричит на всех углах: он, то есть я, хотел с меня взятку взять, я отказалась, те-

перь ко мне и придирается... Приходят комиссии, следователи. Что делать, товарищ журналист?»

Как мне ответить заместителю директора? Что сказать? Что социальная демагогия — это тоже плата за стиль жизни ранее проворовавшихся коллег?

Сказать, конечно, можно, но страшно то, что те, кто кричит «ату», находят своих благодарных слушателей. Не могу забыть, как молодой следователь делился со мной своей мечтой выйти, как он выразился, на какого-нибудь «kozyрного». Его не интересовало просто преступление, он равнодушно отлынивал от «мелочевки»: подумаешь, у кого-то квартиру обокрали! Ну и что? Дело пустяк, а общественный резонанс — «на нуле» (снова цитирую). Вот если бы схватить за руку какого-нибудь начальника, и чем выше — тем лучше. Сначала я посмеялся над его глупой одержимостью, а потом понял, что смеяться-то не стоит... А не пойдет ли он на натяжки и фальсификацию для того, чтобы потрафить потребности в жертвоприношении? Мало ли в нашей почте писем о судебных ошибках? Запустить-то сегодня следственно-судебную машину легко, часто одного письма хватает, остановить ее — отчаянно трудно.

Сегодня, когда анализируешь судебную практику последнего времени и почту, которую в связи с этими процессами получает редакция, иногда только создается впечатление, что не только районы и города, но и целые республики соревнуются в том, сколько бывших руководителей окажется на скамье подсудимых. Да, многие за дело, но некоторые-то за компанию! Взять ту же Молдавию, где арестованы и осуждены многие председатели колхозов, чья вина заключалась лишь в том, что они исправно исполняли директивные указания вышестоящих органов.

У Жоржа Сименона есть повесть «Желтый пес». Мегрэ, приехав в маленький провинциальный городок, становится свидетелем целой серии преступлений. Они происходят одно за другим, городок в панике, Мегрэ ничего не предпринимает, отцы города беспокоены, и наконец мэр кричит знаменитому сыщику: «Да арестуйте же кого-нибудь!» Арестуйте — чтобы общественное мнение успокоилось, чтобы не имело оно претензий к отцам города.

Вот что приходит сейчас на память.

Не слишком ли легко: только арестом скомпрометировавших себя «начальников станций» мы хотим заплатить сегодня

ня за прошлые «нескончаемые аплодисменты, переходящие в овации», за бесконтрольность одних и открытое стяжательство других, за администрирование в экономике вместо компетентного руководства ею, за порожденный этим администрированием обман и приписки, за непробиваемые стены, которые выстраивали на пути тех, кто мечтал о правде и отстаивал правду.

Речь не о том, что кто-то нарушает закон по нечаянности, а иногда — и по производственной необходимости. И даже не о том, к каким непоправимым сдвигам в общественном сознании может привести «арест во благо». Говорю о понимании. О ясном представлении, что из чего берется, из какой почвы растет.

Уповая на силу закона, не забудем ли мы, что закон — лишь один из рычагов общественного регулирования. «Один из»? А что же тогда делать с честным бюрократом? С неуступающимся дураком? С «не злоупотребляющим служебным положением» бездельником? С тем самым слоем «средних руководителей», не желающих никаких перемен, потому что они, перемены, угрожают их спокойствию, их благополучию?

Читая нашу почту, ежедневно сталкиваешься с примерами, как искусно кое-кто из них приспособил букву закона и «актуальные указания» о перестройке для оправдания своей бездеятельности, как умело баррикадируют они старыми инструкциями живое дело, с какой настойчивостью затягивают разрешение простого житейского конфликта. Читаешь письма и невольно думаешь: вот бы прокурора сюда, вот бы на скамью подсудимых за хамство, волокиту, презрение к нижестоящему по служебной лестнице человеку... Да только будет ли толк от прокурора? Он скажет: «Все в порядке, закон не нарушен». И разве, снова подчеркну, в одном прокуроре суть?

Мне рассказывали, как совсем недавно какой-то делец обратился к архитектору с необычной просьбой: спроектировать ему особняк так, чтобы с дороги он выглядел как одноэтажная избушка, а на самом деле в нем было бы три этажа. Тоже своего рода «перестройка», учет ветров времени, умение приспособливаться к общественному мнению. Не так ли многие сегодня скромным фасадом прикрывают старые, отжившие взгляды? Но если делец маскирует свое богатство, то какой-нибудь чиновник — духовную убогость и профессиональную несостоятельность.

И мало утешения, что серый цвет все-таки светлее черного. Все равно — одна гамма.

Да, хочется жить по-новому. И не когда-нибудь, а завтра, утром, через минуту. А кто может помочь в этом? Кто пооперативней? Оперативники?

Да, я хорошо помню собственное ощущение бессилия, когда, пытаюсь помочь человеку, ставшему жертвой за свою честную, принципиальную позицию, наткнулся на непробиваемую стену из отписок, равнодушного молчания, невидимых телефонно-банальных связей. Ах, думал я, как хорошо было бы, если бы к их парадным подъездам подъехал «воронок» и в их кабинеты мимо удивленных секретарш прошли двое в форме или пятеро в штатском. Ведь за боль и унижение надо отвечать болью и унижением, за преследование — преследованием!

Пускай ответят не липовыми выговорами, по-настоящему — по правде! — за сломленную судьбу комсорга одесской мореходки Николая Розовайкина («ЛГ», 19 января 1983 г.), и за митарства бакинского замполита Намеда Алиева («ЛГ», 2 апреля 1986 г.), и за бессонные тюремные ночи узбекского педагога Дильмуратова («ЛГ», 18 сентября 1985 г.)!

Вот так представлялось мне в минуты, казалось, справедливого гнева торжество справедливости.

Но все больше и больше я понимаю, что дело вовсе не в конкретной личности, которая занимает конкретное кресло. Сама должность, кабинет, кресло должны быть под постоянным общественным контролем, открыты для критики, подвержены общественному взгляду, немыслимы без гласности. Вот она, гарантия!

Гарантия — в демократических преобразованиях нашего общества, в перестройке управления экономикой, а не в молохе репрессий, который перемелет — что за наивная надежда! — всех взяточников, казнокрадов и расхитителей. Гарантия — в невозможности жить по законам корпоративной морали, при которой должность и занимаемый пост сами по себе являются индульгенцией за безнравственные поступки, и негласной надбавкой к зарплате в виде благ и преимуществ, недоступных простому смертному, а не в том, что того или другого руководителя лишат индульгенций и надбавок. Гарантия, наконец, в создании такой общественной атмосферы, при которой донос считался бы самым позорным из человеческих пороков.

Одна фраза Вячеслава Ивановича Закурдаева очень долго не давала мне покоя. Как-то в разговоре со следователем В.И. Калининченко, он сказал: «Эх, Владимир Иванович, сказали бы мне раньше, что то, что я сделал, делать было нельзя». Если кто-то говорит, что не знал, что нельзя, допустим, грабить прохожего на вечерней улице — ему и то не верят. А это-то кто говорит? Солидный человек, большой руководитель, без пяти минут доктор наук, орденносец, депутат!..

Но чем дольше я думал над этой фразой, тем больше убеждался: нет, не все просто в этом «сказали бы мне раньше». Не о том, что взятка — преступление, сказали бы. Это-то он и без следователя знал. О другом.

О том, что многие руководители жили по «законам», принятым в их келейном кругу (больше допусков, ниже нравственная планка — сколько мы знаем подобных примеров из совсем недавнего прошлого). О том, что для таких, как они, формировалась особая, «корпоративная мораль».

О том, наконец, не сказали, что мнение «снизу» не менее важно, чем директивные указания сверху, хотя бы потому, что без открытого, во весь голос обсуждения судьбы страны, уважения к мнению каждого человека, независимо от должностей и постов, любое решение сверху может превратиться в пустую бумажку для узкого круга.

Ему не сказали, потому что тогда говорить это было не принято. Он не услышал, потому что слушать приучен не был.

И последнее. Нет сомнений в вине В.И. Закурдаева. Но тем не менее я прошу учесть и мой голос при рассмотрении Президиумом Верховного Совета РСФСР его ходатайства о помиловании. Что касается Закурдаева, то он, мне кажется, за свои ошибки уже заплатил.

16.07.1986

ОДНАЖДЫ НА ТИХОЙ УЛИЦЕ

Вечером 2 октября 1982 года к воротам дома № 12-а по тихой Кавалерийской улице Днепропетровска подкатил милицейский «уазик». Хозяин дома Анатолий Степанович Калалб удивленно спросил: «Что стряслось?» — но его легонько подтолкнули к дверце машины: «Иди-иди... Через полчаса вернешься домой».

Домой в тот вечер он так и не вернулся.

Вот так три года назад я начал статью об этом происшествии. Рукопись я нашел в нижнем ящике стола, на самом дне, в грудке незаконченных заметок, писем и документов. Бумага, на которой была написана статья, за эти годы стала желтой и твердой. Да и сам случай уже представлялся лишь устарелым фактом из прошлой жизни: мало ли что случилось тогда, в 1982 году?

Много раз я собирался расчистить архивы, выкинуть все, что пора забыть, и даже то, что забыть хотелось. К счастью, не выкинул, не успел.

Осторожнее с архивами из недавнего прошлого! Еще не время! Прошлое упорно стучится в наши двери, тень, которую оно отбрасывает, достает нас сегодняшних, не оставляет в покое, притягивает к себе, как магнит: а ну, куда это вы разбежались?!

Вот и письмо, пришедшее из Днепропетровска в начале нынешнего января, неожиданно заставило вернуться к истории, которую я посчитал архивной. К тому году, к тому октябрю.

«Уазик» довез Анатолия Степановича Калалба до милиции — Кировского районного отдела внутренних дел. В комнате, куда его ввели, сидели шестеро, кто в форме, кто в штатском, и, как ему показалось, смотрели на него с любопытством, как на интересного и давно ожидаемого собеседника. «Мужики, что стряслось-то? — снова спросил Анатолий Степанович. — Что за паника?..»

И ему начали объяснять. Сначала спокойно и даже ласково: один рецидивист указал, что именно в дом 12-а по Кавалерийской улице он принес японский магнитофон с колонками, а так как магнитофон был ворованный, то долг Анатолия Степановича признать этот факт и тем самым помочь следствию доказатель-

ным путем закрепить показания рецидивиста. Потому его и доставили сюда «на полчаса», надеясь на его сознательность и откровенность. «У меня только советский, «Юпитер 202», с паспортом», — возразил А.С. Калалб. «Ну давай-давай, признавайся. Признаешь — уедешь домой», — торопливо перебил один из шестерых, следователь. «Ошибка, товарищи! Дайте сюда этого рецидивиста! Проверьте еще раз!..»

Голоса в комнате звучали громче, посыпались в адрес Анатолия Степановича нелитературные выражения.

И когда над его головой был занесен стул, он написал под диктовку следователя то, что просили: да, купил, да, японский. Но когда стул был поставлен на место и собеседники облегченно вздохнули, Калалб взял написанное под диктовку признание и порвал его на мелкие клочки, то есть, по мнению милиции, совершил «типичное хулиганство».

Поэтому эту ночь Анатолий Степанович провел в камере.

А наутро из далекого Сургута приехал в отпуск Виктор Калалб, младший брат Анатолия Степановича. И с порога — в Кировский райотдел, где ему объяснили, что «брат—преступник и будет сидеть». Вернувшись домой, Виктор попросил жену собрать для Анатолия каких-нибудь продуктов и к вечеру снова пришел в милицию. Появлению его почему-то обрадовались: «Молодец, что пришел. Сейчас поедем к вам домой делать обыск». Виктор из детективных романов знал, что на обыск необходима санкция прокурора. Слово «санкция» следователя почему-то обидело. Привели из соседней комнаты двух понятых, дали им подписать какие-то бумаги, и Виктора отправили в камеру — «слишком умный».

Дом на тихой Кавалерийской, можно сказать, осиротел.

Но на следующий день он уже был полон неожиданных гостей: десять человек приехали на обыск. Привезли с собой и Анатолия Степановича, но чтобы он не мешал, приковали наручниками к батарее. В такой позе, сидя на полу, в течение восьми часов он и наблюдал, как взламывали его шкафы, переворачивали мебель, простукивали половицы. «Японского с колонками» нигде не было, но в доме оказались вещи, которые, по мнению обыскивающих, могли быть добыты преступным путем: и зимняя шапка, и куртка, и выходной костюм, и ковер на стене, и обручальное кольцо, и приемник из старенького «Запорожца», и три бутылки вина в

холодильнике, и тубики пасты для бритвы (которые, возможно, являлись дефицитом в Днепропетровске). Брели все, что посчитали сколько-нибудь ценным, от рубля и выше. Пятьсот наименований вещей и продуктов было зафиксировано в протоколе обыска, и для того, чтобы увезти их, к дому на Кавалерийской подогнали автобус.

Соседи удивленно останавливались у ворот, не понимая, что же происходит у Калалбов: то ли налетчики, то ли снимают кино, то ли снится. Кто-то хотел бежать за милицией: караул, грабят! — но вещи выносили ладные ребята в милицейской форме. К кому звонить-то?

Третью ночь братья, Анатолий и Виктор, провели в одной камере, а наутро их по очереди ввели в зал Кировского районного народного суда. Анатолию Степановичу, как старшему, присудили пятнадцать суток, младшего, Виктора, оштрафовали на пятьдесят рублей. «Да за что? — возмутился Анатолий Степанович. — Что я людям скажу! Я же парторг цеха!» Возле судьи сидел сам начальник райотдела милиции, который в ответ грозно пристукинул кулаком по столу: «Но-но! Поговори у меня...».

Через некоторое время состоялся суд над тем самым рецидивистом: о магнитофоне с колонками в деле даже не было упомянуто.

О происшествии же с братьями Калалбами старались не вспоминать. Скорее даже и не старались — просто не вспоминали, считая их приключения издержками, которые случаются в любом деле. Да и кто они, эти братья? Один — «работяга», второй — «шоферюга». Разве из-за таких поднимают сыр-бор? Пусть спасибо скажут, что легко отделались; главное, был бы человек, а статью на него всегда можно найти. Так, что ли, говорится?

Шел, напоминаю, 1982 год.

Мы познакомились спустя год. Хорошо помню тот вечер, поземку за окном, быстрого в движениях и насмешливого Виктора, обстоятельного, с румянцем во всю щеку Анатолия Степановича.

К нам пришли не просители, измученные в борьбе за справедливость и сломленные в этой борьбе, а закаленные в борьбе люди, убежденные, что в той грязной истории задеты не только их личная честь, достоинство. Что не только в отношении их на-

рушен закон — в обществе ненормально, если для кого-то произвол считается не тягчайшей общественной аномалией, а некоей нормой, правилом, мерой общественной жизни.

Они уже писали в Москву, но письма отправлялись в Киев, оттуда — в Днепропетровск. Знакомая карусель!

«Обыск произведен правомерно...», «вещи были изъяты обоснованно...», «неправомерных действий в отношении вас не выявлено...», «что провели обыск незаконно в процессе проверки, не нашло своего подтверждения.

Сколько бланков, сколько штампов, сколько подписей! Помню, переписывая в блокнот фамилии и должности правоохранительных начальников (слово-то какое — правоохранительных), я думал, что же они защищают, подмахивая очевидную липу? Собственных нерадивых подчиненных? Свое кресло? Или, убеждены они, — Советскую власть? А от кого защищают? От рабочего и шофера? И на что рассчитывают?.. Что братья останоятся, замороженные магией должностей и печатей? Безнадежно махнут рукой? Испугаются, наконец: «Вы что, не понимаете, на кого вы поднимаете руку?».

То есть, создавая и подмахивая липу, рассчитывали на рабскую психологию того, для кого эта липа предназначалась.

Один крупный ученый-юрист, член разных советов и комиссий, как-то сказал мне, усмехнувшись:

— Когда навстречу мне идет человек в милицейской форме, я на всякий случай перехожу на другую сторону улицы.

— У вас, наверно, слишком развито правосознание, — попытался пошутить я.

— Нет, это гены. Мне уже за шестьдесят, это не исправись, — вздохнул ученый.

Этот разговор не выходит из памяти. Вот как долго все тянется, как трудно ломаются эти «гены»!

Кажется, чего же бояться сегодня невинному? А того, видимо, что с легкостью невинного можно сделать виновным. Все равно не пожалуется, а пожалуется — целая бумажная система придумана для того, чтобы на каждый довод отвечать «в процессе проверки не нашло своего подтверждения». Эта карусель так завертит, проклянешь тот день, когда в нее попал — лучше уж перетерпеть, забыть, как дурной сон, заискивающе улыбнуться на всякий случай: авось пронесет.

Но все-таки мы неотделимы от времени. И тогда, и теперь убежден: настойчивость братьев Калалб объясняется и тем, что юность старшего пришлась на середину пятидесятых годов, младший вырос в шестидесятые. То есть они выростали с уверенностью в том, что нет и не может быть оправданий даже самому малому произволу. «Гены» их не были задеты, и потому они чувствовали в себе силы противостоять не только беззаконию, но бюрократическому закону, который это беззаконие может оправдать «процессом проверки», проведенным, не вставая с кресла.

В тот день, когда мы встретились в редакции, они уже победили. Почти победили. Их настойчивые обращения в центральные органы начали ломать областную «правоохранительную» стенку. Через год стали приходить ответы из Киева. Сначала о том, что «наручники были применены незаконно». Потом — что действительно утеряны «некоторые из изъятых при обыске предметов». Потом, наконец, что «постановление народного суда Кировского района отменено».

И вслед за этим расплывчатые слова о «привлечении виновных к ответственности». А виновные между тем чувствовали себя замечательно и, встречая случайно на улице Анатолия Степановича, насмешливо разглядывали его.

Настойчивость братьев Калалб привела к тому, что им, как кость, бросили запоздалое признание их правоты: только отстаньте, ради бога! Надоело на вас казенную бумагу тратить!

Но то, что правы — братья-то знали с самого начала. Другое их заботило. Почему же в принципе стала возможна ситуация произвола и беззакония? И если беззаконие не считается преступлением, а люди, способные на беззаконие, — преступниками, то кто даст гарантии, что на другого безвинного человека не наденут наручники и из другого дома не будут увозить вещи?!

— У нас что, на Украине, так принято? — помню, горько усмехнулся один из братьев.

Мы долго засиделись в тот вечер: думали-гадали, что же делать дальше. Вместе с нашим юристом, которого читатели наверняка знают, Ильей Эммануиловичем Каплуном, решили обратиться лично к министру внутренних дел СССР: надо, наконец, довести до конца эту историю!

Письмо ушло на следующий день. Может, потому, что шел уже не 82-й, а 83-й год (вспомним наши первые надежды!), или

потому, что жалоба впервые не была спущена в Киев и далее по цепочке, но из Москвы в Днепропетровск выехала специальная комиссия. Когда в начале следующего, 1984 года пришел ответ из МВД СССР, мы у себя в редакции почувствовали радость победы.

Этот ответ я тоже сохранил в своем архиве. Заместитель министра внутренних дел СССР К.Б. Востриков сообщал: «Письмо проверено с выездом на место. Установлено, что 2 октября 1982 года Калалб А.С. без достаточных оснований доставлен в отдел внутренних дел Кировского райисполкома г. Днепропетровска, незаконно привлечен к административной ответственности, неправомерно отбывал арест в изоляторе временного содержания, к нему необоснованно применялись наручники. Его брат Калалб В.С. также незаконно привлечен к административной ответственности и оштрафован на 50 рублей... За допущенные нарушения законности виновные привлечены к строгой дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения из органов внутренних дел. Управлению внутренних дел Днепропетровского облисполкома поручено в десятидневный срок рассмотреть вопрос о возмещении материального ущерба братьев Калалб. Материалы о грубых нарушениях социалистической законности направлены в прокуратуру г. Днепропетровска для привлечения бывших работников милиции к ответственности в соответствии с законом».

Число, подпись. И «вплоть до увольнения», и «бывшие работники», и «к ответственности в соответствии с законом».

Тогда-то, в 1984 году, я и положил в нижний ящик стола незаконченную рукопись: стоит ли метать громы и молнии, когда справедливость и так восторжествовала, порок, как говорится, наказан? И для этого в конце концов хватило не газетного материала на полполосы, а письма на полстранички, направленного из редакции.

Потом жизнь сталкивала с другими ситуациями, надо было снова куда-то ехать, лететь, торопиться, иногда выигрывать, иногда, напротив, понуро останавливаться перед очередной непробиваемой стеной.

В общем, шло время. Но днепропетровская история не забывалась, а иногда, в особо тяжкие минуты, я вспоминал ее. Вспоминал, убеждая сам себя, что работаем все-таки не зря и есть какая-то польза от бесконечного круговорота проживаемых дней.

Иногда получал короткие письма из Днепропетровска от Анатолия Степановича или из Сургута от Виктора — все больше поздравления с праздниками. И так же коротко отвечал им. О старых делах не спрашивал, потому что был уверен: та поднятая письмом из газеты волна давно смяла всех виновных. Смяла по-настоящему: не липовыми выговорами и не поспешными проводами на пенсию, не сменой кресел — из прокурора в адвоката, из следователя в юрисконсульты. По-настоящему — вон из юридического клана. Все-таки не игрушки: «к ответственности в соответствии с законом». Не шутка — посягнуть на честь и достоинство человека.

Я был уверен в торжестве справедливости, и эта уверенность, честно признаюсь, радовала и поддерживала. Особенно тогда, когда в других случаях не удавалось добиться элементарного: ни письмом из газеты, ни статьей в газете.

Как оказалось, радоваться было нечему.

Вот что написал Анатолий Степанович Калалб в январе этого, 1987 года (письмо привожу полностью):

«Хочу вам сообщить о судьбе действующих лиц той нашей истории на сегодняшний день.

Соколан Василий Федорович, бывший прокурор Кировского района. Это он дал возможность творить беззаконие и произвол. Комиссия из МВД СССР мне прямо сказала, что Соколан в этом произволе повинен. В данное время он заместитель прокурора приднепровской железной дороги.

Жицкий Николай Иванович, бывший заместитель прокурора Кировского района. Это он кричал на меня: «А ты как хотел? Мы тебя еще и посадим!» После этого его повысили — сделали прокурором Самарского района. Сейчас он в тюрьме, осужден за взятки в особо крупных размерах. Приговорен к 7 годам.

Поронько Николай Дмитриевич, начальник РОВД, возглавивший и благословивший незаконный обыск. Он потом еще рядом с судьей сидел, когда мне 15 суток давали. Его спокойно перевели замом начальника в другое милицейское учреждение.

Дудченко Евгений Акимович, заместитель начальника РОВД по оперчасти. Приказ был уволить из части, на самом деле протянули резину и отправили на «заслуженный» отдых.

Стратий Борис Анисимович, старший дежурный. Этот мерзавец в полном смысле слова обыскивал меня в РОВД, забрал часы, носовой платок, деньги 1 рубль 60 копеек, солнцезащитные очки. После этого стал хамить, на неоднократные мои требования пригласить прокурора района угрожал исключить меня из КПСС. В итоге тихо отправили на пенсию.

Позднянский Аркадий Владимирович. Бывший начальник следственного отделения Кировского РОВД. Уволен из органов. Устроился на винный завод юристом, собрал положительные характеристики, стал адвокатом юридической консультации.

Труш Владимир Николаевич. Следователь, который производил незаконный обыск без санкции прокурора. Уволен из милиции за дискредитацию органов внутренних дел. Это он поддельно подписи понятых в протоколе обыска, это он забрал необоснованно вещи, продукты и т.д. Это он дал указание надеть наручники и содержать под стражей. В данное время работает юристом совхоза «Кировский» Днепропетровского района. В должности юриста совхоза продолжал свои беззакония. Директор совхоза уволен и исключен из партии, секретарь парткома тоже. Труш вышел сухим из воды, имея чью-то большую поддержку.

Кострица Сергей Сергеевич, бывший инспектор ОУР. Это он при обыске брился моей бритвой (когда я сидел прикованный к батарее), кушал все, что видел. Это он разворовал вещи, сгруженные в подвале РОВД. Дальнейшую его судьбу не знаю. После увольнения он много бродяжничал по городу, выпрашивал сто граммов в закусных. Никакого уголовного дела против него не завели.

Овчинников Владимир, отчества не знаю. Бывший участковый инспектор. Уволен из органов внутренних дел. Это он составлял протокол и направлял меня в суд, хотя и в глаза меня не видел. Сейчас работает старшим контролером на железной дороге.

Заносиенко Виктор Алексеевич, заместитель прокурора области, начальник следственного управления. Это он давал необоснованные, полные лжи и клеветы ответы. Это он создавал питательную среду для тех, кто пытался доказать недоказуемое. Сейчас понижен чуть-чуть (но не из-за меня, конечно) — переведен в прокуратуру города.

Малиновский Виктор Вячеславович, бывший начальник следственного управления УВД. Это он защищал и покрывал своих подчиненных, а также дал указание не выдавать копию протокола обыска. А когда узнал, что приехала комиссия из МВД СССР, то сам лично привез мне протокол обыска домой. Но я ему не открыл дверь. Мне с ним было не о чем говорить, раз уже комиссия приехала. Сейчас работает заместителем начальника Красногвардейского РОВД. За какие заслуги, хотелось бы знать?

Вот о чем я хотел вам давно написать, да все думал: у нас что-нибудь изменится».

Прочитал письмо — и как обожгло! И тут же вспомнил, ярко, как будто вчера, февральский день 1984-го, когда мы последний раз виделись с Анатолием Степановичем. Помню, как открылась дверь нашей комнаты, как он вошел — большой, широкоплечий, с румянцем от мороза, как он сказал: «Четыре полковника из Москвы приехали, меня дома нашли, три часа беседовали, сказали, что такого беззакония еще не видели», потом пробормотал: «Спасибо газете», а после сделал то, о чем я и сейчас вспоминаю с чувством неловкости: взял и поклонился в пояс. «Что вы делаете, Анатолий Степанович! — помню, вскочил я. — А то я сейчас вам поклонюсь, и так и будем друг другу кланяться...» Потом мы долго говорили, что страна приходит к нормальным общественным отношениям, что подонки теперь станут оглядываться... Мы делились друг с другом надеждами на светлые перемены...

Вот почему так расстроило полученное в начале января письмо.

Вдруг представил: а что бы произошло, если бы Анатолий Степанович пошел с этим письмом по местным инстанциям, какие взгляды бросали бы на него? Удивленные?.. «Ну, даешь, вспомнил! Это что же, сейчас все бросим и займемся твоей историей, которой цена-то — плюнуть и забыть». Или негодующее? «Подумаешь, пятнадцать суток отсидел? И все еще крови жаждешь? Тебе мало того, что инспектор розыска ходит по городу и на сто граммов клянчит? Тебе ли решать, как кого наказывать?» Или на всякий случай предупредительные?.. «Разберемся, проверим, выясним!» Чтобы тут же забыть, кого проверять и что выяснять. Или вообще непонимающие? «Да о чем вы хлопочите, чего хотите-то?»

Как, когда именно случилось так, что унижение, нарушение гражданских прав конкретного человека перестало соизмеряться с жизнью страны?! Наши достижения — это, мол, одно, ну, а конкретные человеческие судьбы — совсем другое, из иного, так сказать, ряда. Что же смешивать-то? Что поднимать крик по поводу какого-то отдельного происшествия?!

Дорого далось нам подобное «масштабное» мышление. Деформировало социальное сознание, ввело в общество двойную мораль.

Так неужели этот, главный урок прошлого для кого-то оказался лишь ненужным грузом, который только мешает, если о нем все время помнить?

Потому-то и боюсь равнодушной реакции на январское, 1987-го, письмо Анатолия Степановича.

А речь-то в этом письме у Анатолия Степановича об очень важном, существенном. Верить или не верить в перестройку в собственном городе, области, республике, если люди, дискредитировавшие себя вчера, несмотря на все ветры времени, просто сменили посты и должности? Разве это перестройка? «Внутри себя», что ли, они перестраиваются? И для себя? То есть создается впечатление, что просто тасуются, как в карточной колоде, кабинеты и должности, но все те же валеты, и те же короли, и тузы те же самые...

Вот что, думаю, имел в виду Анатолий Степанович, когда писал: «Да все думал: и у нас что-нибудь изменится...».

Перестройка — это борьба, и, как в каждой борьбе, в ней, кроме победителей, должны быть и побежденные. Это не спортивные соревнования, единственным результатом которых может быть слабое утешение, что «победила дружба».

Иначе мы рискуем из тех же самых уст тех же самых запятнавших себя людей услышать поспешные рапорты о «победоносном окончании перестройки».

Март 1987 года

ЧЕРНЫЕ МИЛЛИОНЫ

Задолго до того, как мы познакомились, она написала следующий текст:

«Как-то после принятия наркотиков у всех было приподнятое настроение. Я желала поднять свое настроение и попросила у Ольги какие-нибудь таблетки. Она мне дала четыре таблетки белого цвета. Я их проглотила, и после этого у меня появилось такое ощущение, что тяжело мне вставать, я лежю, шум в голове». Дальше, без перехода, про своего знакомого Олега:

«Олег сам по себе неплохой парень. По характеру добрый, отзывчивый, может выслушать, дать какой-нибудь совет. Он увлекается наркотиками, любит выпить. Однажды Ольга сделала какую-то наколку на руке. Олег ее ругал, называл дурой. Одним словом, отчитывал ее. В отличие от Олега, Ольга недобрая девушка, злая, любит драться. Она увлекается наркотиками, приобретая их за деньги.

Через страницу, заполненную воспоминаниями о других своих знакомых юношах и девушках: тот добрый, а этот пристаёт, одна «обманщица», а вторая «дерется редко», — продолжение наркотической темы:

«После того, как я у Ольги приучилась употреблять наркотики, меня до того тянуло к наркотикам, что я в аптечке у бабушки не оставляла лекарств. Естественно, я уже знала, какие таблетки можно употреблять. Я так пристрастилась к ним, что даже один раз в состоянии наркотического опьянения мне виделись чертики, которые выглядывали из-за угла. Я начала с 2-3 таблеток, потом уже дошла до десяти. От компании Ольги я отошла где-то в марте из-за преследований матери. Честно говоря, я уже чувствовала, до чего меня доведут наркотики. Мать узнала обо всем из письма, которое я написала подруге в Таллин. У меня сил не было все рассказать матери, поэтому я прибегла к письму. Я положила его на видное место, чтобы мать смогла его прочитать. Тем самым она подключилась бы и помогла мне. Так и получилось. И мы вроде обо всем договорились. Но я свои обязательства не выполнила. Я не могу удержаться от употребления наркотиков. Обманывала мать и уходила из дома. Но мать сама

жила тяжело и поэтому или не понимала меня, или у нее сдавали нервы, и она поступала со мной очень жестоко.

Где-то в январе 1986 года я возле подъезда встретила двух парней. Вернее, трех. Они меня проводили до дома. Один из них был Стас, с которым мы подружились. Я узнала, что он употребляет наркотики. Однажды он пришел на свидание очень злым. Я спросила, что с ним. Он после долгого молчания попросил меня сходить к какому-то парню и попросить таблеток. Когда я спросила его, почему он сам не идет, Стас сказал, что тот ему не даст. Тогда я тоже отказалась пойти, но он уговаривал пойти, говоря, что мне дадут, если я хорошо «попрошу». Я догадалась, что там меня должны были изнасиловать, а за это дать для него наркотики...

Летом я встретила с еще одной Ольгой, и она призналась мне, что тоже увлекается наркотиками...

И так далее — на десятке страниц, исписанных еще не устоявшимся ученическим почерком: два года жизни, с четырнадцать до шестнадцати лет.

Свое шестнадцатилетие Нина встретила в клинике для наркоманов. Я увиделся с ней через две недели после того, как ее выписали оттуда, и когда я переписывал в блокнот этот ее рассказ жизни, то чувствовал на себе ее внимательный взгляд. Когда отрывался от блокнота, она предупредительно спрашивала: «Почерк плохой, да?» И кокетливо улыбалась. Если бы не эта улыбка, то ее — маленькую, тоненькую, юнее своих юных шестнадцати — можно было бы легко представить в каком-нибудь строю, на какой-нибудь торжественной линейке. Привычные картинки из старых фильмов детства. Как раньше они успокаивали нас: это, мол, и есть наши дети... Ну ладно. Разговор о другом.

— Нина, скажи, где ты брала деньги?

Она снова улыбается:

— У детей маленьких отбирала...

— То есть грабила?

Улыбка — шире:

— То, что я забирала у малышей деньги, — это не преступление. И между прочим, наши ребята, которые на бильярде играют, в день по пятьдесят рублей зарабатывают.

Я сомневаюсь — она мне начинает с жаром доказывать, что это так: «по пятьдесят в день», рассказывает про какого-то

феноменального восьмиклассника, который «заколачивает по сто».

Спрашиваю, часто ли ей приходилось участвовать в драках: — Не помню. — Ну сто раз? Или два раза? — Больше двадцати.

Пытаюсь выяснить, есть ли молодой человек, которого она любит и который любит ее: — Было много, но это увлечения, а не любовь. Сначала интересно, а потом надоедает.

— То есть тебе пока не повезло?

— У меня были праздники каждый день, — не соглашается она.

— А у твоих приятелей?

Вспоминает, вижу, как вспоминает: морщит лоб, поднимает глаза к потолку. И вдруг без всякой связи с моим вопросом:

— Один пацан так накурился, что стал себе вены резать. Из-за девчонки... — усмехается.

— Скажи, как ты представляешь себе будущее?

— Я его никак не представляю.

— Что значит «никак»? У тебя же будет семья...

— Я не думаю о семье... — и вдруг зло: — Всем от этого будет легче, если меня не будет!.. Хуже места, чем больница, в которой я лежала, все равно нет!.. И если передо мной снова будет лежать дурь, то я все равно не удержусь...

Мне показалось, что она заплачет. Но ошибся. Вдруг спросила, в какой газете будет напечатано интервью с ней. Повторил, в какой — если будет напечатано. «Надо будет ребятам показать...» — ослепительно улыбнулась.

Тогда я задал вопрос, ради которого я и встретился с шестнадцатилетней Ниной:

— Кто же эти люди, которые продавали тебе наркотики?

— Да я сама виновата! Сама! Половина моих знакомых пацанов — наркоманы. Вы что, не знаете этого?

Пытаюсь в ответ выстроить какую-то «педагогическую» фразу: то ли, что эта «половина» из тех, кого она сама лично знает, и такой уж, значит, выходит круг знакомых; то ли о том, что те, кто торгует, куда более виновны, чем она, конечно же, виноватая...

Второй разговор — с ровесником Нины, шестнадцатилетним Сашей. Его «стаж» — три года, то есть с тринадцати лет. Приведу этот диалог таким, каким он остался в моем блокноте.

— Кто тебя «угостил» впервые?

— Старшие ребята... Это было в моде: на улице, во дворе, возле школы. Папиросу пустили по кругу, дошла очередь и до меня.

— И после этого ты уже и начал искать тех, кто мог бы тебе дать наркотики?

— Сначала не было никаких ощущений, но примерно через два месяца мы пошли в одно место у нас в городе: они обычно за больницей собирались, на стройке.. Там сидели человек пять или шесть. Два типа — уже скурившиеся.

— Что значит скурившиеся?

— Сами взрослые, а по внешнему виду хуже нас: маленькие, сморщенные... мы попросили, нам дали.

— То есть тебе давали наркотики бесплатно? Учитывали твой детский возраст?

— Это только вначале... Потом пришлось покупать. Я знал места, где обычно собирались те, кто торгует наркотиками. Это сейчас всех зажали, а еще два года назад было легко купить. К тебе подходили и предлагали, а ты еще выбирал, у кого лучше...

— И кто обычно предлагал?

— Обычно люди постарше...

— А где ты брал деньги?

— Мама на кино давала...

— Саша, давай все-таки вести честный разговор! Вряд ли тебе хватало «киношных» денег. Чем больше ты пробовал, тем больше тебе хотелось, ведь так?..

— Ну так, так... В восьмом классе я уже ходил искать наркотики каждый день. У меня на это уходило примерно пять рублей в день.

— Для восьмиклассника немало...

Ну, много путей достать деньги. Когда на самом деле дома выпросишь, когда бутылки соберешь и сдашь... Однажды украд серебряную ложку и сдал ее.

— Скажи, а ты ни разу не испугался, что станешь уже неизлечимым наркоманом?

— Сначала думал, что когда захочу — тогда и брошу. Но потом почувствовал в себе всякие изменения: сижу на уроке, слушаю, а ничего не слышу... И между прочим, в первый раз я почти

бросил. Все, что у меня было дома, раздал друзьям... Деньги, которые раньше тратил на наркотики, стал тратить на музыку.

— Долго продержался?

— До сентября. И потом — опять все сначала.

— Скажи, а замечали ли твои родители, что ты становишься наркоманом?

— Сначала нет, потом стали догадываться. Несколько раз находили ампулы... Скандал, конечно. Я обещал, клялся, потом не выдерживал.

— Ты можешь объяснить родителям, которые наверняка будут читать наш с тобой диалог, как они могут определить, что их сын или дочь употребляют наркотики?

— Зрачки становятся узкими-узкими, как точки... Руки, конечно, сильно исколотые... Состояние все время возбужденное, поэтому приходится колоть по три дырки. А еще по глазам: становятся колючими и острыми.

— Спасибо. Последний раз ты решил бросить совсем недавно?

— Стало плохо на новый год... Всего ломало страшно. В таком состоянии пришел домой, вошел в свою комнату, достал шприц, а тут вошла мама. Я мог бы ей ничего не отдавать, но почему-то отдал: и шприц, и все прочее. Я, правда, ей кричал: отдай, это не мое... Еще что-то, сейчас не помню... Потом зашел пацан: я его на новый год приглашал, но уже забыл об этом. Выгнал его почему-то... Лег... Заходят мать с отцом. Я им все рассказал, объяснил, какие лекарства надо достать, чтобы сбить «помпу». Восемь дней было очень тяжело: всего ломало, болели ноги, хотелось лезть на стенку... В день приходило ко мне человек по двадцать, но мама никого не пускала... Сейчас все, все. Никогда больше.

Когда мы встретились с Сашей, пошел уже пятнадцатый день, как он жил без наркотиков. Еще лишь пятнадцатый.

Еще я спросил у Саши, как он думает, сколько на нем лично заработали торговцы наркотиками?

Он удивленно посмотрел на меня:

— Но они же искренне хотели помочь!..

Мне часто приходится встречаться с ровесниками Нины и Саши, но я не помню такого тягостного впечатления, как после этих двух встреч, о которых я сейчас рассказал.

После того, как наркотическая тема стала наконец-то обсуждаться открыто, мы уже готовы к тому, чтобы после первого шока, вызванного первыми публикациями в печати, по полочкам разложить ответственность за возникновение у нас в стране проблемы, которая, казалось кому-то, уж нас-то минует: те не то сеют, эти не так лечат, третьи плохо контролируют, четвертые не так ловят и не за теми, за кем надо, наблюдают.

Убежден: наркотики — не та проблема, решение которой можно переложить только на плечи милиционеров или медиков.

Остановить волну мы можем лишь все вместе: слишком горькие уроки вынесли страны Запада, чтобы мы могли спокойно наблюдать за тем, как возникает, растет, раскидывает свои щупальца мафия торговцев наркотиками.

Наркотики становятся выгодным бизнесом. По данным, приведенным доктором философских наук, заведующим научно-исследовательской лабораторией социологии преступности МВД Грузинской ССР А.А. Габияни (журнал «Социологические исследования», №1, 1987 г.), подпольные торговцы наркотиками, действующие только в Грузии, получают в год примерно 36,5 млн рублей.

Десятки миллионов рублей за год только в одной республике!

А рынок сбыта — прежде всего молодежь. 35,8 процента наркоманов, опрошенных А.А. Габияни, приобщились к наркотикам в возрасте от 16 до 19 лет и столько же — от 20 до 24 лет.

На скольких же таких Нинах и Сашах зарабатываются эти черные миллионы?

10.06.1987

ЛЕВ ПРЫГНУЛ!

Диагноз: организованная преступность. Проведены первые исследования

Слово «мафия» уже до такой степени вошло в наш лексикон, что, скажи кому-нибудь, вздохнув: «Куда денешься — мафия...», — тебя не спросят: «Что, тревожно в Италии, да?».

Мы сжились с этим словом настолько, что к чему только и к кому его не приклеиваем. К магазинам, НИИ, баням, кафедрам, творческим союзам, больницам, пивным палаткам; сантехникам, дипломатам, проституткам, мясникам, шахматистам, билетным кассирам; к городам, областям, республикам, к незаметным на карте поселкам и к столичным центрам.

Но за догадками, намеками стала пробиваться и истина, бесстрастная и холодная. Мафия — не красивый образ, мафия — реальность, болезнь, о которой мы раньше беспечно думали, что уж она-то нашему обществу не грозит.

— Мафию, — говорит А.И. Гуров, — характеризуют три признака. Во-первых, это преступное сообщество, которое имеет четкую структуру и иерархические связи: есть главарь (или группа главарей), держатель кассы, связники, боевики, разведка, контрразведка.

— То есть, Александр Иванович, это как бы нормально функционирующая организация закрытого типа?

— Да, это и есть организация, созданная (и это — второй признак) для систематического преступного бизнеса. И — третий, основной. Преступное сообщество становится мафией лишь в условиях коррупции: оно должно быть связано с представителями государственного аппарата, которые состоят на службе у преступников. Если это прокурор, то он спасет от наказания, если работник милиции, то передаст наисекретнейшую информацию, если это ответственный работник, то сделает вовремя нужный звонок.

Я спрашиваю А.И. Гурова: есть ли отличия нашей, доморощенной мафии от западной? Отвечает, что есть, и потому редко употребляет слово «мафия»: у западных коллег-криминологов

может создаться неправильное представление о предмете разговора. Западную мафию отличают от нашей транснациональные связи, а границы СССР, как известно, закрыты накрепко не только для мафиози, и второе, главное отличие — тамошняя мафия постоянно пытается легализовать свой капитал, порождая не подпольных, как у нас, а вполне легальных миллионеров.

И просит:

— Может, сейчас, в беседе откажемся от слова «мафия»?

— Вам виднее. Если западные криминологи сочтут, что мы и здесь отстаем...

— Хотя... — Александр Иванович задумывается. — Наши преступники уже налаживают связи с зарубежными «партнерами»: в первую очередь по поводу антиквариата и наркотиков. Связь эта, кстати, идет и через наших бывших (некоторые из них, уехав, создали на Западе преступные группы, в частности в Италии). И, к сожалению, нами уже получены данные, что с появлением кооперативов и наши лидеры организованной преступности получили возможность легализовать свой капитал, на их сленге — «отмыть».

— Значит, термин менять не будем?

— Хорошо, давайте разберемся с нашей мафией.

— Когда же началось?

— Только не при царизме! — убежден А.И. Гуров.

И когда я напоминаю ему о том, что писали Гиляровский или Дорошевич, объясняет, что они-то рассказывали о профессиональных преступниках, которые были и тогда, есть и теперь, и никуда мы от них не денемся в будущем. Но это не мафия. Профессиональная, то есть блатная, преступность — карманники, квартирные воры, разбойники, карточные шулеры, конокрады (исчезли ввиду отсутствия лошадей) — была и тогда, но ту преступность нельзя назвать «организованной». Хотя, допустим, одесские карточные мошенники платили дань некоторым полицейским чинам, но в целом преступность не сочеталась с коррупцией.

— Были банды в двадцатые годы (сколько они дали сюжетов для детективов!), но мафией они также не стали. Те же причины — отсутствие коррупции в обществе, то есть служащие госу-

дарственного аппарата не были куплены (хотя можно было найти отдельные примеры).

— Характер преступности и уровень ее соответствуют общественным отношениям. Это аксиома. И потому давайте подумаем: могла ли появиться организованная преступность в сталинские годы? Да нет, не могла. Тоталитарное государство не допустит (как известно, и Гитлер, и Муссолини в своих странах организованную преступность уничтожили).

Я интересуюсь: не тогда ли появились «воры в законе», а если да, то чем они отличаются от сегодняшних мафиози?

— Да, «воры в законе» появились в тридцатых. Это было время бурного развития нашей лагерной системы. Уголовников там было куда меньше, чем так называемых политических, но именно уголовники взяли на себя функции управления в условиях несвободы.

— Почему, если их было меньше? — спрашиваю, хотя сам понимаю, насколько наивен вопрос...

— На первых этапах из уголовников даже подбирали воспитателей и охранников. Ведь остальные-то были «фашистами» — так блатные называли всех, кто шел по 58-й статье: от наркомов до крестьян. И некоторые начальники лагерей специально славливали блатных с политическими. «Воры в законе» — образовавшаяся в те годы преступная каста — тогда же, в начале тридцатых, установили свои правила поведения, одним из которых было: в политику не вмешиваться, с представителями власти не общаться.

— И так же, не вмешиваясь, продолжали жить на свободе? Они как бы составляли собственное параллельное государство в той сталинской стране?..

— Да, они были связаны воровской идеей, проповедовали жесткие законы по отношению друг к другу (копирующие отношения в стране), у них был и свой орган управления — воровская сходка (известны сходки в Казани, в московских Сокольниках), но в мафию они не превратились. «Блатные» понимали, что, как только они соединятся, им тут же приклеят политический ярлык, и тогда уже не до шуток. Больше того, «воры в законе» были в то время наиболее свободными людьми. Они не испытывали тех материальных трудностей, которые выпадали на долю народа; в своем кругу (а других они избегали) они не боялись постра-

дать за нечаянное слово, да и статьи, по которым их наказывали, были куда безопаснее 58-й с ее множеством страшных пунктов.

— То есть, — уточняю я, — «сталинский режим», уничтоживший миллионы, был снисходителен к «блатным», если только они не соединялись в организацию?.. Ведь, кроме других перечисленных вами преимуществ, они и под амнистию попадали чаще, чем политические. Чем это закончилось на закате сталинской «эры», показано в фильме «Холодное лето пятьдесят третьего...».

— Возможно, вы и правы, — соглашается мой собеседник. — Хотя как юрист я могу привести много примеров, когда и «блатные» становились жертвами необоснованных репрессий (в частности, известны их массовые расстрелы в лагерях). Но на кого бы репрессии ни были направлены — все равно они были незаконны, а потому преступны. Даже в отношении воровской нечисти. Однако, выясняя сейчас корни нашей организованной преступности, нужно твердо сказать, что, не будь Сталина, мафия все равно не появилась бы в тридцатые годы. Страна была экономически бедной, а мафия зарождается прежде всего там, где экономика достаточно развита. — И продолжает: — Первые признаки мафии появились у нас тогда, когда начал выправляться хозяйственный механизм, то есть при Н.С. Хрущеве. Хотя масштабы ее деятельности были смехотворны по сегодняшним меркам: в 1958—1959 годах средний ущерб от хозяйственных преступлений в среднем по РСФСР составил полтора-два миллиона. Сейчас подобный годовой доход имеет удачливый квартирный вор.

Итак, в шестидесятые можно было говорить об отдельных признаках мафии. В семидесятые она стала социальным явлением.

Именно тогда, вспомним, само это иноземное слово стало все чаще употребляться в нашем бытовом лексиконе. Казалось бы, не по делу: ну что за «мафиози» в жэке? что за мафия на кафедре? что за «коза ностра» в Краснодарском крайкоме? Смех, да и только. Скорее мы вкладывали в это слово свою горечь от социальной несправедливости, которую наблюдали практически ежедневно, — от невозможности пробиться сквозь бюрократические стены, от несоответствия между пропагандой и реалиями жизни.

Но появилось и новое: Корейко вышел из подполья! Те, кто раньше стеснялся своих незаконных миллионов, начали открыто

вкладывать их в «Мерседесы», в бриллиантовые кольца, в особняки, которые уже возводили у всех на виду. (Чего было бояться какому-нибудь магнату пивной палатки, если и лидеры страны, и их дети кичились коллекциями драгоценностей.)

Тогда-то мы и начали шептать с отчаянием: ну, мафия!..

Но, кроме видимых невооруженным глазом процессов, начались и другие, которые могли увидеть только криминологи.

Вот как оценивает А.И. Гуров ситуацию семидесятых:

— Все больше и больше денег из госбюджета начало перекачиваться в частные руки. Способов было много, но основной — создание подпольных цехов и даже фабрик, через которые началась перекачка государственных сырьевых ресурсов. Появились и «цеховики» — преступники в белых воротничках. И как реакция на появление теневой экономики — резкая активизация «профессионального» преступного мира, тех, кого можно назвать продолжателями «воров в законе» сталинского периода. Даже концепции «работы» с новым контингентом были разработаны при помощи одного из идеологов преступного мира старой формации — «вора в законе» Черкасова.

— Что это за концепции?

— Первая: бери у того, у кого есть что брать; вторая: бери не все, ибо терпению человека приходит конец; третья: бери на каждое дело работника правоохранительных органов, ибо «мусор из избы не вынесет» (цитирую дословно). Руководствуясь этими концепциями, и начала свою деятельность преступная организация Монгола. Именно с ее появления в Москве в начале семидесятых годов — по единодушному мнению криминологов и практиков — и начала формироваться отечественная мафия. В Узбекистане это произошло чуть раньше — в 1967-1968 годах.

Лидеры подпольного бизнеса стали объектом нападения гангстерских групп. Какими только способами не заставляли их делиться своими доходами! Поджигали машины, дома и дачи, похищали детей (именно в семидесятых годах появился киднеппинг — преступление, которого раньше у нас в стране не было), шантажировали, пытали: одного подпольного миллионера, например, положили в гроб и начали пилить гроб двуручной пилой до тех пор, пока он не согласился заплатить «налог». А заявлений в милицию о нападениях не было! Деньги начали перетекать в блатную среду, и в таких суммах, которых за всю историю у про-

фессиональных преступников никогда не было. А едва огромные суммы скопились у «блатных», в их среде появились свои боссы, которые получили возможность содержать штат: и охранников, и разведчиков, и боевиков.

— Но, Александр Иванович, что же мешало и «белым воротничкам» образовать свои охранные отряды? Ведь было же чем платить!

— Правильно. Различные преступные организации (в первую очередь экономические и гангстерские) должны были соединиться. Первыми запросили мира подпольные бизнесмены. Заключение мира был посвящен съезд, на котором присутствовали представители и того, и другого направления. Съезд проходил в середине семидесятых годов в одном из городов Северного Кавказа. Бизнесмены согласились платить десять процентов дохода «блатным» за то, чтобы те не трогали их и даже охраняли.

Я, конечно, не мог не заинтересоваться съездами и спрашиваю: единственный ли это известный ему съезд? Он отвечает, что нет, не единственный. Последний (по крайней мере из тех, о которых он знает) проходил в 1985 году в одном из черноморских городов и был посвящен... перестройке работы в связи с активизацией милиции. Но — вернемся в семидесятые.

— Александр Иванович, но если, допустим, «цеховики» обязались тогда платить «блатным», то точно так же они должны были передавать деньги и вверх: в различные административные органы. О подобных связях не раз писала «Литературная газета» даже в те застойные времена.

— Конечно... Наверх они платили, чтобы там их прикрывали от закона или визировали незаконные поставки в их подпольные цеха, ну и вниз — чтобы оградить себя от нападений.

Так в семидесятые годы и были сформированы преступные организации, верхи и низы которых хоть и не знали о существовании друг друга (или делали вид, что не знают), но были связаны теми миллионами, которые — с помощью «цеховиков» — шли из дохода нации в доход преступных кланов.

С таким наследством мы и пришли в сегодняшний день.

Пришли и увидели...

Сегодня, как показывают исследования, проведенные А. И. Гуровым и его коллегами, ситуация следующая.

Организованная преступность находится в стране на трех разных уровнях.

На первом, низшем, — уже сложившиеся преступные группы, которые еще не в силах выйти к этажам власти. Подобные группы действуют в районах Нечерноземья и других зонах. На втором уровне — такие же группы, но имеющие связи с коррумпированными служащими. И, наконец, на третьем уровне — самые сильные: несколько групп соединяются в одну, и наиболее сильный клан руководит остальными (на Западе это называется сетевой структурой мафии).

Спрашиваю:

— Но есть ли, так сказать, всесоюзная мафия?

— Ее нет и не может быть. В США, кстати, тоже нет всеамериканской мафии. Каждый клан контролирует свою территорию.

— А как вы думаете, руководители наших кланов знакомы друг с другом?

— Безусловно. У них тоже существует своеобразный табель о рангах и свои понятия о карьере.

— Сколько групп вы изучили?

— Около двухсот. По материалам уголовных дел каждая пятая, а из разговоров с главарями — каждая третья была связана с коррумпированными представителями административного аппарата.

Прошу подробнее рассказать, какие регионы страны больше всего заражены мафией.

— Зараженность эта неравномерная. И в США из 70 крупных городов только в 20 обнаружена организованная преступность. А что у нас? Глобальных исследований пока нет; слишком мелко мы копаем. Но данные, которыми уже располагаем, говорят о том, что преступные организации распространены прежде всего во всех южных регионах, включая Украину и Молдавию. Из городов Украины считаю наиболее зараженными Киев, Львов, Одессу, Донецк, Днепропетровск... Конечно, Москва и Ленинград. Отмечены преступные организации (но на более низком уровне) в Тамбове, Пензе, Ярославле, Перми... Сейчас в преступ-

ной среде стало престижным брать под свой контроль маленькие города. В Московской области это Балашиха, Люберцы, Пушкино, Орехово-Зуево.

— Александр Иванович, но почему все-таки так притягательны для мафии южные регионы?

— Думаю, объяснения надо искать в экономической сфере. Юг — это наш Клондайк. Кажется, ясно... Но другое дело, почему сейчас на устах у всех Узбекистан. Не только потому, что липовый хлопок позволял иметь миллиардные левые доходы и коррупция руководителей развратила республику. Мы приводим в пример Узбекистан еще и потому, что его все-таки здорово копнули. До других регионов пока еще не дошли руки. Мы, например, недавно вернулись из Хабаровского края и обнаружили, что там создана преступная организация, которая называет себя «Управлением». Недавно это «Управление» обратилось с призывом создать фонд взаимопомощи тем, кто находится в заключении. Но деньги, как следует из текста «Обращения» (сам читал его), предназначены не каждому, а только верхушке преступного мира.

— Значит, впереди нас могут ждать новые открытия? Не меньшие, чем дал Узбекистан? — предполагаю я.

— Думаю, да. Организованная преступность развивается, есть тенденция поглощения менее сильных групп более сильными, в преступном мире появляются те, кто управляет, и те, кем управляют. Под контроль берутся традиционные, «блатные» преступники, предпочитающие работать по-старому. По нашим данным, сегодня лидерам мафии платят дань не только подпольные бизнесмены (как раньше), но и карманные вору, сбытчики наркотиков, ночные торговцы водкой, проститутки. В противном случае им просто не дадут работать. Эту ситуацию «сквозного контроля» я считаю наиболее опасной сегодня.

— Но контроль одних должен вызывать сопротивление других?

— Да, вызывает. «Воры в законе», например, разделились сейчас на две ненавидящие друг друга категории. Одни живут старыми принципами, другие же перешли на службу к акулам (первые их так и называют презрительно: «сторожа акул»). Дело доходит до физического истребления друг друга. Но чаще конфликтуют представители разных группировок.

Я вспоминаю декабрь прошлого года. В районе метро «Аэропорт» во дворе писательского дома группа неизвестных хладнокровно убила парня, который только что сел за руль своей машины. Убитый оказался членом подмосковной преступной группировки. О том, как его хоронили, я случайно узнал из английской газеты «06-сервер». Вот что увидел ее московский корреспондент, попав (как он сам пишет, «случайно») на эти похороны:

— Мое такси остановилось на том месте, где покрытая льдом дорога сворачивала с шоссе. Здесь стояли 40 или больше автомобилей, и сразу стало ясно, что происходит что-то необычное. На каждом ярде от поворота до кладбища на дороге горели пятна красных гвоздик, равномерно разбросанных участниками процессии. Но самым удивительным был состав присутствовавших на похоронах. По крайней мере шесть люберецких банд (не путать с подростковыми группами. — Ю.Щ.) были представлены, если судить по группкам, окружающим своих главарей — последние одеты несколько похоже на чикагскую моду 20-х годов. Не верилось, действительно ли все это происходит в Советском Союзе в 1987 году. Поношенные шляпы на манер Барсалино, низко надвинутые на глаза, потрепанные шерстяные пальто, белые, на высоких каблуках кожаные ботинки, сигарета в углу рта. Их было приблизительно человек сто, еще 50 женщин и моментально узнаваемые переодетые в гражданское милиционеры, вооруженные кинокамерами и фотоаппаратами.

Об этом случае (в том числе и о похоронах) А.И. Гуров знает. У мафии в принципе приняты пышные похороны. Рассказал о недавней смерти в Ташкенте брата (!) лидера одной из группировок (который и сам недавно был убит). На его похороны съехалось более двух тысяч человек из многих городов страны. Похоронная процессия парализовала центр города, перекрыв уличное движение.

Я прошу А.И. Гурова подробнее рассказать о сути конфликтов между группировками.

По его словам, чаще всего — из-за раздела территории.

— Стычки вооруженные?

— Бывают и вооруженные. Среди боевиков много спортсменов. Достать оружие проблемой, к сожалению, для них не является.

А.И. Гуров рассказывает о недавней перестрелке в Москве. Она была вызвана тем, что две преступные группировки — мо-

сковская и областная — не поделили, кому контролировать «наперсточников».

Кто такие «наперсточники», читателям, надеюсь, известно. Не раз уже сообщалось в печати о том, как на московских рынках появились добры молодцы, которые просят угадать, под каким наперстком спрятан шарик. Эта нехитрая забава приносит им огромные доходы. Их контролировала московская группировка, которой — за покровительство — они платили «налог». Но областная преступная группировка решила взять их под свой контроль. В результате — перестрелка.

Далее А.И. Гуров говорит мне то, что, признаюсь, удивило:

— Но в принципе руководители преступных группировок не заинтересованы в лишнем шуме. Специально для улаживания территориальных разногласий у них действуют третейские суды, на которых судьями, как правило, выступают «воры в законе». Больше того, лидеры преступного мира контролируют преступность на своих территориях: ажиотаж вокруг чужих преступлений им невыгоден.

И добавил, что здесь наша мафия перенимает опыт зарубежной. Когда в США опросили общественное мнение, то оказалось, что больше возмущают убийцы, насильники и бродяги, чем организованная преступность.

Следующий мой вопрос — о кооперативах.

А.И. Гуров сообщает, что недавно он с коллегами опросил 109 работников следствия и уголовного розыска: какие изменения в преступных организациях наблюдают они с развитием кооперативов? 81 процент опрошенных назвали «рэкет», то есть вымогательство, 52 процента — охрану кооператоров, 22 процента — компаньонство (то есть вложили деньги в кооперативы, чтобы «отмыть» их, легализовать).

Спрашиваю, есть ли заявления от кооперативов в милицию для защиты от рэкетиров, или от «охранников», или от компаньонства.

— Единицы... Боятся, что не защитим, хотя мои коллеги знают, что даже врачам, занимающимся частной практикой, уже наносили визиты представители мафии.

— Александр Иванович, каковы сегодня доходы лидеров преступных кланов?

— Если принять во внимание, что ставки в их карточных играх достигли полумиллиона, а взятки, которые они предлага-

ли нашим работникам, были и в триста тысяч, и в миллион, то можете представить, какие у них сегодня доходы...

— Так кто ж они? — спрашиваю. — Кто эти наши отечественные «крестные отцы»? Может быть, Чурбанов?

— Да что вы, какой Чурбанов! На языке преступников такие, как он, — «шестерки». Эти чиновные преступники имели вес только в своем кругу, среди своих подчиненных. Те же, кому они помогали (или на чьей службе состояли), не считали их за равных себе. Исключение, возможно, Адылов. Он единственный успевал руководить и там, и здесь. И получал ордена, и был «крестным отцом».

— Так кто же тогда?

— Кланами мафии, по нашим данным, руководят или бывшие спортсмены, или профессиональные рецидивисты, или незаметные, серенькие хозяйственники, или, скажем, официант пиццерии. Но у него — и охрана, и разведка, и своя система контроля над территорией. И главное — коррумпированные связи, с помощью которых он забирается выше и выше.

— А как складывается их быт?

— «Крестные отцы», как ни странно, живут скромно и для окружающих — законопослушно. Конечно, они имеют дачу, машину, хорошую квартиру, но не шикуют! Не держат дома наркотики или миллионы в диване.

— Но не они ли проигрывают в карты по полмиллиона?

— Они! Но среди своих! В своих, закрытых катранах! На глазах соучастников, чаще всего равных по положению в мафиозной иерархии.

Не могу не задать вопрос: обладая огромными суммами, мафия, думаю, может нанять для своих надобностей и наемных убийц. Да что — «может»! Уже, как мне известно, нанимают! Сколько они платят за это? — спрашиваю А.И. Гурова.

— Судя по законченным уголовным делам — от тридцати до ста тысяч. Но самые-то большие деньги уходят не на это! Нанимать убийцу менее выгодно, чем нанять крупного чиновника. И потому на подкуп должностных лиц (это данные НИИ прокуратуры) тратится две трети награбленного. Две трети! Можете себе представить, какие это суммы!.. Много?

— Порядочно...

— Не будь тех, кто готов эти суммы принять, — мафия бы задохнулась.

Кто кого?

Полвека назад на этот вопрос было бы ответить легко: «В каком смысле кто?». И тут же помчались бы по городу эскадроны черных воронок, хватая тех, кого подозревали в принадлежности к мафии, а вместе с ними их жен, и соседей, и троюродных племянников, и случайных прохожих по пути, а заодно и целые южные народы.

Да и недавно, лет пятнадцать назад (если бы даже кому и взбрело в голову задать этот вопрос), тоже не мучились бы долго с ответом: «Как «кто»? Конечно же, мы!».

Как раньше все было легко!.. Но попробуй найди сейчас точный и правдивый ответ.

— Александр Иванович, почему так поздно мы начали говорить об этом? Всего лишь пять лет назад (а что такое пять лет? Мгновенье!) вопрос о существовании мафии в нашей стране заставлял руководителей МВД СССР удивленно поднимать брови и покровительственно усмехаться: «Что, детективов начитались?»

— Если бы даже Щелоков захотел признать существование у нас организованной преступности, то как бы он это сделал? Как, я вас спрашиваю, если с преступниками был связан секретарь Брежнева? А Чурбанов?.. Думаете, не было тогда людей в милиции, которые все это знали?

Верю, что знали, что мучились от бессилия, что обивали пороги высоких кабинетов своего министерства. Верю потому, что не раз, в те самые годы застоя, эти же парни из милиции приходили к нам в газету и, рискуя вылететь из органов (это в лучшем случае!), передавали редакции материалы, использовать которые запрещало их собственное начальство: «Направьте в прокуратуру, может быть, хоть там поверят?», «Выезжайте в командировку, сами убедитесь!», «Напишите! Об этом нельзя же молчать!».

— В том-то и дело... Признать существование организованной преступности в стране? Никто в этом не был заинтересован! Причины, по-моему, объяснять не нужно...

Спрашиваю у А.И. Гурова: а как же удастся бороться с мафией западной полиции? Ведь, если разобраться, им-то куда тяжелее работать, чем нашим милиционерам? Ведь там, на Западе,

тебя не оштрафуют за то, что живешь без прописки? Нет таких границ, как наши? И все-таки разоблачают мафиозные кланы! О скольких таких разоблачениях рассказали нам телевидение и печать: сейчас хоть, слава богу, уже без издевки и прозрачных намеков на то, какие у них там, на Западе, нравы. Разоблачают, задерживают, судят!.. Да все это — под бдительным оком адвоката, с железными доводами, которые не отбросишь лишь на том основании, что «нашел кого защищать»! И все-таки судят! Дают огромные сроки! Вырывают корень за корнем!..

— У западной полиции есть опыт, — отвечает А.И. Гуров. — Есть закон о борьбе с организованной преступностью, которого пока у нас, к сожалению, нет. (Мы-то если и осудим кого-нибудь, то за что? В крайнем случае за мошенничество да за подстрекательство. Сами-то лидеры мафии не убивают и не грабят!) Западные законы позволяют рассматривать в суде в виде доказательств фото- и киноплёнку. А у нас по ханжескому закону суды не принимают видеосюжеты в качестве доказательств. Да и техника! Где она, наша техника? Вечно сломанный «уазик» да лет десять назад списанный фотоаппарат, а если и есть техника, то ею не умеют пользоваться. А у них давно созданы управления и отделы по борьбе с организованной преступностью!

— Но у нас же, Александр Иванович, тоже созданы отделы. Хоть и недавно, но признали же: есть мафия!..

— Пока их создали лишь в уголовном розыске, и то не везде, и загружают посторонней работой. Потому что в глубине души не могут поверить, что мафия — это не кино, это жизнь! Меня как-то старый эмвэдэвский аппаратчик спросил даже не об организованной, а об обыкновенной, профессиональной преступности: «Это ты, что ли, Гуров, нашел «воров в законе» на семидесятом году Советской власти? Как тебе не стыдно!».

Соглашаюсь с Гуровым: да, и закон необходим, и специальные отделы в уголовном розыске, которые занимаются исключительно борьбой с мафией, да и на технику, с которой работают наши сыщики, смотреть стыдно (они могут разве утешить себя, что врачам не легче). Все правильно. Но чего-то еще не хватает для ответа на новый, поставленный жизнью вопрос: «Кто кого?». Ведь хочется, чтобы все-таки мы!..

С презрением отношусь к тем прокурорам и следователям, которые мафию «чуют нюхом». Они готовы простить себе десять

незаконно арестованных за одну выловленную «акулу». Доказательств нет, и свидетели подставные, и потерпевшие липовые, но они, видите ли, «чуют», что это не карась. Знаю, как дорого потом обходятся всему обществу их ошибки. Да, соглашается А.И. Гуров. Только не бериевскими методами! Только не беззаконием!

Так где же выход?

И Александр Иванович дает ответ, который, наверное, должен был (в силу профессии) дать я:

— В гласности! Мафия должна знать, что мы о ней знаем и будем бороться с ней как с явлением.

Согласен с А.И. Гуровым: во-первых, мы должны признать мафию явлением потому, что знаем: именно мафия заинтересована сегодня в командных методах управления экономикой. Что ее спасение — в бюрократии. Что ее погибель — в гласности. Не зря же именно время застоя оказалось наиболее благоприятным для мафии.

— Но если кланы мафии уже создали свои боевые отряды, не могут ли они использовать их для дестабилизации обстановки в стране?

Александр Иванович Гуров такой возможности не исключает.

— И последний вопрос. А вас не накажут ваши руководители за то, что рассказали правду мне, журналисту?

Он пожимает плечами:

— Сейчас, кажется, не должны...

Чуть подробнее о моем собеседнике. Придя после армии в милицию и поступив одновременно на вечернее отделение юрфака МГУ, А.И. Гуров поразился несоответствию того, что видел, и того, о чем читал в учебниках и слышал на лекциях. На занятиях ему объясняли, что «в СССР ликвидирована профессиональная преступность», а на службе ежедневно встречался с этими «ликвидированными». Однажды профессор Н.Ф. Кузнецова предложила ему написать реферат, который впоследствии стал кандидатской диссертацией, но это уже потом, когда он успел поработать в уголовном розыске, в том числе и в МВД СССР, а потом перейти на работу в НИИ МВД. «Мне все время давали подзатыльники, когда я доказывал, что профессио-

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

нальная преступность существует. К счастью, поддержали начальник (в то время) НИИ Игорь Иванович Карпец и его зам — В.Н. Бурыкин. Но пока доказывал, вышел уже и на организованную преступность». Этой новой для советской криминологии теме посвящена докторская диссертация А.И. Гурова, которую он защитил весной этого года.

Не удержусь, расскажу еще об одном эпизоде из его биографии. Возможно, некоторые читатели сейчас мучительно вспоминают: «Гуров. Гуров... Знакомая фамилия». Еще не вспомнили?.. Однажды его фамилия облетела все советские газеты, а его поступок вызвал ожесточенные споры. Александр Гуров, тогда еще младший лейтенант милиции, застрелил знаменитого льва Кинга, который «играл» (как было написано в газетах) со случайным прохожим на школьном дворе почти в центре Москвы.

Но и эту давнюю историю я вспомнил сейчас не просто так.

— Александр Иванович, если сравнить льва с мафией, то все-таки... Лев готовится к прыжку или уже прыгнул?..

— Лев прыгнул.

Мы только начинаем узнавать всю правду. О многом — лишь догадываемся. О многом — не подозреваем.

Мы начинаем. И не исключено, что за какими-то загадочными явлениями нашей действительности увидим лик мафии, умело манипулирующей поступками и происшествиями.

Мы начинаем, заявляя сегодняшней публикацией свою ближайшую программу.

20.07.1988

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Встреча под стенограмму

В ряде городов страны разгорается война молодежных группировок. В редакции собрались ученые и практики, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Казань, Казань, Казань, Казань...

Никогда раньше так часто, как сейчас, не обращались к событиям, происходящим в столице Татарии. Уже не проходит недели, чтобы где-нибудь не появлялись сообщения о непрекращающихся там столкновениях молодежных группировок. «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Огонёк», «Московские новости»... Центральное телевидение, местная и московская кинохроника... И разговоры, разговоры.

И каждое сообщение — как с поля боя.

Незадолго до нашей встречи в редакции я позвонил в «Комсомолец Татарии», чтобы узнать у коллег последние новости. Корреспондент Светлана Бесчетнова продиктовала:

«Парень провожал любимую девушку домой. Когда он возвращался обратно, то был атакован группировкой, «курирующей» эту улицу. Парень погиб, не приходя в сознание.

Другой случай. Две группировки выясняли отношения, поочередно делая набеги на территорию друг друга. Под руку попался глухонемой мальчик. Исход встречи — трагический. А несколько недель назад в Кировском районе подростки убили милиционера.

Примеры можно приводить, еще и еще. Но казанцы, увы, к подобному уже успели привыкнуть.

Шокировало же общественность города следующее. «Гопники» (так еще называют членов группировки) объявили о своем намерении контролировать жизнь города. С этой целью они заключили временное перемирие. Был провозглашен так называемый месячник любви — жестокое развлечение молодежи под лозунгом «Сделаем Казань городом без девочек». Улицы вечерами пустели. В школах, даже в младших классах, учителя настойчиво рекомендовали встречать своих дочерей после школы. Это было весной. Милиция активизировала работу (были под-

ключены подразделения из других районов республики). И надо отдать ей должное: относительный порядок в городе удалось сохранить. По крайней мере (по словам работников милиции), число случаев изнасилований не превысило «среднестатистические показатели». Но, несмотря на предупредительные меры, обстановка может накалиться в любой момент».

Сообщение нашего коллеги носит — и это естественно — эмоциональную окраску. А вот сухая сводка Прокуратуры СССР: «В 1986-1987 годах в Казани совершено 181 групповое нарушение общественного порядка, в том числе — 51 групповая драка, в которой участвовали свыше 900 человек. Шесть человек погибли, 73 — госпитализированы с серьезными травмами, 193 получили телесные повреждения. С осени прошлого года обстановка резко обострилась. В драках стали использоваться ножи, тяжелые металлические шары, обрезки арматуры, кастеты, самодельные взрывные устройства. В результате уже за четыре месяца этого года в драках погибли шесть молодых людей, то есть столько же, сколько за два предыдущих года».

Да... С какой же такой цепи сорвалась казанская молодежь? И куда она мчится? В чем же разгадка «казанского феномена» (цитирую одного московского коллегу)?

Увы, наверное, в том же, в чем разгадка остальных «феноменов».

Другой приволжский город. Сообщение в «ЛГ» корреспондента «Ульяновского комсомольца» В. Марцинкевича:

«За три последних года в уличных драках в Ульяновске погибли три подростка. Последний случай — 14 октября прошлого года, когда в парке «Молодежный» выстрелом из обрезка был смертельно ранен 17-летний Олег В. Еще двое ребят получили разной тяжести ранения. Если учесть, что за неделю до этого происшествия по городу из конца в конец прокатилась волна подростков, вооруженных палками, цепями, кастетами и избивавших всех на своем пути, то на октябрь, прошлого года, несомненно, приходится пик напряженности в молодежной среде Ульяновска. Сейчас обстановка в городе в целом нормализовалась (что будет осенью — не знаю!), но тем не менее в городе активно действуют 27 молодежных группировок, 4-5 из них носят ярко выраженный агрессивный характер. Группировки называ-

ют себя: «Хлебники», «Гуроны», «Орлы», «Офицеры», «Серые волки», «Сараи», «Пентагон» и т.п. Последнее крупное столкновение между группировками произошло 1-2 мая этого года в том же парке «Молодежный». Две группировки в борьбе за влияние развязали драку, было взорвано самодельное устройство, один подросток ранен. В милицию было доставлено 27 ребят».

И еще одна тревожная точка Поволжья — столица Марийской АССР Йошкар-Ола. Корреспондент газеты «Молодой коммунист» Д. Давыдов рассказал, что происходит там:

«Хроника наиболее крупных столкновений молодежи за этот год.

8 марта в Доме культуры имени 30-летия Победы на дискотеке началась драка между подростками I, II и III микрорайонов («миражка») и микрорайоном Самбатхей. В течение нескольких минут беспорядки были устранены, изъято 16 армейских ремней.

14 марта произошла крупная драка между теми же микрорайонами. Постовые милиционеры вынуждены были, произвести предупредительный выстрел в воздух. Изъято 40 ремней и цепей.

27 марта. В драке приняли участие до двухсот подростков.

29 мая, праздник Дня города. Около ста человек из «миражки» собралось у драматического театра. В 20 часов 40 минут подошла другая группа подростков — из микрорайонов Самбатхей, Семеновки, Ремзавода. Сотрудникам РОВД удалось предотвратить столкновение.

Несмотря на то, что в массовых драках идут в ход палки, цепи, армейские ремни, телесные повреждения у кого-либо официально не зарегистрированы, так как из-за боязни мести потерпевшие никогда не называют имен тех, кто их избил.

Местом драки обычно является центр города. Поступают сигналы о том, что среди подростков идет сбор денег «на тюрьму», то есть на финансовую поддержку осужденных приятелей».

Что же такое случилось в городах Поволжья? Не объяснишь же все происшествия загадочном влиянием великой русской реки?..

Но, к примеру, город Воркута к Волге не близок. А там — то же самое, что и в Казани, Ульяновске, Йошкар-Оле.

В газете «Молодежь Севера» (орган Коми обкома ВЛКСМ) я прочитал очень обстоятельное исследование воркутинской си-

туации корреспондента газеты И. Иванова. Несколько, выдержек из статьи:

«13 декабря, 19 часов. В районе ДК железнодорожников рядами милиции пресечена драка между молодежью города и поселка Северный. Участвовали около 200 человек. При появлении милицейских машин не разбегались (как бывало раньше), при задержании зачинщиков вырывали их из рук милиции. Затем организованной стенкой пошли на милицию...». Проблема драк среди воркутинской молодежи выплеснулась за пределы Воркуты, брызги разлетелись по всей стране: двухлетней давности турне двух с половиной сотен юных воркутинцев по городам России (Воркута — Сыктывкар — Москва — Тула — Сочи — Рига — Ленинград) по сию пору памятно многим.

Еще один адрес, далекий и от Волги, и от Воркуты: Джезказган Казахская ССР. Здесь 20 апреля этого года произошла драка с применением огнестрельного оружия. В результате пять подростков получили ранения. И еще адрес: Тамбовская область, Моршанск. В начале нынешнего лета подростки совершили нападение на райотдел милиции. И еще адреса: Дзержинск Горьковской области, Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области, Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края... И, наконец, Москва. Здесь, в десяти минутах езды от здания нашей редакции, на Арбате столкнулись две группировки подростков — московская и подмосковная. Вмешательство милиции привело к тому, что враждующие группировки, соединившись, блокировали 5-е отделение милиции, куда было доставлено несколько юных хулиганов. На разгон толпы были брошены курсанты высшей школы милиции. Лишь в пятом часу утра удалось навести порядок.

Вот такова карта (вероятнее всего, очень неполная, приблизительная) молодежных происшествий в стране. И потому Казань — город, который сейчас на устах у всех, — никакой не «феномен». К нему благодаря многочисленным выступлениям печати просто больше, чем к какому-либо другому городу, привлечено внимание общественности. Но явление, с которым мы столкнулись сегодня, куда шире узких региональных рамок (это просто наша старая привычка успокаивать себя тем, что самое плохое — «где-то там, от нас далеко»). Казань же — наиболее изученная экстремальная модель явления, с которым столкнулось сегодня общество. О сути явления и наш разговор, который

ведут, собравшись в редакции, ученые и практики, исследовавшие казанскую ситуацию именно в качестве модели.

Почему так далеко зашло развитие событий? Ведь не первый месяц и уже не первый год тревожат сообщения о драках молодежных группировок!

Государственный советник юстиции третьего класса, начальник отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних Прокуратуры СССР Г.Ф. Полозов считает основной причиной запоздалой общественной реакции то, что эти драки посчитали за обычные «мальчишеские шалости»:

— Почему, допустим, казанские власти проشляпили ситуацию? Да потому, что приняли драки, кровавые драки, подчеркиваю, за эдакую молодецкую забаву, которой будто бы издавна «славилась» Русь. Подумаешь, подрались! Сегодня подрались, завтра помиряются! Кто знает, что придет в голову этим мальчишкам?..

То есть, — уточняю я, — драки списывались на подростковую стихию, с которой и бороться как-то неловко? Точно так же, допустим, как воевать с морем? Где оно сегодня выплеснется, кто знает?..

Хорошо организованные группировки приняли за стайки «трудных подростков», шастающих от нечего делать по вечерним бульварам. О системе их организации рассказывает кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР К.Г. Мяло, которая провела в Казани серию исследований:

— Три-четыре дома образуют «коробку» — аналог ушедших в прошлое дворов; «коробки» соединяются в «кусты», а уже «кусты из коробок» становятся теми «Офицерами», «Пентагоном», «Серыми волками», то есть молодежной организацией, которая имеет свою подконтрольную территорию, жесткую структуру и общего лидера или группу лидеров.

Спрашиваю, каков возраст ребят, входящих в группировки?

К.Г. Мяло отмечает тревожную тенденцию расширения возрастных границ:

— Обычно в такие подростковые команды входили, как правило, ребята с четырнадцати до восемнадцати лет. Сегодня

же нижняя граница становится все ниже и ниже: не знаю, как малыши из детского сада, но дети с семи-, восьмилетнего возраста — те уже точно попадают под влияние группировки, образуя (по казанскому сленгу) «шелуху», «скорлупу», «горох». Но и верхняя возрастная граница — та тоже увеличивается. Раньше, вспомним, возлагались надежды на армию: мол, вернется домой и поумнеет. Сегодня же, судя по Казани, молодой человек, вернувшийся из армии, вновь включается жизнь группировки. Он уже может жениться, у него могут появиться дети, но если к нему придут и скажут: «Ты нам нужен!» — он пойдет «на дело». Потому сейчас и тридцатипятилетний, состоящий в группировке, — никакая не аномалия. То есть группировка — это та организация, в которую человек вступает на всю жизнь. Подобная новая тенденция мне кажется наиболее опасной сегодня.

Но группировки расширяются не только за счет «шелухи» и послеармейской молодежи (в Казани, по данным К.Г. Мяло, ежегодный прирост составляет две-три тысячи человек). Увеличивается и, так сказать, территориальный контроль. Вот мнение доцента Академии МВД СССР майора милиции Е.Г. Бааля:

— Раньше подросток, не входящий в группировку, мог чувствовать себя в безопасности если и не в своей «коробке», то в школе или ПТУ. Сегодня же наметилась новая тенденция — группировка берет под контроль и находящиеся на территории все молодежные социальные институты: школы, ПТУ, техникумы. Жестокая жизнь улицы продолжается уже в стенах учебного заведения.

Спрашиваю: а если подросток откажется быть «контролируемым»?

— У него лишь два выхода, — считает Е.Г. Бааль. — Или войти в группировку, или быть готовым к тому, что его затерроризируют сверстники.

И рассказывает о казанском девятикласснике, которому за отказ примкнуть к группировке пришлось пройти через серию унижений: каждый член группировки (а их было больше сотни) наносил ему удары, то есть он прошел «сквозь строи» (вспомним примеры из книжек!). Девятиклассник, надо отдать ему должное, все эти испытания вынес. Но типичным такой случай признать нельзя.

— Есть, правда, еще один способ, чтобы тебя оставили в покое.

— Какой? — спрашиваю у Е.Г. Бааля.

— Откупиться, купить себе свободу.

— И сколько стоит свобода подростка?

— Средняя сумма — 250 рублей. Для пятнадцати- или шестнадцатилетнего человека сумма, согласитесь, немалая.

Стоп! То есть сегодняшние «шалости» осовременены деньгами? Не подошли ли мы к самому главному в нашем разговоре — к финансовой основе группировок?

О.Ф. Гурованов, преподаватель Всесоюзной заочной школы МВД СССР, изучив ценностные категории, существующие в группировках, считает, что не последнее место занимает умение делать деньги. Потому-то и ребята с низов иерархической лестницы начинают, чтобы завоевать вес в глазах лидеров, совершать имущественные преступления: кражи, разбои, рэкет и т.д.

Но основной денежный фонд составляют другие деньги.

Поборы! — считает К.Г. Мяло. — В Казани, допустим, они начинаются с малышей: по 20-30 копеек с носа, суммы все возрастают и возрастают с переходом в следующую возрастную группу. Деньги идут на помощь тем, кто попал в «зону», то есть на «общак», как они говорят; кто оказался раненым в схватках... Сейчас все больше и больше приобретают популярность целевые сборы на похороны.

Е.Г. Бааль добавляет:

— Серьезно о сборах денег начали говорить после нескольких похорон подростков, погибших, в схватках. Похороны эти обычно очень пышные, с множеством венков, огромная толпа ребят... На одних из последних похорон подъехал на новенькой «Ладе» лидер группировки и на глазах у всех передал матери убитого подростка толстый пакет с деньгами. Это получилось очень эффектно: вот, смотрите, мы думаем о вас при жизни, мы не забудем вас и после смерти.

По мнению К.Г. Мяло, в Казани сумма поборов достигает в среднем миллион рублей в год (!).

Не потому ли каждая группировка заинтересована в том, чтобы расширить контролируемый район? Не здесь ли искать причины непрекращающихся драк за сферы влияния?

— Если проследить движение этих денег, — говорит К.Г. Мяло, — то убеждена: мы увидим, что большая их часть оседает в руках лидеров группировок. Ведь большинство лидеров живут явно не по средствам. И потому чем мощнее группировка, тем вольготнее живет ее лидер.

Г.Ф. Полозов добавляет, что, по данным Прокуратуры СССР, казанские лидеры — в значительной степени уголовные элементы и уж никак не подростки. Подростки же для них — лишь бойцы, которых они используют для достижения своих целей.

— То есть, — предполагаю я, — возможны и такие ситуации, когда, подростки из разных группировок дерутся, а сами лидеры группировок в это время сидят вместе за столом?

О.Ф. Гурованов убежден, что так чаще всего и происходит:

— Драки — это уровень «шелухи» или шестнадцатилетних «суперов» или восемнадцатилетних «молодых». Лидеры не дерутся! Потому-то мы все чаще и чаще сталкиваемся не со стихийными, а с назначенными драками. Лидеры должны постоянно держать в напряжении своих подчиненных... И часто бывает так, что ребята и сами не знают, ради чего их послали «под ружье». Они дерутся, не догадываясь, что своей победой принесут лидеру материальные блага: чем большая территория завоевана, тем больше дань.

С ним согласен и Е.Г. Бааль:

— Вовсе исключать стихийность в драках нельзя: кто-то кому-то не понравился, кто-то на кого-то не так посмотрел. Возраст-то горячий, взрывной. Но наши исследования показывают, что казанские драки (напоминаю, Казань — это лишь модель, ситуация в других горячих точках аналогична!) происходят направленно, с заранее назначенным сроком и местом действия. Не следует упускать из виду, что часть группировок все-таки вооружена. У них даже есть свои склады, куда члены группировок приносят оружие кирпичи, железные прутья или куски арматуры...

То есть группировку никак нельзя назвать стайкой «трудных подростков».

Так кто же они? Давайте подведем первые итоги.

Вот мнение кандидата юридических наук (Институт проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР) Е.Н. Савинковой:

— Группировки, о которых мы сегодня говорим, — явление принципиально нового характера. Во-первых, их нельзя сравнивать с досуговыми объединениями по интересам.

— С «неформалами»? — уточняю я.

— К «неформалам» это явление не имеет никакого отношения!

Я специально попросил Елену Николаевну уточнить, называть или не называть «неформалами» всевозможных «серых волков». Ведь именно на подростков-«неформалов» — металлистов, панков, хиппи, фанатов — было обращено общественное внимание, вокруг них роились споры и домыслы, на них было нацелено пристальное внимание милиции, которая именно на длинноволосых или ярко разукрашенных подростках оттачивала свое умение бороться с так называемыми «нештатными общественными ситуациями». И что же? В то же самое время формировались, сплавливались, развивались объединения совсем другого типа. Те, кто уже сегодня стал серьезным общественным явлением, те, кто представляет опасность для общественного порядка несравнимо большую, чем подростки с колокольчиками на штанах.

— Группировки, — подчеркивает Е.Н. Савинкова, — это действительно организации. У них есть устойчивая структура, постоянно воспроизводящиеся отношения, жесткая система подчинения. Цели группировкам задаются верхним иерархическим слоем, который в подавляющем большинстве — и здесь я согласна с Г.Ф. Полозовым — состоит из уголовных элементов.

То есть ребята стали игрушкой в чьих-то умелых руках?

Так что же за общественные процессы породили новое явление в молодежной среде? Кому они сегодня выгодны? Кто заказывает музыку?

Нас, признаюсь, удивил вывод К.Г. Мяло:

Молодежная группировка — это типично средневековая общественная структура. — И пояснила: — Мы привыкли рассматривать все, что происходит у нас в стране, как нечто исключительное и только нам присущее. А мне бы хотелось обратиться к аналогиям прошлого, к тому, что уже неоднократно наблюдалось в истории.

— Не слишком ли мы далеко отошли от предмета разговора? — прерывает К.Г. Мяло один из участников нашей встречи.

— Но давайте разберемся! Ведь все эти молодежные группировки — это не демократические структуры. Даже в названиях их есть тяготение к звериному, к животному! Сама структура группировок глубоко архаична: власть в них идет только сверху вниз, но никоим образом не снизу вверх! Есть те, кто собирает дань, есть те, кто дань платит.

— Группировки, — обращает нас к опыту прошлого и Е.Г. Бааль, — это феномен воинствующей улицы, который наблюдался у нас в двадцатые годы, да и потом, в периоды сильных общественных сдвигов, периодически напоминал о себе отдельными всплесками вандализма, жестокости, тяжкими преступлениями в ряде городов нашей страны.

Но О.Ф. Гурованов, исследуя ценностные категории, принятые в группировках, пришел к неожиданному, как он сам признался, выводу:

— Эти ценности: и культ жестокости (ребята даже после того, как убьют человека, не скрывают этого факта, а, напротив, хвастаются перед сверстниками!), и культ силы, и престиж «зоны», и, как я уже говорил, умение делать деньги нечестным, так сказать, путем — все это я сравнил с ценностями, существующими в уголовно-преступном мире.

— Ну и что?

— Они идентичны! То есть традиции элементарной уголовщины проникли в общество (еще раз вспомним здесь эпоху застоя с деградацией нравственных критериев). И именно молодежь стала генерировать в своей среде эти воровские традиции.

— Согласен! — говорит Е.Г. Бааль. — Сегодня в группировках растут тяжкие преступления корыстной направленности, осваиваются навыки новых форм преступной деятельности (рэкет, вымогательство, картежные игры, фарцовка), в группировках идет обучение личного состава навыкам гарантированного алиби, конспирации, рукопашного боя. То есть мы имеем дело с формированием специфической субкультуры, которая включает в себя теорию сильной личности, веру во всемогущее групповое братство, уголовную романтику, свой неписанный моральный кодекс, отрицательное отношение к формальным молодежным структурам...

— То есть, — уточняю я, — мы имеем дело с молодежным отрядом мафии?..

Е.Г. Бааль:

— Я бы не рискнул назвать молодежные группировки профессиональными преступными организациями, но лидеры некоторых группировок сегодня уже консолидируются с ворами в законе, спекулянтами и фарцовщиками..

— Значит, связь с мафией все-таки возможна? — спрашиваю я.

— Здесь на встрече присутствует Александр Иванович Гуров (знакомый читателям «Литгазеты» по публикации «Лев прыгнул!» — Ю.Щ.). Может быть, он сумеет подробнее проанализировать связь группировок с организованной преступностью? Но мне лично кажется, что в первую очередь мы столкнулись с коллективной агрессивностью молодежи в ответ на социальные проблемы, перед лицом которых она оказалась. Но, повторяю, ситуация, при которой сильные личности из преступного мира могут попытаться использовать молодежные группировки в своих целях, не исключена.

— Они уже используют! — утверждает О.Ф. Гурованов. — Люди из высших преступных кланов стоят над группировками, и они настолько сильны, что лидер пусть даже самой мощной молодежной группировки, который может поднять в ружье несколько сот подростков, никогда не слушается представителя «высшей лиги».

Так есть связь мафии с молодежными группировками или нет?

Вот мнение подполковника милиции (НИИ МВД СССР) А.И. Гурова:

— Давайте сначала разберемся просто с группировками самими по себе. На чем они основываются? Правильно сказали мои коллеги — на уголовно-воровских традициях. В молодежном движении, насколько мне известно (и здесь ссылки на прошлое не убедили!), такого никогда не было. Отдельные элементы блатной романтики: «кепка набок да зуб золотой!» и т.п. — но полного копирования, как сегодня, нет, никогда! Так почему же сегодняшняя современная грамотная молодежь начинает создавать организации именно на «блатных» основах? Думаю, причину надо искать в существовании стабильной организованной преступности в стране, которая распространила свои традиции на молодежь. И причина явления, которое мы сегодня разбира-

ем, — в длительном замалчивании организованной и профессиональной преступности, которая тем временем начала воспроизводить себе подобное в молодежной среде.

Коллега А.И. Гурова по НИИ МВД заместитель начальника отдела института майор милиции В.С. Овчинский причину распространения «казанского феномена» в стране видит в общем росте подростковой преступности:

— Последние десятилетия мы жили в условиях узаконенного вранья, и эта ложь, к сожалению, существует и на четвертом году перестройки. В 1988 году выходит учебник «Криминология» (по нему должны учиться все юристы страны!), в котором черным по белому написано, что преступность за годы Советской власти, а особенно за два последних десятилетия (!) снизилась на небывалое количество. Тогда как за последние двадцать лет преступность только лишь несовершеннолетних выросла в два раза. Не знаю еще, сколько преступлений скрыто от учета! Отсюда и истоки явления, которое мы сегодня, спохватившись, так пристально изучаем. И потому я не исключаю, что на фоне лжи, в которой мы жили, процессы в молодежной среде зашли так далеко!..

— Но все-таки, — продолжает А.И. Гуров, — отнести молодежные группировки к категории организованной преступности нельзя. Это, безусловно, преступность неорганизованная, так как отсутствует один из основных ее признаков — коррупция.

— Значит, Александр Иванович, — спрашиваю я, — можно облегченно вздохнуть: группировки — это не молодежный отряд мафии?..

— Думаю, что все-таки нет, не можем. Мы приходим к выводу, что общее руководство молодежными группировками осуществляется людьми из мафии. В какой мере, мы еще не знаем. Но то, что оно есть, — это точно! Ведь не случайно если воррецидивист приезжает в ту же Казань, то ему тут же покупают машину. И смею вас уверить, хорошую модель. На какие, скажите, деньги? То есть люди из мафии умело руководят гангстерским (а иначе я его и не назову) молодежным движением.

— Но для чего? Вербовать из них себе охрану?

— Да цель прямая! Отвлекать работу правоохранительных органов от себя! Пусть, мол, милиция «детिशек» разгоняет. Это явление мы, кстати, наблюдали в истории с «люберами», когда

все внимание было отвлечено на пацанов и из них сделали главных мафиози!

Старший научный сотрудник НИИ МВД майор милиции В.А. Гришин приводит еще одно доказательство связи мафии с молодежными группировками:

— В той же Казани, когда к ответственности привлекались лидеры преступного мира, тут же начинались волнения среди молодежи, чем отвлекалось внимание аппарата внутренних дел. Кто же зажег спичку над этой взрывоопасной массой?

— Товарищи! — вновь вступает в разговор К.Г. Мяло. — У меня сложилось впечатление, что моя ссылка на средневековые была воспринята как чисто академическая, не имеющая отношения к предмету нашего разговора. А сейчас я слышу, что организация молодежных группировок выводится все-таки из преступного мира. Мне кажется, это спор о яйце и курице. Уточню: человечество начинается там, где вместо стаи возникает сложная и развивающаяся социальная организация. Там же, где сложная социальная организация начинает по каким-либо причинам распадаться, там и возникает обратное движение — к стаям, бандам. Ведь стая — это архаическая, окостеневшая форма социальной организации, существующая на обочине или внутри большого общества. И размеры контролируемой стаей территории в значительной степени зависят от того, на каком витке находится общество. Сейчас мы вступили в стадию развития, когда очень резко усиливаются центробежные процессы. Это очень важно понять. Ведь последние двадцать лет в стране шел чудовищный процесс маргинализации: масса населения выбрасывалась из сельской местности в город, города росли без обретения достаточной социально-культурной сферы. В городах создавался контингент, для которого характерны тенденции к психологической агрессии, сколачивание элементарной группы, организованной вокруг лидера и естественно большая предрасположенность к криминализации. То есть общество само постоянно подпитывало группировки. Если мы возьмем Казань, то увидим, что интенсивность роста молодежных группировок совпадает с образованием новых районов, и подростки, сходящие в группировки, в большинстве своем — из рабочей среды; в них входят практически все ребята, учащиеся ПТУ (и это не только в Казани). То есть речь идет о возникновении того самого «гет-

то», которое как на Западе, так и у нас питает явление, которое сегодня нами рассматривается. А мы, отвечая на вопрос «что делать?», чаще всего убеждены, что волевым усилием можем разрешить все наши проблемы, забывая о том, что социальные процессы столь же объективны, как и природные.

Приведу пример из справки, подготовленной Прокуратурой СССР:

«Несовершеннолетние Хабибулин и другие (всего 4 человека) совершили злостное хулиганство и групповое изнасилование. Несмотря на то, что ранее они допускали противоправные действия, пьянствовали, состояли на учете в милиции, сначала прокурором Приволжского района г. Казани им была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде. Затем все они были арестованы районным нарсудом.

После суда собравшаяся из их группировки молодежь ПРЕПЯТСТВОВАЛА ДОСТАВЛЕНИЮ ОСУЖДЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННЫЙ ИЗОЛЯТОР, ОТБИВАЛА ИХ У КОНВОЯ».

Специально выделил последние строчки. Специально, чтобы сказать то, что наверняка найду в читательских письмах, которые получит редакция после выхода этого материала: а раньше-то ведь такого не было! Это что же за демократия такая — нападать подросткам на здание суда? Это, что ли, «дети гласности»?

Потому-то давайте трезво оценим ситуацию: что есть сегодня, чего не было вчера и что из вчерашнего досталось нам сегодня в наследство?

— Некоторые крупные юристы, — говорит В.С. Овчинский, — выдвигают сегодня тезис, что перестройка создала исключительно благоприятные условия для правоохранительной системы и что в таких условиях преступность, особенно молодежная, будет неуклонно снижаться. Это порочный тезис, который очень напоминает славословия эпохи застоя. Перестройка — это революция, а всякая революция ломает стереотипы в сознании, сокрушает идолы и идеалы. И эта ломка не может не отразиться в первую очередь на молодежи! Допустим, развитие кооперативной деятельности приводит — особенно на первых порах — к еще большему расслоению в обществе. Как это расслоение должно соответствовать представлениям молодежи о социальной справедливости? А это лишь один из примеров сегодняшних противоречий. Поэтому мы все должны быть готовы

к работе в тяжелейших условиях, и не надо успокаивать себя: ах, если перестройка, то все сразу же будет хорошо.

Но в принципе, думаю я, слушая наших собеседников, найти выход легко. По крайней мере — на бумаге. Во-первых, наметить меры, которые должны способствовать улучшению ситуации в горячих молодежных точках: усилить работу по месту жительства... привлечь общественность... воздействовать на семью... улучшить воспитание в школе...

Но даже сейчас, когда пишу эти «строки-меры», лицо сводит от скуки зевотой. Сколько раз, как закливание, повторяли мы одно и то же? Сто? Тысячу? Миллион, размноженный в сотнях миллионов газетных статей?.. А толку!..

Вот почему так точны, мне кажется, слова майора милиции В.А. Гришина:

— Мы так часто в печати, по телевидению констатировали, анализируя подобные ситуации: да, плохо воспитывает школа, да, плохо работает комсомол и т.д. и т.п., что уже в обыденном сознании эти наши фразы давно превратились в ничего не значащий штамп, За констатацией хотелось результатов, а их не было.

— Во-первых, — убежден В.С. Овчинский, — необходимо обеспечить элементарное соблюдение социалистической законности, то есть создать в горячих точках страны нормальную обстановку! А уже потом решать социальные проблемы! Жители горячих точек устали от молодежных войн. В конце концов жизнь их детей находится постоянно в опасности!..

— Но смотрите, какая ситуация! — говорит представитель МВД СССР, полковник милиции Т.И. Фильченков. — Идет драка, в ней участвуют, допустим, 50 человек. Один другому наносит телесные повреждения, и этот-то один проходит по уголовному делу! А остальные, те, кто участвовал в драке?.. Они остаются полностью безнаказанными! Я не говорю о том, что всех надо сажать в тюрьму, по закону есть и такая мера, как штраф до 300 рублей. Но применяется ли такая мера?.. Практически нет! И потому-то ребята играют в войну с милицией!..

В.А. Гришин добавляет с тревогой:

— Товарищи! Эти игры ни к чему хорошему не приведут! В стране происходят одно за одним чрезвычайные, я считаю, происшествия: подростки блокируют отделения

милиции, в которых находятся их задержанные приятели. Назову последние примеры: Липецк, Дзержинск, Моршанск, Москва...

— И что же нам делать в случаях таких беспорядков?.. Спецсредства мы против подростков применять не имеем права. Ну что тогда делать, скажите? — спрашивает А.И. Гуров. — Безусловно, для решения проблем, накопившихся сегодня в горячих молодежных точках, необходимы и экономические, и социальные, и правовые меры. Но что делать, допустим, в случаях прямого нападения подростков на отделения милиции, как уже случалось не раз? Демократия демократией, но для защиты демократии необходимы и меры насилия! Мы должны защищать интересы общества или нет?..

Я рассказываю нашим гостям, что собственными глазами видел в Москве милиционеров, вооруженных дубинками (сила их ударов, говорят, достигает 180 килограммов). Но они почему-то прогуливались возле гостиницы «Интурист» на улице Горького, где, кроме проституток и торговцев водкой, никаких разъяренных толп не было, и потому я так и не понял, кого же они запугивали, от кого защищались.

— Но именно с помощью спецсредств была предотвращена драка в центре Москвы — возле ресторана «Узбекистан»! — напоминает Г.Ф. Полозов.

— То есть мы достигли такой ситуации, когда выход — в насилие?.. Запугаем — и все как рукой снимет? — сомневаюсь я.

— Пока запугивают окружающих молодежные группировки! — говорит Е.Г. Бааль. — В Казани арестовали одного хулигана-активиста. Началось следствие, но как только объявлялся свидетель — у него тут же поджигали дверь квартиры. Дошло до того, что сожгли дверь у работника милиции!..

— А я, — добавляет Г.И. Фильченков, — видел заявление потерпевшего, который на вопрос, кто его избил, отвечает: ничего говорить не буду, пишите — «упал с вертолета»! Так и записали! Не может же до такой степени быть запуган молодежью народ!.. Значит, согласен с коллегами: на первом этапе необходимо навести порядок.

— Но одной милиции не справиться в той же Казани, — говорит Е.Г. Бааль. — Ребята не уходят с работы сутками, спят на стульях, на столах... Работают на полной нагрузке..

— Позвольте с вами не согласиться, — вступает с ним в спор Е.Н. Савинкова, — Привычное для милиции стремление исправлять реальную картину жизни ложными данными в той же Казани привело к тому, что безнаказанность хулиганов приобрела массовый характер. Только в трех районах Казани (из семи) во время наших проверок выявлено 124 преступления — 124! — по которым было необоснованно отказано в возбуждении уголовных дел. Причем потерпевшими оказывались подростки, которые избиты другими подростками. Но вместо того чтобы расследовать их заявления, работники милиции с завидной энергией бросались на то, чтобы добыть какие-либо компроматериалы на потерпевших и тем самым заставить их забрать заявление. Дальше... За прошедшие месяцы 1988 года Казанским уголовным розыском была раскрыта лишь одна четвертая часть зарегистрированных групповых преступлений. Усилия следователей направлены лишь на то, чтобы собрать материалы на двух-трех «попавшихся» подростков, остальные же участники драки получают своего рода индульгенцию... Дальше... В 1988 году установлено только 15 процентов участвовавших в групповых драках, и среди них — ни одного взрослого организатора, ни одного подстрекателя. И я убеждена, что самые главные, хорошо законспирированные преступники, находящиеся на верху иерархической лестницы, не выявляются. Потому мы сегодня не можем остановить рост агрессивных группировок.

— Но товарищи! — вступает спор О.Ф. Гурованов. — Хорошо, очередной лидер или просто активный участник будет арестован, осужден. Но оказывается, что тем самым мы работаем на его авторитет! Ведь влияние уголовного мира на молодежное движение таково, что «зона» — один из путей наверх в иерархической лестнице группировки! Он выходит — и приобретает еще больший авторитет.

— Так что, совсем, что ли, их не сажать? Куда же их, на Марс, что ли, всех выслать? — горько шутит кто-то из участников нашей встречи,

И спор разгорелся дальше...

Уже давно наступил вечер, опустела редакция, и в пустом здании, наверное, громко разносились наши голоса.

Но на этом я останавливаю свой отчет об этой встрече.

Всеми ее участниками (а давно у нас не собирался такой авторитетный совет экспертов) было высказано множество пред-

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

ложений, выходов из тревожной ситуации. Иногда спорных, иногда взаимоисключающих друг друга. Я нарочно не хочу приводить их, чтобы не обнадежить ни себя, ни вас обманчивостью легкого рецепта.

Приведу лишь в заключение слова Елены Николаевны Савинковой, мне лично очень близкие:

— Подросток в своем сложном и жестоком мире куда меньше защищен, чем в годы детства. Где же ему искать защиту? В семье? Для родителей он уже не ребенок, а подросток. В школе? Кому он там нужен. В милиции? Смешно... Потому-то, даже не принимая ни цели, ни нравов группировки, он вынужден быть в ней. Иной защиты у него просто нет.

Потому-то, наверное, я все думаю и думаю о том казанском девятикласснике, который под градом ударов шел сквозь строй.

Он — на нашей совести.

12.10.1988

«ЛЕВ ПРЫГНУЛ»: ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Два с половиной часа с бывшим владельцем саун для узкого круга

Я взглянул на часы и с ужасом обнаружил, что стрелки подозрительно надолго застыли на семи. «Сколько на твоих?» — спросил у товарища. «Восемь. Без десяти. А что?» — Ребята, опаздываю... Нужно в отель. Быстро». Мы помчались из рестораника, где ужинали, в центр города, и я благодарил судьбу, что Миннеаполис — не Нью-Йорк или Чикаго, что уже кончился час пик, что вовремя сообразил, что часы остановились, что, наконец, в Америке давно решена проблема «плюс автомобилизация» и каждый из американцев, с которыми я здесь познакомился, не может представить свою жизнь без автомобиля.

Американцы — удивительно точные люди. Их «встретимся в восемь» означает действительно «в восемь», а не «в полдевятого» и даже не «в восемь десять». Еще задолго до этой поездки в США я знал с точностью до минут, где, с кем и по какому поводу намечены встречи, и, приехав, поражался завидному «социалистическому» планированию американцев, при котором все пункты программы (даже число гостей на одном из приемов: не около ста, и не за девяносто, а 96. Так потом и оказалось, не поленился посчитать) сбывались, как в сладких грезах работников нашего Госплана.

Встреча, на которую я торопился, не была запланирована заранее, и потому я тем более не мог опаздывать. Он мог не дожидаться, мог передумать, мог в последнюю минуту отказаться от своего первого (как я знал) общения с советским. «Как я его узнаю?» — спросил я у человека, который помог мне организовать эту неожиданную и странную встречу. «По загару. Он только что из Флориды. Да и вообще... Сам поймешь, который из всех — он...»

Холл отеля, в котором я жил, был пуст. Клерк за стойкой приветливо махнул мне рукой. Я растерянно огляделся вокруг, посмотрел на часы: семь минут девятого, огорченно вздохнул и вдруг услышал: «Юрий?»

Лет под пятьдесят, черное от загара лицо, широкая улыбка, ярко-зеленые штаны. «Роберт? — «Можно Боб, — крепкое рукопожатие. — Тебя нет... Пошел посмотреть, может ты засел в баре?» — «Извините, Боб. Чертовы часы».

Пока поднимаемся ко мне в номер, окончательно решаю, как начать разговор:

— Боб, как вы пришли к Богу?

Он не удивляется вопросу:

— О, я сперва испробовал всякое зло. У меня были влиятельные друзья: банкиры, владельцы фирм, адвокаты. У меня были деньги, была власть. Собираясь на вечеринки, мы делали все, что хотели... — он внимательно посмотрел на меня, видимо, проверяя, понял ли я, что он имел в виду.

— Моя жена, — продолжает Боб, — была очень красивой. Я покупал ей все о чем только может мечтать женщина. Но для меня жена была лишь куклой. Да, да, куклой... Тогда я не понимал, что такое женщина. Каким я был мужем? Да никаким!.. Моей женщиной были деньги, моим богом были деньги, и я думал только о них. Но однажды — а мы жутко ссорились с моей женой — я стал молиться, чтобы она забеременела. И она забеременела! Но тогда мне это не ударило в голову, Бог еще не пришел ко мне...

Я уже привыкнув к детской откровенности американцев, не удивляюсь ответу Боба, и спрашиваю, а разве родители не старались сделать его верующим? Он что, не посещал воскресную школу?

— Как я ненавидал эти воскресные школы. Мне казалось, что я — единственный ребенок на свете, которого заставляют так мучиться!

— Но я всегда был убежден, что американцы — очень религиозные люди...

— Религиозность и вера в Христа — разные вещи, наставительно объясняет Боб. — Те, кто убил Христа, тоже были религиозными... Я поздно пришел к Богу, но Бог в моей жизни был всегда. До того, как я это осознал. На Америке лежит рука Господа... Даже на деньгах мы пишем, что верим в Бога... В России отошли от Бога, — и, задумавшись, поправляется: — Отходили до последнего времени. Ну, в той России... он пытается подобрать слова.

— Вы имеете в виду «до перестройки»?

— О, да, да! — радостно соглашается Боб. — Горбачёв... Хорошо... Что-то у вас там такое происходит, — он уже говорит слова, которые я ежедневно в разных вариациях слышал на всем протяжении двухнедельной поездки в США.

Потом Боб рассказывает деловую, так сказать, часть своей биографии: многодетная семья, отец — небогатый фермер, сначала работа у старшего брата на бензозаправочной станции, потом решение завести свое дело. Под залог фермы отец дал ему денег.

— Поскольку на карту была поставлена ферма отца, я работал по 17 часов семь дней в неделю, — вспоминает Боб. — И в первый месяц сделал четыре тысячи долларов. Вот так начался мой бизнес.

И тогда я спрашиваю, все ближе, ближе, ближе подходя к единственно интересующей меня теме сегодня:

— Боб, а может ли бизнес быть чистым, только чистым делом?

— Сами по себе деньги — это зло, — как школьнику объясняет мне Боб. — Зло, потому что они дают человеку власть... Но что касается вашего социализма, то вы пытаетесь удовлетворить потребности всех, а это неправильно. Поэтому я не верю ни в социализм, ни в коммунизм. Я не верю, что при этом строе может проявиться весь потенциал человека...

Я рассказываю Бобу про некоторые новшества нашей экономики (жалая, что рядом нет экономического обозревателя «ЛГ» Александра Левикова). Он внимательно слушает, а потом говорит:

— То есть, как я понял, вы приближаетесь к законам свободного рынка?

Я пожимаю плечами: да, возможно...

Тогда, — торжественно говорит Боб, — у вас будет происходить то же, что и у нас.

Не будет очередей в магазинах? — уточняю я.

Не только это, не только это... Люди есть люди, а человек по своей натуре плох. У вас... — поднимает вверх палец — у вас появится мафия, вы столкнетесь с коррупцией...

Я не стал упрекать своего собеседника в недостаточном, мягко говоря, знании реалий нашего социалистического общества. Другое меня интересовало: если мафия и коррупция в нашем

обществе рождены прежде всего «теневой экономикой», заставляющей — или заставлявшей? — многих наших отечественных бизнесменов забираться в тень нашей дымной индустрии, то что является тенью в условиях свободного рынка?

— Подпольный бизнес: наркотики, проституция — то есть бизнес на человеческих пороках, — считает Боб.

— Это и есть деньги мафии?

Боб объясняет:

— Большинство богатых людей в Америке — это люди, делающие чистый бизнес, — и в качестве примеров приводит известные и нам кланы Рокфеллеров и Кеннеди. — Их доходы официальные, и поэтому им нет надобности прятать деньги под матрас (о, интересно! оказывается, и у американцев есть такое выражение. — Ю.Щ.). Все их доходы облагаются налогом. А как ты заплатишь налог, допустим, с торговли наркотиками или проститутками?.. Вот почему мафия играет лишь с наличными деньгами. Ну и что можно делать с деньгами, которые нельзя положить в банк? Тратить? Ну и сколько ты можешь потратить?.. Хотя, конечно, немало людей скрывают свои налоги. — И, лучезарно улыбаясь, добавляет: — Я тоже занимался этим когда-то. Мои реальные доходы и те, о которых я сообщал налоговому управлению, никогда не совпадали.

— То есть вы делали деньги на чем-то таком, о чем...

Он не дает мне закончить:

— Я делал деньги на саунах!

— На воде, что ли?

Да нет. Причем здесь вода... Моими саунами были подпольные публичные дома. Я делал деньги на проститутках.

Сейчас, наверное, самое время развеять один стереотип, прочно засевший в наши головы чуть ли не с самого детства. Если бывший американский президент однажды окрестил СССР «империей зла», то мы, в свою очередь, пугали «ужасающей вседозволенностью», царящей в США. Сужу даже по своим знакомым, которые были страшно удивлены, когда я им рассказывал, что в Америке нет публичных домов, что в Америке запрещена проституция (я говорю, естественно, о законах, а не о практике, так же, впрочем, как и у нас), что ни один из национальных каналов американского телевидения не позволил бы

себе показать даже «Маленькую Веру». Больше того! Последний бар в том же Миннеаполисе закрывается в час ночи, а американские таксисты, боюсь, онемели бы от изумления, услышав вопрос: «Виски есть?» Я говорю сейчас даже не о том, что же это за государство! Говорю о том, каким это государство хочет быть.

Но продолжается наш вечерний разговор с Бобом, фамилии которого я не называю, надеюсь, уже по понятным причинам.

Спрашиваю, сам ли он находил девушек, имеющих, так сказать, соответствующее призвание...

— У меня был офис и люди, которые работали на меня в моих четырех саунах. Сам же я там, конечно, не бывал. Но... — задумывается он, — как это делается я, конечно, знаю.

И рассказывает, что первой девочкой, которая привлекла его внимание (для «работы», естественно), оказалась девочка с фермы.

— Ей было восемнадцать лет, небольшого роста, но очень симпатичная, — вспомнил Боб. — Человек, который впервые нашел ее, предложил ей сто долларов — и она согласилась. Потом я спросил у ее подчиненного, как идут ее дела? Он мне ответил: замечательно...

— Боб, — напрямую спрашиваю я, — можно сказать, что вы сами состояли в мафии, и притом, как я понимаю, не на самых нижних ее ступенях?

Он улыбается:

— Но можно сказать и так, что я был в пяти шагах от того, чтобы стать настоящим мафиози.

— Не понял...

— Меня окружали многие люди, которые хотели этого. Один из моих сотрудников был итальянцем... Через него я передавал деньги, которые он в свою очередь отдавал политикам для того, чтобы наш бизнес не накрыли... Уже потом люди из мафии пообещали мне, что если я захочу, то смогу стать мэром или губернатором...

— То есть, — уточняю я, — мафия так или иначе связана с политикой?

В ответ Боб рисует мне схему, как он сам ее называет, круга. На одной точке его — политик. Допустим, «кристально чистый». На другой — противоположный, человек дна. Подпольного мира,

развращенный предельно. И этот человек дна — с помощью денег, естественно, — постепенно поднимается вверх и становится на один уровень с «кристально чистым» политиком. А потом дает этому «кристально чистому» сто тысяч на избирательную кампанию. И тот берет. Вот круг и замкнулся.

— А у вас так же? — вдруг спрашивает он меня.

Отвечаю, что касается избирательной кампании, то пока, имея единичный опыт, сравнить трудно. Но в остальном... Сколько уже «кристально чистых» политиков оказалось на скамье подсудимых! Сколько ниточек, ведущих снизу, со дна, наверх, уже обнаружено! Сколько еще невидимых! Но это — наши проблемы. Понять бы, что у них, чтобы легче было разобраться, а что у нас...

Спрашиваю:

— Боб, как я понял, вы — или ваши люди — давали деньги политикам, чтобы ваши сауны не рухнули. А вы знаете полицейских, которые брали взятки?

— Лично? Могу рассказать историю из собственной жизненной практики. Однажды я выиграл на футболе 18 тысяч долларов...

— Что значит на футболе?

— Разве у вас такого нет? Я поставил на одну команду, и поставил правильно...

И решил прокатиться в Лас-Вегас. Там тоже поставил, но неудачно. Но все равно тысяч восемь осталось. Даже девять... И с этими деньгами поехал в северную часть Лас-Вегаса, где в это время проходил конкурс красоты. У вас проводят конкурсы красоты?

— О, да... У нас же перестройка.

— Прости, забыл. И вот там... А я уже был достаточно пьян, карманы оттопыривались от денег, и я решил скупить всех участниц конкурса красоты, чтобы самому стать их судьей.

— И получилось?

— Естественно... По сто долларов за штуку. Мы, значит, гуляем, а тут появляется полиция. Спрашивает у меня удостоверение личности. Я им сказал: «Вот мой бумажник... Ищите там удостоверение личности. Найдете — ваше». Они неожиданно разозлились, подумали, что это наглость... Ваши бы тоже так подумали?

— Смотри кто... Некоторые работники нашей дорожной милиции — ГАИ — даже не краснеют, когда в документах видят купюру...

— А, тогда вы понимаете... Они нацепили на меня наручники, избили и кинули в участок. Я им сказал: «Ну что, ребята, сделали свое дело? А теперь пошли-ка ко мне в гостиницу и устроим маленький праздник».

— Они снова сказали, что вы наглый?

— Уже нет... Они пошли ко мне в номер, отобрали самых красивых девушек из претенденток и, накурившись марихуаны, целую ночь с ними развлекались... — Потом, подумав, добавил со значением: — Но это, как вы понимаете, было давно!

— Боб, а рэкет? Это проблема для США?

Он вяло отмахивается:

— Ну, рэкетеры могут позволить себе взять деньги у хозяина бара или кафе, который, как они знают, не платит налог. Или обложить данью торговца наркотиками. Мелкого, конечно... Один мой знакомый из Индианы сейчас должен сесть за это в тюрьму.

— Скажите, а уличная преступность как-то связана с мафией?

— Нет, — убежден Боб, — Мафия — это прежде всего несколько «семей», которые делают деньги на человеческих пороках (сегодня миллиардный — на торговле наркотиками) и с помощью денег концентрируют вокруг себя власть. В моем случае так и было...

Спрашиваю, сколько же лет он занимался своим подпольным бизнесом.

— Шесть, — отвечает Боб.

— А потом — к Богу?

— Я не мог смотреть, что происходит с этими девочками...

— Можно ли сказать, что религия для вас была пробуждением совести?

Боб отвечает, что совесть пробуждает не религия, а Святой Дух.

— Но как же вы решили бросить такое выгодное дело? — настаиваю я.

Вот объяснение Боба (привожу дословно, хотя, признаюсь заранее, и сам не смог, когда слушал его, отделаться от ощущения театральности происходящего): «Христос покинул нас для

того, чтобы мы жили через него... Мне уже было 36 лет, и я понял, что я — ничтожество. И я возненавидел себя. «Ты живешь только для себя самого!» — сказал я себе. Я пошел в спальню, упал на колени и начал молиться. Я просил Бога показать мне, как надо жить. Я сказал Богу: я буду жить так, как хочешь Ты... Скажи мне, что я должен сделать? А ночью мне приснился сон, и сон был о моем прежнем, о чистом бизнесе — о бензозаправках... И вдруг через несколько дней мне позвонил человек и спросил, не хочу ли я купить бензозаправочные станции. Я не раздумывал ни секунды, и когда приобрел свое новое дело, то знаешь, какой подарок мне сделал его бывший владелец? Он подарил мне Библию! И я открыл ее в первый раз в своей жизни, и оказалось что все в ней — правда. Я прочитал о том зле, которое сам сделал за всю свою жизнь. Я узнал, чем праведник отличается от грешника. Я понял, что грешник подвержен любым дуновениям ветра, а человека, живущего с Богом, ничем пошатнуть нельзя».

Он делает паузу и вдруг говорит:

— Мне кажется, что в Россию сейчас приходит Святой Дух. И я уверен, что и ты, Юрий, придешь к Богу.

Я благодарю его за эту надежду, относя ее (как у нас принято) ко всем коллективам и организациям, но снова стараюсь вернуть собеседника к мирским делам:

— Боб, вас, допустим, посетил Святой Дух. Ну а других ваших коллег по злым поступкам? Вы как-то старались распространить свой опыт? — спрашиваю я и с ужасом обнаруживаю, что начинаю говорить каким-то фантастическим языком, в котором только и можно совместить «Святой Дух» с «передовым опытом». Но Боб меня отлично понимает и, понимая, кивает:

— О, да, да... И некоторые действительно перестали делать плохие вещи.

— Вы пытались спасти и кого-нибудь из женщин, которые работали в ваших саунах?

Он кивает: «О, да, да...» — но потом вдруг сердито машет рукой:

— Но они ничего хорошего собой не представляют! Они зарабатывают так много денег и так привыкли заниматься тем, чем они занимаются! С ними говорить без толку. — И, поправляясь, добавляет: — Хотя и их пытался спасти.

— Ну, а кто-нибудь из ваших прежних коллег смеялся над вами, когда вы бросили такое выгодное дело?

Боб рассказывает историю о своем приятеле, который на все разговоры о Боге и Святом Духе отвечал: «Отстань от меня» (может быть, в более грубой, привычной для нашего языка форме. Чистого эквивалента в английском, как известно, нет). Он продолжал делать деньги на саунах, и чем кончилось дело? Поехал со своим знакомым в Северную Миннесоту, там они сели на наркотики, начали ругаться, и кончилось дело тем, что один другого зарубил топором.

— Никогда не думал, что в Америке для подобного дела тоже пользуются топорами! Прямо как у нас! — удивляюсь я.

— Вот так-то... — печально вздыхает Боб. — Конечно, кое-кто из наших смеялся, но сейчас удивляются: «Как же так! Бросил сауны, начал молиться, а у него такие колоссальные успехи в бизнесе!».

— А успехи в самом деле колоссальные?

По словам Боба, одна знакомая сказала ему: «Ты самый богатый человек, которого я знаю. Правда, твоя душа еще богаче».

— Вы богаче губернатора штата? — спрашиваю Боба.

— Губернатор очень беден... Какие у него деньги!..

— А у вас? — извинившись, спрашиваю я (хотя в Америке не зазорно говорить о доходах).

— Четыре миллиона... — бросает Боб. — Но это раньше для меня богом были деньги и людей я использовал лишь для того, чтобы их делать. Теперь я люблю людей и использую деньги, чтобы помогать им...

Мы замолкаем, находя эту формулу, видимо, приемлемой для наших противоположных систем, и вдруг Боб задает вопрос мне, и вопрос не простой, а, как сказали бы раньше, провокационный.

— А скажи, Юрий, сколько зарабатывает обозреватель «Литературной газеты»?

Я называю цифру.

— В неделю? — спрашивает Боб.

Я разъясняю ему, что у нас считают доходы по месяцам.

— Ага, — задумывается Боб. — А сколько это будет, если перевести на доллары?

Я отвечаю, смотря как считать: по курсу, который публикуется в «Известиях» или так, как на самом деле.

— Ну, а в Москве обычно как считают? Как в «Известиях» или как на самом деле?

Объясняю, что как на самом деле — опасно, но все равно все считают, и выходит, что на черном рынке доллар до недавнего времени шел один к пяти, но сейчас, как говорят, стал дороже.

Боб что-то подсчитывает в уме и потом удивленно спрашивает:

— А какое в таком случае у вас пособие по безработице?..

Я с гордостью объясняю миллионеру, что пособия как такового у нас нет и безработицы тоже, и тороплюсь вернуть разговор в прежнее русло:

— Боб! Вы говорите, что теперь помогаете людям. Всем людям? И бездомным тоже?

— Мой принцип: лучше научить человека ловить рыбу, чем дать человеку рыбу. Я учу людей использовать деньги, а не наоборот, чтобы деньги использовали людей.

Но тут же рассказывает историю, которая, как мне показалось, его же собственный принцип опровергает.

За день до нашей с ним встречи Боб приехал на свое ранчо и с ужасом обнаружил, что его работник продал 56 коров («а это 50 тысяч долларов»), а деньги истратил. Сначала Боб схватил его за горло, но потом понял, что ни денег, ни коров не вернешь, и стал говорить своему работнику о Христе. «Я говорил с ним целый день. И Бог полностью изменил этого человека, я просто своими глазам не поверил!..».

Выслушав эту историю, я предположил, что, может быть, работник просто перепугался. Ведь в любом случае лучше поверить в Бога, чем идти под суд.

Боб не соглашается со мной и объясняет, что нет, поверил. Тем более, добавляет он, что в этом штате такая судебная система, что при всем желании он ничего плохого работнику сделать бы не смог. А так, возможно, если Бог позволит, работник когда-нибудь выплатит эти деньги.

Я спрашиваю его: а что бы с ним было, если бы он не нашел Бога?

— Я бы умер от стрессов!

И поясняет, что, имея так много денег, как сейчас, так много вкладов в различные предприятия, можно просто сойти с ума. И раньше, по его словам, он непременно бы и сошел. А сейчас

он во всем полагается на Бога, считает, что все эти деньги — не его, а Божьи, и поэтому Бог помогает ему справиться со всеми его финансовыми проблемами.

Меня, безусловно, поражает подобная эксплуатация Бога, но, поразмыслив, я прихожу к выводу: а может, в этом что-то и есть? По крайней мере для нашего Министерства финансов?

Спрашиваю Боба, за кого он голосовал на последних президентских выборах.

— Я республиканец! — объявляет Боб. — Республиканская партия куда моральнее и умнее, чем демократическая.

Я не журналист-международник и понимаю, что могу сейчас влезть в какие-нибудь дебри, откуда и не выберешься, и уже начинаю раскаиваться, зачем я задал этот вопрос, но Боб мне объясняет, чем же республиканцы лучше демократов:

— Многие поддерживают демократов для того, чтобы еще больше заработать денег. Республиканская партия, я убежден, за свободное предпринимательство, а демократы больше склоняются к тому, чтобы государство все консолидировало...

Здесь я уже совсем начинаю путаться, но неуверенно предполагаю, что, допустим, было бы совсем неплохо взять под более жесткий государственный контроль те же его сауны.

— Это было бы ужасно! Это убьет Америку!

— Но что же здесь плохого — вести борьбу с подпольными публичными домами и проституцией? — спрашиваю я.

На что Боб резонно замечает:

— А что там у вас, при социализме, проституция ликвидирована, да?

— Вроде бы не совсем. Судя по количеству публикаций в печати, она у нас, наоборот, переживает расцвет, — растерянно развожу я руками.

Лев прыгнул!

— То-то же... — говорит Боб. — Это невозможно остановить. Люди всегда будут стремиться к пороку, всегда будут красть, всегда будут обманывать. Все мы врем. Кроме Бога, конечно. Хотя я и пытаюсь быть похожим на Христа, а ведь все равно делаю ошибки...

— Боб, а вы боитесь мафии?

— Я — нет.

— А другие бизнесмены?

— Некоторые — да...

Задаю свой очередной вопрос, и тут раздается осторожный стук в дверь.

...Да, а потом раздался стук в дверь. Наша беседа длилась уже два с половиной часа. За это время мои товарищи переехали из ресторана (откуда я выскочил, проклиная свои часы) в бар на первом этаже отеля и последние полчаса уже раз пять звонили мне снизу, скоро ли я освобожусь. Потом, устав ждать, решили подняться наверх ко мне. Они вошли: журналист, его друг — служащий большой компании. Две девушки из театра, по приглашению которого я и приезжал в США. Они вошли. Боб встал, крепко пожал всем руки и на прощание сказал мне:

— Приезжай ко мне на ранчо... Будешь моим личным гостем. Ты любишь водить автомобиль?

— Ненавижу и не умею, — честно признался я.

— Ничего, — широко улыбнулся Боб, — у меня там просторно... А увидишь столб — можешь смело его сбить. Пока.

И мы попрощались.

Потом мы еще долго сидели с моими товарищами, пили (честно!) кофе, и я рассказывал им об этой неожиданной встрече, и отвечал на их вопросы, и спрашивал сам, пытаюсь понять, кто же такой Боб, какое место отведено ему в их мире, и в нашем мире, и в нашем общем мире...

«А ты не спросил у него, стал бы он верующим, не имея четырех миллионов?» — «Наверняка у него больше четырех...» — «Интересно, сколько девочек прошло через его руки...» — «Для таких как он в политику дверь закрыта...» — «Ты бы ему посоветовал дарить коров проституткам... Представляешь, идут по городу проститутки, а за каждой из них — корова...» Мои товарищи обсуждали ситуацию, смеялись, спорили, а я, наговорившись с Бобом, молча сидел и думал о другом: этот материал надо будет все-таки печатать не на 14-й, международной полосе «ЛГ», а на нашей, внутренней, судебной. И в заголовок вынести название нашего диалога с подполковником милиции Александром Гуровым, опубликованного газетой летом прошлого года: «Лев прыгнул!».

Ведь, согласитесь, Боб для нас все-таки не экзотическая фигура из другого, незнакомого, заокеанского мира. И дела, о которых он рассказывал, тоже, увы, не только иллюстрация к чу-

жим книжкам на чужом языке. И слова, которыми мы обменивались, — «коррупция», «рэкет», «мафия», — уже не нуждаются в специальном переводе.

Слишком все близко. Слишком все похоже...

Нам бы, правда, такую же уверенность, что человек с запятанной биографией никогда не сможет появиться на политической арене.

Миннеаполис — Москва 31.05.1989

ПОД КОНТРОЛЕМ МАФИИ

Год назад, в июле 1988 года, газета опубликовала наш диалог с подполковником милиции, заместителем начальника отдела ВНИИ МВД СССР А.И. Гуровым «Лев прыгнул», в котором был поставлен диагноз еще одной болезни, поразившей общество: организованная преступность, мафия — вот с чем пришли мы к эпохе перестройки, вот какая сила во многом влияет на решение проблем, накопившихся у нас за долгие горькие десятилетия.

Помню, хорошо помню ту первую реакцию на прошлогоднее выступление газеты. И до А.И. Гурова, и до меня стали доходить волны, поднятые непосредственно в «львиных логовах» — в различных кланах мафии; нет, там не испугались, больше удивились. Испугались другие. Одно за другим в редакцию стали приходить письма из регионов, по нашему мнению, наиболее зараженных мафией, в которых разного ранга руководители упрекали газету в «дезинформации» населения. В некоторых городах были использованы местные газеты, чтобы опровергнуть выступление «Литературной газеты». Больше того! В недрах аппарата МВД СССР предпринимались шаги, направленные на то, чтобы создать комиссию по служебному расследованию деятельности... А.И. Гурова, посмевшего без ведома начальства обнародовать свою точку зрения. К счастью, эта комиссия так и не успела приступить к работе. В МВД, КГБ, Прокуратуру СССР поступила записка, в которой А.И. Лукьянов (в то время секретарь ЦК КПСС, отвечающий за работу правоохранительных органов) обратил внимание руководителей этих трех ведомств на важность проблем, поднятых «Литературной газетой», и просил в месячный срок разработать радикальные меры.

Проблему наконец-то официально признали, были сделаны первые шаги по борьбе с мафией (в том числе и создание специальных подразделений милиции), и можно было бы только радоваться и победе гласности, и реальной действенности газетного выступления. Можно было бы... Если бы не одно обстоятельство: криминальная обстановка в стране все более усложняется.

Только в этом году на две трети возросли разбойные нападения на квартиры, на две трети — грабежи, совершенные с особой жестокостью, в шесть раз вырос рэкет, лишь в Москве преступ-

ность несовершеннолетних выросла вдвое. Я уж не говорю о таких мелочах, как обычные квартирные кражи или хулиганство молодежных группировок.

Что происходит? Кто вылез на наши улицы? Кто заказывает музыку? И есть ли такой заказчик?

Наш очередной диалог с Александром Ивановичем Гуровым — теперь уже доктором наук (ВАК утвердил его диссертацию) и уже начальником отдела ВНИИ МВД СССР по изучению проблем организованной преступности — посвящен новым аспектам уже знакомой проблемы.

Начал я с того, что привел один факт из обращения сотрудников исправительно-трудовых учреждений Чувашии в МВД СССР (и копию — в «ЛГ»), в котором, упрекая журналистов в том, что они не понимают, в каких условиях приходится работать с осужденными и с какими осужденными, они сообщили: «Так только в 1986 году в ИТУ РСФСР было направлено из различных республик около 800 «воров в законе», что отрицательно отразилось на оперативной обстановке в целом».

— Меня поразила эта цифра, Александр Иванович. Восемьсот только в колониях РСФСР? То есть мы становимся свидетелями рождения нового поколения «воров в законе», казалось бы, ликвидированных к началу пятидесятых годов?

— Думаю, что авторы обращения не располагают достоверными данными. Сейчас в стране нами выявлено 514 «воров в законе», 240 из них осуждены и находятся в колониях. И не они в конце концов определяют оперативную обстановку в стране.

— Так кто же?

— Преступники-профессионалы, которых, в отличие от «воров в законе», куда больше нескольких сотен.

— Мафия? — уточняю я.

— Дойдем и до мафии, но давайте сначала разберемся: что же это за люди, для которых преступления стали основным источником средств к существованию?

То, что такие профессии существуют, замалчивалось у нас, начиная примерно с 1929 года, когда прошла широкая пропагандистская кампания, целью которой было доказать, что все «профессионалы» перековались на строительстве Беломорканала и на других «стройках коммунизма». И потому никто и никогда до самого последнего времени не изучал секреты этих профессий.

А между тем, по мнению А.И. Гурова, если в двадцатые годы насчитывалось около 90 преступных квалификаций, то сегодня их насчитывается сотни и сотни. Лишь среди расхитителей государственного имущества их около двухсот.

— Вы имеете в виду наших чиновников министерств и главков?

— Нет, я говорю о двухстах способах изъятия денег у государства. Это профессионалы нового типа, которых не знала царская Россия и которых не ведает капиталистический мир.

Еще в шестидесятых годах, рассказывает Гуров, ими был составлен свой «кодекс чести» (возможно, в ответ на появившийся в то время кодекс строителей коммунизма). В нем, в частности, были такие пункты: «из грамот и наград штанов не сошьешь, но стремись к этому, ибо они являются хорошим прикрытием», «начальника своего уважай на людях, но дави на него один на один и всегда имей на него компрометирующий материал», «отношения определяют деньги» и, наконец, «человек человеку — волк и нельзя верить в благие намерения».

— Но «моральный кодекс» — это уже принадлежность новой категории профессионалов. Ну а старые, это кто? — спрашиваю Гурова.

— Если среди разбойников и грабителей профессионалом является каждый третий (остальные — так называемые ситуационные преступники), то мошенники, карманные воровы или карточные шулеры — практически все профессионалы. И каждая профессия имеет свои подвиды.

А.И. Гуров привел несколько примеров подобных узких классификаций. Например, у карманных воров сегодня семь основных специализаций: «ширмачи» (те, кто крадет под прикрытием), «щипачи» — крадут одними пальцами, «технари» — эти разрезают сумку бритвой, «рыболовы» — крадут с помощью крючков, «хирурги» — с помощью пинцетов, «трясуны» — в основном глухонемые, которые выбивают предметы из рук, и, наконец, самая низкая категория — «верхушечники», которые способны лишь на то, чтобы красть из хозяйственных сумок.

Точно так же делятся на разные специализации и карточные шулеры. Их так много, что о них стоит говорить? — спрашиваю я.

— Они процветают сегодня! Кстати, это глубоко законспирированная организация, сферы влияния которой тщательно

разделены и члены которой время от времени проводят свои съезды. Высшая каста карточных шулеров — «катранщики» (от слова «катран» — вид акулы). Эти наиболее маститые, потом, поменьше, «гусары», еще меньше «покрышки» — те, кто никогда не дает партнеру проиграться полностью (и потому вину их доказать особенно тяжело). И, наконец, финансовая элита — перекупщики долгов и ростовщики. Первые скупают долги, вторые, просто дают деньги «в рост». И те, и другие содержат так называемых «жуков» — охрану; некоторые из этих «жуков» начинают грабить финансовых акул.

Гуров перечисляет мне разные профессии, специализации, виды и подвиды: разбойники, квартирные воры, вымогатели, мошенники, бродяги и дальше, и дальше. И чем дальше я его слушаю, тем больше мне кажется: как несерьезна тема нашего разговора. Несерьезна для «Литгазеты», для ее читателей. Точно так же, как, допустим, подробно разбирать тонкости медицинского диагноза или слагаемые прочности конструкции моста. Для специалистов — да, но вот так просто?.. Не для специального издания?..

Но потом я спрашиваю Гурова: сколько же может быть этих «рыболовов», «катранщиков», «гусаров» и так далее и тому подобное?

— И как вы думаете?

Отвечаю, что тысяч двадцать, сорок, ну, пятьдесят..

— Нет..

— Ну, тысяч сто, двести.. — предполагаю я.

— Их миллионы. Мы имеем дело сегодня с миллионной армией профессиональных преступников.

И объясняет свои расчеты:

— С шестидесятых годов, со времени принятия ныне действующих основ советского законодательства, в нашей стране было осуждено около двадцати пяти миллионов человек. Десять миллионов из них осуждены повторно, то есть избрали преступную жизненную установку.

Но если их миллионы (то есть столько же, сколько инженеров, врачей, не говоря уж о журналистах, которых тысяч сто наберется, — и то хорошо), то мы имеем дело с еще одной культурой, сложившейся в обществе?.. С культурой «дна»?!

— В том-то и дело! — говорит Гуров. — Долгое время мы убеждали друг друга, что у нас есть только одна культура — со-

циалистическая, и никаких других культур — назовем их субкультурами — быть не может, не должно. Мы ослепляли себя!.. Но давайте посмотрим правде в глаза. У преступного мира существует своя субкультура, которая является одним из мощных факторов воспроизводства профессиональной преступности. И как каждый профессиональный круг, и этот имеет свои законы, традиции, свой сленг, наконец.

И добавляет, что, проведя недавно опрос работников ИТУ и уголовного розыска, пришел к выводу, что воровские традиции принимают все более императивную форму, то есть принимают форму закона.

— Выходит, — интересуюсь я, — воровские авторитеты, как, допустим, и лидеры мафии, знакомы?

— Сначала давайте разберемся, в чем отличие профессиональных преступников от тех, кто входит в кланы мафии. Первое отличие — коррупция. Если профессиональная преступность начинает коррумпироваться, то мы уже имеем дело с организованной преступностью, то есть с мафией. Во-вторых, виды преступной деятельности. И, в-третьих, создание организаций. У профессионалов — шайка. У мафии — кланы. В шайке приказ главаря тут же доходит до подчиненного. В мафии же есть определенная структура управления, и потому часто трудно бывает узнать, кто же отдал приказ. Слишком длинная цепочка от главаря до исполнителя..

И добавляет, что знакомятся друг с другом «профессионалы» в тюрьмах и в колониях. 85 процентов карманных воров ранее судимы, 60 процентов — квартирных воров, 50 процентов — мошенников. Они постоянно циркулируют между свободой и неволей, постепенно все больше и больше расширяя круг общения.

— Все маститые карманники знают друг друга, воровские традиции позволяют им устанавливать связь в другом городе.

И рассказывают, как не так давно в Москву приехала «на гастроли» группа карманников из Донецка, которых арестовали довольно быстро. Тогда из Донецка была срочно направлена «группа расследования», чтобы выяснить, как же московская группа карманников допустила провал своих донецких коллег. Почему не помогла? Почему не высветила маршруты, по которым обычно ходят группы уголовного розыска? Дело могло бы

кончиться большим скандалом (а возможно, и трупами), если бы москвичи не сумели доказать, что донецкие «коллеги» не обращались к ним за помощью.

Прошу Гурова подробнее рассказать об этой незнакомой нам субкультуре, в которой варятся миллионы наших сограждан.

Во-первых, сленг, жаргон. До революции жаргон состоял из трех-четырёх тысяч слов, сейчас он насчитывает уже десять тысяч слов.

Во-вторых, татуировки, которые традиционно еще со старых времен отличались от татуировок западных преступников: у наших они более эмоциональны. Купола, церкви, картинки из истории или целые художественные шедевры, как, к примеру, выколотая на груди картина «Три богатыря». Есть и специфические татуировки, обозначающие определенное положение в их обществе: восьмиконечная звезда — профессиональный вор, сердце, пронзенное кинжалом, — вор в законе, паук в паутине — наркоман, жук с длинным носиком — карманный вор. И не дай бог украсить себя чужим, незаслуженным символом! Это как нацепить чужие погоны.

Мы так подробно говорим о татуировках потому, что они снова входят в моду.

— И появляются новые?

— Да, безусловно. Из новых — свастика или гладиатор. Свастика — знак анархиста, гладиатор — хулигана.

И Гуров добавляет, что все попытки ученых ознакомить своих же работников милиции с преступным жаргоном оканчивались неудачами: политорганы опасались, что наши советские милиционеры засорят свой язык. Мат, разносящийся по отделениям милиции, как-то в расчет не принимался.

Спрашиваю о доходах профессионалов. По словам А.И. Гурова, карманный вор в среднем имеет около пятисот рублей (каждая кража в среднем — 27 рублей). Но это в среднем, а гастролеры, которые съезжаются в бархатный сезон в Сочи, зарабатывают от 5 до 10 тысяч в месяц. Доход наперсточников в отдельных регионах доходил до 13 тысяч рублей в день. Картежный шулер имел в течение дня по 700 рублей. Квартирный вор имеет от каждой кражи от тысячи до 2 тысяч. Но есть и чемпионы (а сейчас в среде профессионалов замечена тенденция к соревновательности): группа Борбашева имела от мошенничества

полмиллиона рублей дохода, группа квартирного вора Сверчкова — 1 миллион 137 тысяч рублей.

Гуров считает:

— И мы очень в свое время напутали с тем, что же считать нетрудовыми доходами, и весь свой пыл направляли то на бабку, торгующую луком на базаре, то на крестьянина, вкальывающего с утра до ночи в своей теплице, то на честного — подчеркиваю — честного кооператора.

Как же влияет на сегодняшнюю обстановку профессиональная преступность?

— Именно и она ее и определяет, — убежден Гуров. — Профессионалы совершают большую часть преступлений. Но что получается... Карманный вор в среднем в год совершает 160-180 краж. Вокзальный вор — до 140 краж в год. Но и тот и другой и задерживаются, и судятся чаще всего за одно преступление. Остальные или остаются нераскрытыми, или о них вообще не заявляют. Таким образом, те восемь тысяч карманных воров, которых мы ежегодно задерживаем, совершают не восемь тысяч преступлений, как потом числится по статистике, а, по нашим расчетам, 600 тысяч краж. 600 тысяч! То есть большая часть остается латентной, скрытой.

— Почему же, — спрашиваю, — так плохо раскрываются преступления?

— Наши преступники достигли очень высокого профессионального уровня, 69 процентов еще и очень хорошо технически вооружены (особенно сейчас, когда из закона изъят отягчающий признак «применение технических средств»). Один подмосковный «клюквенник» (тот, кто грабит церкви) изобрел домкрат — силой 25 тонн, раздвигает стены и решетки, — который умещается в «дипломате». Другой имел такой же портативный газосварочный аппарат, способный в 10-15 минут открыть любой сейф. Я уж не говорю о радиостанциях.

Кстати, высокий профессионализм наших преступников отметили и полицейские из Нью-Йорка, с которыми недавно встречался А.И Гуров. Им трудно приходится с теми нашими преступниками, которые оказались в США с волной третьей «эмиграции». Правда, и таких преступлений они до приезда наших не видели! Американским гангстерам как-то не приходило в голову делать деньги, разбавляя бензин водой... Интересуюсь

у Гурова: какова роль профессиональных преступников в событиях, случившихся в Фергане? В печати промелькнули сообщения о том, что незадолго до кровавого мятежа был зафиксирован проезд в Фергану преступников из разных регионов страны.

— Это, скорее, люди из мафии. В их действиях очень хорошо просматривался централизованный характер. Они распространяли и оружие, и передатчики, и нужную информацию. А главное — сама по себе горячая точка: здесь и коррупция, здесь и теневая экономика, здесь и связи, которые начали разрушаться из-за громких «узбекских дел». Мафии есть что терять. Профессиональному уголовнику до лампочки любая политика. Их, в отличие от мафии, она не волнует. Как они говорят, побольше бы продолжалась вся эта неразбериха. В мутной воде лучше ловить рыбу.

— Вы считаете, Александр Иванович, что рост преступности связан именно с ситуацией, сложившейся сегодня в стране?

— Нужно прямо сказать, что в переписке профессиональных преступников мы читаем сегодня следующее: «пришло наше время». «Наше», их... Прекрасно было бы, если бы так сказал рабочий или учитель.

Так что же произошло такого, что активизировало преступный мир?

По мнению Гурова, во-первых, все усиливающееся социальное расслоение, наметившееся сегодня в связи с развитием кооперативов. Поэтому-то и идет такой приток молодежи в преступные группы: «Почему он имеет все, а я ничего?». Ведь объектом нападений, краж, грабежей, рэкета становятся прежде всего представители имущих классов! Как магнитом притягивают они сегодня наше многомиллионное «дно».

Это точка зрения А.И. Гурова.

Мне же кажется, что общественное мнение само если и не стимулирует, то часто оправдывает действия преступников, направленные против имущих слоев населения: «Ограбили кооператора — так ему и надо», «Обчистили квартиру академика — было, видно, что взять!». Ведь сколько уже преступников, оказываясь на скамье подсудимых, оправдывали свои действия борьбой за социальную справедливость, испытывая при этом поддержку и сочувствие зала! И эта традиция тоже идет не из сегодняшнего дня. Еще в двадцати годы в разгар общественной борьбы с нэпом,

за которую мы расплачиваемся до сих пор, известный в то время Мишка Культапый, совершивший семь убийств, сочинил песню с такими словами: «Я молодой бандит народный и им останусь навсегда, мой идеал — любить свободу, буржуев бить всех не щадя. Я рос и жил, копились силы, и дух вражды кипел сильнее, и поклялся я до могилы бороться с игом «нэпмачей».

Боюсь, что и сегодня найдутся люди, которые с удовольствием подпоют легендарному убийце...

Другой причиной Гуров называет извращенное понятие о гуманизации закона, под видом которой до недавнего времени из ста убийц, разбойников, грабителей бралось под арест лишь 22 человека, остальные же оставались под подпиской и часто совершали новые преступления.

— Это издевательство над законом! Издевательство, что такое количество опасных преступников было выпущено на свободу во время последней массовой амнистии. Никогда рецидив не достигал у нас 37 процентов, то есть более чем каждый третий, выпущенный на свободу преступник, вновь совершал преступление!..

Я, как и Гуров, тоже в последнее время думаю о том, почему же так гуманно стали обращаться с опасными преступниками. И когда спрашиваю работников прокуратуры, то часто слышу в ответ: «Да вы, журналисты, сами и виноваты. Заморочили всем голову незаконными арестами, вот прокурор и боится лишний раз поставить свою подпись под постановлением о взятии под стражу». А от работников милиции — другое: «Вы думаете, с этой нечистью можно говорить нормальным языком? Раньше стукнешь его пару раз головой об стенку — он и расколется. А сейчас вы первый и прибежите: «Ох, что вы делаете?! Ох, где же законность!».

Я не раз слышал эти слова, а когда все новые и новые примеры, когда разбойника, грабителя, насильника спокойно отпускали домой, опасаясь ответственности за вдруг незаконный арест, мне начинало казаться: да не специально ли все это делается?! Специально, чтобы доказать, что именно демократия, к которой мы сделали лишь первые, неуверенные шаги, виновата в том, что улицы наших городов стали сегодня столь опасными.

Думаю, что ни демократия, ни правовое государство не имеют ничего общего с тем разгулом преступности, который мы на-

блюдаем сегодня. Напротив, еще слишком медленное приближение к двум этим общественным идеалам приводит нас к тому, что рост профессиональной преступности стимулируется сегодня еще одним, главным, на мой взгляд, обстоятельством: мафией.

По мнению Гурова, мафия все больше и больше берет под контроль профессиональную преступность. Спрашиваю, как это делается.

— Очень просто. В каждом крупном городе существует определенный клан, который имеет свою систему боевиков и стремится к обогащению любым путем. Одна из статей дохода — взять под контроль «профессионалов». Обычно для этого используется два способа. Первый, так сказать, интеллигентный.

— Интеллигентный — это как?

— Квартирным или карманным ворами, мошенникам, шулерам, мелким торговцам наркотиками говорят: сдавайте деньги в общую кассу, если что случится — поможем.

— То есть, — уточняю я, — как бы такой своеобразный род страхования?

— Да... И хотя все они понимают, что если арестуют, осудят, кинут в колонию, то мафия не поможет и копейкой, все равно платят эту дань примерно пятьдесят процентов «профессионалов». Тех же, кто отказывается, сдают в милицию, то есть через своих людей сообщают нам о совершившемся преступлении. С именами и фактами.

— Хорошо, понял... А какой способ не «интеллигентный»?

— Люди из мафии дежурят в самых значных местах и следят за доходами. Приезжает, допустим, группа из Одессы или Днепропетровска, а им говорят: хотите здесь чистить квартиры, грабить или зарабатывать наперстком — платите 30 процентов. Если же не подчинятся — то избиения, а то и убийства.

— А что, — спрашиваю, — многие ли из «профессионалов» находятся под контролем мафии?

— Проститутки практически все. Из 10-13 тысяч, которые они зарабатывают ежемесячно, 8-10 тысяч уходит сегодня в виде дани. Такая же примерно ситуация и с многими другими «профами».

И к чему же все это ведет?.. Думаю, наши читатели уже сами догадались — к чему. Профессиональные преступники вынуждены усиливать свою деятельность, наращивать количество

ограблений, разбоев и мошенничеств, чтобы сохранить свой доход. Растет число преступлений, тревожнее становится на улицах, все более и более опасными становятся наши города.

И все больше растет влияние мафии. Растут ее доходы. Увеличивается поток денег на «верх», к системам прикрытия. Растет коррупция.

Вот с каким положением мы столкнулись сегодня, спустя год после публикации нашего первого диалога «Лев прыгнул».

Долго, очень долго мы говорили с А.И. Гуровым о том, что надо сделать срочно, незамедлительно. Смешно сегодня рассчитывать на то, что «рабочие добровольные отряды», дружинники и «бригады» могут спасти положение. С профессионалами должны бороться профессионалы профессиональными методами.

У Гурова есть ряд конкретных предложений по борьбе с профессиональной преступностью, по взрыву ныне сложившихся связей двух различных криминальных структур. Но обнародовать сейчас их, считаю, не время и не место: лишнего лучше не знать тем, о ком рассказано в этой статье. Тем более, сейчас уже у меня, журналиста, нет опасений, что и после этой публикации кто-то поспешит создать комиссию по расследованию деятельности моего собеседника.

Но еще об одном мне хочется сказать в конце: уголовная субкультура все больше проникает в молодежную среду, втягивая в свою орбиту все новых и новых ребят. И как еще одно доказательство хочу опять привести цитату — на этот раз длинную — из обращения работников исправительно-трудовых учреждений Чувашии:

«Подростки и молодые люди проходят «воровскую» закалку не в тюрьмах и колониях (как утверждает пресса), а по месту жительства, в школе, ПТУ, где они находятся под пристальным вниманием и контролем преступных элементов. И только официальная точка зрения общественности остается прежней: во всем виноваты мы, работники ИТУ, не сумевшие создать им условия. И это при «казанском» и других феноменах, при существовании молодежных стай во многих городах!.. Вот уже шесть лет, как подросток, приходящий в СИЗО и ВТК, имеет стойкие «воровские» установки, и сейчас не молодого осужденного приходится отрывать от злостного нарушителя, а наоборот — оберегать от

них осужденных пожилого возраста, слабых, тех, кто вырос не в городе, а в селе. Сегодня именно молодой осужденный диктует свои порядки в колониях. Думаем, что и армейская «дедовщина», проявляющаяся особенно сильно в последнее время — в те же 5-6 лет, — свидетельство похожего процесса: призыва в армию «стайных» мальчиков, выраставших под гнетом уголовной романтики. Настала пора сказать всю правду о трагедии молодого поколения, на которое все больше и больше усиливается влияние преступного элемента. А не искать причины всего в существующей сегодня «тюремной системе», тем более что она еще привлекает внимание общественности».

Не могу согласиться с тем, что в «тюремной системе» все благополучно. Но не хочу спорить с авторами обращения, обеспокоенными все возрастающей критикой в печати своего ведомства.

О другом думаю. О тех миллионах, которые уже живут на «дне». И о других, которые могут туда опуститься. И уже опускаются.

19.07.1989

ПОТОМОК

Откровенно с человеком из ЦРУ

Что-что, а такая встреча не могла мне привидиться даже во сне. Позвонил знакомый и сказал, что меня разыскивает американец — консультант большой фирмы, пожелавшей выяснить, насколько сейчас, при пока неодолимом росте преступности, безопасно работать в Москве иностранцу. «Он в принципе наш» — добавил знакомый. «Эмигрант?» — «Эмигрантами были его родители. Но он сам тебе все объяснит».

«Наш» американец появился в редакции на следующий день. Высок, породист, не молод, но моложав, ироничен. Обрадовался, узнав, что в комнате можно курить: «А то всех нас, курящих, загнали в Америке в гетто».

Что еще?.. Еще — замечательный русский язык.

Я рассказывал ему о коварных валютных проститутках, об услужливых ловцах долларов, подсовывающих простаку-бизнесмену пачку резаной бумаги вместо сотенных неконвертируемых купюр, о липовых кооперативах, стремящихся выйти на мировой рынок с бумажными рогами и фанерными копытами. Но сам-то все время думал о другом: согласится ли он дать интервью?

Да? Нет?

Все дело-то в том, что его первыми словами при знакомстве были:

— Хочу сразу открыть карты. Я — сотрудник ЦРУ. Полковник. Занимался, естественно, Россией. Сейчас, не волнуйтесь, в отставке. Подрабатываю в фирме... Какой-никакой, а приварок к пенсии.

Казалось бы, где ЦРУ, где я.

Если и занимала меня работа секретных служб, то, скорее, наших, отечественных. Какие-нибудь смурные Васи Чурины, угрюмо провожающие тебя глазами из поздних гостей, да подозрительно дзинькающий телефон будоражили жизнь куда больше, чем их Джеймсы Бонды невидимого фронта.

Но передо мной сидел живой «цэрэушник»! И упустить шанс узнать все с другой стороны, не услышать из первых уст под-

робности «холодной войны» (а горький ветер ее все еще касается нашей жизни) — нет, это не для журналиста... Тем более что он сообщил мне еще об одной особенности своей биографии, о ней (повинуясь жанру, в котором работал наш гость) я сообщу чуть позже.

А пока — запись нашей беседы с Дэвидом Чавчавадзе.

— Возможно, русский язык спас мне жизнь, — начал он. — В Пентагоне сработала машина, которая, наверное, знала, что я говорю по-русски, и меня — прямо из войны, из пехоты, с Западного фронта — переправили на тихую Аляску: там советские офицеры принимали американские самолеты по «ленд-лизу», а в нашу обязанность входило помогать им общаться. Я и другие американцы русского происхождения были воспитаны в антикоммунистическом духе, но шла война, мы считались союзниками, и нам просто нравилось общаться с ними и учиться от них новым русским словам, которые нашим родителям были неизвестны.

Дэвид сказал, что ему также в военные годы пришлось сопровождать высокопоставленных советских деятелей, в частности Молотова и Громыко.

Спрашиваю: какое впечатление произвел Громыко. Оказалось, точно такое же, каким и мы его помним:

— Громыко был очень хмурым, но однажды, правда, я заставил его улыбнуться. В Миннеаполисе во время отдыха экипажей у нашего радиста был день рождения, он много выпил и опоздал к вылету. Мне пришлось выдумывать разные трюки, чтобы задержать самолет. Когда я шел по салону, Громыко меня хватать за штаны: «В чем дело, господин лейтенант? Я сказал, что вылетаем в пять, а сейчас уже больше шести?!» Пришлось открыть ему правду: «Господин посол, может быть, впервые в истории сержант задерживает международную конференцию!». Тогда Громыко позволил себе чуть-чуть улыбнуться... Не знаю, что случилось бы с вашим сержантом в такой ситуации.

Спрашиваю: что же после войны привело его в ЦРУ?

Отвечает, что после Победы еще несколько лет работал в Берлине, переводил на заседаниях контрольного совета и видел, как быстро ухудшаются отношения между союзниками: советская делегация всегда голосовала против, советских солдат не пускали в западные сектора и еще — еще быстрая выдача рус-

ских: и не только власовцев, но и просто военнопленных — против их воли.

— Вы и сами участвовали в этой выдаче? — спрашиваю Дэвида.

— Участвовали мои товарищи. Одни и сейчас не могут себе простить, что послушались команды из Вашингтона и отправляли людей на верную гибель или в лучшем случае в ГУЛАГ. А так как до 47-го года мы не принимали перебежчиков, то некоторые мои друзья помогли кому-то бежать, снабдив их фальшивыми документами.

— То есть вы тогда знали про то, что у нас происходило?

— Слышал от взрослых о процессах, знал, что были расстреляны ваши маршалы и генералы. Во время войны все это забылось. Но я общался со многими русскими офицерами, которые во хмелю рассказывали, что им не хочется возвращаться домой из бязни новых репрессий.

А вот еще картинка послевоенного мира:

— Советские войска вошли в Восточную Европу, и было ясно, что ни о каких демократических выборах там не может идти речь; что все ялтинские соглашения оказались простой фикцией; что существовала страшная угроза со стороны Красной Армии, которая, в отличие от нашей, почти не демобилизовалась; что, несмотря на то, что у нас была атомная бомба, а у вас нет, Красная Армия с ее несметным количеством танков и пехоты может добежать до Ламанша...И так далее, и так далее. Я понял, что поскольку я американец, говорящий по-русски, то мое место в «холодной войне».

И, по его словам, когда ему предложили работать в разведке, то он с легкостью согласился. В 1950 году вновь оказался в Берлине. Был разгар «холодной войны». Спрашиваю: как она выглядела, так сказать, изнутри?

— В те годы Россия была настолько закрытой страной, что получить ту или иную информацию было практически невозможно. Это не то, что сейчас, когда летают разные спутники... А тогда мы были окружены Восточной Германией, Советской Армией и огромной резидентурой КГБ.

— А вам приходилось встречать тогда наших сотрудников КГБ, своих, так сказать, коллег?

Дэвид отвечает, что да, довольно часто, на разных официальных приемах.

— И вы всегда знали, кто из дипломатов или журналистов занимается, как и вы, шпионажем?

— Иногда мог спутать: из КГБ или из разведки Генштаба.

— Да как вы их узнавали-то? — естественно мое удивление: людей готовят, готовят, а тут раз, и все.

И удивляюсь ответу Дэвида:

— На приемах эти люди неразборчиво произносили свои фамилии. Их легко можно было узнать по физиономиям, и они никогда не показывали своих жен.

Так было в пятидесятые, но с годами, по мнению Дэвида, советские разведчики становились — цитирую дословно — «все более привлекательными в человеческом смысле»: в семидесятые годы появилось новое поколение советских разведчиков, которые отлично знали язык, хорошо одевались и имели красивых жен, которых уже не прятали.

Вы, — спрашиваю, — имеете в виду тех разведчиков, которые работают, как говорится, под «крышей», то есть под прикрытием той или иной мирной службы?

— Естественно. «Нелегалов» узнать очень трудно, а те, кто под официальными «крышами», довольно легко вычисляются: обычно один офицер сменяет другого на такой же должности. Так практически во всех разведках.

Но все-таки чем занималась разведка в начале «холодной войны»?

Дэвид отвечает, что скован обязательствами и даже сейчас, в отставке, не может касаться деталей конкретных операций. Подумав, добавляет:

— Тогда еще не было берлинской стены... Мы, естественно, вербовали немцев, вы вербовали немцев — и немцы бегали повсюду, выискивая информацию то для вас, то для нас.

— И кто же был тогда сильнее?

— Советская разведка всегда была более многочисленной, да и всегда у них были под рукой немцы, поляки, чехи. Они могли использовать эти разведки многие годы... Вероятно, вплоть до 1989-го, весны в Восточной Европе. И всегда у советских были две резидентуры: армейская и КГБ.

Какая же наша разведка — военная или политическая, — по мнению Дэвида, сильнее?

— Мне всегда казалось, что они недолюбливают друг друга. Но те, кто из ГРУ (главное разведывательное управление Ген-

штаба. — Ю.Щ.), мною не интересовались. Я был объектом внимания коллег из ПГУ (первое главное управление КГБ СССР. — Ю.Щ.).

Спрашиваю: насколько хорошо разведки осведомлены о структуре друг друга, о подразделениях и разного ранга руководителях?

Отвечает, что если ЦРУ и знало что-то, то чаще всего от наших перебежчиков из разведки, которых всегда было немало. Особенно урожайным для ЦРУ был 1954-й год, когда после смерти Сталина сразу несколько советских разведчиков открылись Западу.

— Мы, — добавляет он, — могли не знать о деталях конкретных операций, но всегда были осведомлены о номерах разных управлений и отделов и о фамилиях руководителей.

— И наши тоже знали о структуре ЦРУ?

— Вашим очень повезло в Англии: история Филби общеизвестна. Знали они хорошо западно-немецкую систему и, может быть, французскую. О ЦРУ вначале, я думаю, меньше. Но потом американские газеты стали раскрывать много наших тайн под лозунгом, что «у народа есть право знать все».

— Гласность, — понимаю своего собеседника, — не помощница в шпионской работе. Но, тем не менее, некий государственный контроль необходим в такой интимной сфере политики?

По мнению Дэвида (и думаю, здесь он прав), ЦРУ всегда было куда больше подконтрольно правительству, чем КГБ:

— Мы всегда должны были считаться с мнением госдепартамента, тогда как КГБ (не знаю, правда, как сейчас) всегда могло просить МИД о чем угодно. Позже ЦРУ должно было считаться и с комитетами конгресса, и, конечно же, с общественным мнением, с газетами.

Дэвид работал в ЦРУ во времена Сталина, Хрущева и Брежнев. Как изменения нашего политического курса отражались на его профессиональной работе?

— Что бы там ни было, но «холодная война» никогда не прекращалась: Советский Союз продолжал управлять Восточной Европой. Куба стала коммунистической, позже пришли к власти в Никарагуа сандинисты (а это — тоже часть «холодной войны»). Мы искренне боялись, что коммунизм пойдет все дальше и дальше, дойдет до Мексики и так далее. И я помню, что тогда, до пе-

рестройки, советское правительство, само в таком долгу перед собственным народом, тратило огромные средства на африканские и арабские революции и на поддержку различных непопулярных режимов.

И добавляет:

— Могу вам откровенно сказать, что ни я, ни мои коллеги из ЦРУ, которые занимались вашей страной, никогда не были заражены русофобией. Мы лишь боялись коммунизма.

— Так в чем, — спрашиваю, — суть работы разведчика?

— Собирать информацию и изучать намерения противной стороны. А для этого необходимо попасть на очень высокий информационный уровень. Если мы когда-нибудь попадали на такой высокий уровень, то были просто счастливы.

— Вы имеете в виду Пеньковского? Вы знали о том, что в Москве существует такой влиятельный и информированный агент ЦРУ?

Дэвид отвечает, что лично он о Пеньковском узнал подробно после его разоблачения, но о чем-то «таком интересном в Москве» подозревал.

— И все же чья разведка сильнее? Ваша? Наша?

Дэвид отвечает, что он никогда не считал, что советская разведка лучше американской, но наших, по его мнению, гораздо больше и куда лучше их положение в системе государства.

— К тому же, — добавляет он, — советская разведка может использовать «нелегалов», то есть офицеров, работающих за границей под фальшивой фамилией и национальностью (как, например, Р. Абель). В американском обществе можно прожить на нелегальном положении, в советском же при крайней регламентации жизни и жесткой паспортной системе практически невозможно.

Как же, удивляюсь я, ведь все детство я слышал про «цэрэушников», которые переходят границу на кабаньих копытах и начинают шпионить и взрывать, устроившись в какой-нибудь ЖЭК сантехником?

Дэвид разочаровывает: лишь в самом начале «холодной войны» были испробованы агенты-парашютисты. Они не были кадровыми офицерами разведки, а получали лишь ограниченные задания. Но в конце концов от их использования отказались — из-за «сложностей с пропиской в СССР».

Прошу прокомментировать один факт сотрудничества КГБ и ЦРУ в деле Андрея Синявского и Юлия Даниэля: именно из Вашингтона, из первых рук, стало известно КГБ истинное имя Абрама Терца. Судебный процесс в Москве над ним и Ю. Даниэлем послужил детонатором для общественного мнения на Западе и остановил намечающийся в те годы процесс разрядки, чего в принципе и добивалось ЦРУ.

— Об этом впервые, кажется, заявил Евтушенко, — вспоминает Дэвид, — потом же было напечатано письмо в «Вашингтон пост» моего сотрудника (а я ему очень доверяю), что это полная ерунда. Может быть, какие-нибудь документы и попали в КГБ, но не отосланные специально.

Говорю ему, что и сам Андрей Синявский, когда мы с ним недавно виделись в Париже, тоже убежден в этом.

— Но использовало ли ЦРУ диссидентов в своей работе? Ведь наша печать в те годы была полна сообщениями о том, что все они «агенты» тех или иных разведок?

— Зачем вербовать тех, кого вы называли диссидентами, когда они и так действовали против системы? Тем более они никогда не имели разведывательной информации и постоянно находились под прицелом служб КГБ. Какой смысл? — с долей цинизма, видимо, присущей представителям его профессии, ответил Дэвид.

Спрашиваю, а знала ли советская разведка о нем?

— Естественно.

— А о вашей родословной?

— Помню, еще в Берлине один советский офицер наивно спросил меня; «А ваши родители, наверное, были из интеллигенции?..» Долгое время советская разведка прощупывала меня по отцовской грузинской линии, не зная, наверное, что я и в Грузин никогда не был и даже языка не знаю.

— А подозревали ли о ваших родственниках по матери?

Дэвид пожимает плечами.

И тут, наверное, пора уже сказать еще об одной особенности его судьбы, которая не могла не привлечь мое внимание к этому случайно появившемуся американскому гостю. Если отец Дэвида — князь Павел Александрович Чавчавадзе, то его мать — Нина Георгиевна — дочь великого князя Георгия Михайловича. И сам отставной полковник ЦРУ — прямой потомок нашего императорского дома.

— И что, Дэвид, старики-эмигранты могут вас называть «ваше высочество»?

— Нет, — поправил он меня. — По старым русским законам вы получаете титул только от отца. Так что я не высочество, а, следуя княжескому титулу отца, — ваше сиятельство.

Сказано это было, как вы сами догадываетесь, с иронией. Сообщение о пребывании в Москве Дэвида уже было в печати. Видел фотографии, которые запечатлели его принимающим парад юношей, одетых в старинные русские мундиры. Мелькнул он и в программе теленовостей. (Везде, правда, говорилось о том, что после войны он работал в качестве профессора университета и литератора. Видимо, мои коллеги боялись бросить тень на потомка русского престола, ставшего профессиональным разведчиком. Или Дэвид сам не захотел рассказывать им о своей двадцатипятилетней работе в ЦРУ?).

Я спросил его, есть ли у него дома фотографии его предков. Он ответил: — Висит портрет государя императора. И портрет прадеда Михаила Николаевича, сына Николая I. Прадед — в своем мундире с Георгием I степени и с невероятным количеством орденов. А рядом жена поместила мою фотографию, на которой я в рубашке с открытым воротом, в зубах — сигарета и перед мной — скелет рыбы. Она называет это (а по ее мнению мы с прадедом очень похожи) «падением дома Романовых». Не хочу приводить «монархическую» часть нашей с ним беседы. Другое меня интересовало. О другом думаю.

Сколько я ни встречаюсь с американцами — и здесь, в Москве, и там, за океаном, — меня всегда поражает их ироничное отношение к собственным секретным службам. «Детские игры взрослых мужчин — вот что такое эта разведка!» — заметил как-то знакомый американский журналист. И никогда я не слышал там: «Тс-с... Об этом — ни-ни». И помню, когда в Вашингтоне попал в штаб-квартиру другой секретной службы — ФБР, — то был поражен не только не известными мне фактами деятельности советской разведки на Западе (если мы скрываем их от американцев, то могу ответственно заявить: не стоит, они-то знают, так что можно и собственным гражданам об этом рассказать!), но и тем, что по зданию штаб-квартиры ФБР ходили экскурсии, останавливаясь возле застекленных стен, за которыми работали люди: сидели над микроскопами, изучали куски тканей чьей-то одежды и определяли состав чьей-то крови... То есть часть работы ФБР (та, естественно,

которую можно и интересно показать приходящим туристам — не сейфы же и столы) была открыта взорам всех, кого потянет сюда на экскурсию. И когда я спросил, с трудом представляя себе туристическую прогулку по коридорам Лубянки, зачем так широко открыты двери секретной организации, то мне ответили: «Налогоплательщики должны знать, на что идут налоги».

И наконец, третье. Как и НКВД многие десятилетия стоя над жизнью страны, практически бесконтрольно осуществляя реальную власть, точно так же и сегодняшние наши разведывательные службы превратились в тех особ королевской крови, задеть которых было не только невозможно, но и небезопасно.

Сейчас, впервые в жизни разговаривая с полковником ЦРУ, я мог бы привести десятки примеров пиратских операций его ведомства. Но как ни сетовал тот же Дэвид, что часто сами американские газеты дают противоречивую информацию о «самом-самом», думаю все же, что тот парламентский, общественный, газетный натиск, под которым постоянно оказываются их секретные службы, в конце концов гарантия того, что деньги налогоплательщиков не пропадут. Допустим, не пойдут на бессмысленную охоту разведки за дочерью Сталина. Может быть, гласность (понимаю, да, интимная это вещь — разведка) позволит понять, почему в нашей разведке было так много «перебежчиков», узнать, понес ли кто из руководителей разведки ответственность за дезинформацию о тех режимах, которые мы с таким восторгом поддерживали, а потом долго не могли смыть краску стыда. Определить — хотя бы при закрытых дверях закрытого парламентского комитета.

— Дэвид, возможна ли вновь «холодная война»? — спросил я.

— Все возможно... Зависит, как все будет проходить здесь у вас... Ведь в каком-то смысле она и сейчас идет: наши разведки работают друг против друга. Но если так же будет продолжена здесь борьба за свободу и демократию, то, думаю, она окончательно канет в Лету. Да и Бог с ней!..

«Но ее же развязали вы! Черчилль! Трумэн! Только вы!» — ох, хотел я возразить ему, вспомнив пионерское детство — время ясности мира. Той самой ясности неведения, за которую мы и по сей день платим столь тяжелую цену.

ОХОТА НА ЛЬВА, или БОЙ С ТЕНЬЮ

Мафия тоже готовится к реформе?

Сейчас уже можно рассказать о том, что почти два года назад вслед за нашим первым диалогом с А.И. Гуровым (в то время еще научным сотрудником ВНИИ МВД СССР) «Лев прыгнул!» в двух городах — Москве и Волгограде — были проведены специальные совещания, на которых публикация в «Литгазете» подвергалась тщательному разбору. Совещания шли в атмосфере сугубой секретности, так сказать, при закрытых дверях. Но удалось выяснить, что там было высказано беспокойство по поводу выступления газеты («Если пошла печать, как тяжелая артиллерия, то следом приедут «воронки»), но одновременно прозвучали и оптимистические ноты («Не волнуйтесь, «менты» будут очень долго раскачиваться»).

Надеюсь, вы уже догадались, что совещания эти проводились не в домах политпроса: руководители мафиозных кланов вместе с приглашенными «ворами в законе» хотели сориентироваться в новой обстановке. Тогда, в 1988 году, органы правопорядка вынуждены были официально признать существование в СССР организованной преступности. Как результат — для борьбы с ней было создано 6-е управление МВД СССР.

Спустя недолгое время после нашего второго диалога «Под контролем мафии» А.И. Гурову (в то время уже доктору наук) предложили уйти из науки на практическую борьбу с исследуемым явлением и возглавить новое управление. И недавно — это, надеюсь, тоже известно читателям — А.И. Гуров вошел в депутатский корпус России.

Ну, а теперь к сути нашего разговора. Что происходит сегодня?

Сначала — цифра. Сегодня в стране насчитывается всего 1200 работников милиции, которые работают в шестых отделах и управлениях (сейчас об уголовном розыске и БХСС мы не говорим). Всего 1200 от Бреста до Владивостока тех, кто должен заниматься раскрытием не отдельных преступлений, а целых преступных сообществ, тщательно прослеживая все связи и имея возможность, невзирая на личности и должности, рушить ту плотную паутину коррупции, которая в условиях нашей эконо-

мической системы и является истинным крестным отцом — вернее крестной матерью — нашей мафии. Коррупции, на которую как на шпагу, нанизана наша страна. А тут — 1200. Пусть даже и во главе с А.И. Гуровым.

Но больше того.

— Недостаточная определенность этих новых подразделений, — считает А.И. Гуров, — приводит к тому, что местное начальство начинает давить на них. В одном месте ребята даже хотели объявить забастовку! Давят, ссылаясь на то, что они лезут не в свои дела. А что такое «не в свои дела»? Шестой отдел выходит на «верх», а от этого «верха», допустим, зависит начальник УВД. И начинается порой обыкновенная Расправа под разными предложениями: одному нашему парню объявили выговор за то, что его машину стукнул автобус. Сейчас при большей самостоятельности УВД появилась возможность и большей свободы для расправы.

В сегодняшней ситуации А.И. Гуров согласен с предложением министра В.В. Бакатина о создании межрегиональных подразделений по борьбе с организованной преступностью с вертикальным подчинением их Москве, то есть о создании «особой милиции» по типу американского ФБР. Но... на нее не дают денег.

— Поэтому мне хотелось бы, — говорит Гуров, — задать вопрос финансовым органам: куда исчезают деньги, которые получает МВД? Ведь это десятки, а то и сотни миллионов, которые зарабатываются в колониях? Куда, в какую кассу идут десятки миллионов рублей, изымаемых у преступников?

— А сколько нужно денег?

— Больше двадцати миллионов.

С одной стороны, малочисленный аппарат, постоянный тормоз на местах, отказ в финансировании. Ну, а что с другой стороны? Какие они сейчас, наши львы?

Вот картина на май 1990-го.

Идет дальнейшая консолидация преступных группировок: мелкие группы на основе договоров образуют более крупные. Идет захват территорий, и в связи с этим обостряется борьба за сферы влияния (рзкет выступает в качестве катализатора). Это первый вывод Гурова. Второе: объединение экономической преступности и общеуголовной. Третье: внедрение мафии в государственную экономику, в систему распределения (целые поезда за

взятки поворачивают в другую сторону). Четвертое: вторжение организованной преступности в политику с помощью коррумпированных ответственных работников (по мнению Гурова, уже были попытки протащить в Советы настоящих рецидивистов). Пятое: в отличие от Запада, отечественная мафия активно использует в своих целях подростков. И наконец шестое: выход нашей мафии на международную арену.

Об этом — прошу Гурова — подробнее.

— У нас есть данные, что уже создаются валютные преступные кассы, так называемые «общаки». Наши мафиози выезжают на Запад для установления связей с коллегами — в первую очередь из наших же эмигрантов. В Польше год назад прошел международный съезд преступного мира, в котором впервые принимала участие и, так сказать, «советская» сторона.

— Думаю, что эта интеграция не очень-то по душе и Западу?

— В Америке, как мне известно, специально ищут полицейских из наших эмигрантов, знающих специфику нашего преступного мира...

— Но ведь началась борьба с мафией! Хотя, судя по последним сообщениям печати, символом мафии становятся рэкетирь. Разве не так, Александр Иванович?

Он не согласен.

— Рэкет — лишь один из видов преступного бизнеса, который, кстати, и не весь организован — лишь на 30–40 процентов.

Гуров объясняет: вместо того, чтобы изучать стратегию и тактику организованной преступности, выявлять коррупционные связи, и без того малочисленные шестые отделы бросают, как пожарные команды, на борьбу с рэкетом, а это дело обычного уголовного розыска. Ажиотаж вокруг рэкетиров, по его мнению, выгоден и преступному миру, поскольку отвлекает милицию от более серьезных дел.

— Но все-таки ловят же рэкетиров! И то хорошо!

— По-настоящему крупного рэкетира еще никто не поймал. Что такое истинный рэкет? Да вот что! Преступная организация навязывает себя в качестве охраны предпринимателям, и те за гарантию безопасности — соглашаются выплачивать ей дань, то есть происходит сращение экономической и общеуголовной преступности. И никто ни на кого не жалуется.

— Так кто же, — спрашиваю, — те рэкетеры, о борьбе с которыми постоянно шумит наша печать?

Гуров называет их «теневого налоговой инспекцией», так как государственная инспекция — типа той, что наводит страх на предпринимателей Запада, находится у нас в зачаточном состоянии.

Не могу согласиться полностью с А.И. Гуровым: да, естественно, рэкетеры используют данный им нашей системой шанс — дойти те же кооперативы, которые не от хорошей жизни занимаются темными делишками, но ведь не они же одни доят! Другие-то приходят ни с пистолетом и ножом, а с угрозой закрыть кооператив по «санитарным» или «пожарным» правилам. Или просто создают такой режим проверок, что кооператив будет обречен на банкротство.

— Да, — согласен Гуров, Появился даже новый термин — государственный рэкет. Могу с полной ответственностью заявить, что почти ни один кооператив не начал свое существование без взятки. Только в Москве, по сообщению печати, около 30 миллионов рублей было передано кооперативами в виде взяток.

— У меня создается впечатление, Александр Иванович, что сейчас при перемене политической власти в стране, многие работники старого аппарата в предчувствии потери кресел торопятся взять как можно больше.

Гуров добавляет с горечью: некоторые работники милиции также не гнушаются большими взятками, чтобы тотчас написать рапорт об уходе. Поэтому идет жесткое очищение.

— Нам говорят: да покажите коррумпированные связи на примере конкретного уголовного дела. Но коррупция — это явление, у которого нет определения в нашем законе.

— То есть нужны поправки к Уголовному кодексу?

— Дело не только в них. Нужен закон о борьбе с коррупцией. Он должен включать в себя политические, экономические и уголовные меры. И необходимо создать механизм борьбы с коррупцией, который бы предусматривал наказание каждого — подчеркиваю, каждого! — кто оказался замешанным в коррупции. Сегодня (и мои слова может подчеркнуть любой честный сотрудник милиции) многие пользуются еще одной привилегией — уходом от ответственности при помощи званий, чинов, должностей, постов и даже правительственных наград.

Спрашиваю Гурова о том, что поражает меня в последнее время: громче всех кричат о борьбе с мафией представители командно-административной системы, обвиняя в самом появлении мафии... демократические круги. «Долой мафию!», «Нет — теневой экономике!» — митингуют они, призывая бороться с теми рыночными отношениями, к которым наконец-то переходит страна (не можем мы оставаться мировым заповедником очередей!).

— С одной стороны, — считает А.И. Гуров, — чиновники, призывая бороться с мафией (но ничего не делая для этого!), хотят не отстать от времени. С другой стороны, они отвлекают народ от истинных виновников: ведь легче всего свалить на тех же кооператоров вину за наши пустые прилавки.

Гуров предлагает:

— Давайте проследим цепочку. Система породила теневую экономику, та, в свою очередь, породила организованную преступность, которая и вызвала к жизни коррупцию. Увы, сегодня мы боремся с тенью. Ну, одну преступную группировку ликвидировали, ну, десять коррумпированных связей разоблачили, а на их месте тут же возникают новые. Ведь социально-экономические отношения меняются пока на словах! А причина в этом.

И далее:

— Сегодня наш бизнесмен вынужден в целом становиться спекулянтом. Почему? Да потому, что не может что-то достать, не может что-то продать, то есть спекулянт поневоле, по государственному принуждению. А если бы на его стороне был закон? Но приходят рэкетеры и отнимают у него законно заработанные деньги после того, как он уже отдал разумный — подчеркиваю, разумный — налог. Что будет делать тогда предприниматель? Да тут же побежит в милицию! Сейчас закон об ответственности за спекуляцию продиктован экономикой.

По его мнению, при переходе на рыночную экономику многие преступления отомрут сами собой. Появятся другие преступления: неуплата налогов, банковские незаконные операции и т.д.

Но самый трудный период — это переход к рыночным отношениям.

— Организованная преступность резко поднимется, — убежден Гуров. — Нам придется пережить шок. Мафия какое-то время будет свирепствовать.

— Какое-то время? А потом?..

— Часть уйдет в легальный бизнес, отмыв деньги, как это было, допустим, в США. Сегодня американцев уже не волнует «коза-ностра», а итальянцев — «каморра» («Мы ее контролируем», — сказали они мне). Запад волнует лишь новая волна наркоторговли.

— То есть у мафии на Западе есть свое место?

— Вот именно. И свое место, и свои виды бизнеса. Полиция их контролирует. У нас же сегодня нет «места» мафии в обществе. Она везде. И потому, когда начнется переход к рынку, мафии придется искать свое место.

Прошу его объяснить подробнее, что такое поиск мафией своего места.

Гуров видит в стране два типа теневой экономики: одна — преступная, вторая — «поневоле».

— В чем же их отличие?

— Криминальная — это разбой, грабеж, кража, хищения в особо крупных размерах. Легализовать ее было бы преступно. А вторая — это те люди, которые не хотят работать под контролем государства в силу разных причин. Им надо дать режим наибольшего благоприятствования.

— Но преступная тоже захочет «отмыть деньги».

— Хотят все, но не все смогут. Пусть легализуются, мы от этого никуда не денемся. А по оставшимся надо хорошо ударить.

— Но государственный прессинг за долгие годы приучил наших бизнесменов к преступным отношениям!

— Иногда смотрю на преступников — на «экономических» — и думаю: если они в условиях тоталитарного режима умудрились так развернуть свое подпольное производство (тот же Иванов в Московской области)... значит, директор предприятия в рамках закона ни черта не может произвести!

Да, соглашайся я, теневая экономика гибкая, подвижна, быстро реагирует на спрос, она воспитала в своих рядах таких экономистов, какие нашему Госплану и не снились. Помню, много лет назад — в годы Брежнева, Рашидова, Щелокова и т.п. — я написал две статьи о том, как один человек в Ташкенте по кличке Мардо создал подпольный синдикат, снабжавший целую республику лесом, запчастями, железом и т.д. Да, за взятки, да, создавая во-

круг себя истинный мафиозный клан, да, подкупая и уничтожая противников. Да! Но сумел же, имея всего два класса образования и три судимости. Я не мог назвать Мардо героем нашего времени — и даже не потому, что только начинались восьмидесятые и было бы странно назвать его героем, когда другой человек вешал себе на грудь очередную геройскую звезду. Меня интересовала тогда психология ответственности чиновника, готового за мизерную мзду стать мальчиком на побегушках ташкентского дельца, и я до сих пор благодарен газете, что в «те» годы она опубликовала мои статьи «Деловые люди» и «Мотыльки». Я и тогда понимал (а в Ташкенте воочию убедился в этом, сейчас уже можно признаться, еле унеся оттуда ноги), какая тень легла на страну. Я понимал, что набрел не просто на «дельцов», а на мафию. Но тогда же я понял и написал о Мардо: «Что было бы, если бы энергия, заложенная в нем, пошла на благое дело?» Пищу, а сам думаю: не в Госплан же Мардо определиться! Ну, превратится еще в одного взяточника или в тихого, незаметного расхитителя страны.

Думаю вслух: может быть, для командно-административной системы выгодно было, чтобы такие дельцы пребывали в подполье?

— Пожалуй, — говорит Гуров...

Спрашиваю: а не готовится ли преступный мир к переходу на новую экономику? Не начал ли осваивать новые ремёсла, бизнес западной мафии, игорные дома и т.д.?

Гуров считает, что ускорения процесса пока нет. По его мнению, в стране нет наркомафии.

— Но почему?

— Зачем же рисковать, когда есть масса способов обогатиться более легкими приемами: и рэкет, и контроль над проститутками, и хищение, и спекуляция? Ведь известны 200 способов хищения госимущества с использованием только должностного положения. Ну, в какой стране ты еще это увидишь? Вот когда мы перекроем эти каналы, тогда у нас усилится наркобизнес.

— А торговля оружием?

— Торговля оружием идет очень активно, потому что появился спрос.

— Силен ли оружейный промысел?

— Мощной организации пока нет. Есть мобильные группы — по 10, и по 15 человек, которые занимаются скупкой и поиском

оружия... Военные говорят, что они просто блокируют гарнизоны: продай то, другое, патрон, ствол... Такой вспышки никогда не было. Оружие очень дорого стоит. Это можно назвать уже одной из сфер бизнеса... Тем более, что у нас оружия очень много...

Наш разговор происходил несколько дней назад в кабинете у А.И. Гурова на Житной площади, в том самом кабинете, о котором так много слухов сегодня в преступном мире: что там знают, а чего — нет, какие планы разрабатывают... Не исключено, подумал я, что в другом доме Москвы обсуждают те же глобальные проблемы, но — уже «они».

— О чем «они» сейчас могут говорить, Александр Иванович?

— О новой стратегии. Как отмыть деньги, как за рубежом их в банк поместить, какие изгнать группировки с одного аэропорта и самим заселиться, как выкупить своего, попавшего в беду, с кем из чиновников установить связи. Пока еще есть, с кем устанавливать...

И в заключение — об одной недавней встрече.

Была пасхальная ночь. Мы с друзьями стояли в толпе возле церкви, в двух шагах от улицы Горького, дожидаясь, как и все, крестного хода. И вдруг слышу свою фамилию. Оглянулся — на меня, улыбаясь, смотрел незнакомый человек. «Ну?» — выжидательно смотрел я на него. И тогда он назвал свою фамилию. «Ну дает... Вот так на улице, откровенно?» — помню, мелькнуло в уме.

Об этом человеке, ни разу не видя его в глаза, узнал впервые года три назад. Узнал слишком много, хотя никогда ничего не смогу доказать. Когда однажды его все-таки арестовали, то, по-моему, хватило нескольких недель, чтобы его «дело» было затребовано на «верх» и он был отпущен на свободу. Когда мы начали изучать его биографию, в редакции появился ходок — бывший работник московского райкома партии. «Вы занимаетесь таким-то?» — спросил он напрямик. «Откуда вы взяли?» — спросил я его. «Он знает, что вы им занимаетесь», — и потом долго пытался выяснить, что мне известно и насколько доказано то, что мне было известно.

Да, увидев впервые этого «мистера Х» тогда, в пасхальную ночь, я вспомнил все и снова понял: ну и что в этих моих «занятиях»? Какой толк? Какой толк в бесчисленной информации, которой владеет управление А.И. Гурова, пока сама система — как никакая другая — приспособлена к существованию мафии?

МОСКОВСКИЙ СПРУТ

Текст, который, я хочу представить, нельзя отнести ни к одному литературному жанру. Это чтение особого рода, точно так же, как и для его автора, не писателя и не журналиста, было не простым делом однажды, уже после всего, сесть за машинку и вывести первой строчкой: «Из дневника».

Два года назад этот текст был напечатан всего в двух экземплярах. Первый был спрятан в тайнике самим автором, второй автор доверил хранить мне.

Наверное, у всех на памяти шумные уголовные процессы по делам московской торговой мафии: Соколов (директор Елисеевского гастронома), Трегубов (начальник Московского управления торговли), Амбарцумян (директор Дзержинской районной плодоовощной базы) — тузы московской торговли, разоблачение, арест, суд над которыми стали, как мы тогда наивно полагали, признаком новой жизни. Не догадываясь еще тогда, что не признак это — ПРИЗРАК.

И дело даже не в том, что расследование было искусственно оборвано и что некоторые из преступников, поспешно расстрелянные, унесли в могилу свои тайны.

Все больше и больше исследуя нашу отечественную мафию, все дальше и дальше проникая в тайны ее макро- и микросхем, я убеждаюсь, каким феноменом она является по сравнению со своими «сестрами» на Западе.

Я понял, почему так малоуспешна борьба с мафией — данная нам система сама подкармливает ее, превращая в постоянно самовоспроизводящийся механизм.

Пока не закон рынка, а человек движет товар по стране, наша, отечественная, мафия бессмертна, так как она является одновременно и порождением дефицита, и его производителем.

Московское дело было названо «торговым», но это совершенно неправильно. Торговля (то есть непосредственно те, кто продает, а не те, кто руководит торговлей, образуя бесчисленные главки и торги) — лишь солдаты мафии, и чтобы они не чувствовали себя генералами, и была создана вся система, которую пытался сломать автор дневника. Пришло время его представить. Хотя наверняка многим читателям известно это имя: Владимир

Олейник, бывший заместитель начальника, следственной части Прокуратуры РСФСР, ушедший в отставку в июле прошлого года, в тот день, когда узнал, кого именно назначили на посты заместителей Генерального прокурора СССР.

Сейчас он — член Верховного Совета РСФСР.

Итак, в путь.

Юрий Щекочихин, обозреватель «ЛГ»

*Из дневника
23.03.1984 г.*

В конце рабочего дня, около 18 часов, Кравцов* срочно потребовал списки директоров торгов, магазинов и досье на них, которыми мы располагали. Как он объяснил — для МГК КПСС (по моим данным — лично для В.В. Гришина). Это что, возможная легализация компроматов? Обезопасить себя, то есть партаппарат?

Личные наблюдения и сопоставления. Примерно в 1965 году в Москве начала насаждаться система, которая потом будет названа «торговой мафией». Именно тогда, в первый послехрущевский год, милиция была переориентирована на «палочки» (то есть на мелочевку, «несунов» и мелких спекулянтов) и на нейтралитет по отношению к высокопоставленным должностным лицам. Это привело к тому, что к началу семидесятых наиболее предприимчивые дельцы обзавелись своими людьми в контролирующих, снабженческих организациях, а в отдельных случаях — уже в высших партийных эшелонах, и не только Москвы и Московской области. Связи обеспечивались подарками, угощениями, услугами, приобретением заморских вещей. В ответ на это чиновники добывали фонды и сверхфонды, обеспечивали московскую прописку, одергивали правоохранительные органы при возбуждении нежелательных уголовных дел. К тому времени в милиции уже появились свои люди, которые должны были за подачки, угощения, деньги предупреждать о возможных разоблачениях.

---

* Б.В. Кравцов — прокурор РСФСР до июля 1984 года.

К 1971-1973 гг. эта система уже функционировала вовсю. Некоторые разоблачения 1977-1978 гг. (чаще всего органами КГБ) показали, что растет связь между периферией и Москвой, курсируют гонцы — перевозчики денег. Когда же деньги давать напрямую было неудобно, то в ресторанах, гостиницах, загородных дачах устраивались ужины, карточные игры. Преподносились многотысячные подарки, сберкнижки на предъявителя, нужно-му лицу проигрывались многотысячные суммы (или группе нужных лиц, начиная от начальника главка и выше). То есть «производство денег» было отделено от покровителей, их причастность тщательно укрывалась от следствия даже в случаях провалов таких групп. В свою очередь, покровители полностью использовали телефонное право для того, чтобы «на месте разобрались объективно». Это, конечно, вело или к укрытию виновных, или к сужению пределов расследования, или к обрубанию концов «для выхода наверх». Так создавалось у дельцов ощущение того, что с ними ничего не будет и даже перед судом они представляли без особого страха: если и осудят, то вскоре снизят срок или — к нужному моменту — издадут указ об амнистии или помиловании. Так, в принципе, и случалось. Потому-то на следствии они, как правило, почти не называли имен могущественных покровителей. А если и называли, то следствие и помышлять не могло начать какие-то действия, а если кто-то и осмеливался, то это чаще всего влекло за собой дисциплинарное взыскание.

Примечание обозревателя «ЛГ»

Долгое время в кабинете Владимира Олейника всю стену занимала, схема московских преступных связей: стрелки от маленьких квадратиков шли к большим, от крошечных кружочков — к огромным. Магазин — торг — Главторг — Минторг; магазин — райотдел милиции — ГУВД — МВД; райторг — Моссовет — МГК КПСС — ЦК — Совмин.

Дело уже было прекращено, и схема висела как напоминание о прерванной работе. Искусственно прерванной.

Однажды мы зашли к нему со знакомым итальянским журналистом; «Это же спрут!» — воскликнул тот, когда увидел схему, вспомнив популярное у себя слово. «Если бы делать большой

процесс, то для подсудимых не хватило бы нашего Колонного зала», — горько пошутил в ответ В. Олейник.

Сейчас я знаю все имена, фигурировавшие в деле. Именно потом так надежно были спрятаны дневники у В. Олейника и у меня самого.

Теперь я могу (естественно, не называя имен, раз дело не доведено до суда) кое-что добавить к тому, о чем рассказано в дневниках В. Олейника.

Вот несколько схем.

Партработник (ЦК) пробивал фонды для угодных руководителей торговли, получая регулярно взятки. Он же предупреждал о возможности провала. Его родственник — один из лидеров Минторга.

Ответственный работник Прокуратуры СССР — в близких отношениях с завсекцией московского гастронома. Он информировал обо всех действиях органов, предотвращая удары.

Дочь известного директора магазина — секретарша у зама Генерального прокурора.

Информация обо всех действиях следственной группы уходит непосредственно из прокуратуры через Х.

Первый секретарь райкома партии предупреждает своего друга, одного из руководителей районной торговли, о том, что тот попал в поле внимания следствия.

Другого работника торговли (уже городского уровня) предупреждают о готовящемся аресте непосредственно из прокуратуры. Тот успевает спрятать имущество.

Муж — директор торгового предприятия, жена — директор мясокомбината. Неучтенные излишки мяса непосредственно шли в магазин мужа. Тот содержал милицию. За услуги, которые ему оказывали, двух работников милиции назначил директорами магазинов.

И так далее. Кстати, истинные фамилии этих Х и У есть в материалах уголовных дел, хранящихся сейчас в архиве.

Ю.Щ.

*Из дневника
28.03.1984 г.*

Мне стало известно, что в МГК в деталях знают о характере показаний Т. на Трегубова. Откуда? Ведь официально против Трегубова

бова никаких следственных действий не проводилось. Кто сказал? Поступила информация: насчет Трегубова может быть два варианта: 1) его не дадут следствию; 2) его заставят замолчать навсегда.

Личные наблюдения и сопоставления. К 79-му году на ключевых постах в МВД и других правоохранительных органах Москвы и области, России, Союза были если не прямые покровители, то сочувствующие, обязанные кому-то своим выдвижением или назначением (прокуратура, суды, минюсты). Свои люди в городских, областных, партийных и советских органах, а отдельные из них уже продвинулись в аппарат Совмина и ЦК КПСС. Характерно, например, направление в правоохранительные органы партийных кадров, так сказать, на укрепление. Так шло совершенствование преступной системы.

Как правило, высшая мера наказания применялась к тем, кто много знает, или к тем, кто «слишком много рассказал» (анализ показывает, что всякие помилования отклонялись, если имелись опасения, что такой-то «может заговорить о нас»).

Примечание обозревателя «ЛГ»

Это, наверное, был самый страшный видеофильм, который я видел в жизни.

Директор Дзержинской плодоовощной базы Амбарцумян был арестован не В. Олейником, не он вел его уголовное дело. Но уже после приговора, когда тот ожидал смертной казни, всплыли новые обстоятельства.

На видеокассете показана очная ставка Амбарцумяна с одним из высокопоставленных чиновников. Амбарцумян — небритый, оплывший старик в полосатой робе смертника. «Скажи, сколько я тебе давал, иначе, я сам скажу!» «Нет», — запинаясь, произносит чиновник и нервно расстегивает галстук.

Камера фиксирует лица, микрофон — детали, которые нельзя придумать: когда, как и где, кто может подтвердить, как можно доказать. «Меня скоро не будет, но пожалей свою совесть». «Нет», — и лицо чиновника покрывается пятнами.

Назавтра должна была состояться вторая очная ставка. В. Олейник пишет ходатайство о помиловании, так как не может

понять: почему для этого семидесятилетнего старика, имеющего множество боевых орденов, участника парада Победы, не нашлось смягчающих вину обстоятельств? В полночь российский прокурор подписывает письмо в Президиум Верховного Совета с ходатайством о помиловании Амбарцумяна. Когда наутро В. Олейник вновь приезжает в тюрьму, то с ужасом узнает: приговор уже приведен в исполнение.

Тот чиновник пошел на повышение и сейчас тоже занимает ответственный пост. Но главного его обвинителя давно нет в живых, и, может быть, хоть сейчас, когда он прочитает эти строки, подкатит к его горлу комок? Или нет? Наоборот, торжествуяще улыбнется?..

Сейчас думаю: а не потому ли был казнен и Соколов, знаменитый директор Елисейевского магазина?.. Ведь только позже стало известно, что именно у него в специальном кабинете «днем и ночью» был накрыт стол для Чурбанова, тогдашнего всесильного первого заместителя министра МВД СССР.

Ю.Щ.

*Из дневника
11.09.1984 г.*

Срочное задание Емельянова*: подготовить справку для ЦК — какие показания, кто и на кого дает? Кто арестован? Что изъято? Перспективы окончания дела? Зам. по кадрам Титов позвонил и сказал: надо отразить в справке, «положительную роль МГК и райкомов в помощи нам по делу» (а они только ставили палки в колеса). Дали справку на 170 человек руководящего состава всех уровней и организаций: партийных, советских, административных, торговых. Видимо, им нужно знать, кто именно попал в поле нашего внимания. Спешка такая, что писали допоздна и только к четырем утра закончили печатать. В 8.00 были у Емельянова. Он выбросил 12-ю страницу с наиболее «шумными» именами. Мне сказали, что справка для Аболенцева**. Но это не так. Мне стало известно, что в 9 утра Емельянов был у В.В. Гришина.

---

* С.А. Емельянов — прокурор РСФСР с июля 1984 года.

** Н.А. Аболенцев — в те годы зам. Генерального прокурора СССР.

Личные наблюдения и сопоставления. К 1982 году сложилась система: директора магазинов, торгов, выполнявшие и перевыполнявшие планы, давали деньги наверх. Передача денег шла от продавца — к завсекцией, от завсекцией — к директору магазина, от директора магазина — в торг, в совпарторганы, в контролирующие организации.

Райпищеторг — ключевая единица в системе хищения (может, для того и создавалась эта лишняя бюрократическая организация?). Назначение директором магазина в районе стоит 10-15 тысяч, в зависимости от товарооборота (сейчас курс куда выше — инфляция). То же самое в системе общепита. Зампреды райисполкомов курируют торговлю и... одновременно милицию, что позволяет им корректировать работу милиции. Большинство из начальников милиции и ОБХСС — на содержании торговли.

Плодоовощные базы и объединения созданы для эффективно снятия взяток. Директор объединения собирает с каждого директора магазина «Овощи — фрукты» таксу и дань и выплачивает ее руководителям района, ОБХСС, Главмосплодоовощпрому и выше.

Эксперты московского отделения торгово-промышленной палаты за взятки снижают кондицию импортной продукции (в основном яблоки, апельсины), что позволяет иметь с каждого вагона по несколько тысяч рублей и неучтенную для реализации продукцию. Так, эксперт получает 20 процентов от общей суммы.

Деньги делаются на яблоках, апельсинах, бананах, мандаринах. Вот почему директора баз не стремятся к надлежащей заготовке овощей, их хранению, желают избавиться от лука, картошки, капусты, для того чтобы освободить помещения под выгодный дефицит. По этой же причине незаконно уничтожают овощи, списывая на «естественную порчу».

*Из дневника
17.09.1984 г.*

Срочно потребовал доклад по этим же вопросам и Рекунов*. Он в основном интересовался пофамильно верхним эшелоном, то есть ЦК, Совмином, министрами, МГК, Моссоветом... Фамилии переписал к себе — 3/4 страницы.

---

* А.М. Рекунов — тогдашний Генеральный прокурор СССР.

Личные наблюдения и сопоставления

Вся система замкнута на торговые и плановые отделы МГК и Моссовета. Должностные лица прикрывали преступную деятельность и «давали по ушам» ОБХСС, если милиция пыталась вдруг что-то предпринять.

Складывается впечатление, что во многих случаях заведующих торговыми отделами райисполкомов и зампредов назначает сама торговля, точно так же — и инструкторов по торговле в парторганах, вплоть до ЦК КПСС. Мне сообщили, что должность инструктора ЦК по торговле стоит 50 тысяч рублей.

Примечание обозревателя «ЛГ»

В отношении Трегубова было собрано достаточное количество доказательств, но так как он был депутатом Верховного Совета РСФСР, согласие на арест должен был дать Президиум. В. Олейник подготовил обширную справку, которая неожиданно оказалась не в Президиуме, а в КПК при ЦК КПСС. Потом ему позвонили: согласие получено. Любопытная деталь: санкцию на арест дали в день, когда В. В. Гришин улетел в отпуск на юг. Правда, узнав об аресте Трегубова, Гришин немедленно вернулся.

На первом же допросе В. Олейник обнаружил, что все его доводы известны Трегубову. Откуда? Оказывается, в КПК его познакомили со всем, обвинительным материалом, чтобы Трегубов мог подготовиться к защите, в чем сам и признался. Это осталось зафиксированным в протоколе.

До последнего момента он надеялся, что Гришин спасет. Когда же понял, что спасение не приходит, заявил: Гришин расправляется с ним за длинный язык. И — начал рассказывать.

Потом в Лефортове ему было передано по нелегальным каналам: «Отказывайся от показаний, иначе будет хуже». «Хуже» — это исключительная мера наказания. И Трегубов начал отказываться, чем, возможно, спас себе жизнь.

Ю.Щ.

*Из дневника
25.09.1984 г.*

Неожиданно вызвал В.В. Найденов (странно, он не имеет отношения к этому делу, так как курирует общий надзор). Оказалось, по линии общей надзора внесены представления на замминистров торговли К. и Ш. И доложили в ЦК. Как я понял из разговора, Генеральный прокурор отрицательно отнесся к этому. Найденов спросил, признался ли Трегубов. Я ответил: лишь в злоупотреблениях, а не во взятках. Потом Найденов спросил: «Как ты?» Ответил, что тяжело, давят. Он грустно улыбнулся: «Думаешь, мне легче?»

Личные наблюдения и сопоставления

Мои коллеги и я ничего нового не открыли, мы просто сделали достоянием то, что было уж давно известно. Еще в 1969 году Щелоков накладывал спасительные резолюции на материалы о том, что творится в Елисейевском, в Главторге. На их стороне было и руководство МГК, Моссовета, аппаратчики ЦК, КНК, зачастую находящиеся на содержании дельцов (что искусственно не получило развития в деле — не по нашей воле).

Аресты были крайней мерой. (Если бы закон был в силе, то нам пришлось бы арестовать сразу не менее 500 руководителей разных уровней.) Нам никто не помогал. Только мешали утечкой информации из написанных по приказу же справок.

Заметно оживилась мафия, когда к власти пришел Черненко. Посыпались анонимки на нас. В конце 1984 года на меня уже давили руководители: «Свертывайте следствие, мало ли кто что взял... Это не взятка, а подарок, злоупотребление, не больше». Именно тогда Трегубов на допросе заявил мне: «Сейчас вы — нас, потом мы — вас...».

Примечание обозревателя «ЛГ»

В начале 1987 года к В. Олейнику начали неожиданно приходить странные посетители. Каждый с квитанцией о том, что деньги за подарки, которые получил от работников торговли, им переданы на... благотворительные нужды.

Вот один образец такой справки:

«Я глубоко осуждаю проявленную мною беспринципность, проявленную в том, что принимал от Амбарцумяна, ныне осужденного, поздравления с праздником в виде фруктово-овощных заказов. Сейчас мне стало известно, что такие «поздравления» стали возможны благодаря его преступной деятельности... Мною в сберегательную кассу № 7813/02447 внесена ориентировочная их стоимость в сумме 250 рублей для зачисления в фонд сооружения в Москве памятника Победы... квитанцию прилагаю».

И подпись: А.Ф. Базавлук, начальник отдела учета и распределения жилья Моссовета, ранее председатель Бабушкинской райисполкома Москвы, впоследствии — зам. начальника управления Всесоюзного агентства по авторским правам. (Вот уж на все руки мастера наши чиновники!)

В другие фонды внесли деньги бывший первый секретарь Дзержинского РК КПСС Н.К. Комаров, секретарь Дзержинского РК КПСС М.А. Аблогин, бывший председатель Бабушкинского исполкома Ю.И. Ребизов, бывший зав. отделом МГК КПСС Д.Г. Черник, начальник ХОЗО Международного банка экономического сотрудничества В.М. Абрамов, сотрудник отдела внешних сношений Министерства гражданской авиации В.Д. Саморук, инструктор КНК СССР (бывший секретарь Дзержинского РК КПСС) Ю.И. Виноградов и другие чиновники, процветающие и сегодня на высоких постах.

Квитанции и заявления хранятся в томах уголовного дела, и, надеюсь, после этой публикации в судебном архиве не вспыхнет пожар.
Ю.Щ.

*Из дневника
11.11.1984 г.*

Позвонили из управления кадров: быть у зама Генерального прокурора Шишкова. Был. Анонимка, что когда-то я купил на неправедные деньги «Волгу» и вообще я «подонок». Мельком пробежал текст (подробнее читать не дали) и написал объяснительную, что никаких «Волг» ни я, ни мои родственники не имели.

Личные наблюдения и сопоставления. Теперь я понял полностью, как делались деньги, которые потом шли наверх, и почему «верх» оберегает эту систему.

Вот способы делания денег.

Обман покупателя: обмер, обвес, обсчет, пересортица. Кроме того, реализация неучтенных продтоваров.

В процессе следствия удалось более или менее затронуть лишь хищения за счет экономии естественной убыли и за счет всех видов обмана покупателя (и то не полностью).

Намечался еще один источник — выпуск и реализация поставщиком за счет нарушения технологии неучтенного мяса, мясных, консервных, рыбных и др. изделий. Источник реальный, но не исследованный.

Кроме того, перевод продуктов питания за счет больниц и т.п. организаций, в том числе общепита, в торговлю путем различных махинаций.

Совершенно не затронута система Мосглавплодоовощпрома. По этой причине там продолжается форменный саботаж всей торговли овощами и фруктами. Здесь наиболее мощные «покровители». Международные связи с фирмачами и торговыми нашими представительствами...

*Из дневника
17.11.1984 г.*

Меня вновь пригласил Емельянов (я уже знал, что за несколько дней до этого он снова был у В.В. Гришина). Распорядился: расследовать факты лишь по волевым решениям Трегубова о выделении квартир, то есть за взятку своему заму Петрикову. Этот эпизод развернуть на полтора-два тома. Сказал, что дело по Трегубову надо, срочно заканчивать. Все остальные дела отдать городу. По Новоарбатскому гастроному сократить число привлеченных лиц. (Мы расценили это как искусственное сужение пределов расследования, углубление дела Главторга для того, чтобы сбересть преступную систему в Москве и не добраться до верха. Это в результате его доклада В.В. Гришину?)

Все чаще задаю себе вопрос: а не являются ли коллективы Новоарбатского, ГУМа, других магазинов-гигантов заложниками системы, с которой мы столкнулись? И не являемся ли заложниками и мы, следователи? И те, кто нами командует? Они, как хвост ящерице, отрубают завмагов — и даже Трегубова, — чтобы самим выжить.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Личные наблюдения и сопоставления. Часто наши честные руководители на доводы о существовании в Москве организованной преступности, практически мафии, заявляют: а кто руководитель? Где их программа? Распределение обязанностей? Идея и цель? А если этого нет, то (по их словам) нет и мафии.

Но ведь мы имеем дело с саморегулирующейся системой со-словия! Это коллективный механизм, который на ключевые по-сты представлял тех, кто потворствовал коррупции и страховал от правоохранительных органов!

Их много, их слишком много! И они охраняют существую-щую систему потому, что при иной экономике, иных законах распределения товара они не нужны. А это для них смерть.

Заключение обозревателя «ЛГ»

Читатель, мы лишь перелистали страницы совсем недавне-го прошлого. Горькие страницы. Но, прошу, не надо требовать крови.

Дело не в ненаказанных, не в ушедших от ответственности.

Мне хотелось, чтобы эта публикация послужила совсем иной цели: еще одним аргументом в споре против тех, кто пугает нас переходом к нормальной рыночной экономике.

Боюсь, что те, кто особенно запугивает, страшатся в первую очередь потери собственной власти над нами. И не их ли голоса против рынка звучат сегодня громче всех?! Ведь наш будущий рынок — это крах рынка их собственного.

Ю.Щ.

ГУРОВ УШЕЛ... ЛЕВ СЪЕЛ?

Опасней мафии только чиновники

Наверное, не было больше сенсации «ЛГ» за последние годы, сенсации, мгновенно облетевшей мир, чем выступление Александра Гурова, в то время научного сотрудника НИИ МВД СССР, о существовании в стране организованной преступности. После первого нашего с ним диалога «Лев прыгнул» было создано Управление по борьбе с организованной преступностью. Еще через короткое время Александр Гуров был назначен начальником этого управления, ставшего впоследствии главком МВД страны.

Я помню, с какой настороженностью восприняли приход А. Гурова старые аппаратчики МВД, и знаю — больше мешали, чем помогали. Помню и множество писем, подписанных партийными функционерами, в которых само существование мафии в СССР подвергалось сомнению. Но тем не менее и для миллионов наших сограждан, и для криминологов из Европы и Америки имя Гурова стало символом борьбы с мафией. И вдруг новость — Александр Гуров, сорокашестилетний генерал милиции, народный депутат России, ушел из МВД СССР.

— Что случилось, Александр Иванович?

— Я ушел не по своей воле. Неделью назад новым руководством МВД страны мне было предложено искать себе новое место работы.

На мой вопрос, почему в одночасье ликвидируется управление, вместе с ним и союзно-республиканская система борьбы с мафией (созданная указом президента СССР), первый зам. министра В. Ерин ответил мне, что я развалил это управление.

— Не понимаю... Управление, практически созданное вами и вашими сподвижниками, вы сами и «развалили». Что-то здесь не так...

— Действительно, что-то не так. Я не хочу идеализировать нашу работу, да и оснований для этого, конечно, нет: преступность растет, меняет свои формы, все более и более проявляются тенденции к политизации преступности, к ее жесткому структурированию, к выходу на международную арену, к все большим и большим связям с аппаратом власти. Всё ли мы сделали, что

смогли? Естественно, нет. Но мы создали принципиально новую спецслужбу, которая, я убежден, не хуже, чем аналогичные спецслужбы на Западе.

— Но это внутренняя, так сказать, кухня. А что вы сумели сделать за это время?

— Лишь в последнее время мы вели 48 крупных дел на преступные группы с межрегиональными и международными связями. Разоблачили группу, действующую на территории России, Прибалтики, Германии, Греции, Польши. Направленность группы — разбой, рэкет, коррупция. Еще одно дело — по наркобизнесу: эта группа охватывала шесть республик, число участников превышает полтысячи. Третья группа — основной костяк 17 человек. Связей — 543. Район действия — Россия, Латвия, Украина.

— Все участники этих групп арестованы?

— Активные участники арестованы, и, поверьте, каких усилий стоило нашим оперативникам и проникнуть туда, и выявить — совместно с республиканскими органами и с коллегами из других стран — эти преступные группы. Нам пришлось выходить и на людей, защищенных своими постами, и должностями, и депутатскими званиями. Два работника ЦК КПСС были уволены, причем один из них замышлял крупную политическую провокацию.

— Какую?

— Помните ту огромную демонстрацию 28 марта прошлого года?

Нам стало известно, что инструктор ЦК связался с одной из групп «Памяти», чтобы передать ей специальное взрывное устройство, начиненное фосфором, для запуска его в толпе, чтобы вызвать панику. Вы сами можете представить, что могло бы начаться! Провокация была предотвращена. Эта история еще раз показала мне, настолько важна спецслужба, независимая от всех политических партий, и насколько сегодня преступность связана с политикой. Множество раз нам приходилось сталкиваться с тем, что люди из высшего истеблишмента были или связаны с мафиозными структурами, или были использованы ими.

— Кто, например?

— Тот же Стародубцев. Но мы-то вышли на него еще за полгода до путча, когда он пытался провести в страну контрабандные товары — аудиокассеты — на сумму около шести миллио-

нов. Даже после того, как мы задержали контрабанду, Стародубцеву удалось подписать бумагу в Кабинете министров СССР о возвращении — в виде исключения — ему этой контрабанды. Но мы не сделали исключения: вся контрабанда была пущена в доход государства... Точно так же мы располагали информацией на ряд высших должностных лиц Советской армии. Не наша вина, что они остались безнаказанными. Хотя одну операцию против них нам удалось реализовать (контрабанда оружия, икры, антиквариата). Ее мы провели с участием польских и немецких коллег.

— Как я предполагаю, чем активнее вы выходили наверх, тем больше вам мешали?

— Ни разу мне никто не позвонил и напрямую не сказал: «Того человека — не трогать», но все больше и больше мы все чувствовали, что кому-то неуютно и невыгодна широкая борьба с мафией. К сожалению, и сегодня наши надежды не оправдались...

Изменилась ли ваша концепция борьбы с нашей отечественной мафией с тех пор, как из теоретика вы стали практиком?

В целом нет, не изменилась. Но взгляд на мафию у меня стал иным.

— Так какая же сегодня наша отечественная мафия?

— Процесс становления мафии во многих городах завершился. У мафии появились совершенно новые виды бизнеса: торговля оружием, живым товаром и вывоз его в западные бордели, усиливаются позиции наркобизнеса. И еще одна деталь, новая для страны: в ряде городов мафиозные структуры, контролирующие определенную территорию, фактически стали следить за правопорядком на своей территории и даже контролировать работу милиции.

— Но, может быть, это к лучшему?

— Не думаю... Разговоры с некоторыми участковыми и постовыми милиционерами показали, что они бессильны и порой вынуждены идти на поводу у мафии. Вот здесь и нужна спецслужба, которую сегодня так старательно ликвидируют.

— Не раз я слышал упреки в адрес шестого главка, что любой бизнес, с вашей точки зрения, преступен, что вы не восприняли новые экономические законы, по которым начала жить страна.

— В любом случае мы не могли посчитать нормальными взаимоотношения между бизнесменами и чиновниками, основанные на элементарных взятках. Хотя по-человечески можно понять бизнесменов, так как монополия на сырье, на открытие кооперативов, СП все у тех же чиновников. Кстати, мы и помогаем бизнесменам: и в информации о реальном положении зарубежных партнеров (часто в страну приезжают мошенники международного класса, выдающие себя за влиятельных фирмачей), и в борьбе с настоящим рэкетом, и даже в возвращении денег... Так, недавно одному кооператору мы помогли вернуть 180 тысяч долларов, похищенных у него. 50 тысяч долларов он решил перечислить в МВД для закупки компьютеров.

— За это время выходили ли на вас и на ваших сотрудников лидеры мафии?

Лично мне предлагали в начале августа 300 тысяч рублей за совершенно незначительную услугу. Но самое-то интересное, что выходили на меня через один из райисполкомов Москвы (о чем я сразу же доложил руководству МВД СССР).

— А были ли прямые угрозы?

— Один раз... У меня есть рапорт одного из сотрудников, в котором говорится, что планировалось вырезать мою семью... Но, честно, я боюсь больше не мафии, а чиновников, какой бы политической ориентации они не придерживались.

— И вот — все. С понедельника вы покидаете свой кабинет. И куда?

— У меня было много вариантов: вернуться в науку, уйти на постоянную работу в парламент или даже на пенсию (стаж работы мне это позволяет). Но я не хочу доставить кое-кому радость и поэтому принял предложение Бакатина перейти на работу в его ведомство — в Главное управление по борьбе с организованной преступностью на должность заместителя начальника. И я очень надеюсь, что руководство МВД не начнет охоту на ведьм в Главном управлении по борьбе с мафией. Мои сотрудники — а они, смею вас уверить, как правило, специалисты высокого класса, признанные и нашими западными коллегами в США, Германии, Франции, Австрии, Польше, — не виноваты в тех игрищах, которые затеяли сегодня некоторые новые руководители МВД СССР. Кстати, одно из указаний этого нового руководства — запрет на публикации в газетах и на интервью журналистам. Се-

годня, оставаясь в своей прежней должности, я должен был бы попросить разрешения на эту встречу с вами у зам. министра.

— А все-таки, все-таки... Почему вас ушли?

— От многих знаний — много печалей...

Каждая новая реорганизация в МВД СССР (а сколько я уже их помню за последнее десятилетие), убежден, не помогает борьбе с преступностью. Избиение кадров стало привычным в системе этого министерства. Как и то, что все последние руководители МВД не покидали здание на Житной по доброй воле. Знаю, какую нервозность приносят нескончаемые перемены в среде рядовых работников милиции. Может быть, лишь одна категория населения приветствует нескончаемые реорганизации — та, с кем и призвана бороться милиция, — мафия и те, кто ее прикрывает.

24.11.1991

СТРАХ

Этим расследованием, которое заняло у меня последние несколько месяцев, я обращаюсь прежде всего к Борису Николаевичу Ельцину, своему бывшему коллеге по межрегиональной депутатской группе и человеку, за президентство которого в России и я отдал свой голос.

Он отрывает узкий клочок бумаги, пишет на нем название фирмы, показывает мне. Потом чиркает зажигалкой. Листок тлеет в пепельнице, оставляя в ней горстку пепла — все, что осталось от тайны этой информации. «Угу, — киваю я. — А кто же стоит во главе фирмы?»

Музыка поставлена на полную громкость, телефон перенесен в соседнюю комнату, но все равно, подчиняясь правилам игры, предложенным моим собеседником, задаю вопрос шепотом. Снова отрывается листок бумаги... Зажигалка, пламя, горстка пепла. Москва, поздний вечер, квартира моего товарища, которую он, предварительно оставив ключи, покинул на это время.

Одна картинка. Теперь — еще одна.

Прошу о встрече еще одного человека, занимающего не последнее место на московской иерархической лестнице. Прошу по одной причине, совсем маленькой, но очень существенной для меня: мне сказали, что он — честный. «Ну, подъезжайте...» — слышу в телефонной трубке... Конец рабочего дня. В приемной — никого... Открываю дверь его кабинета. Он начинает говорить сразу же, как будто только и ждал, когда же наконец появится журналист и спросит его, почему же так происходит. Мне захватывающе интересно: даты, факты, фамилии. Вся та невидимая постороннему глазу жизнь, которая формирует видимую, чувствуемую, осязаемую жизнь Москвы. «Мне необходимо записать вас на диктофон. Вы бесценный свидетель...» Он резко отказывается: «Ничего я вам говорить не буду». — «Бойтесь?» — «Не хочу... Бесплезно... Безнадежно...» — и он встает, показывая мне, что наша беседа окончена.

Ну что, еще картинка? Пожалуйста, могу.

Суббота... Служебный кабинет в пустынном здании. Меня ждут. Снова приемная — пустая. Кабинет, за кабинетом — ком-

ната для отдыха, как и положено в таких офисах, где на столе — гроздь разнокалиберных телефонов. Я спрашиваю: «Мне известно, что вы знаете — и можете мне сказать, — какая фирма и кто конкретно оплачивал зарубежные путешествия Лужкова с женой...». Он вздыхает, встает: «Сейчас пойду запру дверь... Мало ли что...». Возвращается. Молчит. Я повторяю свой вопрос. Молчание. «Ну...» — нетерпеливо говорю я ему. Он шепотом сообщает...

И еще могу...

Опять вечер, квартира... Чужая квартира, где ждали и меня, и моего собеседника. Меня интересует, кто же сильнее сегодня в реальном раскладе реальной московской власти — Лужков или Быстров? Слышу: «Быстров может подписать любую бумагу на передачу земли или зданий...». Спрашиваю, в работе скольких же фирм участвует сам Быстров. Слышу то, что и предполагал сам: «Этого никто не знает... Одна фирма создает десять филиалов, те филиалы — еще филиалы, и так далее, и так далее. Однажды я услышал от (называется одна известная фамилия): «Боюсь, мы однажды проснемся, а пол-Москвы уже его...». Но и этот разговор — тоже с условием не называть имени моего собеседника.

Даже только эти картинки, основанные на действительных, а не на киношных событиях, которым я стал свидетелем на протяжении последних месяцев, позволили бы мне поставить точку и сказать вам, нашему президенту: нет, не все ладно в нашем королевстве. Если присутствует страх в беседе, состоявшейся шепотом, во взгляде (подернутом дымкой неуверенности в завтрашнем дне), в нервном сжигании записок с информацией, то уже только это должно заставить вас немедленно начать проверку деятельности московских властей, При помощи депутатов России, при помощи независимых от московских властей экспертов, при помощи специально назначенной вами следственной группы.

Но на основании только этих, личных впечатлений я не позволил бы себе еще раз повторить слова, уже как-то сказанные мною на страницах «Литературной газеты»: я очень боюсь, что на плечах нашей молодой демократии к власти пришли мафиозные структуры, которые уже поделили между собой сферу влияния в Москве, которые уже распродали друг другу лакомые куски столицы, которые наелись настолько, что та дымка демократии

и августовской победы, которой они прикрывали свои подпольные операции, стала для них уже ненужной, лишней, уже мешающей им в своем поступательном движении. Они готовы обернуться и против демократии и против тех, кто олицетворял ее на митингах на Манежной, на баррикадах вокруг Белого дома.

Кто же сегодня реально управляет Москвой? Те, кто сумел распорядиться московским имуществом, то есть землей, зданиями, целыми районами.

Район, где находится «Литературная газета» (а это в двух шагах от Сретенки), уже давно облюбовали киношники, чтобы снимать фильмы о войне: столько много домов, глядящих на мир пустынными глазницами! Они пустуют уже не первый год. И не только здесь, в нашем районе. Один из моих собеседников раскрыл мне тайну, почему же их не спешат ремонтировать: чем хуже дом, тем ниже становится его балансовая стоимость, тем дешевле передать его на баланс какого-нибудь СП (недаром же все уменьшается и уменьшается объем работ. Мосремстрой!). И тем выгоднее реально продать его. За реальные деньги, которые, вероятнее всего, осядут на Западе.

Сколько их, этих истинных хозяев Москвы? Кто истинный покупатель зданий? На эти вопросы сегодня никто не сможет ответить. Кроме разве тех, кто проводит эти операции, посмеиваясь над очередным газетным разоблачением. Но я теперь понимаю реальный механизм, который позволяет купить одним и не допускает к бизнесу других.

У нас не может быть чистых капиталов. Но существуют три типа капиталистов — наших, новых, появившихся на рынке. Первые — бизнесмены, которым шанс выйти на рынок дало изменение Системы. Второй — реальный преступный бизнес, которому наша неразбериха позволила отмыывать свой черный капитал (хорошо знаю: однажды был удостоен чести услышать неприкрытые угрозы в свой адрес от бывшего владельца уголовного «общака», который, «цивилизовавшись», стал владельцем популярного СП). Но и первые, и вторые — дети по сравнению с прежними официальными структурами власти, которые — мимикрируя — остались реальными хозяевами Москвы, Первые могут выйти на рынок, только лишь заручившись поддержкой третьих (а чаще всего поддержка — это взятки в виде участия в

прибылях либо в натуре, борзыми щенками — будь это «ценный подарок» или лишняя поездка за границу за счет частной фирмы). Вторые, то есть уголовный бизнес, могут создать свои фирмы, оказывая третьим услуги по запугиванию или устранению противников. Но бал правят третьи, являясь на самом-то деле ПЕРВЫМИ, основными, козырными, как когда-то, на заре рынка, называли юные фарцовщики солидник, который сам никогда не показывался возле комисионок.

Впервые на моей памяти на них, на солидных, на истинных хозяев бала, вышел молодой журналист из «Комсомолки» Денис Молчанов, открыто обвинив вице-мэра Ю.М. Лужкова в участии в так называемом «Оргкомитете» — по существу, частной фирме по приватизации нежилых помещений, в которую сплошь входили ответственные чиновники московского правительства. Уже впоследствии, изучая, документы «Оргкомитета», я поразился, с какой легкостью он распоряжался городским капиталом и даже, не стесняясь, проводил лжеаукционы, где первоначальная стоимость квартир на продажу равнялась сумме, которую за эту квартиру учредители аукциона получили, и при том покупатель был обозначен одним и тем же номером (эти материалы находятся в прокуратуре Москвы, увы, без движения). Тогда вице-мэр написал письмо в «Комсомолку» о том, что он отказался получить деньги за то, что входил в правление «Оргкомитета».

Но совсем недавно я прочитал справку о деятельности московской регистрационной палаты (она регистрирует новые СП), где сказано, что «большинство учредителей вышеупомянутых (а упомянуто более десятка новых фирм и СП. — Ю.Щ.) структур — это подразделения мэрии Москвы, которые внесли в качестве учредителей определенные материальные средства». Среди названных структур — Внешнеэкономическое международное объединение «АТМАК», А/О «Мосинвест», «Мосприватизация», «Московская гильдия» и другие. Среди, учредителей — Ю.М. Лужков, И.Н. Орджоникидзе, 1-й заместитель московского премьера, Э.А. Бакиров, заместитель премьера московского правительства, и другой, такой же чиновный люд.

Одной из самых влиятельных московских структур многие собеседники называли мне СП «Мост». У меня нет доказательств прямого участия в руководстве СП Лужкова, но в его личной заинтересованности, в лоббировании «Моста» есть.

10 июля 1991 года за подписью председателя Московского Совета Н.Н. Гончара и четырех руководителей правоохранительных органов на имя Г.Х. Попова было направлено письмо с просьбой передать незаконченное здание на Крестыанской заставе, принадлежащее ранее Министерству медико-биологической промышленности СССР, московскому фонду поддержки правоохранительных органов, где бы разместились многие ютящиеся в тесноте организации — от Управления юстиции до Государственной налоговой инспекции по Москве. На письме стоит резолюция ответственного сотрудника московской мэрии А.Б. Соколова: «Пр. найти решение вопроса. Договоренность Костанова с Поповым имеется». Пока шла переписка различных структур мэрии, самоличной властью Лужкова здание было передано СП «Мост». Ю.А. Костанов, начальник Управления юстиции Москвы, с удивлением пишет, обращаясь к Г.Х. Попову:

«Согласно состоявшейся с Вами договоренности о положительном решении этого вопроса, материалы для подготовки Вашего распоряжения были направлены в Москомимущество. Более двух месяцев Москомимущество всячески затягивало решение этого вопроса, ссылаясь на протокол совещания по вопросам сотрудничества госконцерна «Биопрепарат» и Москомэкономики правительства Москвы... Произведенной нами проверкой установлено, что данный концерн не был зарегистрирован в установленном порядке и не может быть признан юридическим лицом, претендующим на это здание.

После того как Москомимущество убедилось в несостоятельности претензии этого концерна на названное здание, неожиданно появилось распоряжение правительства Москвы за номером 406 РП от 30.09.91 г. (за единоличной подписью Лужкова, как свидетельствует имеющийся у меня на руках документ. — Ю.Щ.) об оформлении купли-продажи здания в собственность СП «Мост». Однако на Ваше имя и в адрес председателя поссовета заместителем Москомимущества Ю.Г. Файерманом была направлена справка от 11.10.91 г. (и этот документ у меня есть. — Ю.Щ.), в котором факт продажи здания замалчивается.

В связи с тем, что данное распоряжение принято в нарушение Закона РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», просим Вас отменить указанное распоряжение».

Это лишь одно подтверждение всесильности СП «Мост» и тех, кто за ним стоит. По моим данным, «Мост» за бесценюк скупил в Москве уже больше сотни зданий, и никакой закон не в силах ему помешать.

Сильнее законов — люди. Те, кто, прикрываясь именами демократических лидеров, уже давно готовятся к тому, чтобы, когда уляжется демократический ажиотаж, прибрать к рукам, может быть, основное московское достояние: землю, здания, организации, средства массовой информации.

Мои коллеги — журналисты независимых изданий то и дело получают повестки в районные налоговые инспекции. Мои доходы, как и доходы моих коллег-журналистов, зафиксированы в редакционной бухгалтерии. Но интересно, заполнит ли налоговую декларацию Ю.М. Лужков? И как он объяснит, какие доходы позволили ему провести отпуск вместе с женой в США или — тоже с женой — в декабре прокатиться в Англию? Не могу же я поверить, что за какие-то услуги в первом случае «спонсором» поездки выступила австрийская фирма «Нордекс», а во втором — СП «Мост»?

Меня также очень интересует, как заполнял налоговую декларацию Е.И. Быстров, еще до недавнего времени — управляющий делами Президента СССР Горбачева, а сегодня — по словам многих моих собеседников — один из крупнейших владельцев собственности в Москве. От его слова — и тому есть множество свидетельств — зависит решение московского правительства о передаче здания в аренду или района на реконструкцию. Да и он сам часто ставит свою подпись там, где должна была стоять подпись совсем другого человека. Так в официальном документе московской прокуратуры, касающемся незаконной регистрации одного международного объединения, я прочитал: «В тех местах, где должна стоять подпись Г. Х. Попова, стоит подпись бывшего ответственного сотрудника исполкома Моссовета (и такая была одна из многочисленных должностей Быстрова. — Ю.Щ.): «Быстров Е.И.».

Кто он? Почему имеет такую власть в Москве?

Член Конституционного суда России, а в прошлом известный своей борьбой с московской мафией, следователь Владимир Иванович Олейник рассказал мне (и разрешил сослаться в газете на его слова):

«После путча, в первый день, когда на сессии российского парламента появился М.С. Горбачев, я послал ему записку, в которой спросил: почему в вашем ближайшем окружении оказались люди, которые были «авторами» по крайней мере трех таких переворотов и каждый из которых в той или иной степени фигурировал по уголовным делам, что я вел: Никольский, Быстров. Моя записка была первой, которую он получил. Он прочитал ее и, не ответив, положил в карман».

В.И. Олейник не скрыл от меня своего удивления тем, что последний раз встретил Быстрова на заседании общественного совета... московского управления безопасности России: «Он вел себя там, как хозяин...».

Они, они, Борис Николаевич, стали сегодня реальными хозяевами Москвы. Кажется, что совсем другие, новые люди — не замаранные прошлыми грехами. Но нет. Если новые — то так, для прикрытия, чтобы, повязав их, новых, в свои дела, до поры до времени вслед за ними повторять демократические лозунги, втихомолку посмеиваясь над тем, как они ловко обвели всех вокруг пальца, оставаясь, как и раньше, реальными хозяевами нашей жизни.

Могу привести еще один пример реального хозяина: П.С. Богданов, бывший начальник ГУВД Москвы, сегодня — председатель фирмы «СЕАБЕКО», резиденция которой находится на Петровке, 19, в здании, принадлежащем ГУВД.

Меня давно интересовали связи П.С. Богданова и других милицейских генералов с советско-кувейтским совместным предприятием «Совкувейт инжиниринг». Хоть убейте, но когда у меня на руках оказались финансовые документы, свидетельствующие о том, что СП оплачивало поездки Богданова (еще когда он был начальником ГУВД) и ныне действующих его заместителей за рубеж, то никакое другое слово, как коррупция, я придумать не мог. Невозможно даже представить, какой бы поднялся скандал, будь наша страна цивилизованной, если бы мой американский коллега выяснил, что в 1990-1992 годах Богданов получил от «Совкувейта» на командировочные и представительские расходы 3500 марок ФРГ и 1600 фунтов стерлингов; первый зам. начальника ГУВД Томашов (и вчерашний, и сегодняшний) — 800 долларов на одну и 2348 долларов на другую поездку, а

также 4000 марок ФРГ; замы начальника ГУВД Балагура — 750 долларов США и Шаранков — 2760 марок ФРГ.

Да, да, понимаю. Милиция бедна, нищенски бедна, и, может быть, только с помощью частной фирмы таким вот, не совсем цивилизованным образом руководителям московской милиции удавалось пробить за границей что-то полезное для всей милиции. Но вот что свидетельствует инспектор 10 отделения ГАИ Москвы В. Кендзя (его слова привела газета «Щит и меч» 30 апреля с. г.): «Два года уже работает «Совкувейт» при ГАИ Москвы, а как были мы в нищете, так и остались. На большинстве иномарок, которые приобретались на вырученную валюту и предназначались якобы для несения службы, катаются руководители. Зато сотрудники работают на развалюхах, купленных несколько лет назад по дешевке...».

По словам того же Кендзя, «сегодня около 15 его коллег полностью перешли на обслуживание коммерсантов. Особые симпатии гаишное руководство питает к главе фирмы «СЕАБЕКО» гражданину Канады Берштейну. Очевидно, потому, что он является и учредителем СП, где председателем бывший шеф ГУВД П.С. Богданов. Сам господин Берштейн ездит на «Чайке». В его распоряжении машины с милицейскими номерами, на которых установлены «маяки» и сирены...».

Эти факты, естественно, поразили меня, уважаемый Президент, и я стал выяснять: кто-нибудь пытался разобраться, где здесь правда, а где — нет? А если правда, то она, как известно нам с детства, должна была восторжествовать?

И вот что я выяснил.

По приказу одного из зам. начальников ГУВД в «Совкувейт», так щедро снабжающий валютой милицейских начальников, в январе была направлена группа с Петровки, 38. Только она приступила к работе, как последовал приказ Томашова: немедленно прекратить проверку.

Не успели лишь убрать налоговую инспекцию. И ее выводы, которыми я располагаю, позволяют понять, как действуют подобные фирмы, огражденные от любых посягательств закона окриками бывших — но и сегодняшних — начальников:

«На основании имеющихся на момент проверки документов установлено занижение прибыли в 1989-м и 1990 годах соответственно на 262,3 и 217,7 тысячи рублей. В бюджет недоплачено

налога 127,3 рубля... Всего по проверке подлежит внесению в государственный бюджет 733,4 тыс. рублей.

Иностранный и советский участники СП СКИ («Совкувейт инжиниринг». — Ю.Щ.) не внесли взносы в уставной Фонд предприятия. Таким образом, данное совместное предприятие является несостоявшимся и подлежит ликвидации», — указывает в справке начальник Государственной налоговой инспекции по Москве Д. Г. Черник.

Его подчиненные, непосредственно проводившие проверку, приводят еще более интригующие детали деятельности СП, так щедро осыпавшего своими благами московских милицейских начальников:

«В учредительном договоре и в уставе отсутствует печать иностранного участника. Документ, предоставляющий право подписывать иностранным физическим лицам указанные учредительные документы от имени иностранного участника — «Kuwait Management Foundation», а также объяснения по отсутствию печати, проверяющим не представлены...».

И далее:

«Уставной фонд СП согласно учредительным документам должен составлять 2 млн рублей, из них 1 млн — взнос иностранного участника, фирмы «Kuwait Management Foundation», в свободно конвертируемой валюте, и 1 млн рублей должен был сформироваться равными долями советскими участниками...»

На момент проверки фактически в уставной фонд никаких вкладов учредителями СП не внесено» (!!! — Ю.Щ.).

То есть фактически руководители московской милиции катались по Западу мало того, что от частной фирмы — от фирмы по существу фиктивной! Какие еще бизнесмены могли бы себе позволить иметь подобную лафу?! Только те, чей бизнес — каким бы он ни был — охраняется государственными структурами.

Вот такие дела... А теперь к тому, с чего я начал. К страху.

Таким, как я его описывал в начале этой статьи, был «пейзаж», на фоне которого и разворачивалось это расследование. Обычно в подобных ситуациях опускаешь то, что непосредственно не входит в систему железных доказательств. Точно так же, как не станешь же ты описывать, каким взглядом пронзил тебя какой-нибудь тип, которого ты поймал на элементарной лжи.

Но здесь особый случай.

Поведение людей, с которыми мне пришлось встретиться во время расследования, само по себе является доказательством того, что не все гладко в нашем так и не ставшим Датским королевстве. Собеседники предпочитали разговаривать со мной таким образом: то назначая встречи вдали от их официальных кабинетов, то на всякий случай оставляя свои служебные автомобили подальше от редакции. И я постепенно начал понимать почему.

Естественно, первое, что пришло в голову, было: они боятся. И страх этот казался мне нормальным: кому хочется, чтобы тебя переехала машина или какой-нибудь идиот всадил пулю в живот? Тем более что от моих собеседников, людей, повторяю, осведомленных, я немало наслушался о нравах тех, кому может помешать открытие всей правды о тайных московских операциях: и о том, какие фирмы имеют сегодня свои собственные охранные и контрразведывательные структуры (часто из бывших работников КГБ и ГРУ); и о том, как и кто пользуется услугами черных уголовников: и о том, что нанять сегодня убийцу не такая уж большая проблема — в столице профессионалов подобного рода (по крайней мере, мне так сказали) около шестидесяти, заказы они выполняют аккуратно и, как правило, в срок до 24 часов. Неделю две назад и мне (из лучших, кстати, побуждений) посоветовали копать уровень пониже, ну, допустим, супрефектов, так как иначе могут ухлопать за полмиллиона. «А можно за сто тысяч, а четыреста отдать детям?» — пошутил я, но моя шутка не была понята.

Но нет, нет... Чем дальше я пытался разобраться в психологии подобного страха перед диктофоном или заверенной цитатой, тем больше приходил к выводу: да нет, все куда сложнее, чем даже вопрос о собственной жизни и смерти. Останавливало моих собеседников другое, совсем другое...

Ощущение, что бороться бесполезно. Уже бесполезно. И это самый грустный вывод, который я сумел вынести из расследования.

Даже если у прокуратуры появляются материалы, которым надо дать ход, — никакого хода не получится. Вот одна из справок, что мне удалось получить в московской прокуратуре (может, и Вам она будет, интересна, Борис Николаевич):

«В публикации «Виражи Мосагропрома» в «Экономике и жизни», июнь 1990 г., со ссылкой на проверку отдела финансов АПК Минфина РСФСР приведены сведения о причинении ущерба бюджету РСФСР на сумму от 50 до 100 миллионов рублей в 1988-1989 гг. руководством Мосагропрома (Лужков Ю. и др.). Используя инструкцию Минфина, Госплана и др., предусматривающую выплаты из бюджета торгово-заготовительным организациям для покрытия убытков, связанных с закупкой и реализацией плодоовощной продукции, они по самым скромным подсчетам незаконно «выкачали» из бюджета свыше 100 млн рублей. Дело в том, что дотации должны были идти только на картофель и овощи, покупаемые населением. Но население не съело многие тысячи тонн овощей, на которые получены дотации...» — это о фабуле истории, которая нуждалась в самой тщательной проверке.

А теперь о том, как эту проверку не удалось провести: «Принимаемые меры к проведению объективной ревизии оказываются безрезультатными. Отовсюду один ответ: «Мы такие проверки проводить не обязаны» — из Минфина СССР, Минфина РСФСР, из Госкомиссии Совмина СССР по продовольствию и закупкам. Отказало и ГлавКРУ Мосгорисполкома, сославшись на то, что контроль за использованием бюджетных ассигнований должны осуществлять организации финансовой системы. Документальная ревизия была проведена специалистами Мосагропрома, но они, будучи заинтересованными лицами, не отразили обоснованность расходования государственных дотаций. Затем материалы истребованы в ГУБХСС МВД СССР и вышли из-под надзора прокуратуры города».

Точно так же произошло и с «мясной историей», которая затерялась сейчас где-то в архивах, по-моему, Москворецкой прокуратуры. Там тоже шла речь о Мосагропроме (тогдашний руководитель — тот же Ю. Лужков), и точно так же из-за отказа различных ревизоров проводить ревизию она, кажется, канула в Лету.

Не тогда ли и были заложены те правила игры, по которым практически безнаказанно можно было в будущем сыграть любую партию, какую ни захочешь? Это еще тогда, в те годы? А сегодня, когда московское правительство имеет практически неограниченную власть?

Может, раньше те, кому, грозила проверка, и волновались, и, как тогда было принято, «искали выходы на», «просили похлопотать о», «приглашали в сауну для»... А сегодня... сегодня уже можно отмахиваться, как от надоедливых мух, от любых обвинений и любых обвинителей.

Другой документ датирован уже нынешним, 1992 годом:

«В декабре 1991 г. Малый Совет принял в качестве депутатского запроса обращение Г.П. Бодренковой к вице-мэру Москвы, а в январе с. г. в связи с неполучением ответа седьмая сессия Моссовета повторно направила этот запрос Ю. Лужкову. Запрашивалась конкретная информация о поступившей в Москву в январе — ноябре 1991 г. гуманитарной помощи из стратегических запасов Западного Берлина и бундесвера...»

Далее в справке, подписанной депутатами Г.П. Бодренковой, Б.Н. Ивановым и О.И. Качалиным, сказано, что в ответе, который наконец-то был получен, «не представлена запрошенная информация по целому ряду вопросов, в том числе — об общей величине поставок, адресате... Вызывает удивление тот факт, что на запрос, адресованный вице-мэру Москвы, поручение подготовить ответ было дано лишь одной из организаций, в которую направлялись для продажи, грузы гуманитарной помощи. Тем самым создана предпосылка направления в Моссовет неточного, неполного ответа, Ю.М. Лужков не мог не знать, какие организации осуществляли приемку и продажу гуманитарной помощи из ФРГ...»

Депутатам пришлось самим провести элементарные, как они пишут, подсчеты, которые позволили им заявить:

«По информации, полученной из Главмосфинуправления, на счет фонда социальной защиты населения на 1.12.91 г. поступило от реализации гуманитарной помощи 47 млн 253 тысячи рублей. Учитывая, что гуманитарная помощь из Германии оценивалась в 250 тыс. тонн, указанную сумму следует признать весьма незначительной... Проведенные расчеты позволили оценить общую сумму выручки от реализации товаров: эта сумма равняется 278 млн рублей...»

И в заключение:

«Проведенный анализ свидетельствует таким образом о недопоступлении многомиллионных сумм от реализации гуманитарной помощи. Очевидная несложность получения данного

вывода руководством городской администрации может свидетельствовать либо о полном отсутствии контроля с их стороны за поступлениями и реализацией в торговле гуманитарной помощи, крайне неэффективной организации дела, либо о наличии очень крупных злоупотреблений и махинаций при формировании финансовых ресурсов для социальной защиты населения Москвы».

Этот документ попал ко мне несколько дней назад. Но думая, о том, кто же может сегодня провести реальное расследование фактов, вскрытых московскими депутатами, все больше и больше прихожу к выводу: да никто, в Москве — никто.

Сегодня советники Ю.М. Лужкова — бывший зам. начальника московского КГБ Е.П. Карabanов (как говорили мне его подчиненные, когда-то один из лучших борцов с коррупцией) и бывший зам. начальника ГУВД Москвы, курировавший оперативные службы, А.П. Бугаев. Советники на то и советники, чтобы вовремя оградить своего шефа от неприятностей. Московская милиция? Боюсь, ее руководству не до этого: самим бы разобраться со своими зарубежными поездками... Госбезопасность? Один из ее сотрудников сообщил мне, что в «эти сферы» им лезть заказано. Кто же тогда, Борис Николаевич? В том счастливом и светлом августе, когда мы думали, что жизнь, о которой так долго мечтали, — вот она, за углом, только протяни руку, — не знаю уж кто дал вам подмахнуть Ваш, президентский указ, аналога которому в цивилизованном мире, наверное, нет. Цитирую, чтобы напомнить: «Установить, что Государственная налоговая инспекция Министерства финансов РСФСР по городу Москве в своей деятельности подчиняется как Министерству финансов РСФСР, так и правительству Москвы».

Последний рычаг государственного контроля был передан в подчинение тому, кто сам в этом контроле — хотя бы теоретически — должен был нуждаться.

Вот такие дела...

Ну, а что будет дальше? Месяца три назад началась кампания против Г.Х. Попова: и в газетах, и на митингах, и в очередях. Чувствовалось, он вот-вот уйдет в отставку. Боюсь, что недолго ездить на «BMW» (а еще совсем недавно это была «Вольво», которая принадлежала... «Совкувейту») и руководителю московской милиции Аркадию Мурашеву, человеку, в чьей персональной честности я не сомневаюсь.

Их роль сыграна. Теперь они уже больше не нужны людям, которые являются истинными хозяевами Москвы. Слов о демократии хватит. И оттого-то в опасности демократия. Нет, ей еще не нанесли поражение. Но ею просто воспользовались, чтобы сыграть в какие-то свои, еще не познанные нами игры.

Все осталось по-старому. Возможно, одна группа сменила другую. Но из той же, из той же старой команды, и даже — породненная с ней (говорят, 1-й зам. премьера Москвы К.Э. Буравлев — зять 1-го зама премьера Москвы Б.В. Никольского, того самого, тбилисского; управляющий делами московской мэрии — зять Костенко, многолетнего, еще при Гришине и Промысловле, заместителя председателя Моссовета).

Вот почему все чаще и чаще думаю я в последнее время о том, что мы вновь стоим на пороге перемен. По крайней мере в Москве уже новый хозяин. Первым лицом стал Ю.М. Лужков.

Роли распределены. Музыка написана. Осветители на месте. Остается лишь выбросить декорации, изображавшие романтический летний рассвет в центре города. Дирижер взмахнет палочкой. Ну, ну, начали...

А может быть, уже начали...

10.06.1992

МОЕ ИМЯ — СЕРГЕЙ. ВОЗМОЖНО, Я САМЫЙ ЮНЫЙ КОРРУПЦИОНЕР

Из СССР в Россию Сергей попал через Бутырскую тюрьму.

Его арестовали незадолго до августовского путча, из тюрьмы он вышел несколько месяцев назад, то есть в этом странном 1993-м.

Он вошел в ТУ жизнь в 29 лет. Вышел из НЕЕ — в 31 год. Там, в Бутырке, а потом в тюрьме на Красной Пресне, он удивлялся, страдал, смеялся, переживал, равнодушно отворачивался — то есть делал то, что и все остальные его сокамерники, не сидевшие в камерах, — но, может быть, с одним отличием: та наша жизнь представляла для него как мексиканский сериал, тогда как жизнь, которую он наблюдал в замкнутом пространстве, была именно Жизнью.

Сергея арестовали за взятку, то есть он тот самый человек, влияние которого на все общественные процессы должен ощущать каждый из тех, кто взятку не берет.

Но я, познакомившись с ним, не очень-то убежден, что именно он, Сергей (да, наверное, все догадались, что мы с ним договорились сменить его имя), и есть тот представитель угнетающего класса угнетенного коррупцией народа.

Хотя, конечно, он коррупционер: то есть ему, как государственному чиновнику, платили деньги за его визу. И потому-то он сам себя назвал тем, кем я и обзвал его в названии нашего диалога. Но когда он рассказал мне обстоятельства своего ареста, то я, даже не взглянув в его уголовное дело, понял: нет, даже в том московском районе, где он служил, — он не самый главный. И его доводы, что посажен он был собственными начальниками, показались мне обоснованными.

То, о чем мы говорили, не имеет отношения к московской коррупции — это просто разговор с человеком, который знает ТУ жизнь и который ОТТУДА видел жизнь нашу.

Так что послушайте то, что несколько дней назад услышал я.

***

— Ты пришел в тюрьму с воли. Я бы даже сказал — с Воли с большой буквы, так как время нашей юности отличается от твоей сегодняшней жизни. Был ли этот мир похож на привычный для тебя? Или совершенно иной?

— Что почувствовал? Когда я сначала попал во внутреннюю тюрьму на Петровке, то первое чувство было — невероятное любопытство. Я столько читал о жизни в тюрьме — и у Солженицына, и у Шаламова, — что когда увидел эти двери и замки, то испытал, наверное, то, что испытывает юный натуралист наполам с естествоиспытателем. Как будто я — Миклухо-Маклай, оказавшийся на острове.

— То есть сегодняшнее тюремное население было не похоже на то, с которым ты ежедневно сталкивался на свободе?

— Оно, естественно, разное. Есть те, с которыми я привык общаться на свободе, и совсем непохожие. Диапазон — от абсолютного морального уроды, который арестован за изнасилование ребенка, до вполне высокоинтеллектуальной личности, с которой приятно проводить время и интересно разговаривать, — и личности, кстати, очень сильной.

— Скажи, раньше тюремный контингент был, конечно, иной и сидели те, кого сегодня и в голову никому не придет арестовывать. Допустим, фарцовщики, спекулянты, цеховики, валютчики. А сегодня?

— 90 процентов — это не преступники в полном значении этого слова, уж тем более не люди, имеющие отношение к мафии, как мы ее понимаем. Это обыкновенные московские, курские, казанские, рязанские мужички, которых посадили за хулиганку, изнасилование (их, кстати, сейчас там очень много), за ограбления — в основном совсем молодые. Очень многие — за кражи. Но что такое кража? По пьянке разбил в машине стекло и вытащил бутылку водки — уже 144-я, часть первая. То есть большинство сегодняшних обитателей тюрем — это не люди, связавшие свою жизнь с преступным миром. Ну, случилось так... Подрался с кем-то в метро, милиционер начал разнимать — тот с него фуражку сорвал: и вот уже 191-я — сопротивление работнику милиции, очень серьезная, кстати, статья.

— В основном кто? Твои ровесники — тридцатилетние? Старше?

Моложе?

— В «общаках» — камерах, где обычно сидят те, кто попал впервые (эта камера на 60-70 человек), — в основном ребята по 22-23 года. Старше 25 там попадают редко... В «строгих» камерах — для тех, кто не первый раз здесь, — в среднем сидят люди где-то за тридцать. А возрастной разброс там от 20 до 70. Мой близкий товарищ отсидел из своих сорока лет 17. Очень хороший, кстати, человек, начитанный, знающий...

— За что?

— За изнасилование, которое он и не совершал. Просто это был очередной повод спрятать его в тюрьму. Но этот человек был очень серьезно связан с преступным миром. Такая была подставка, а делается это очень просто. И вот он полтора года доказывает следствию, что он ничего такого не делал. В конце концов, конечно, его не осудят, но года два он там проболтается. Его просто надо было спрятать.

— Но раньше так прятал КГБ, а сегодня-то кому это надо?

— Естественно, милиции... Он один из лидеров преступной группировки. Все знают, чем он занимается, но поймать его, скажем, на рэжете или каких-нибудь серьезных делах невозможно. Поэтому что делать? Подкладывается девушка, которая после этого тут же бежит и подает заявление в милицию. Это вопрос милицейской технологии.

— А как же ты с ним познакомился, когда ты сидел в «общаке»?

— После того как мой приговор отменили, меня уже из пересылки привезли не в «общаковую» камеру, а в «строгую».

— И где тебе было интереснее как «юному натуралисту»?

— Конечно, в «строгой». В «общаке» не о чем говорить, там неинтересно. Там уровень проблем — чай, курить, поесть, выпить...

— В камерах пьют?

— Гонят самогон, естественно... Если нет возможности или не хватает смекалки, то делают просто брагу. Обычной, нормальной водки в московских тюрьмах я не видел. Охране удобнее закрывать глаза на то, что гонят самогон, чем приносить в камеру водку. Для охраны это безопаснее. Так что пьют... На общем режиме — совершенно неограниченно, а на строгом режиме — по случаю дня рождения, Нового года или кто-то освобождается.

То есть для этого должен быть какой-то серьезный повод. Все это происходит очень солидно. Это не какая-то экзотическая пьянка, когда какое-нибудь отребье пьет, а потом режет друг друга. Нет, готовится стол, ставится хорошая еда, которая припасена, на этот случай: салями, рыба, лимончик... Ну это, конечно, так: один лимон человек на тридцать. Это чтобы никто не подумал, что там все медом намазано...

— Ну, возьмем «общак», где сидят молодые ребята... Как ты понял, кто они» такие, почему они там?

— Они тоже разные, но, к сожалению, — а это мнение старшего поколения арестантов, то есть профессионалов... Ну, допустим, карманник. Так он по жизни карманник. Это его основное дело — и у него есть идеологическая подоплека его занятий... Так вот, по мнению такого рода людей, новое поколение...

— Извини, перебью... Если говорить об «идеологической подоплеке», то она не изменилась с изменением государства?..

— Изменения кое-какие произошли, но не принципиальные... Вообще, обитатели тюрьмы — люди довольно аполитичные. К власти они относятся очень отстраненно, и их мало интересуют политические проблемы. Только действия властей на предмет ужесточения или ослабления законодательства. Что коммунисты, что демократы — разницы большой для тех, кто сидит в тюрьме, нет.

— А кстати, ты там, оказался до августа 91-го?

— До... Во время путча я уже был там. И было очень мрачно на самом деле. Во время путча я сидел в достаточно глухом месте — нас было пятеро в камере площадью двенадцать метров. Мы сидели в этом мешочке... Среди нас был совершенно замечательный стукач — высочайшего класса специалист своего рода. И вот когда одним прекрасным утром я проснулся и услышал по радио все эти лебединые озера и зачитывались указы о введении комендантского часа... Было очень мрачно... Причем со стороны администрации по этому поводу никаких телодвижений не последовало... Они просто ждали, хотя интересные выражения на лицах были у охранников: они уже посматривали на нас оценивающе, как людоеды на связанного бледнолицего, с какого места его начинать есть. Но не более того... Самое страшное, что за стеной что-то происходит, танки на улице, и, возможно, они начнут стрелять, и что-то надо делать с семьей, куда-то ее прятать.

А перед тобой — железная дверь и автоматчики на вышке. Ощущение собственного бессилия.

— Но давай вернемся к ребятам из общей камеры... Встречал ли ты там людей из своего московского круга? Какой тип молодого человека сегодня в камере?

— Попадались недоучившиеся студенты, но ребят с высшим образованием я там не видел. Как правило, те, кто там, — из семей со средним достатком: однокомнатная квартира, потрепанные «Жигули», садовый участок... Для их родителей это, наверное, было высшей мечтой. Но сейчас-то BMW, которые по 90 миллионов стоят, проносятся по улице... Куда там «Жигули», которым уже 10-12 лет, купленные через профком... Этим ребятам страшно хочется красиво жить. Даже не выжить, то есть не умереть с голоду, а жить. Хотя такие тоже есть, которые украли или ограбили, чтобы не умереть с голоду...

— Что, на самом деле такие есть? И, по твоему мнению, каков их процент?

— Процент двадцать...

— Все-таки двадцать, а не один?

— Да... Зато остальные — это ребята, которые хотят быть «крутыми» в этой жизни. Мечта такого молодого человека: 9-я модель «Жигулей», желательного цвета «мокрый асфальт», револьвер под мышкой, марихуана и «бикса», то есть девушка в машине, а желательно две.

— Скажи, ну вот эти ребята с мечтой о жизни — они были в группировках — «солнцевских», «люберецких», «ивантеевских» и т.д. — или лишь мечтали в них войти?

— Естественно, они только мечтали туда попасть. Ну, может быть, некоторые из них войдут, когда поумнеют, начнут более серьезно относиться к жизни и усвоят кое-какие представления о порядочности: без этого попасть в серьезную группировку безнадежно, тебя просто туда на пушечный выстрел не подпустят...

— Что ты имеешь в виду?

— Для этого надо усвоить некоторую систему понятий, на которых держится тот мир.

— То есть ребята, которые сегодня находятся в тюрьмах, были еще в рангах третьих секретарей, но не атташе?

— Они еще были в ранге уборщицы исполкома. Может быть, кто-то, где-то, когда-то их использовал в качестве «торпеды» —

это уже из тюремного сленга. У торпеды такое тупое окончание — куда ее запустили, туда она и прет со страшной силой. Вот таких очень и очень много: кто-то сказал — он сделал.

— То есть ты не видел там известных, допустим, ракетиров?

— Я видел там таких людей, но их там единицы. Конечно, они пользуются там большим уважением, авторитетом. Но они его и заслуживают. Я имел удовольствие общаться с участником серьезной группировки, который попал за серьезное преступление, взят с оружием и так далее. Он не пьет, не «ширяется», занимается спортом, единственное, что он читает, — Библию, очень набожный человек. Притом набожность для него — не спектакль, рассчитанный на не очень умную публику, а осознанная, по большому счету. Он нарушает только одну заповедь, но если разобраться: любой наш среднестатистический средний гражданин — сколько он заповедей нарушает?

— Но и не каждый среднестатистический способен украсть или изнасиловать... Есть же этот порог...

— Но давай разберемся, что такое изнасилование. Одно дело, когда из кустов выскакивает злодей и бросается на женщину. А другое дело, когда девушка садится в машину с тремя подвыпившими парнями и с удовольствием едет к ним на квартиру пить коньяк, и страшно изумляется, что потом ее там трахают. И это очень сложная криминальная проблема. По крайней мере, я встретил там в подавляющем большинстве именно таких насильников...

— Скажи, а таких, как ты, было много или нет? Ты — как бы жертва борьбы с коррупцией или, наоборот, один из примеров успешной борьбы с ней — не хочешь вдаваться в твое уголовное дело, — ты себя там чувствовал редкой птицей?

— Если говорить о взяточниках (поскольку я сидел за взятку), то их было всего двое, кроме меня. Один из них был замом директора мебельного магазина, наверное, мой ровесник. За полгода пребывания в тюрьме он превратился в слизь, практически полностью потерял себя как личность, и наверняка его сделают педерастом — это его судьба стопроцентная. И вообще, туда ему и дорога. Второй — мужичок лет под пятьдесят, с характером, но птица невысокого полета. Человек, способный лишь пережить те тяжелые обстоятельства, в которые он попал. У него одна задача — выжить, неважно как.

— Он тоже арестован за взятки?

— Да... Что же касается меня, кто я — жертва или пример, то я встретил множество людей, обстоятельства пребывания которых в тюрьме в тысячу раз трагичнее, чем, к примеру, мои.

— Кто, например?

— Обыкновенный водитель автобуса. В пьяном виде полез к своей соседке по дому целоваться. Она его оттолкнула, он ее стукнул, она побежала в милицию. Все это было расценено как попытка изнасилования. Ему дали за это три года. А он только перед этим развелся с женой, вернее, жена его просто бросила, оставив ему парализованного ребенка. Теща, которая осталась жить с ним (видимо, она очень порядочная женщина), максимум, что может сделать, — раз в неделю выйти из дома в магазин. Фактически ребенок остался безо всякой поддержки. А он сидит вот из-за такой ерунды. А денег на адвоката, который бы добился пересмотра приговора, у него просто нет. И что будет с ребенком за три года — никто не знает.

— Много ли там видел жертв нашей бюрократии, которые годами сидят в тюрьме из-за того, что тянется и тянется следствие, нет адвоката, все откладывается и откладывается суд?

— Абсолютно всех, кто сидит в московских тюрьмах, можно считать жертвами этой бюрократии. Наша следственно-судебная машина работает так плохо, что люди в тюрьме мечтают только об одном — попасть на зону. Два, три, четыре года в тюрьме под следствием — это нормально. То есть человек, не будучи осужденным, уже отбывает свой срок.

— И все-таки: видел ли ты за эти два года в тюрьме тех, кого можно было назвать мафией?

— У нас мафией называют все, что угодно, начиная от объединения продавцов мясных отделов, кончая пацанами, которые обворовывают квартиры. Да, как я уже сказал: я видел людей из преступных группировок, но их очень немного.

— Как к ним относятся те, кто их охраняет? Так же, как ко всем? Лучше? Хуже?

— С большим пиететом и с большим опасением. Сегодня этот охранник может принести ему за деньги сигареты, а завтра избить его до черноты дубинкой. В зависимости от того, как офицер прикажет. То есть жизнь там у них не простая. Ну, а что касается массы заключенных, то к ним относятся, естественно, с уважением. Я, человек, никогда не принадлежавший к преступным

группировкам, я никогда не видел ни одного дурного поступка среди этих людей. Они, прежде чем что-то сделать, тридцать три раза подумают, будут они правы или нет. Если они правы — они могут убить человека, но не просто так, шутки ради (вот что называется беспределом).

— Скажи, а как относились лично к тебе — и охрана, и те, с кем ты сидел?

— Что касается охраны, то им достаточно было посмотреть на мое умеренно интеллигентное лицо в очках. И они остерегались ударить меня лишний раз дубинкой, потому что издали видно: человек грамотный — не дай бог жалобу напишет. Какой-нибудь азербайджанец, который плохо знает по-русски, он жалобу писать не будет — он смолчит, с ним можно сделать все, что угодно... А этот... черт его знает, что за фигура... Что же касается людей, с которыми я вместе находился, то первая реакция — очень настороженная: статья — взяточник, должность — государственный чиновник, да еще наверняка коммунист (я, кстати, никогда им не был)... Я был когда-то комсомольцем, был когда-то комсомольским лидером, коммунистом я, к счастью, так и не стал... Хотя будь я на пять лет постарше — стал бы им: без этого тогда невозможно было сделать какую-либо карьеру. Коммунистов там ненавидят.

— Но все-таки, как тебя принял этот мир?

— Первая реакция — настороженная, причем настороженность прежде всего из-за того, что ты начитан, у тебя высшее образование, ты грамотно говоришь...

— Они этого не любят?

— Они боятся, что ты начнешь самоутверждаться. Но если ты к ним относишься по-человечески, если ты не выдрючиваешься знанием английского языка или какой-то эрудицией, если ты это не демонстрируешь напоказ, если ты ведешь себя просто элементарно тактично, то — нормальные отношения. Я усвоил там одно-единственное правило: для того чтобы выжить в тюрьме, по крайней мере в Бутырской и Краснопресненской, нужно быть просто порядочным человеком.

— Скажи, зависит ли от имиджа человека, который находится в камере, связь с волей?

— Ненапрямую, косвенно. Что такое связь с волей? Конечно, это передачи. Передачи, которые получают в тюрьме, имеют колоссальное значение в жизни. Во-первых, это событие. Во-вторых —

это колоссальная материальная поддержка. Фактически заключенных кормит не администрация, а родственники, знакомые... Достаточно взглянуть на эту жуткую очередь у Бутырки или около Красной Пресни — ежедневно у окошечек... Если бы передач не было — очень многие бы просто загнулись, потому что никогда сам свою передачу не съедаешь. Потому что кусок в горло не лезет, когда сидит человек напротив за столом, а у него нет ничего: ни яблок, ни конфет, ни сигарет... Ты с ним поделишься, если ты нормальный человек и достоин того, чтобы с ним поделиться.

— А люди, которые работают в тюрьме, — они такие же, как раньше, или приспособились к новым условиям?

— Рядовой, сержантский, младший офицерский состав — практически ничем не отличается от контингента на общем режиме, от тех, кого они охраняют. Просто одни воруют, а другие решили, что легче, безопаснее охранять тех, кого уже поймали. А так... Психология та же самая.

— Скажи, и все-таки сегодня сажают тех или не тех?

— А как всегда.

— У нас или везде в мире?

— Везде... Но у нас есть один маленький нюанс: хватают тех, кого легче хватать.

— Ты вышел оттуда, отсидев два года все коллизии, которые были у нас. Тебя посадили в СССР — вышел в России... Ты вышел в новую жизнь — и тут же сел на «Мерседес». Откуда он у тебя?

— Дело в том, что у меня в голове не одна извилина. Когда меня арестовали (одна бригада арестовывала, а другая проводила обыск в моем не очень-то богатом доме) и посадили в тюрьму, все те два года, которые я там находился, моя семья выживала без моего участия. У меня бидончика с золотишком под елочкой закопано не было... Хотя хорошо, если бы было так. Когда я весной вышел из тюрьмы, у меня не было ничего, кроме штанов, которые мне дали ребята на выход. Я даже не знал, как мне семью сохранить. Просто, я знаю свое дело...

— Ты считаешь себя виновным? По нашим законам, по не нашим законам, по своим законам?

— Я не считаю себя виновным абсолютно. Единственная моя вина в том, что я на два года оторвался от своей семьи.

ЛЕВ ПРЫГНУЛ. УЖЕ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

С распадом СССР наша мафия, кажется, широко шагает по планете. Как когда-то коммунизм.

Этих я случайно встретил в Каире, в уличном ресторанчике. Даже не в ресторанчике — в забегаловке под открытым небом, которых так много раскидано в старой части Каира. Они будто сошли сюда из какой-нибудь московской разборки: все одинаково коротко стриженные, накачанные, естественно, «адидасные», с холодными глазами людей, уверенных в своем превосходстве над окружающими. Чем и отличаются представители этого младого, но уже не незнакомого племени...

Я столкнулся с ними в тот самый момент, когда хозяин ресторана — толстый, маленький, лысый — объяснял им по-английски, что пива по обычаям своей страны он у себя не держит, но если «мистеры» захотят, он может послать за пивом своего помощника — подростка, стоящего за плитой.

«Адидасные» особенно не понимали, что он там лопочет, и лениво требовали свое «beer», но когда я перевел им, что же на самом деле происходит, один бросил другому, кивнув на хозяина: «Может ломануть его на тысячу баксов?» И все вдруг радостно, как молодые жеребцы, заржали.

Естественно, они приехали в Египет не для того, чтобы заниматься мелким рэкетом в каирской забегаловке, — да, к пирамидам их потянуло! Хотя возможно, что и дома, в России, рэкет для них — дело прошлого, как для десятиклассника — таблица умножения. Ведь не случайно они уже могли, прихватив с собой удивительно фирменных девочек, завалиться на отдых в эту экзотическую страну (хотя, как мне известно, представители наших криминальных группировок сегодня почему-то предпочитают отдыхать в Арабских Эмиратах — видимо, из-за еще большей экзотичности в названии) — значит, процесс первичного накопления капитала лично для них был завершен.

Но в любом случае таких НАШИХ здесь раньше не могли бы видеть. И даже не потому, что эти-то вряд ли могли бы выдержать перекрестный допрос «божьих одуванчиков», решавших еще совсем недавно в выездных комиссиях райко-

мов партии, кому можно, а кому нельзя пересечь советскую границу.

Нет, самое удивительное то, что всего лишь мгновение времени — и мир увидел совсем иной тип НАШИХ на улицах Нью-Йорка, Парижа, Лондона, Мюнхена — везде, до самых сиднейских окраин. Куда делся суетливый, испуганный роскошью дорогих магазинов (да просто видом выброшенных сотен пар джинсов на распродажах) «совок», считающий каждый цент, и поражающий персонал дешевых отелей самостоятельными ужинами, приготовленными с помощью привезенных с собой кипятильников?

На смену ему неожиданно и быстро, будто из совершенно неизвестной и неведомой страны, пришел иной тип НАШИХ.

Мой бостонский знакомый, уехавший из Союза лет пятнадцать назад и прошедший в Америке путь от посудомойщика до владельца средней, но преуспевающей фирмы, еще прошлой осенью рассказывал, как его попросили принять одного московского бизнесмена, зная про вашу известную проблему с валютой, заказал ему «Holiday Inn» — скромный, но приличный отель — в таких, кстати, сам предпочитаю останавливаться. «Но когда я встретил гостя на вокзале — а он ехал поездом из Нью-Йорка — и привез в отель, он огляделся и попросил отвезти в лучший отель города. Юрий, он снимал «съют» за 700 долларов в день! В магазине тут же оделся на четыре тысячи, четыре, Юрий! Арендовал машину с водителем!» «Чем он занимается в России? — спросил я. «Говорит, что нефтью...»

Представляю удивление бывших соотечественников, когда они встречаются с такими НАШИМИ! «Это что же, пока мы пробивались здесь, там у вас люди гребли доллары лопатой?» — воскликнул еще один наш эмигрант, тоже покинувший страну лет пятнадцать назад.

Недавно, ожидая самолет из Нью-Йорка в Вашингтон, я заглянул в аэропортовский бар и почувствовал, будто нахожусь в Шереметьево-2. Казалось, все говорят только по-русски. Но разве пришло бы кому в голову назвать этих новых НАШИХ «совками»? Костюмы, галстуки, туфли, средний американец умер бы от зависти, глядя на НАШИХ, каждое движение которых говорило о том, что они не считают доллары. Только одно, может быть, и отличало их от других, не НАШИХ, то есть иностранцев:

почти у всех на руках были массивные золотые браслеты (такие в Москве я видел только у некоторых деятелей политического олимпа) да массивные золотые цепочки на шеях (нет, до цепочек олимп еще не дошел).

Самые модные европейские курорты, самые престижные туры, самые богатые отели — вот где сегодня зазвучала русская речь! Разве можно было представить все это вчера?

Конечно, западный мир удивился (особенно после щемящих телерепортажей из России о бесконечном нашем экономическом кризисе), столкнувшись с такими русскими, которые вдруг оказались не бедными родственниками свободного мира. И — испугался. Даже не того, что лет через десять НАШИ скупят весь Манхэттен — хотя один американский юрист, занимающийся недвижимостью, вполне серьезно спросил меня о такой перспективе (ему, правда, виднее — он достоверно знает о том, как еще два года назад один НАШ купил в том же Нью-Йорке пятьдесят жилых домов).

Нет, другого опасаются. Главный вопрос, который я слышу все чаще и чаще и от западных коллег-журналистов, и от криминологов: знает ли кто происхождение этих НАШИХ капиталов, которые все больше и больше оседают в западных банках? И потому-то я могу с уверенностью сказать: такие НАШИ уже представляют собой новый тип, это не просто случайные попутчики в журналистских командировках. И как бы ни расходились сегодня в оценках различные эксперты, оценивая реальное состояние НАШИХ (французы считают, что за рубежом на личных счетах наших сограждан находится сейчас около 40 миллиардов долларов, американцы мне говорили о 17, осевших в Штатах лишь за последние три года, наши эксперты говорят о 15-20 миллиардах), речь все равно идет о суммах долларов куда больших, чем все обещает и обещает нам предоставить та же Америка.

Но ведь при полной бесконтрольности прохождения — да и происхождения! — денег черт знает за что НАШИ люди удивляют сегодня собой Запад.

И потому-то, наверное, все громче и громче звучат сегодня испуганные голоса о нашествии на Запад «русской мафии».

Вот типичный пример — недавняя статья из немецкого «Шпигеля» (25-й номер за 1993 год), которая так и называется — «Тревога! Русские идут!».

Несколько цитат:

«Кровавый след тянется из России на Запад. Русская мафия, подобно спруту, охватывает своими щупальцами Европу. Сотни преступных банд действуют с невиданной жестокостью. Миллиардные сделки проворачиваются ими или в сфере наркобизнеса или контрабандной торговли...

...В Федеральном ведомстве по уголовным делам держат под замком секретное исследование, посвященное угрозе с Востока. В этом 90-страничном досье, озаглавленном «Восточноевропейская организованная преступность — русские группы правонарушителей», говорится: «В обозримое время нам придется принять в расчет лавину преступников с Востока. Их жестокость и готовность к применению насилия поставят немецкую полицию перед лицом серьезных проблем...

...Трупы русских людей находят в Вене, Будапеште, Мюнхене и Лондоне. Некоторые из них — без головы, рук и ног. Следы неизменно приводят к русской мафии... По своей жестокости они превосходят все заезжие бандитские группы, с «художествами» которых уже свыклись европейцы...».

...В интервью лондонской газете «Индепендент» один высокопоставленный чиновник Скотленд-Ярда сказал, что «организованные гангстерские формирования из бывшего советского блока представляют для Великобритании куда большую опасность, чем итальянская мафия, китайские триады и колумбийские картели вместе взятые...».

И так далее. Как видите, довольно суровая картинка. И она, кстати, подкрепляется мнением Анатолия Олейникова, возглавляющего отделение российского МБ в Берлине, чье интервью опубликовано в том же номере «Шпигеля». Он сообщил журналистам, что в Германии орудуют «более трехсот» русских банд и что сферы, в которых они действуют, — это «наркобизнес, торговля оружием, автомобилями и радиоактивными веществами», что они «занимаются отмыванием денег и вымогательством».

Правда, сотрудники МВД России придерживаются другого мнения.

«Идет искусственное нагнетание страстей», — сказал мне первый заместитель министра Михаил Егоров, он же начальник Главного управления по организованной преступности.

Его подчиненный, руководитель отдела по взаимодействию с полицией и милицией других стран Валерий Серебряков тоже считает, что «слухи о том, что русская мафия уже захватила Европу и Америку, несколько преувеличены», хотя и признает: «Потенциал нашей организованной преступности очень велик».

По его словам, хотя следы нашей мафии и обнаружены уже в тридцати странах, наиболее активно она себя проявляет, естественно, в Восточной Европе, в Германии, Турции и США. На остальных же территориях замечены лишь отдельные контакты:

— Беспокоятся французы, и, наверное, правильно делают, но там, кроме задержания двух русских проституток, ничего не было. Сейчас разразился огромный скандал в Швеции вокруг попытки похищения преступниками из России мультимиллионера Петера Валленберга. Но в действительности за полтора года руками «наших» было совершено одно серьезное преступление — убит шведский гражданин, и то в Москве, и то бывший наш.

Валерий рассказал, что наконец-то начались прямые контакты полицейских разных стран, но пока информация от коллег самая минимальная. Так, когда в Лондоне произошло нашумевшее убийство чеченцев, МВД России предоставило англичанам всю информацию, которую они запросили, но взамен ничего не получило. От тех же шведов так и не сумели добиться, как оказались там наши гангстеры, кто их пригласил, кто оформлял визы. «Нам без разницы, где ликвидировать наши преступные группы — здесь или там, — говорит В. Серебряков. — Пытались получить по полицейским каналам сведения, сколько реально наших группировок в Польше, сколько в Венгрии, но наши коллеги не предполагают такими данными».

Исходя из этого он делает следующее предположение: «Если вашу страну на самом деле захлестнула волна русской преступности, мы готовы приехать к вам и вместе разобраться». И ссылается на наш опыт: «В России вечно происходят разборки внутри китайских и вьетнамских сообществ. Наше московское региональное управление попросило приехать в Москву офицеров китайской полиции, чтобы вместе разобраться и с нашими, и с их «клиентами».

Но мне кажется, дело не только в том, что еще не научились работать вместе: слишком сильна школа «холодной войны», раз-

делившая мир так, что даже когда ему необходимо соединение, вдруг да мелькнет привычное: «Все-таки это не союзники, все-таки противники, враги...».

И это касается не только каких-нибудь наших чиновников — западных, может быть, куда в большей степени.

Не раз я слышал от различных американских деятелей: да, совместная борьба с преступностью — это хорошо, но вначале неплохо бы убрать всех русских шпионов из США (будто наши гангстеры сошли в аэропорту им. Кеннеди на кабаньих копытах). А Евгений Лисов, зам. Генерального прокурора, рассказал мне о письме из Минюста США, где после просьбы о помощи в поисках одного американского преступника говорилось, что аналогичную просьбу американская сторона вряд ли сможет выполнить.

Правда, уже сейчас наметилась тенденция к истинному совместному сотрудничеству. «Литгазета» уже писала об операции нашей милиции и ФБР, в результате которой двое скрывавшихся от американского правосудия преступников (оба бывшие наши граждане) были задержаны и отправлены на новую родину. В свою очередь и нам выдали двоих — одного из Швейцарии, другого — из Боливии.

Впрочем, с одним из выданных случилась типичная сегодняшняя история.

Григория Л. депортировали из швейцарской тюрьмы в знаменитую «Матросскую тишину», но отсидел он там недолго — прокуратура сменила санкцию, и его до суда освободили. Как мне рассказывали, на прощанье он подарил тюрьме не то 40, не то 50 холодильников, потом какое-то время покатался по Москве на «Мерседесе» и, естественно, вскоре исчез из страны. Благо сделать это сегодня проще простого.

Когда Валерий Серебряков рассказал, что его отдел стараются информировать о выезде за рубеж наших преступных авторитетов коллеги из других полиций, я удивился. Совсем недавно только узнал, что сегодня практически невозможно точно установить, кто же пересек границу и когда, не только, допустим, в аэрофлоте, но даже у пограничников ничьи имена больше в компьютеры не закладываются. Без смеха не могу вспомнить, как сотрудники московской милиции пытались выяснить, удрал ли за границу президент СП «Перестройка» Андрей Строев или нет (см. «ЛГ» от 5 мая «Домик в Атланте»). Они честно просмо-

трели все корешки аэрофлотских билетов и, не найдя его имени, пришли в редакцию: «Может быть, вам известно, куда и когда Строев улетел?». «А почему вы решили, что он улетел рейсом Аэрофлота?» — спросили мы. «Разве можно еще как-нибудь?» — в свою очередь удивились сыщики. И когда мы поведали про существование в Москве представительств десятков зарубежных авиационных компаний, которыми вполне может воспользоваться российский гражданин, сотрудники милиции, кажется, нам до конца так и не поверили.

Но дело не только в том, что наша милиция еще не научилась работать при открытых границах и, как всегда, вынуждена следовать (на расстоянии чаще всего в один световой год) за новыми замыслами преступников, и не в том, что сегодня мало кому понятно, что можно, что нельзя, что законный рынок, что чистый грабеж. Но и в другом: по- моему, никто на Западе не знает реальных масштабов преступной деятельности наших группировок, так как она прежде всего направлена против соотечественников — или бывших, или настоящих. Ведь наши — по годами выработанной привычке — не привыкли доверять полиции.

Помню еще года полтора назад руководитель отдела по борьбе с организованной преступностью Лос-Анджелеса жаловался: наши практически никогда не обращаются в полицию, предпочитая лучше откупиться, чем сделать заявление о нападении соотечественников.

Многие транснациональные преступные формирования состоят из наших же сограждан, имеющих паспорта разных стран. Может быть, единственное исключение — наемные убийцы, которых из-за относительной дешевизны (две тысячи долларов плюс командировочные расходы), время от времени экспортируют другие, не русские группы.

Пока традиционные, старые мафиозные кланы — те же итальянцы — не связываются с нашими (по словам В.Серебрякова, «они не знают наших правил игры. Они привыкли играть в покер, а здесь пока предпочитают «очко»... Если там все уже устоялось, то у нас — время дикой кровавой борьбы между разными кланами за сферы влияния, почему-то постоянно то кого-нибудь убивают, то в кого-нибудь стреляют»). Пока и НАШИХ там, на Западе, не допускают на территории, уже контролируемые традиционными кланами.

Да, каждое преступление, совершаемое НАШИМИ там, вызывает огромный общественный резонанс, но больше потому, что наши преступники куда более жестоки, чем их западные коллеги. Они прошли Афган и межнациональные войны и привыкли стрелять не по деревянной мишени, а по живой плоти.

В мир входит новая мафия, запертая раньше, как зверь в клетке, и потому с такой яростью обнюхивающая мир в поисках своего пространства.

Не случайно безлицензионный металл с российского Урала в соседней Литве грузят на немецкие корабли.

Не случайно обогащенный уран, похищенный в центре России, обнаруживают в Польше.

Не случайно, в карманах погибших от удушья нелегальных эмигрантов из Шри-Ланки находят жуткие дневники, описывающие мытарства ланкийцев в Москве и на Украине.

Не случайно бывший высокопоставленный чиновник и президент СП «Перестройка» Строев сейчас не в Москве, а в Атланте — в собственном доме, неизвестно за что и как купленном.

Я сейчас привожу только факты, о которых «Литгазета» писала в этом году.

Да и не верю, хоть убей, что эти двадцать, тридцать или сорок миллиардов долларов, оказавшихся сейчас на счетах наших граждан за рубежом, так уж все — результат честного (ну пускай получестного, пускай!) бизнеса, а не свидетельство коррупции чиновников или обыкновенные Деньги мафии.

Сегодня начинаются процессы, которые завтра могут изменить ситуацию в мире куда больше, чем «холодная война».

Из трех тысяч зафиксированных в России мафиозных групп 170 имеют стойкие транснациональные связи (всего лишь два года назад их было 90), а около сотни — устойчивые связи на территории СНГ. Бесконечные разборки, определяющие борьбу за сферу влияния, тоже рано или поздно кончатся (сейчас намечается тенденция к соединению различных преступных групп в более крупные; похоже на мировые образцы). И потому-то не исключаю, что не так уж много времени понадобится для того, чтобы традиционные транснациональные группы не только признали русских коллег, но и договорились о разделе сфер влияния в мире. Точно так же, как сегодня НАШИ в Москве делят между собой Центральный и Черёмушкинский рынок.

Не дай Бог, они еще и создадут свое, всемирное правительство.

«Лев прыгнул?» — вот так, с осторожным знаком вопроса, озаглавили мы несколько лет назад наш диалог с Александром Гуровым об отечественной мафии.

Сегодня знак вопроса можно уже убрать.

Прыгнул, прыгнул...

И, кажется, отправился в путешествие по миру.

22.09.1993

НА ВСЮ РОССИЮ ВСЕГО ДЕВЯТЬ БАНДИТОВ?!

Не счесть количества преступлений, совершенных ныне в нашей стране. Только за этот год 69 человек (среди них — шестеро детей) были захвачены в качестве заложников мафиозными группировками... Более ста уже арестованных лидеров преступного мира оказались на свободе... Но по всей России было возбуждено всего лишь девять дел по обвинению в бандитизме. Что же происходит?..

В полутемном и полупустом баре большого туристского комплекса пьем кофе с молодым американским бизнесменом бывшим нашим. Но нашим, вывезенным еще ребенком, выросшим там, а значит, познавшим правила той, западной игры в бизнес. Но его бизнес в России. И играет он по нашим правилам.

Потому как о само собой разумеющемся говорит:

— Сейчас посылаю бригаду на «разборку»...

И я как уже само себе разумеющееся уточняю:

— Партнер не возвращает деньги?

— Ага, — беспечно улыбается он. — Должны сто тысяч долларов — не отдают. Вот нанял ребят — пускай разберутся...

Как будут разбираться — его не интересует. Я же могу — по многочисленным аналогам — предположить всего лишь несколько вариантов, простых, как семечки.

Могут просто ворваться в офис. Могут взорвать машину. Могут перепугать семью. Могут (если у должника есть собственная бригада и если ей, естественно, партнер не задолжал) устроить побоище в каком-нибудь людном месте. Могут, наконец, взять его в качестве заложника и держать прикованным к батарее парового отопления (взяли же в последнее время такую моду!), пока не отдаст долг.

Как случилось, например, в тихом московском районе Матвеевское, в десяти минутах езды от МГУ, с одним бизнесменом в октябре этого года. Правда, тому повезло: в офис концерна «Поликом», где бедолага сидел на привязи к еще холодному тогда калориферу, ворвалась группа по борьбе с бандитизмом. «В результате операции задержано 18 человек (это уже из официаль-

ного отчета Главного управления по организованной преступности МВД России, — Ю.Щ.). Изъяты 2 автомата АКСУ (один с глушителем), боеприпасы к ним, 7 боевых гранат, пистолет «ПМ» и 60 патронов, винтовка ПК, холодное оружие, 2 радиостанции и 3 комплекта форменной одежды сотрудников милиции с погонами офицерского состава».

Прямо не концерт, а какой-то ВПК пополам с «Альфой»...

Тяжело заниматься бизнесом в России: чиновник требует взятки, рэкетеры шантажируют, да еще прикуют к батарее — и сиди, как Мухтар.

Или тяжело жить с такими законами, не охраняющими бизнес? Или заниматься таким бизнесом, который несет в себе тот или иной криминальный оттенок?

Года полтора назад, мне показалось, что время первоначального накопления капитала уже прошло, то есть мы преодолели американский вариант 30-х годов, когда в конце концов многие мафиозные короли, создавшие свои капиталы на подпольной торговле спиртным, стали добропорядочными гражданами и более или менее честными бизнесменами. Да, и у нас наметился такой путь: от рэкетира — в охранники фирмы, из охранника — в совладельцы, а то и владельцы, которые уже сами начинают заниматься новым бизнесом и как огня боятся напоминаний о собственном криминальном прошлом. (Сам однажды услышал от одного такого бизнесмена: «Ну, да, да... Было, было!.. Но уже мои дети будут честными!»). И как бы не хотелось, чтобы было не так! чтобы по-другому! чтобы как у людей! чтобы по-честному! — куда деваться? Уже не говорю о том, что считалось преступным в той нашей системе («цеховики», например, те, кто нажил свой первоначальный капитал в недрах «теневой экономики»), во всем цивилизованном мире оказывалось делом что ни на есть уважаемым и открытым, если, конечно, не выходило за рамки законов.

Да, как бы не хотелось! Но даже генерал Геннадий Чеботарев, первый заместитель начальника Главного управления по организованной преступности МВД (уж кто-кто знает истинную подноготную своих клиентов), и тот считает: «Если человек с любым криминальным прошлым занялся честным бизнесом, то дай ему Бог. Другое дело, что наша задача доказать незаконное происхождение капиталов».

Все было бы так — и пережили бы мы свое Чикаго и свою Австралию времен ее основания: не перепрыгнешь эту пропасть. Через коррумпированный, криминальный бизнес — к светлым высотам рыночной экономики! Но процесс, кажется, не только не остановлен, но пошел уже по своей логике, не подчиняясь тем или иным заманчивым экономическим теориям.

Что такое эти бесконечные случаи вымогательства (только МВД их вскрыло в этом году более 8000, и это при том, что чаще всего «вымогаемые» не бегут с заявлением в милицию!)?

Откуда у нас — по-моему, уже выше мирового уровня — такое число случаев захвата заложников именно в сфере бизнеса (в 1992 году — 62 человека, в том числе 4 ребенка, в этом — уже 69, детей — 6)?

Не говорю уж о ставших привычными взрывах офисов и автомобилей, покушениях на жизнь и убийствах бизнесменов...

Происходит не только раздел сфер влияния и территорий между разными мафиозными кланами.

Хотя он идет, да еще как... Только в 1992 году в вооруженных разборках между группировками участвовало семь с половиной тысяч наших отечественных гангстеров, в которых было убито 123, а ранено 280 человек (и если бы одни преступники! а то и ни в чем не повинные граждане, попавшие под горячую руку!), а за первую половину этого, 1993 года произошло уже 197 вооруженных столкновений.

И дело не в том, что какой-нибудь один «крестный отец» хочет захватить власть, а захватит — и кончатся эти бесконечная пальба и взрывы. Не будет в России одного «крестного отца». По мнению Г.Ф. Чеботарева, «никто из лидеров группировок не согласится на монархическую систему правления. Если они и консолидируются, то только на международной арене».

Нет, связь бизнеса и преступности становится привычной нормой, чем-то само собой разумеющимся делом, как было раньше, когда все приказы исходили из одного кабинета, как капли воды похожие друг на друга, от Бреста до Кушки — кабинета первого секретаря райкома КПСС.

Как считает Г.Ф. Чеботарев, сегодняшняя реальность такова: «Возникают преступные группировки новой формации. Сначала они проникли в бизнес в качестве службы безопасности. Се-

годня их деятельность приобрела уже более высокий уровень: она простирается от экономической разведки до насильственных действий против конкурентов: фирм или СП. (Для того, чтобы заставить их подписать заведомо невыгодные сделки. То есть фирма дает деньги на воспроизводство преступности, принимая их правила игры, считая эти правила общественной нормой, и даже когда не попадает в прямую зависимость от преступного клана, все равно превращает свою деятельность во многом в криминальную). Вот опять слышишь: предприниматель стал жертвой преступников. Начинаешь выяснять, кто же заказчик преступления, — оказывается, что такой же предприниматель! И получается, что бандиты, вымогатели, рэкетеры предпринимателями же и подкармливаются».

Вот так все перемешалось! И потому часто задумываешься: а кто же реально стоит за той или иной фирмой, чья реклама то и дело мелькает по телевизору? Кто на самом-то деле заказывает музыку.

Не могу здесь не сослаться на один пример того же Г.Ф. Чеботарева:

— Я встречался с начальником отдела, по борьбе с бандитизмом полиции Франции, и он мне сказал, что ежегодно во Франции совершается около 8000 нападений на банки. У нас же нападений на банки практически нет. О чем это свидетельствует? О том, что банки контролируются — или, если хотите, охраняются — серьезными преступными группировками, никто из которых не хочет «разборок» между собой. Бизнесмен N:

— Только что открыл свой офис в Москве — звонок по телефону: «Вам нужна охрана?» Я, естественно, говорю «да». Встречаемся, договариваемся об оплате, они мне оставляют номер телефона... Потом проходит некоторое время, на меня наезжают. Я: «Ребята, позвоните, пожалуйста, по такому-то номеру...». И уже потом «стороны» где-то встречаются, договариваются... Подробности меня не интересуют. Главное, чтобы меня не трогали...

И опять же можно плюнуть на все, махнуть рукой: ну, ладно, если уж иначе не получается, то давайте хоть так.

Но криминальные и полукриминальные отношения, как свидетельствуют хотя бы цифры 1993 года (которые я привел выше), не только не законсервировались: вот поделили — и живем, худой мир все равно лучше хорошей ссоры! — нет, они постоянно

реконструируются даже тогда, когда, казалось бы, ну все, прекратили, захватили свои позиции, взяли под контроль, а теперь можно так же, как в Америке после 30-х годов...

Мне рассказали, как недавно в казино ворвалась группа парней и когда им сказали: «Вы что? Сумасшедшие или как? Вы хоть знаете, кто здесь хозяин?» — они переломали руки-ноги охране. И были они не какими-нибудь залетными из Казани или Чебоксар — из той же столичной группировки, но уже молодая поросль, которая плевать хотела на установленную систему иерархии.

Боюсь, мы просто живем в бандитской стране... И хотя сегодня страна уже перестала обижаться на своих граждан за оскорбление словом, все равно прости, страна, если я тебя обидел.

Не от ехидного злорадства — от печали знаний. Не потому же, конечно, что считаю людей, занимающихся бизнесом, бандитами с большой дороги. И уж никак не намекаю на те или иные политические фигуры — особенно в преддверии выборов.

Нет, я просто констатирую: мы живем в бандитской стране. В самом прямом значении этого понятия, как квалифицирует его Уголовный кодекс, 77 статья которого гласит: «Бандитизм. Организация вооруженных банд с целью нападения на государственные или общественные предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях».

Только банды мы стеснительно называем чем, кем угодно, только не бандами. Потому-то если в прошлом году в России было возбуждено всего 8 дел по обвинению в бандитизме, то в этом, 1993-м — лишь на одно больше: 9, причем не в самих тихих регионах России, а в Москве, в городах и областях «Золотого кольца» за последние три года не было — официально, конечно, — ни одного факта бандитизма.

Все же понимают — ложь это, подтасовка фактов, чушь. Но если для кого-то это понимание чисто умозрительное, то для тех, кто становится жертвами, — реальное подтверждение того, кто в первую очередь становится защищенным государством.

Если и арестовывают, то предъявляют любую статью УК — от грабежа до незаконного хранения оружия, но не обвиняют в бандитизме, статье, которая предусматривает исключительную меру наказания — смертную казнь.

Приведу лишь несколько примеров, о которых узнал в МВД России (цитирую):

«В декабре 1992 года в Ивановской области задержана вооруженная преступная группа (возглавляемая ранее судимым) в количестве 7 человек, совершавшая в течение 2 лет нападения на жилища граждан и кражи личного имущества. Преступления тщательно готовились: заранее изучался объект посягательства, распределялись роли участников, отрабатывались каналы сбыта. Несмотря на все признаки банды, действия преступников квалифицированы как разбойные нападения и кражи с проникновением в жилища граждан».

«В Курской области разоблачена вооруженная организованная группа, действовавшая на территории этой и Тверской областей и совершавшая кражи и вооруженные нападения. При наличии всех признаков ст. 77 УК РСФСР уголовное дело было разделено на три эпизода. Ранее судимый лидер банды Вислогузов и другие участники группы привлечены к ответственности за преступления менее тяжкие, чем бандитизм».

«В июле 1993 года преступные группы городов Астрахани и Нариманова общей численностью 130 человек, выясняя отношения применили огнестрельное и холодное оружие. Шесть непосредственных участников были ранены, пятерым сотрудникам милиции нанесены телесные повреждения. В итоге действия преступников расценены как неповиновение законным требованиям милиции».

И наконец, пример совсем вопиющий, напоминающий вестерн: «11 января 1993 года в ходе судебного разбирательства уголовного дела по ст. 102 УК РСФСР в отношении братьев Хамзотовых, жителей Чеченской республики, в здание Верховного суда Дагестана ворвались 8 человек и с применением автоматического оружия совершили нападение на участников судебного процесса и войсковой наряд караула в/ч 6802 внутренних войск. Во время перестрелки получили ранение адвокат Игнатьев И.В., рядовой караула Бурдинский В.А. и двое нападавших. В качестве заложников нападавшими были захвачены старшина милиции Советского района Махачкалы Шахбанов И.А., рядовой караула Каминюков Ю.А. и начальник караула ст. прапорщик Гасанбеков А.Г.

Нападавшие были задержаны. Ими оказались Джабраилов М.М. —начальник отдела охраны президента Чеченской

республики, Хадисов И.У. — инспектор службы контроля гвардии президента ЧР, Мазаев — сотрудник Отдела вооружения и техники президентской гвардии, Ваганов М.У. — начальник оперативного отдела отдельного батальона МБ г. Грозного и др. Во время задержания преступники оказали вооруженное сопротивление. У задержанных изъяты гранаты, пистолеты «Макарова», «Стечкина», автоматы «Калашникова», «Узи»...».

И даже это дело было переквалифицировано с грозной 77-й...

И потому я понимаю Г.Ф. Чеботарева, когда он говорит:

— Пресса подробно обсуждала, что и когда сказал Степанков Якубовскому, но Степанкова нужно было немедленно снимать за то, что возглавляемая им Генеральная прокуратура не видела бандитизм там (а возбуждение дела по 77-й — прерогатива прокуратуры, и только ее), где ни о чем другом речи быть не могло...

По мнению МВД России, причиной неоправданного либерализма при квалификации бандитизма как бандитизма служит (цитирую официальный документ) «нежелание следователей прокуратуры и судей в связи с загруженностью вести такие дела, требующие значительных усилий и времени по доказыванию всех признаков бандитизма... Кроме того, следователи и судьи опасаются физической расправы со стороны оставшихся на свободе свидетелей».

На тридцать процентов больше, чем могут вместить, переполнены сегодня камеры следственных изоляторов. Но верю своему собеседнику Сергею (беседу с ним я опубликовал несколько месяцев назад), который за два года, проведенных в Бутырке и «Матросской тишине», практически не встречал (кроме одного-единственного) членов серьезных преступных группировок.

И верю еще по одной причине. Как сказал мне Г.Ф. Чеботарев, больше сотни лидеров преступных группировок были, будучи уже арестованными, отпущены под залог или им была изменена санкция, то есть до суда они оказались на свободе.

Из тех, кого почему-то пожалели, — лидеры подмосковных группировок, один из которых после освобождения и под подписку о невыезде судьей народного суда г. Пушкина Федоровой был убит при очередной разборке, а другой после вооруженного нападения на офис фирмы до сих пор находится в розыске.

Длительное время находился в розыске точно так же лидер группировки из Балашихи, освобожденный из-под стражи судьей Куйбышевского районного суда Москвы Смирновым.

Точно так же долго искали «активиста» подольско-чеховской группировки, отпущенного зам.прокурора г. Чехова Верховцевой.

— Во всем мире есть разница между оперативной осведомленностью и возможностью следственного или судебного доказательства преступления, но у нас в стране этот разрыв слишком огромен, считает Г.Ф. Чеботарев, — и это одна из причин, почему у нас искусственно снижены правовые репрессии, которые мы можем обрушить на серьезные криминальные группировки.

— Но, может, Геннадий Федорович, дело еще и в коррупции, которой охвачена вся наша правоохранительная система? — спросил я его.

По его мнению, больше всего за взятки арестовываются именно работники милиции, но, как он считает, милиция не более коррумпирована, чем другие госслужбы — просто в своей среде «легче работать».

Конечно, есть и должны быть различные правовые оценки того или иного преступления. И, слава Богу, допущен адвокат с самого начала следственного процесса. И судья может не смотреть в рот местному райкому партии.

Дело в другом. Сегодняшние банды — это не Ваньки Каины, которые промышляют на большой дороге. Их сегодняшняя «большая дорога» та же, что и у всех: экономика, влияние на нее, контроль над ней. Жесткий и беспощадный.

И лично меня что-то не очень умиляют 9 преступников, которые реально признаны бандитами.

Нет, — дело даже не в том, что мафия берет под контроль молодой российский бизнес — даже те, кто не хотел бы иметь дело с криминальными структурами, никуда от них не денутся. Государство, провозгласившее курс на развитие рыночной экономики, ничего не сделало для того, чтобы защитить бизнесменов, я уж не говорю о разъедающей коррупции — от обыкновенных бандитов, диктующих бизнесменам свои условия, вводящих свои правила игры и в конце концов берущих бизнес под свой жесткий контроль и уже с помощью огромных капиталов создающих новые и новые банды.

Если не с ними, то с кем? Если не под их навязчивой липкой защитой, то под чьей?

РУССКИЕ РАБЫ

Больше века назад в США исчезло рабство, чтобы появиться вновь уже сегодня: у русских рабовладельцев.

Мы простились с Брайеном Даффи, моим коллегой и другом, в субботу утром: он улетал домой, в Вашингтон, я еще на один день оставался далеко от своего московского дома — в Майами-Бич. Пылало солнце, манило море... Я понял, почему «Аэрофлот» открыл прямые рейсы из Москвы во Флориду — замечательное место, в котором понятие не только зимы, но и весны существует только лишь как некое книжное понятие: какая зима, какой снег, если здесь постоянное, нескончаемое лето?

Но я еще понял, почему именно это место — с таким же, как лето, нескончаемым потоком туристов — было избрано для еще одного — нашего, русского — преступного бизнеса.

Брайен улетел... А я нарушил обещание, которое он и я дали за день до этого: не показываться не только в самом баре, из-за которого мы и прилетели в Майами, но даже и близко от него.

— Попытаемся найти? — спросил я одного своего нового американского знакомого.

Он пожал плечами:

— Ну, если тебе нужно... Хотя в таких районах я вообще-то не бываю...

Мы ехали в район, знаменитый тем, что даже после обвинения мэра во взятках (по нашим масштабам — районного начальника, до того как районные начальники у нас не назначались, а избирались) его переизбрали на другой срок, где вовсю идет торговля кокаином, где мы увидели — первое, что мы увидели, приехав именно в район этого бара, — череду «гостиниц», где можно «снять комнату» на один час (отличительная черта — глухие заборы, чтобы не были видны номера машин, которые туда въезжают). А рядом знаменитый секс-бар, реклама которого то и дело мелькает в местных газетах. Такой просто терем-теремок...

Вот что было написано в письме, которое я привез сюда из Вашингтона:

«Флорида — в частности Майами... русские и другие граждане СНГ находят работу здесь быстро. Прежде всего по покры-

тию крыш и реконструкции домов, поврежденных ураганом. Платят здесь регулярно и довольно сносно — 5-6 долларов в час. Вообще, «жить» можно. Но опять же загвоздка — не потому, что русские плохо работают, а потому, что во Флориде строгие законы о нелегальной рабочей силе и уклонении от выплаты налогов. Компании возникают и лопаются как мыльные пузыри. Люди остаются без работы, но в отличие от Нью-Йорка, где биржа труда непреступна из-за количества посетителей, здесь, наоборот, работы хоть отбавляй: белых берут охотно... Менеджер (следует имя и его адрес. — Ю.Щ.) любит русских и платит им не менее 4 долларов и 25 центов в час. Чисто случайно я приобрел бесплатную карточку секс-бара (следует название. — Ю.Щ.), которая дает право посетить сие заведение и выпить бесплатно пива... Я решил немного отдохнуть и пошел туда... Заведение довольно уютное и многолюдное. Помимо американок и испанок, там работают и русские девочки... С того времени, как я туда попал «пасбоем» (по-моему, что-то вроде вышибалы, по крайней мере, так мне объяснили мои американские друзья. — Ю.Щ.), и до того времени, как мне пришлось убежать из Майами, их было шестеро. Они из городов России и СНГ, некоторые замужем и имеют детей. Причины «устройства» на эту работу у всех разные. Но не от хорошей жизни — это точно. Деньги приличные, но хозяин и менеджер — отпетые подонки. В прошлом уголовники, бежавшие из России, судимые и сидевшие за наркотики и продолжающие заниматься этим сейчас... Это очень страшные люди. За один прокол меня чуть не пристрелили...

Я пошел на эту работу тоже из-за денег. Вскоре влился в «дружный» коллектив ребят из секс-бара и в целях экономии стал жить там. При мне велись разговоры на темы подпольного бизнеса, я был им нужен еще из-за того, что подготавливал «свежих» девочек к работе (только в плане хореографии). Танцы до конца раздетых девочек — это пыль, на самом деле здесь происходит другое, и это другое — один из источников дохода... Всем известно, что Майами — один из курортных городов, посещаемых американками, богатыми американцами. Для этого богатенького дяденьки отбирают «свежак» с хорошими манерами и внешностью, и тот «арендует» ее — на сколько денег хватит... После того как девочки перестают приносить доход — притом высасывают из них все, оставляя только последние 1000 долларов, —

их или выставляют, или оставляют простыми танцовщицами-проститутками для бедных клиентов. Такие девочки вербуются (хотя сначала они об этом не догадываются) и по сей день, их приводят и дают понять, что другого выхода у них нет. Бог с ними, если они проститутки и это их профессия, а если нет?

Некоторые зарабатывают таким образом неплохие по меркам России деньги, возвращаются, но почему-то остаются без долларов: их или сразу грабят, или что-нибудь еще с ними делают... Парадокс — или на родине, или в Америке, но все равно остаются без денег... Из этого я сделал вывод: люди, поставляющие девочек из России, те же, кто потом ожидает их дома...

Само помещение принадлежит местному миллионеру (следует имя. Ю.Щ.). Естественно, говорить о том, что он только владелец помещения, а о том, что происходит под его крышей, он не знает, — это чушь. А под крышей происходит вот что. В подвальном зале — где раньше родился мужской стриптиз — я обучал девочек, там же происходит проба «свежих», там же наказывают за непослушание. Там же...»

Стоп. Наверное, пока хватит... Я не случайно опускаю названия и боюсь за парня, который все это написал. В официальном письме. В официальную организацию — посольство России в Вашингтоне.

Я знаю его имя, фамилию, российский адрес. Я видел и место действия в Америке и верю подробностям, которые приведены в этом письме. Но в конце концов это не мое дело. И не наше.

Это не у нас. Это там. У них.

Но с нашими.

Вот почему я, нарушив обещание, данное тем, кто подтвердил нам с Брайеном, что написанное в письме — правда, приехал к этому месту.

Мы не зашли в этот бар (страшно представить даже, что было бы, если б зашли! Не потому даже, что, как нас пугали, нас могли сфотографировать с сидящими на коленях голыми девочками или случайно узнать, кто мы такие — боюсь, что у меня просто не хватило бы денег на этот незапланированный командировкой визит). Мы покружились возле. Мы остановились во дворе. Мы постояли, покурили... Подъезжали машина за машиной. То и дело открывалась резная дверь. Мне просто захотелось увидеть это место: пустырь, одночасовые гостиницы, сам этот терем-теремок...

Чтобы представить, как все это было у того парня? Что он видел, что чувствовал, когда в конце прошлого года в последний раз окинул взором это место?

Я уже знал, что это было в середине ночи. Он хотел спасти девочку — тоже нашу, обманом попавшую сюда. Просил не трогать ее. Над ним посмеялись. Стал требовать — побили.

Они сбежали ночью.

Без документов и без денег, через полчужой страны. Чтобы потом оказаться в эмиграционной тюрьме, откуда и было послано это письмо, лишь небольшие отрывки из которого я привел.. наших спасли наши — российское посольство, которое помогло им вернуться на родину.

Спасли — от наших же...

Давайте сразу договоримся: эти истории не о том, как тяжело приходится в Америке тем нашим, кто решил покинуть Россию в поисках новой жизни. Могу назвать десятки примеров успешной русской карьеры, успешного русского бизнеса, успешной жизни и настоящего счастья, которое люди не могли получить у себя — у нас! — в стране.

Больше того! Многие судьбы наших людей, особенно молодых, особенно тех, кто покинул страну или уехал на время в последние годы (когда поездка на Запад уже не воспринималась как в дефицитные годы курица в заказе у ветерана) представляли для меня зеркалом, в котором я видел таких же ребят в России: растерянных, покинутых, несчастных... Нет, мир все-таки не настолько различен, как казалось раньше, когда даже бездомные на улицах Нью-Йорка, которыми нас постоянно потчевал телевизор, представлялись нам инсценировкой, специально подготовленной для группы Валентина Зорина.

Жизнь по своей сути штука хотя и интересная, но нелегкая. Где бы человек ни жил.

Но то, о чем я узнал и что увидел своими глазами, оказалось для меня абсолютно новым. Настолько новым, что все другие истории о русской мафии, ради которой я приехал в Америку, стали мне куда менее интересными, так как именно в письме этого российского парня я прочитал слова: «Скажите о тех, кто поставляет людей в рабство — сюда, в Америку».

За все две с половиной недели, пока мы работали с Брайеном Даффи в США, мы наслушались много историй о нашей мафии.

Помню, когда два года назад я впервые повстречался с Джимом Муди, заместителем директора ФБР, отвечающим за борьбу с организованной преступностью, он на мой вопрос о русской мафии снисходительно усмехнулся: «Ну, какая у вас мафия.. Вот такая» — и провел рукой в нескольких сантиметрах от полу, как будто там пробежала кошка.

Нет, сегодняшние американские спецслужбы уже воспринимают нашу мафию не как кошку, а как льва (уж простите за любимый мною образ): мошеничество в каких-то потрясающих масштабах, заезжие рэкетеры, наемные убийцы, наезжающие в США в командировку точно так же, как когда-то борцы за мир.

Но это романтика, сюжеты для каких-нибудь детективов.

Торговля рабами — именно это больше всего задело меня.

Даже тогда, когда мне рассказали, что наши преступники уже начали поставлять в Америку — подпольно, естественно, — китайцев. Китайцев, естественно, жалко. Но наших — больше, вы уж простите..

В 1988 году по маршруту Москва — Вашингтон или Москва — Нью-Йорк прилетали «Аэрофлотом» 8 тысяч человек. В 93-м году — 140 тысяч, теми же маршрутами. Сколько другими авиакомпаниями, сколько в другие города.. Сколько на день, а остаются на год, сколько как туристы, а потом растворяются, будто здесь и жили всю жизнь..

Но лишь в последние годы (а может быть, год) стали налаживать каналы, которые уже в открытую здесь называют «рабскими» (только в Бостон ежемесячно по таким каналам приезжают 100-150 человек). «Генеральный консул России в США Виктор Волков, подчеркнув, что после окончания «холодной войны» наступила эпоха глобальных эмиграционных процессов, сказал: «Россия не входит в первую тройку государств, которые поставляют нелегальных эмигрантов (в ней традиционно занимают «призовые места» Мексика, Китай и Куба), но зато входит в первую тройку по числу злостных нарушений». Как происходит нелегальный въезд наших граждан в США, учитывая то, что через океан, разделяющий нас, вряд ли перейдешь границу на кабаньих копытах?

Донельзя просто..

По-моему, уже в каждой нашей газете можно найти объявления о том, что некие фирмы могут устроить на работу в США..

А дальше... дальше происходит следующее.

Вот одно из признаний двадцатилетней девушки (назову ее Ирой):

— 20 июня 1993 года я вылетела из Шереметьево-2 в Америку для работы бебиситером (то есть, по-русски, няней). 8 мая мои знакомые мне сказали, что есть возможность заработать в Америке, и сказали, что приезжает оттуда женщина, которая дает работу. Таким образом я познакомилась с (следует имя нашей бывшей гражданки. — Ю.Щ.). Я с ней поговорила в Москве, она взяла мой загранпаспорт и сказала, что вечером мне позвонят. Мне позвонили и сказали, чтобы я была у американского посольства на следующий день (9 июня). В 10 утра я пришла, встретилась с целой группой людей. Меня привели в посольство, и там я поняла, что меня оформляют в «командировку» якобы за закупкой мелкого товара. Было дано приглашение на пять человек, я его не читала. Вечером того же дня мне был звонок: взлет 20 июня. Прилетели в Нью-Йорк, нас встретил муж той женщины, отвез в Филадельфию, затем меня отправили работать в Нью-Йорк в семью наших бывших, проживающих (следует адрес. — Ю.Щ.). Я проработала там почти два месяца и потом сказала, что больше не могу и хочу уехать. На что мне ответили: чтобы получить обратно документы, я должна выплатить 2000 долларов. Их у меня не было. Мои документы находились у «работодателей» — их забрали в аэропорту Кеннеди сразу же после приезда в Нью-Йорк. Какая у меня стоит виза, я не знаю. Я визу в ОВИРе не оформляла...

Это объяснение москвичка Ирина оставила в нашем генконсульстве в Нью-Йорке.

И, может быть, это был самый простой вариант — найти туда дорогу.

Теперь вы понимаете, почему те парень и девушка бежали из Майами без документов и денег? Да нет документов — их обычно отбирают в аэропорту. И денег нет, потому что многие не в силах отработать даже свой обратный билет.

Это привычная схема, по которой нашего бывшего советского человека, привыкшего жить «по прописке» и с паспортом и в вечном страхе перед домуправом, так легко закабалить. Без документов? Арест! Нелегально работаешь? Тюрьма! Куда пойдешь? Вплавь через океан?

Хотя и то, и то — полная чушь. Если накажут — то тех, кто держит у себя дешевую рабочую силу. А с паспортами — для американцев полный туман.

Но сколько объявлений в наших газетах о том, что «ждем и устроим», столько же точно и в русскоязычных американских о том, что «сделаем приглашения». Я привез в Москву целую кипу подобных вырезок: «гарантированное оформление бумаг», «право на работу», «вызовы (гостевые, постоянные и коммерческие) в сжатые сроки», «бизнес-вызов. Оформляем деловые приглашения в кратчайшие сроки по самым низким ценам».

Около некоторых объявлений сотрудники генконсульства сделали специально для меня пометки: «вызовы от несуществующих лиц», «несколько раз звонили заказчики, жаловались, что получают поддельные вызовы», «возможно, делают поддельные вызовы сами», «никогда не оформляли вызовы через консулат, по телефону говорят, что заверяют в консульате», «готовы сделать вызов от несуществующего лица»... Подобных фальшивых вызовов до 70 процентов от общего числа.

Там же, в нью-йоркском генконсульстве, мне показали фальшивые вызовы, заверенные фальшивой подписью генконсула (образец привожу в газете). Таких, как мне сказали, только за последнее время обнаружили больше семидесяти. «Скорее всего, уже используют лазерную технику для подделки подписи», — предположил работник консульства.

Как я понимаю, эта помощь в оформлении виз и в Россию, и из России — выгодный бизнес. По крайней мере иначе вряд ли дочь Владимира Шумейко — Седова — в течение длительного времени публиковала бы в Америке свои объявления о том, что «может оформить визу в Россию в 24 часа...».

Но еще больше получает тот, кто осуществляет «оптовую поставку» наших бедолаг в США: по словам ответственного работника нашего посольства в Вашингтоне, которому чаще всего приходится сталкиваться с такими судьбами, сумма достигает 10-15 тысяч с каждой головы.

А как сами «рабы»?

Работают: плата в овощных лавках Брайтона — 2 или 3 доллара в час при 12-часовом рабочем дне с пятнадцатиминутным перерывом.

Живут: или в одной комнате с такими же «нелегалами» — 10 долларов в день за койку... или вообще в подвалах и подсобках.

Это — конфетный случай! Но варианты могут быть разные. Не считая самых плохих о которых Российское генконсульство, обращаясь в официальные американские учреждения, пишет:

«Консульство считает, что большинство людей, испытывающих подобные проблемы, не обращается к нам из-за страха шантажа или физического насилия. Много русских преступников и людей, незаконно въезжающих в США, попадает в Америку очень просто. Все, что для этого нужно, — это нотариально заверенное приглашение от гражданина США. В реальности эти «документы» продаются членами русской мафии на Брайтоне. В Нью-Йорке и Лос-Анджелесе были обнаружены наемные убийцы, которые были вывезены из России и других республик бывшего СССР для совершения заказных убийств. Приехав с деловыми, гостевыми или туристскими визами, они живут в Америке как нелегальные эмигранты достаточно долго, чтобы выполнить порученную им работу. Некоторые возвращаются домой, но довольно значительное число этих преступников остается в США.

Американские официальные лица говорят, что никто из въезжающих эмигрантов или гостей из России и других государств бывшего СССР не были проверены на предмет криминального прошлого. Хуже того — просителей временных виз даже не спрашивают об этом на собеседовании. С помощью фальшивых документов множество нелегальных эмигрантов получают статус, который позволил им въезжать в США и оставаться там.

Консульские службы России, Украины, Беларуси, Армении и других республик бывшего СССР обеспокоены тем, что русская мафия, существующая в США, несет ответственность за очень большое количество фальшивых документов.

Безусловно, что этот вид преступности негативно влияет на процесс создания гуманитарных и экономических связей между США и государствами бывшего СССР».

Вряд ли, конечно, в генконсульстве США и Москве после подобного обращения создадут выездную комиссию из ветеранов демократической партии.

Да и в конце концов это не наше дело — что там, в США.

Я просто узнал о новом виде нашего, а не их преступного промысла.

Узнал, и стало очень жалко тех, кто становится его жертвами.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Правда, когда уже в Москве позвонил той самой Ире, полгода назад в слезах прибежавшей в наше консульство, то от ее родных услышал. «Она в Америке... Очень хорошо устроилась...»

И ничего, кроме того, как пожелать ей счастья, мне, естественно, не захотелось.

Хотя с другой стороны... Хозяин того бара в Майами, от которого сбежал парень, чьего имени я не хочу называть, ведет переговоры, как я знаю, об открытии своих филиалов. Здесь, в Москве. Ему-то в любом случае повезет еще больше. В этом я, увы, уверен.

Майами — Нью-Йорк — Вашингтон

02.03.1994

«ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГАЯ МАФИЯ...»

Придется ли нам писать новые законы «по фене»?

Стояла слякотная одесская зима... То ли конец ноября, то ли начало декабря прошлого, 1993 года. В задней, закрытой от посторонних глаз комнатке частного ресторана я встречался с человеком, хорошо знающим нравы бандитского Нью-Йорка. Естественно, русско-бандитского.

— М., — называет мой собеседник имя нью-йоркского «крестного отца», — знал, что за ним охотятся, и потому никогда не расставался с бронежилетом. Ну и, конечно, охрана... А те тоже знали про бронежилет, и когда его «мерсу» перегородили дорогу — охранников переложили, а ему закатили пулю не в тело, а прямо в голову. И представь, он остался жив...

— Это где, на Брайтоне? — спрашиваю я о географической точке очередной бандитской разборки, переместившейся с необъятных просторов бывшего Союза на такие же необъятные просторы Штатов.

— Да нет... В Нью-Джерси. Кто там на Брайтоне? Одна шпана да пенсионеры... Сейчас М. выписал отсюда, от нас, киллеров...

Подробности путешествия очередных наемных убийц я узнать не успел, так как дверь рывком открылась, и появился здоровый мужик: кожаная куртка, широко распахнутая, несмотря на холодную слякоть, золотая цепь... Ну и так далее.

— Привет! — радостно распахнул объятия ему навстречу мой собеседник...

Потом мы сидели за столом вдвоем, но говорили уже не о русско-американских бандитах. Правда, об Америке как таковой говорили:

— Скучноватая страна... Я сейчас там шесть месяцев прожил... — сказал новый гость.

Потом обсудили «Литгазету»: «Читаю, читаю...». От «Литгазеты» по его инициативе перешли к проблемам бронежилетов, и гость проявил очень хорошие знания этого предмета современного туалета. Потом я осторожно спросил: а чем же занимается он сам? И гость моего знакомого лучезарно улыбнулся:

— Я? Я бандит... Из команды «Баранова»...

Он представился «бандитом» точно так же, никак эмоционально не выражая отношения к собственной профессии, как люди обычно называли — свои менее экзотические профессии.

Повторяю, это было в конце ноября или в начале декабря прошлого года.

Специально обозначаю время, когда я впервые почувствовал (именно почувствовал, как чувствуешь приближение нового времени года) тот перелом, который произошел в общественном сознании, то есть количество всего этого перешло в новое качественное состояние. Ладно, не стыдно признаваться в своем ремесле. Да и не опасно даже. Больше... Сказал бы так: стало... престижно быть бандитом. Или по крайней мере называть себя им. Или быть просто с бандитом знакомым. Как когда-то с космонавтом. Или (да было ли это?) с писателем.

После этой встречи в подобные ситуации я попадал все чаще. То человек представится при встрече вором в законе (потом выясню: да действительно, не шутит). То представителем знаменитой преступной группировки. То — совсем уж смешно — вором-карманником, и когда ты инстинктивно прижмешь руку к бумажнику, поймаете его укоровизненный взгляд: что ж, мол, не понимаешь — я сейчас не на работе.

Но только ли дело в моих собственных впечатлениях? Нет, конечно.

Когда Андрей Константинов недавно опубликовал в «Литгазете» серию статей «Бандитский Петербург», где подробно описал, что и какая преступная группировка контролирует в его городе, то я спросил его: бандитский народ на тебя не обиделся? не пугал? не угрожал? «Наоборот! — ответил Андрей. — Обиделись те, которых я не упомянул. Те-то и звонили, спрашивая, почему я их не считаю за людей».

Точно так же, когда газета «Кто есть кто» перепечатала список воров в законе из книги «Воры в законе. Путь к власти» (помните ту душераздирающую историю, когда гибель депутата Госдумы издатели газеты пытались привязать именно к этой публикации?!), то, как я знаю, сами воры в законе были страшно довольны тем, что общество не забывает их прежние перед ним «заслуги» (по мнению сотрудников шестого управления МВД, большинство из этого списка были уже ветеранами, так сказать, движения).

Все, пришел их поезд, и теперь нам предлагают поскорее занять места в нем...

У них уже есть своя униформа — надеюсь, знаете... Если уж их убивают (а это случается все чаще и чаще — что делать, жизнь — борьба), то хоронят на самых почетных местах центральных кладбищ, куда раньше могли положить лишь самых-самых из партийно-хозяйственного актива. Да и нравы их становятся все более и более похожими на нравы наших чиновников: так и на интервью они соглашаются только лишь за гонорар (мой знакомый, западный телевизионщик, заплатил одному лидеру преступной группировки 900 долларов за съёмочный день), подобно чиновникам из прокуратуры или Минобороны.

Ну ладно, они сами стали относиться к себе с уважением и любовью, все выше, выше и выше поднимая собственную рейтинговую планку.

Я понимаю запутавшихся в сегодняшних событиях людей, которым только и осталось надеяться на власть мафии, и даже не удивился, когда прочитал письмо в газету, которое мать троих детей (письмо она попросила редакцию передать адресату) начинает так: «Здравствуй, дорогая мафия! Помоги мне, пожалуйста, найти деньги для моих детей».

Как раньше самые наивные надеялись, что ЦК КПСС может помочь, так и сегодня люди начинают думать, что другая сила, мафия, вдруг все бросит и побежит спасать человека, не состоящего в ее рядах.

О другом думаю. Нет, не о существующих общественных мифах (что «дедушка Ленин», что «дядюшка Михась»), а о том, как этот миф все больше и больше искусственно культивируется...

Помню, когда, закончив разговор с моим одесским знакомым, я вышел на улицу, тот, кто представился мне бандитом, вышел за мной, и от него я неожиданно услышал: «Дурная стала Одесса... Видишь, как пусто вечером. Я и то хожу с оружием». И потом, помолчав, добавил: «Я бы эту шпану собственными руками передошил».

И я понял, что он уверен, что я пойму его, соглашусь... Ведь многие из сегодняшних «крутых» преступников уже проделали этот путь: от мелкого рэкетира — в охранники, от охранника — в члены совета фирмы или банка, от члена совета — до владельца, хозяина, президента. Если такие люди — приближенные круто-

го авторитета, — то они, считай, по старым, советским меркам, как бы вхожи в кабинет первого секретаря обкома.

Тот же одесский «Баранов», я знаю, уже банки контролирует, уже в пароходстве свой человек, уже недвижимостью владеет, и старая номенклатура вынуждена потесниться, освободив для нового соперника подобающее ему место. (Благо Одесса не Москва, разделенная на сферы влияния двенадцатью группировками да плюс еще больше десяти «гастрольных», и потому перестрелки и взрывы здесь пока что редкость).

Да, преступные авторитеты, достигшие неуязвимости прежних высших партийных чиновников, точно такие же противники уличной, грязной преступности, как и рядовые добропорядочные граждане. И, может, даже больше: им-то есть, что терять от залетного разбойника или грабителя, в отличие от простого человека, который знает о преступных группировках лишь из захватывающих дух ежедневных телесюжетов. Она, преступная номенклатура, считает именно себя той силой, которая может остановить девятый (или какой уж там по счету) вал преступности над страной.

Но не только они сами! У мафии появились свои лоббисты. Может откровеннее всех высказался Иосиф Кобзон, когда давал интервью «Новому русскому слову» — русскоязычной газете, издающейся в Нью-Йорке.

«Так вот, — говорит известный деятель культуры и председатель общественного совета при московском Управлении внутренних дел, весь цивилизованный мир уже прошел через грязь, в которой мы сейчас барахтаемся... Когда криминальная ситуация в стране обостряется, то с учетом конкретной обстановки власти находят компромиссы с «авторитетами» преступного мира. Это делается ради сохранения спокойствия в обществе. Ведь «авторитеты» не грабят и не убивают прохожих на улице — по словам самого преступного мира, это делает «саранча»: наркоманы, хулиганы, проститутки. С «авторитетами» находят компромисс ради того, чтобы они помогли избавить народ от опасностей уличной преступности...».

Не знаю, о каком «цивилизованном мире» говорит Иосиф Кобзон, только подобные предложения слышатся все чаще и чаще: помоги, дорогая мафия, спаси нас и сохрани.

Но не поможет. Не спасет.

Помню, как раньше, в брежневское время великой показухи, милиция практически безнаказанно скрывала преступления, совершенные против рабочего, инженера, учителя (да и работа милиции оценивалась по тому, у кого на территории меньше преступлений — у каждого опера в памяти рассказ о том, как старались сбавить труп на территорию соседей), но что начиналось, когда жертвой оказывался кто-то из правящей элиты, пусть даже районного масштаба! Срывались с мест дежурные, ревели сирены, вытаскивались из теплых постелей начальники рай- и горотделов, и лошадиной рысью мчались служебно-розыскные Мухтары. («Мы сами-то этим собачкам не очень верим, — как-то доверительно сказал мне многоопытный полковник из Московской области, которая, как известно, богата, особенно летом, дачными кражами. — Но раз на дачу приехали к одному зам. министра, воров искать, а он тут же жалобу: «А почему без собаки?» Потому-то на такие кражи их и берем»).

И главное — раскрывали, даже такие безнадежные преступления, как квартирные кражи.

Переход многих преступных авторитетов в разряд преуспевающих бизнесменов, то есть в новую элиту, и заставляет их в первую очередь бороться с «саранчой»: по большому могут ударить, по родному, по живому... Тем более что вырастающая новая поросль — «солдат» преступных группировок — все чаще и чаще трогает уже своих шефов: то на казино, контролируемое боссом, нападут, то его любовницу изнасилуют (вспоминаю только мне самому известные последние примеры).

Когда в Литве был принят закон о борьбе с бандитизмом, аналогичный тому, что был подписан Борисом Ельциным, я спросил у автора того, литовского закона, зама председателя сейма Эгидиуса Бичкаускаса: «А как ты думаешь, можно аналогичный закон принять в России?» «Ни в коем случае! — мгновенно прореагировал Эгидиус. — В Литве я знаю о каждом, кого задержали на тридцать суток. Литва — маленькая. А что начнется у вас, когда, используя подобный закон, одна мафия при помощи милиции будет уничтожать другую мафию?!»

Привлечь мафию для борьбы с «саранчой» означает только одно: открыто пойти на службу к мафии, тем более что сама мафия и продуцирует «саранчу».

Недавно в мордовской колонии я увидел десятки молодых ребят, рядовых бойцов преступных группировок. «Они к нам поступают — и думаете, кто-нибудь из боссов их вспоминает? Все, отработанный пар — ни денег, ни передач», — рассказал мне начальник колонии. Да и зачем, когда лидеры прекрасно знают, что стоит им свистнуть — и прибежит еще сотня таких же. Как-никак бандит — профессия престижная, и многие их этих пацанов уже мечтают о маршальском жезле...

Почему же все яснее и яснее просматривается эта тенденция к легализации мафии? Чтобы сделать ее легитимной? Чтобы узаконить ее место в обществе?

Да в самом характере нашей мафии дело!

Весной в Чикаго вместе с американскими криминологами мы долго пытались найти ответ на вопрос: чем отличается цивилизованная, так сказать, мафия и та, которая существует у нас? Спорили-спорили — и наконец нашли ответ: на Западе мафия — своеобразный вид бизнеса, в основе которого лежат прежде всего пороки человека. Бизнес, с которым общество же само и борется. (Попробуйте в той же Америке продать бутылку виски парню до 21 года! По судам затаскают). Наша же мафия — это прежде всего контроль. Как, впрочем, и социализм.

Часто мы пытаемся сами себя утешить: ну и что же такого? Америка через это прошла. И непременно вспомним: 30-е годы. Чикаго. Аль Капоне и так далее.

Так, да не так.

Американская мафия в 30-х годах поднялась во время сухого закона, Делая бешеные деньги на ввозе всяких напитков и спекуляции ими. Можно сказать — на импорте. Главные же доходы нашей мафии, то есть преступных группировок, стремящихся утвердиться в качестве новой элиты это прежде всего экспорт (и здесь сомкнулись ее интересы со старой, традиционной, социалистической номенклатурой, все еще владеющей и национальными богатствами, и средствами производства, да и министерскими кабинетами). Именно вывоз из страны металла, леса, нефти, оружия, ядерных компонентов и является основной доходной статьей нашей организованной преступности. Этот контроль для нее самый важный сегодня, только он может принести баснословное состояние, а не такие виды дохода, как раньше: контроль за проститутками да ночными торговцами водкой (это-то уже мелочи).

Контроль за экспортом — любой ценой.

Контроль за всем, что только можно контролировать: предприятиями (еще полгода назад первый замминистра МВД России Михаил Егоров официально сообщил цифру: двадцать тысяч предприятий, как приватизированных, так и частных, находятся под контролем мафии), банками (Александр Гуров говорит о 70 процентах, так или иначе ею контролируемых), наконец, самое выгодное, как оказалось, — недвижимость (потому-то почти открыто говорят о том, что, к примеру, московскую гостиницу «Спорт» «взяла» себе солнцевская группировка, а «Славянская» давно контролируется группировкой чеченской).

И здесь-то проходит сейчас главная линия фронта: не между правительством и мафией, а между одной группировкой и другой. Борьба за контроль, за степень влияния, за раздел территорий. Потому-то привычными стали взрывы автомобилей и стрельба на наших улицах!

Вот уж не думаю, что снайперская винтовка да мина замедленного действия — оружие «саранчи», пролетариата преступного мира.

Что же такое в конце концов мафия? Иногда начинает казаться, что это воздух, который тебя окружает, а тебя еще заставляют называть его озоном!..

Слышу, слышу их голоса: а доказательства, а факты?

А кому-нибудь они нужны?

Вспоминаю лишь несколько материалов отдела расследований «ЛГ». Кого-нибудь заинтересовала та цепочка нелегального экспорта цветных металлов, которую проследил Олег Блоцкий? Что, началась паника, когда Кирилл Белянинов вместе со своими коллегами чуть не купил атомную бомбу? Наконец, кто-нибудь — прокуратура, милиция, ФСК, окружение президента — забрал из нашего сейфа документы, разоблачающие Строева и его «Перестройку»?

Что, еще факты? Посмотрите внимательно газеты и проследите за реакцией, которая последовала за самыми разоблачительными статьями, напечатанными там.

Такое впечатление, что страна стала страной сплошь неграмотных начальников.

Да, гласность есть, но общественное мнение отсутствует.

Но не криминальные авторитеты виновны в этом.

Думаю, что и Япончик (Иваньков), живущий в Штатах, и Михась (Михайлов) в Австрии, и Юзбашев в Израиле, Петрик (Петров) в Германии и Горшков во Франции, и десятки других, точно таких же, которые (вновь цитирую интервью Кобзона) «руководят преступной жизнью в России», могут на самом деле чувствовать себя героями нашего времени, находящимися сегодня в абсолютной безопасности. Их еще нужно поймать, их вину — доказать.

Но когда В. Шумейко на служебном самолете прокатился в Диснейленд, когда восемь высших чиновников России неизвестно на какие деньги отгрохали себе особняки на престижной Николиной горе, когда, наконец, за подписью самого президента выходит решение о создании Академии спорта во главе с О. Квантришвили (недавно убитым) и Ш. Тарпищевым, и о том, что Академии спорта (!!) предоставлено право практически на беспощинный вывоз из страны наших национальных богатств, — даже обнародованные, эти факты не вызывают никакой реакции, то о чем речь?

Гласность дали, да забыли, что только при общественном мнении она и есть сила.

Сегодня наша мафия гордится своей благотворительностью — то спортсменам помогают, то бедных стариков подкармливают. Но тот же Аль Капоне много сделал для бедных, и до сих пор в Чикаго вспоминают о его столовых для бедняков, но для людей, называвших себя политиками, было неприемлемо обнимать его. По крайней мере публично...

В мордовской колонии преступный авторитет, один из немногих, которые на самом деле сидят, сказал мне про своего «коллегу» по профессии, взлетевшего в ряды политической элиты: «Если ты вор — так и воруй, а не учи меня каждый день с экрана демократии».

Это, наверное, и есть тот воздух, в котором, как фантомы, все возникают и возникают те, кто сегодня претендует стать и новой элитой, и чуть ли не спасителями отечества.

Нет, слишком все смешалось в доме Облонских, и потому-то так вольготно себя чувствует Жириновский, и потому-то общественное мнение формируется национал-патриотами...

В своем интервью Иосиф Кобзон сравнивает Россию с «лагерем, в котором царит беспредел», и в качестве лекарства от беспредела предлагает систему при которой «начальник лагеря общается с авторитетом», но в какой же лагерь, под начало какого пахана он предлагает.

Ведь и пахан тоже был в нашей истории, да еще какой — Сталин, с такими же манерами «крестного отца», как какой-нибудь его сицилийский коллега: и кровью соратников повяжет, и преданного наградит, и подозрительного уничтожит.

Куда же дальше? Ведь как совсем недавно, при Брежневе, каждый мечтал иметь крышу в лице обкома или КГБ, так и сегодня — почти то же самое — многие мечтают прикрыться бандитской группировкой.

Куда же еще?

И, кстати, самому Иосифу Кобзону за той колючей проволокой жилось неплохо и он был обласкан теми коммунистическими авторитетами.

Мы жили по одним, социалистическим законам, определяющим разные права для одинаковых людей. Еще один эксперимент над собой? Но тогда и законы придется писать «по фене». Да и детей учить переводу с русского на блатной.

Правда, я не уверен, как дети на том, новом уроке переведут запомнившуюся мне еще одну фразу из интервью Иосифа Кобзона: «Вступил в партию в 1973 году. Зачем? Бороться с коммунистами».

17.08.1994

РЯЖЕННЫЕ

Хроника одной провокации: 1980-1994

Ведь бывает же так в жизни: вдруг налетит ощущение предстоящей беды. Это чувство оказывается настолько сильным, что оно целиком поглотит тебя, сломит, прижмет к земле, хотя и ты сам не сможешь сообразить, что и с кем должно случиться: с родными? с друзьями? с самим собой?..

Константин Азадовский (в те годы заведующий кафедрой иностранных языков Художественного училища им. Мухиной) до сих пор отлично помнит, что тогда, 18 декабря 1980 года, он целый день не мог найти себе места. К вечеру же охватила штормовая тревога: не случилось ли чего-нибудь со Светланой, обещала позвонить — не позвонила, дома ее телефон не отзывался..

Неожиданно позвонил малознакомый человек, спросил, можно ли зайти на секунду, посоветоваться по поводу каких-то старинных рисунков. «Заходите», — ответил Константин.

Он появился около семи вечера. Никаких рисунков он не принес. Говорил какую-то ерунду. Потом попросил попить воды.

До сего дня Константин Азадовский так и не уверен, не было ли его путешествие из комнаты на кухню за стаканом воды для странного посетителя теми мгновениями, которые потом привели к двум годам на Колыме...

Ну ладно... О догадках позже.

Тот малознакомый человек ушел. Телефон Светланы не отвечал. Он сел в машину и поехал к ней домой. Дома ее не оказалось.

Он не мог тогда знать, что Светлана Лепилина к этому времени была арестована при входе в его подъезд и давала первые показания, откуда у нее оказался пакет с пятью граммами анаши. Точно так же, как и не мог представить, что последует на утро за ранним звонком в дверь...

«Телеграмма», — услышал он женский голос, но когда открыл, то квартиру заполнила целая группа.

Двое представились сотрудниками уголовного розыска, двоих представили как понятых, двое никак не представились. Предъявили постановление на обыск, подписанное прокурором.

Обыскивать начали с книжных полок. На пятой снизу за книжками нашли пакет с анашой. Пять граммов. Когда зазвонил телефон, один из непредставившихся грубо оттолкнул К. Азадовского. На требование предъявить документы показал удостоверение — «майор милиции Быстров»... Потом появился еще один, которого представили как «специалиста по литературе». «Ага», — сказал специалист, увидев на книжных полках «Перед восходом солнца» Зоценко, «Мы» Замятина, фотоальбом «Марина Цветаева» и другую подобную «антисоветчину», запечатал ее в мешок и унес с собой...

Спустя три месяца К.М. Азадовский был осужден за «незаконное хранение наркотиков» к двум годам лишения свободы, Светлана по аналогичной статье — к полутору годам.

Думаю, да нет, знаю, что тогда, в 1981 году, никто из ленинградской интеллигенции (и тех, кто пытался пробраться в зал районного суда сквозь одинаково стриженных молодых людей, вдруг пришедших на ординарный судебный процесс, и тех, кто услышал об этом странном процессе потом) ни на секунду не поверил хоть в частицу правды в этих приговорах. Все отлично понимали, что наркотики здесь ни при чем: лапа КГБ опустилась на головы двух любящих друг друга людей.

Ленинградские ученые и писатели (включая академика М.П. Алексеева, председателя Международного фонда славистов) робко запротестовали, написали письма в разные инстанции: не верим мы, что Азадовский наркоман. И на Западе поднялся шум: Сергей Довлатов, Иосиф Бродский, другие ленинградцы, которых ленинградские власти заставили уехать из страны, начали кампанию в той, не нашей печати. Нью-йоркский «Новый американец», парижская «Русская мысль», но не только русскоязычная пресса из номера в номер рассказывала об открыто сфабрикованном деле. И серьезные «Монд», «Республика», «Нью-Йорк ревью оф-букс», «Цайт», «Вельт» тоже поместили сообщения об этом очередном ленинградском деле.

То есть на Западе-то шум поднялся, но его отголоски почти не достигали страны, то есть «дело Азадовского» не стало «делом Синявского — Даниэля», «делом Гинзбурга», «делом Бродского». И причина даже не в том, что К. Азадовский был осужден не по политической, а по уголовной статье (не «антисоветчина» — наркотики), но и потому, что сам Константин никогда не числился ни

в диссидентах, ни в правозащитниках, ни в отказниках. Он был, что называется, типичным кабинетным ученым, изучавшим творчество Кюлева, Есенина, Рильке, Пастернака, и статьи, которые им публиковались, имели не вторгавшие в гнев тогдашнее начальство названия (что-нибудь о жертвах психиатрических лечебниц), а, боюсь, мало им понятное (ну, к примеру, «Пейзаж в творчестве К.-Д. Фридриха». Кто такой для них Фридрих, если не Энгельс?). Ну, а что касается Светланы, то о ней, кроме того, что была она любимой женщиной Константина, даже еще и не женой, — то какое было до нее дело мировой, всесоюзной или ленинградской общественности?..

И вот все: суд, этап, Колыма...

Сколько ни писал Константин Азадовский жалоб и из зоны, и уже после, когда снова оказался на свободе, сколько ни доказывал, что из его «дела» торчат уши КГБ, сколько ни тыкал носом юридическое начальство хотя бы в уже неоспоримый факт: почему из пятерых, присутствовавших на обыске, только двое попали в протокол обыска? — ответы были однозначными.

К примеру, из Ленинградской прокуратуры (это уже 1984 год): «Присутствие при обыске указанных Вами пяти сотрудников милиции было вызвано оперативной необходимостью. Посторонних лиц при этом не было. Таким образом, в действиях сотрудников милиции нарушений социалистической законности не усматривается».

Или уже из высшей прокурорской инстанции, за подписью заместителя Генерального прокурора СССР В.В. Найденова (а это год 1986-й): «Оснований для опротестования приговора Куйбышевского районного народного суда г. Ленинграда не имеется...»

Стоп! Думаю, замрет сейчас кто-нибудь из читателей, не оставивших нас. Так история мытарств Константина Азадовского была же опубликована в «ЛГ»!

Правильно, была!

В августе 1989 года «Литгазета» опубликовала мою статью «Дело образца восьмидесятых». О том, как осенью в 87-м году мы направили в Прокуратуру СССР письмо Константина Азадовского и большой группы писателей (а среди них — Даниил Гранин и Вениамин Каверин, Анатолий Рыбаков и Булат Окуджава)

с требованием пересмотра дела К. Азадовского; как мучительно долго молчала прокуратура; как мы направили в Ленинград нашего эксперта, генерал-майора милиции запаса Ивана Матвеевича Минаева (ох, какой удивительной чистоты был этот человек, уже, увы, ушедший из жизни!), который нашел документальное подтверждение, что под видом работников милиции при обыске у К. Азадовского присутствовали сотрудники КГБ Шлемин и Архипов; как снова теребили прокуратуру, направив туда, к ним, разработку И. Минаева; как Генеральный прокурор А. Сухарев внес наконец-то протест и дело было направлено на новое судебное разбирательство; как в течение трех месяцев, дважды откладываясь, шел суд; как на суде выяснилось, что никакого милиционера «Быстрова» в природе не существует и что чекист предъявил Константину поддельное удостоверение; что один понятой был не понятым, то есть человеком, случайно выхваченным из уличной толпы, а бойцом комсомольско-оперативного отряда; как суд, несмотря на все доказательства, не решился на оправдание К. Азадовского, а направил дело на следствие; как в конце концов дело против него было прекращено за отсутствием состава преступления; и как приговор в отношении Светланы был оставлен в силе.

Тогда я писал: «Каждый участник этой истории действовал будто актер, которому дали роль из одного спектакля, а вышел на сцену — и сюжет другой, и костюмы не те, и время какое-то иное...

Да судите сами! Сотрудники одной организации (КГБ) приезжают на обыск, чтобы найти... Уж не знаю, что — динамит, литографический станок, листовки с призывом к свержению Романова, — а ничего нет, даже завалящего револьвера. Из другой же организации (милиции) находят в квартире то, чего, казалось бы, не должны были там (по их собственным, сегодняшним словам) найти! Следовательно, вместо того чтобы выяснить, наркоман ли Азадовский (ведь дело-то по наркотикам!), исследует все, кроме этого, основного... Уж не говорю о «Быстрове», которого, как выясняется, вообще в природе не существует... Прошу С. Степашина (если он на самом деле хочет снять с ФСК тень КГБ) избавиться от своих сотрудников со слишком грязными биографиями».

Игра, игра, был убежден я тогда. Жалко, тогда мне не пришло в голову слово, которое я вынес в сегодняшний заголовок: «Ряженые».

Да, внимательный наш читатель вспомнит, что статья «Дело образа восьмидесятых» была опубликована в августе 89-го года. Но никто не знает другого: эта история должна была увидеть свет куда раньше — в феврале.

Уже висела на стенах нашего начальства сверстанная полоса, уже я позвонил в Ленинград Косте и Светлане: «Все, наконец-то», — уже я представлял, какая реакция будет на следующий день после появления статьи...

И вдруг вечером, буквально за два дня до выхода газеты, статья снимается и оказывается на столе у председателя КГБ В. Крючкова.

— Зачем? Что вы наделали? — помню, чуть не плача, спрашивал у тогдашнего главного редактора.

— Ну, они проверят, разберутся... — смущенно отвечал главный, человек с порядочной биографией, но давно уже сломленный жизнью.

— Да что же тут разбираться-то? Газета уже полтора года разбирается! Прокуратура разобралась, уже суд был!

— Да что вы волнуетесь! Ведь Крючков не Чебриков. Крючков из разведки. Да, из разведки, из разведки... — и главный почему-то открыл лежавший на столе правительственный справочник и стал тыкать пальцем в столбик «В.А. Крючков», под которым была изложена биография этого нашего Зорге.

Потом, помню, я долго не мог уйти из редакции, сидел, смотрел в зимнее ночное окно и никак не мог решиться набрать ленинградский номер..

И потянулись дни, недели, месяцы... Чернота, темень...

Да кто из моих коллег не испытывал такого же тупого отчаяния, когда снимали твои статьи, кромсали тексты, резали по живому?! Твое же собственное начальство заставляло принимать эти правила игры, считая их непреложными...

Время от времени я заглядывал в наши командирские кабинеты. Начальники пожимали плечами: «Ну сам знаешь, где статья...». А один наш тогдашний зам. главного, человек достаточно циничный, чтобы всерьез принимать всякие судьбы всяких газетных персонажей, как-то откровенно сказал: «Да никогда не будет это напечатано, ты уж мне поверь. Я никогда не ошибаюсь...».

Раньше, когда коридоры власти проходили лишь по Старой площади, там, где ЦК, он действительно не ошибался. Но вдруг

коридоры власти ушли в разных направлениях, загадочных даже для него, — уже прошли первые свободные выборы.

Теперь же он ошибся: о том, что КГБ запретило статью, я рассказал многим депутатам и даже зачем-то — кроме письма М. Горбачеву и В. Крючкову — написал письмо Е. Евтушенко. Но прижал Крючкова не он. А в прямом смысле этого слова в перерыве сессии Верховного Совета Галина Старовойтова.

— Крючков сказал, — позвонила она мне поздно вечером, — что КГБ не вмешивается в работу «Литгазеты». Хотят печатать — пускай печатают...

Крючков, естественно, врал.

Наверное, в мае или в начале июня меня вызвал тогдашний наш первый зам. главного «ЛГ» Юрий Изюмов и протянул мне текст.

— Что это? — спросил я его.

— Звонили из КГБ. Передали свои замечания... Я их записал...

Чудом этот лист бумаги, написанный рукой Изюмова, сохранился в моем архиве:

1. «Некая предвзятость в подходе к мат-лу. Автор настраивает читателя на восприятие дела Азадовского как политического, якобы инспирированного КГБ. Пытается провести параллель с массовыми процессами 1937 г. Оснований для этого нет (там внесудебное, пытки и т.д.). Здесь нарушение УПК, работники КГБ не внесены в протокол, за это наказаны (об этом не сказано).

2. Недостаточная объективность в изложении. Следствием и на суде вопрос о полит, нарушениях не поднимался, только о наркотиках. Не ставится автором под сомнение версия Азадовского о причастности сотрудников КГБ к обнаружению наркотиков, а прокуратура это не подтвердила.

3. Автор сообщает о письме прокурора Л-да Азадовскому, но не говорит об отказе в возбуждении уг. дела в отношении рабков МВД и КГБ за отсутствием состава преступления (т.е. подлог с наркотиками судом не признан, как же можно им оперировать)».

Помню, меня тогда удивило только одно — то, что КГБ признало хотя бы нарушение УПК (письмо от зам. начальника Управления КГБ по Ленинградской области В. Блеера К. Азадовский к тому времени еще не получил).

Все же остальное в этой «телефонограмме» было ложью.

И то, что это ложь, знали и те, кто арестовывал Константина и Светлану, и те, кто их судил, и те, кто давал бесконечные отписки.

Брали потому, что были убеждены: никто и никогда не узнает всю, повторяю — ВСЮ правду.

Теперь, в сентябре 1994 года, всю правду знаем и мы. Именно сейчас в Распоряжении редакции оказались документы из секретного архива КГБ.

«Секретно

Экз.1

Тов. Чебрикову В.М.

дано согласие Иванков

доложено 28.IX 88».

«По результатам проверки жалобы Азадовского К.М.» — так значится на первой странице подробной докладной своему шефу московской комиссии, выезжавшей в Ленинград.

После биографических данных К. Азадовского (весьма, думаю, неожиданных для него самого: что его пытались завербовать в КГБ еще когда ему было 19 лет, но ничего не вышло; что «попал в поле зрения КГБ» в 1967 году, что в 1969 году «был профилактирован через общественность, и исключен из аспирантуры», наконец-то все ближе, к 80-му:

«В сентябре 1978 г. в отношении Азадовского заведено дело ДОР «Азеф» с окраской «антисоветская агитация и пропаганда высказываниями ревизионистского характера»».

«Азеф» — это, естественно, сам Константин. «ДОР» — это «дело оперативной разработки», по словам Олега Калугина, последний звонок перед арестом. (Первый «ДОП»: «дело оперативного предупреждения».)

«В материалах этого дела, — цитирую дальше, — имеются данные о том, что Азадовский являлся автором ряда идеологически ущербных литературных материалов, распространял в своем окружении устные измышления, порочащие основателей и руководителей Советского государства, поддерживал связи с иностранцами, в беседах с ними компрометировал проводимые Советским правительством внутривосточные мероприятия...»

Ну и так далее, что же медлить? По той самой, по политической?

Хочется, да, оказалось, не за что:

«В процессе работы по ДОР легализованных (?! — Ю.Щ.) материалов о проведении Азадовским враждебной и иной противоправной деятельности получить не представилось возможным. Тем не менее руководством 5-й службы УКГБ в октябре 1980 г. было принято решение о реализации этого дела путем привлечения объекта к уголовной ответственности за совершение общеуголовного преступления. Тогда же УКГБ проинформировало Куйбышевский РУВД г. Ленинграда о том, что Азадовский и Лепилина занимаются приобретением, хранением и употреблением наркотических веществ, хотя данных об этом в материалах ДОР не имелось (Ю.Щ.)»...

И началась операция.

«Как выяснилось в ходе настоящей проверки, привлечению Азадовского и Лепилиной к уголовной ответственности предшествовали провокационные действия агента-иностранца «Берита» 5-й службы, который в ноябре-декабре 1980 г. был подставлен (!) УКГБ Лепилиной» — это из того же рапорта на имя Чебрикова.

Могла ли знать Светлана, что все — и приглашение на встречу с «испанским студентом» Хасаном в кафе неподалеку от дома, где жил Константин, и джинсы, которые он ей подарил, и «горная трава», которую он дал под видом лекарства от головной боли, да и сам этот «испанский студент», — все, абсолютно все было частью операции КГБ, в которой ей самой предназначалась лишь одна роль: стать поводом для того, чтобы провести обыск в квартире Константина.

Все участники операции подробно описали свои действия в объяснениях высокой московской комиссии в конце 1988 года.

Цитирую: «В середине октября 1980 г. по указанию руководства отделения и отдела мне бывшим зам. начальника отделения тов. Безверховым Ю.А. было передано в производство дело оперативной проверки на «Азефа», заведенное в октябре — ноябре 1978-го г. Мною... был подготовлен план агентурно-следственных мероприятий по ДОР...

К работе по делу на «Азефа» были привлечены другие сотрудники отделения, каждому из которых было поручено определенное направление в работе по объекту и его связям. Мною

в работе по делу на «Азефа» использовались агенты «Юнга» и «Рахманинов», которые практически близких контактов с Азефом не имели, а поддерживали дружеские связи с его сожительницей Лепилиной.

План агентурно-оперативных мероприятий по делу с целью выяснения характера контактов «Азефа» с иностранцами предусматривал подставу (Ю.Щ.) объекту через Лепилину агента-иностранца, находившегося на связи у тов. Ятколенко И.В. Организация работы с агентом-иностранцем была поручена сотруднику отделения тов. Федоровичу А.М. При организации подставы на меня была возложена обязанность вывода Лепилиной через агента «Юнгу» в ресторане гостиницы «Ленинград», что было мною выполнено. С агентом-иностранцем «Беритом» я не встречался...

Моя фамилия стала известна «Азефу» из акта об уничтожении литературы, с которым, по неизвестной мне причине, он был озакомлен.

Начальник 7-го направления 5-й службы УКГБ ЛО майор Кузнецов».

И еще одно объяснение:

«Осенью 1980 года руководством 1-го отдела 5-й службы УКГБ ЛО было принято решение использовать агента-иностранца «Берита» из числа обучающихся в Ленинграде граждан Колумбии в разработке объекта ДОР «Азефа»... С этой целью «Берит»... был подготовлен на нейтральной основе Лепилиной...

В соответствии с отработанной ему линией поведения агент-иностранец выступал перед Лепилиной в роли гражданина Испании...

С санкции руководства во встречах с «Беритом» совместно со мной принимал участие сотрудник 1-го отдела тов. Федорович, который непосредственно обрабатывал «Бериту» линию поведения в отношении Лепилиной. Кроме того, в одной из встреч с «Беритом» участвовал начальник 1-го отдела 5-й службы УКГБ ЛО тов. Николаев...

Насколько мне известно, в декабре 1980 г. руководством отдела 5-й службы УКГБ ЛО была разработана агентурно-оперативная комбинация, направленная на возможное задержание Лепилиной с поличным. Накануне «Берит» условился о встрече с ней в кафе на улице Восстания... Учитывая, что сам

«Берит» ранее употреблял наркотики и имел дома небольшой запас анаши, ему тов. Федоровичем было разрешено принести наркотики на встречу с Лепилиной...

Кроме того, тов. Федорович передал «Бериту» импортные джинсы, которые тот также должен был предложить Лепилиной.

18 декабря 1980 г. «Берит» встретился с Лепилиной в кафе на ул. Восстания, где передал ей для реализации джинсы и пакет с наркотиками... Контроль за ее действиями осуществлялся службой НН (наружное наблюдение. — Ю.Щ.). Сам я в момент мероприятия находился в помещении кафе на ул. Восстания на случай непредвиденной ситуации...

Офицер действующего резерва КГБ СССР подполковник Ятколенко И.В.» И еще одно:

«По указанию тов. Николаева Ю.А. и тов. Алейникова В.П. я был подключен к оперативной группе милиции с целью проведения обыска на квартире Азадовского К.М. под прикрытием работника милиции Быстрова Виктора Ивановича (грамотнее, наверное, было бы написать — под прикрытием документов никогда не существовавшего Быстрова. — Ю.Щ.).

Ст. оперуполномоченный 1-го направления 5-й службы УКГБ ЛО майор Архипов»...

Еще об участниках этого маскарада?

Почему-то в объяснении майора Кузнецова была опущена одна существенная деталь, та, на которую потом обратила внимание московская комиссия, докладывавшая Чебрикову:

«Из имеющейся в материалах ДОР сводки мероприятия «С» видно, что накануне обыска Азадовского (после задержания Лепилиной) его квартиру посетил агент 5-й службы УКГБ «Рахманинов». Однако никаких документальных данных о цели и результатах посещения им Азадовского в ДОР не имеется. Сотрудник т. Кузнецов А.В., у которого источник находился на связи, в беседе пояснил, что «Рахманинов» направлялся домой к Азадовскому по его заданию с целью выяснения обстановки в квартире, хотя это не вызывалось оперативной необходимостью, так как в августе 1980 г. в его жилище проводилось мероприятие «Д»...

Мероприятие «С» — прослушивание телефона. Мероприятие «Д» — негласный обыск. А агент «Рахманинов» — тот самый

странный визитер, который попросил Константина принести ему воды из кухни. Чтобы иметь возможность остаться одному возле книжных полок, на пятой из которых и был найден пакет с анашой. Те же 5 граммов, точно такого же состава, какой был накануне обыска найден у Светланы...

Какая все-таки гнусная история! В справке на имя Чебрикова действия сотрудников УКГБ были названы «неправомерными». Но не потому, что была совершена провокация по отношению к двум ни в чем не повинным людям. Нет! Цитирую: «Рядом руководящих и оперативных сотрудников Управления были допущены серьезные нарушения приказов и указания КГБ СССР, что привело... к расшифровке (! — Ю.Щ.) перед Азадовским проводимых в отношении него мероприятий, связанных с его привлечением к уголовной ответственности, что в последующем и послужило поводом для написания им жалоб»...

И без всякого стеснения сказано:

«За серьезные просчеты при осуществлении разработки и реализации дела на Азадовского, повлекшие расшифровку (! — Ю.Щ.) интереса органов госбезопасности к объекту, объявить подполковнику Безверхову Юрию Алексеевичу, майору Кузнецову Александру Валентиновичу замечание».

Нет, не в том виноваты, что отправили Константина на Колыму, в лагерь Светлану, не в том, что сломали жизнь людям, а в том, что сработали грубо, засветились, не сумели спрятать себя.

И характерен финальный абзац справки, представленной Чебрикову: «По поводу настоящей жалобы Азадовского сообщить ему, что Установлен факт неправомерного участия сотрудников УКГБ по Ленинградской области в проведенном и у него обыске (всего то! — Ю.Щ.), и разъяснить заявителю, что к ним будут применены меры дисциплинарного воздействия».

Формула, которая потом переходила из ответа в ответ. Из одного лживого ответа в другой.

Да, они все все знали. Знали и ввали! И тогда, когда Константин боролся за собственную реабилитацию, и позже, когда он боролся за реабилитацию Светланы.

Ввали и в 80-м, и в 89-м, и даже в конце 1993 года.

Врали, когда через Ю. Изюмова (сегодня он редактор «Гласности») обманывали «Литературную газету».

Врал первый заместитель председателя КГБ А. Олейников, сообщая К. Азадовскому в октябре 1991 года: «Данных о воздействии КГБ СССР и УКГБ по Ленинградской области на правоохранительные органы при возбуждении, расследовании и пересмотре уголовных дел на Вас и Вашу жену Лепилину С.И. в результате проведенных проверок и служебных расследований не получено...».

Врал первый зам. Генерального прокурора Российской Федерации Е.К. Лисов, спустя год, в декабре 1992-го года, сообщивший: «К задержанию Лепилиной с наркотическим веществом, возбуждению и расследованию уголовного дела сотрудники КГБ отношения не имели».

Врал начальник следственного управления Министерства безопасности России С.Д. Балашов, сообщая председателю Комиссии Верховного Совета РФ по реабилитации жертв политических репрессий А.Т. Копылову (это уже май 93-го, что уж сейчас-то скрывать!): «Из сохранившейся копии обобщенной справки, доложенной руководству бывшего КГБ СССР (только что я цитировал ее. — Ю.Щ.) усматривается, что 18 декабря 1980 г. один из иностранцев (знал Балашов, знал, что это за иностранец! — Ю.Щ.), знакомый сожительницы Азадовского К.М. Лепилиной С.И., передал ей наркотическое вещество (анашу), с которым она была задержана сотрудниками милиции...».

Врал прокурор Московского района Санкт-Петербурга А.М. Бородин, не находя повода возобновить уголовное дело Светланы Лепилиной (а это уже 31 декабря 1993-го!): «Необходимо прийти к выводу, что в отношении Лепилиной провокации не было».

Какая, повторяю, гнусная история... Кстати, мне особенно интересно было прочитать, как все действующие лица этого безумного фарса объясняли свои поступки уже в 1993 году, когда по требованию российской прокуратуры они впервые были вынуждены давать показания следователям городской прокуратуры.

Так, И. Ятколенко (в ноябре 93-го зам. начальника отделения службы Управления МБ по СПб) утверждает: «Я сейчас не помню весь наш разговор, но со слов «Берита» он не заставлял Лепи-

лину брать наркотики. Лепилина взяла их сознательно, будучи осведомленной о том, что она берет именно наркотики».

А Ю. Николаев (сегодня зам. председателя банка «Россия») пытается доказать, что «инициатива в получении наркотиков исходила от Лепилиной» (особенно меня умилило, как даже сегодня пытаются доказать участники этой «операции», что 5 граммов анаши — а это набить пять папирос! — Светлана хотела... «продать». — Ю.Щ.).

И как А. Кузнецов (сегодня начальник службы с.-петербургского ФСК) оправдывается: «Кто-то из начальников отдела объяснил мне, что я должен выехать по месту жительства Лепилиной, где работники милиции будут делать обыск, что я и сделал. В адресе был старший оперуполномоченный отдела Поздеев (тот пятый, кто как «консультант» присутствовал при обыске в квартире у Константина; сейчас он, кстати, член Союза писателей, подписывающийся псевдонимом Кренев и регулярно публиковавший свои статьи в газете «День». — Ю.Щ.), который должен был оценить литературу, хранящуюся у Лепилиной, в плане ст. 70 УК РСФСР, а я в большей степени должен был учиться, так как это был первый обыск в моей служебной деятельности».

И как бывший шеф 5-й службы В.П. Алейников (сегодня работает консультантом в Совете по туризму и экскурсиям в Санкт-Петербурге) вдруг вспомнил, что «оперативное дело в отношении Азадовского, в рамках которого проверялась Лепилина, точнее, план по нему, утверждал Калугин Олег Данилович».

(Я позвонил Олегу Калугину и выяснил, что в то время он как первый зам. начальника курировал Ленинградскую область, а не город и потому никак не мог утверждать чужое дело. Но, по его словам, именно в это время, когда вновь началось расследование по этому старому ленинградскому делу, вдруг пошли к нему домой анонимные звонки с угрозой «разоблачить» его перед демократической общественностью.)

Врут не краснея. Живут не раскаиваясь...

18 апреля 1994 года старший прокурор отдела Управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации Н.Н. Дедов отменил постановление прокурора Московского района А. Бородина и направил это дело в суд.

1 июня этого, 1994 года президиум Санкт-Петербургского городского суда признал Светлану Лепилину полностью невиновной. И я сам, по-моему, впервые прочитал в судебном приговоре: «Привлечение Азадовского и Лепилиной к уголовной ответственности явилось результатом провокационных действий...».

Провокация, которая растянулась по времени почти на целых пятнадцать лет...

Эту историю я хотел закончить одним — требованием возбудить Уголовное дело против всех участников этой провокации по статьям Уголовного кодекса, карающим преступления против правосудия (и прошу Генеральную прокуратуру России рассматривать эту публикацию в качестве основания для возбуждения уголовного дела).

Но потом понял, что эта история не только о том, как машина власти накатывается на человеческую личность. Нет, она еще и о мужестве сопротивления истинного интеллигента.

Повторяю, не был Константин Азадовский ни диссидентом, ни правозащитником, ни отказником.

Он просто боролся за честь и достоинство и себя, и любимого им человека. Можно согнуть интеллигенцию (сколько сгибали!) — сломать невозможно.

И нечего говорить, что все это прошло, кончилось, погребено в рыночном море. Не надо! Всё есть, всё осталось, всё в крови, всё в окружающем воздухе!

И эта история, решил я, — еще одно тому свидетельство.

Но потом подумал-подумал и решил: да нет! О другом эта история.

О любви...

Да, о любви!

Жили-были ОН и ОНА. Для того чтобы арестовать ЕГО, нужно было арестовать ЕЕ.

На следствии ОНА оговорила себя, что это ЕЕ пакет с пятью граммами анаши был найден на ЕГО книжной полке, думая, бедная, что этим ОНА спасет ЕГО, не подозревая тогда, что нужен-то был ОН.

«Мой бесконечно родной, мой добрый и несчастный. Я ежедневно и ежечасно думаю о тебе. Сколько бы лет мы ни получи-

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

ли, где бы мы ни были, я всегда с тобой. Если освобожусь, сразу же найду тебя. Держись, роднуля».

Это записку Константин написал Светлане из камеры в камеру. Ее перехватили в ленинградских «Крестах».

Записка от НЕГО к НЕЙ так и осталась лежать в ее уголовном деле.

Тогда ОНА ее не получила.

28.09.1994

ЗА РОДИНУ?! ЗА МАФИЮ?

Февраль. Чечня. Война

«Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними... Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за нами тащилась заряженная пушка, с зажженным фитилем... Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению...»

Александр Пушкин — брату Льву, 24 сент. 1820

Власти, хватит врать!

Из Грозного — из этого крошечного ада, смерти, грязи, крови, страха, из этого города (вернее из того, что раньше было городом), где так переплелись политическая подлость и человеческое мужество, захолустный Моздок представляется сияющим Парижем: свет, просто свет, вода, просто вода, тишина, просто тишина...

Так вот, власти, слышали бы вы, как люди, очутившись после грозненского ада в моздокском раю, материли ваши очередные заявления в программе «Время» и о «втором этапе операции», который будто бы уже давно начался, и о «замене армейских частей частями МВД», и о «переходе власти к оппозиции».

Перед отъездом из Моздока столкнулся случайно с ребятами из ярославского ОМОНа: отвоевав здесь свое, они вернулись, чтобы перевезти на родину тело своего убитого товарища. Спросили, давно ли я из Грозного? Ответил, только что. «Ну как там сейчас?» — спросили меня. Рассказал о том, чему сам был свидетелем. «Понятно, — мрачно вздохнул один из парней. — А мы еле получили автоматы... Нас все убеждали, что в Грозном сейчас уже все тихо: «обойдетесь пистолетами»...».

И не позабуду, как в самом Грозном услышал от заросшего, как и все здесь, капитана: «Какая-то газета попалась... Читаю, что дети в Грозном пошли в школу... — И, помолчав, зло бросил: — Суки... Теперь вообще ваших газет никогда не буду читать...».

Война в Грозном. Самая настоящая война. Никого еще внутренние войска не заменили: вместе сражаются с армией. День и ночь тяжелая артиллерия обстреливает районы города, которые находятся под Дудаевым (по разным подсчетам, он контролирует от 40 до 50 процентов территории города). А внутренние войска не располагают тяжелой артиллерией! В городе постоянные передвижения танковых колонн. И танков тоже нет у внутренних войск! Наносят бомбовые удары самолеты — тоже ведь армейские.

Я говорю о том, что сам видел на прошлой неделе, то есть спустя десять дней, когда Борис Ельцин публично объявил, что «первый этап операции завершен»...

Здесь проходит настоящая линия фронта. Здесь — наши, а рядом, где соседняя девятиэтажка, — уже они, наши, ставшие волей бездарных политиков не нашими, чужими, противниками, врагами.

Уже забылось, как и не было, что когда-то ели кашу из одного солдатского котелка — все же прошли одну армейскую школу! — что вместе проходили военную подготовку в вузах, да и с преступностью, было время, тоже боролись вместе. Не говорю уж о том, что вместе жили в одной стране...

Теперь — все, теперь — война, со своими собственными законами, с примерами великого мужества и беспредельной подлости, со своими подонками и героями, с вдруг просыпающимся милосердием и, куда чаще, с проявлением нечеловеческой, звериной жестокости.

И с одной, и с другой стороны.

Потому-то на тебя посмотрят, сомневаясь в твоей умственной полноценности, если одним ты начнешь рассказывать о гуманизме чеченской стороны по отношению к российским пленным, а другим, как российские солдаты делятся последней банкой тушенки с чеченскими детьми.

Хотя есть и то, и другое. Но для тех, кто сегодня воюет, это уже не имеет никакого значения.

Туман, вертолет не полетит... Говорят, формируется колонна на Грозный, с такой же тщательностью и мерами предосторожности, как в пушкинские времена. Только вместо казаков с пушками — БТР с нацеленным пулеметом. Первая примета войны —

разбитые танковыми гусеницами дороги и грязь, грязь, грязь... Тащимся еле-еле. Потом окажется, что дорога от Моздока до Грозного — это всего ничего, сто тридцать километров — займет семь часов. Будто на лошадях. «Мечтательному воображению» ничего не предстает. Хватает и без того, что видишь... Убитая корова на обочине. Метрах в пяти — убитый теленок. До Грозного еще километров пятнадцать. Потом увижу уже на улицах самого Грозного неубранные трупы: женщина, прикрытая мешком, два молодых парня в штатском... Услышу: «Ну что ты! Разве сравнишь с тем, что здесь было десять дней назад...». Потом уже перестану удивляться.

Центр Грозного контролируется криминальной милицией, отрядами ОМОНа, собранного со всех концов страны, офицерами внутренних войск и гвардией Главного управления по организованной преступности МВД — СОБРами: специальными отрядами быстрого реагирования. Созданные три года назад, они предназначались прежде всего — да и только! — для борьбы с вооруженными преступными группировками, оккупировавшими наши города. «Не знали, для чего едем, а оказалось, прямо в бой, на позиции», — говорит мне один из собровцев. Сегодня они пользуются здесь непререкаемым авторитетом, в отличие, кстати, от «Альфы», которая, по словам многочисленных свидетелей, если и появляется в городе, то только для сопровождения очередного высокого начальства и, как правило, поражая — и зля — тех же собровцев чистенькой, выглаженной униформой. Каждый командир армейского батальона мечтает получить к себе хотя бы одного собровца: они незаменимы хотя бы потому, что их полуобученные солдаты чувствуют себя рядом с ними увереннее. Да и молодые офицеры тоже.

Что означает сегодня в действительности контроль федеральных войск над городом? Что такое очищенные от боевиков кварталы?

Штаб группы МВД находится на территории молокозавода. Отсюда уходят в рейд БТР, сюда — практически ежедневно — привозят раненых, здесь у ворот каждое утро собирается толпа мирных жителей, в основном русских. В штабе работает и оперативно-следственная группа, задача которой пока не очень-то ясна и для самих ее участников.

«К нам привозят тех, кто подозревается в принадлежности к боевикам, но доказать, боевик ли этот человек, практически невозможно», — признался мне молодой офицер из московского РУБОПА.

С оружием сюда не доставляют, доказать, что человек только что выстрелил и, выйдя на улицу, превратился в мирного прохожего, невозможно.

Самых подозрительных доставляют в Моздок. Там фильтровочный пункт, в котором (по крайней мере в прошлую пятницу) находилось 24 человека (недавно было около трехсот — остальных освободили).

Все жалуются на жестокие избиения оминовцами на пути в фильтровочный пункт, который представляет собой несколько «столыпинских» зарешеченных вагонов.

Серьезных обвинений пока почти никому не предъявили, да и надежда на то, что попадутся закоренелые преступники, находящиеся в федеральном розыске, пока тоже не очень оправдываются: таких пока трое. Но, думаю, часть задержанных находится сейчас в изоляторах Краснодар, Ставрополя, Ростова (подобные факты «ЛГ», кстати, недавно приводила).

Да и серьезно о расследовании пока, мне кажется, еще никто и не думает: не до того! Стреляют, стреляют постоянно и здесь, в так называемых «очищенных районах». Но если в контролируемых Дудаевым районах идут боевые действия, то здесь — партизанская война: Особенно достается блокпостам, которыми, как вешками, огородили свое влияние федеральные войска и МВД.

В подконтрольном МВД центре города таких постов — шесть, каждый из них практически ежедневно подвергается нападению. Мне рассказали, как действуют эти «партизаны»:

— Они шмальнули — и переместились. Если танк идет — танк подбили. Если БТР... Пока ребята выскакивают в панике, те постреляли — и отошли. Вы представляете, как можно воевать, если противника не видишь? Из пятиэтажных, из девятиэтажных, из любого угла стрельнул — ну как можно воевать?

— То есть, — уточняю, — все это происходит в очищенных районах.

— Да, появляются... И днем, и ночью... Это мне рассказывали, я не был очевидцем. К нашему блокпосту подъехали «Жигули»... Где-то в районе моста через Сунжу. Два автоматчика и грана-

тометчик. Первый раз промазали, второй — точно. Постреляли, сели в «Жигули» и уехали...

(Имя и звание этого своего собеседника не указываю, впрочем, как и всех остальных, с кем я говорил: и не только потому, что большая часть из них работает в районе боевых действий под псевдонимами — многие назвали своим родным и близким совсем другие адреса командировок, более тихие и спокойные).

Но в «очищенных» районах они становятся мишенями не только для чужих, но и для своих — особенно из-за несогласованности действий армии и внутренних войск. И часто чужой снайпер начинает пальбу между двумя блокпостами, армейским и милицейским, начинается стрельба, и уже непонятно, чья пуля ранила тебя или оборвала жизнь.

Мы сами заехали в такое вот «очищенное» место — туда, в центр Грозного, где и места-то живого не осталось, и если можно восстановить здесь что-то, то только сдав в аренду эти развалины Голливуду. Заехали — и попали под огонь снайперов. «Разворачиваемся», — крикнул Юрий, — командир соединенного СОБРа, когда пуля пробила колесо БТРа, и потом долго матерился, вспоминая танкистов, которые снялись, никого не поставив в известность. Снялись — и тут же появились снайперы. (Юрий Зайцев, руководитель СОБРа Западносибирского регионального управления по борьбе с организованной преступностью. «Я могу назвать твое имя?» — удивленно спросил я его. «Я еще буду бояться каких-нибудь наших сибирских бандитов?»)

Да, нет в Грозном спокойных мест! Война идет, война... Война, которую и сравнить-то не с чем даже закаленным мужикам из МВД, которых закидывало от Сумгаита до Карабаха, от Осетии до Оша.

Вот еще один разговор — между двумя собровцами из Московской области: их рубеж — на юго-западе от Грозного (привожу его так, как он остался на диктофонной пленке):

«Мы работаем на бывшей ракетной базе стратегического назначения... Там очень сильный укрепленный центр, оборудованный противовоздушной обороной... С большим количеством ДОТов, ходов сообщения... Оружие очень современное... Очень серьезные подземные коммуникации...

Кто все-таки воюет с той стороны?

— Контингент очень большой.. Есть просто чеченцы, но очень много и профессионалов.

— Видели ли вы наемников?

— Мы шестнадцать человек задерживали, из них 12 — грузины.. То, что украинцы воюют, — это однозначно. Прибалтов много, и, как ни странно, очень много наших, россиян.. Из Ленинграда девчонка.. Воюет здесь как снайпер.. На этом делают деньги — и деньги не слабые.

— Откуда вы знаете?

— Из показаний пленных.. Они получают тысячи долларов в сутки.. Помимо того, 400 долларов за убитого солдата, 800 — за офицера.. По 3000 они платят за нас.. У них очень хорошо развита система контроля: за каждым таким специалистом закреплены как минимум два чеченца, которые следят за профессионалом..

— А все эти истории про девушек-снайперов?

— Это чистая правда.. Одну лично видел: девчонка мастер спорта по биатлону, 17 лет.. Восемнадцать человек убила.. Так она показала на допросе..»

Повторяю, привожу разговор такой, каким он остался на диктофонной пленке: ни подтвердить, ни опровергнуть этот рассказ я не могу. Но свидетельств о наемниках становится все больше и больше: в кармане одного из них, убитого в бою, был найден список наемников с фамилиями и адресами, и среди них действительно есть жители России, в том числе и москвичи; офицер-связист рассказал мне, что сам слышал, как команды дублировались на русском, украинском, литовском, польском языках; коллега привез паспорт убитой снайперши, украинской гражданки.

Да, свидетельств много, только живьем их никто не видел: по многочисленным рассказам, наши солдаты просто не довозят до тыла, и сейчас даже не хочу повторять многочисленные истории, как именно заканчивается их жизнь на передовой.

А вот мнение заместителя командующего внутренними войсками МВД России, с которым я встретился в Моздоке, о том, кто же сегодня противник федеральных войск:

Во-первых, это то окружение Дудаева, которому уже нечего терять: при другом правлении сами же чеченцы этим людям головы оторвут. Вторая группа — наемники, и, наконец,

третьи — это те, кто стал нашим противником в результате боев: не за Дудаева они идут в бой, а мстить за своих погибших родных...

Город, город... Я никогда в жизни не видел таких городов. И не думал, что когда-нибудь увижу. Выбитые окна пятиэтажки... Кажется, все, все... Не может быть мертвее дома. Но вдруг на одном подъезде написанная от руки табличка: «Люди на первом этаже», а рядом, на другом доме, красный крест и другая надпись: «Здесь люди»... Дверь медленно открывается, выходит женщина, безучастно провожает глазами БТР... Старушка тащит санки с мешком... Толпа возле Красного Креста, надеющаяся хоть как-то вырваться из этого ада...

Спрашиваю, где же вы берете воду? Старик отвечает: «Собираем в лужах...» Другой старик. «Вы совсем не боитесь стрельбы? Вы даже не вздрагиваете при звуках выстрелов?» — «Я боюсь только одного... Когда постучат в дверь». — «Кто, кто постучит?» — «Чеченцы...» А тяжелые гаубицы все лупят, лупят по южным окраинам Грозного... Видны три далеких пожара... Как снаряды-то отличают, где друг, а где враг, если и человек сегодня не может отличить?.. Блокпост 6 считается самым опасным: вчера здесь ранило троих омовцев, слава богу, все остались живы... Блокпост — это развалины когда-то добротного дома в два этажа... Минный обстрел. Все, кроме меня, кажется, уже к этому привыкли. Сидят за столиком во дворе и наливают чай из жестяного чайника... Парень с кинокамерой, думаю, коллега. «Нет, я из краснодарского ОМОНа... Для истории...» Приезжает новая смена — она пробудет здесь сутки. Подходит омовец из новой смены: «Странно, что вы приехали сюда». — «Почему?» — «Но вы же, как я знаю, гуманист и демократ»... И я так и не смогу понять, что, какой смысл вкладывал в эти слова этот парень, который уже через минуту сидел у оконного проема, положив автомат на кирпичную кладку...

Сейчас, наверное, пора объяснить один парадокс.

Люди, которых я увидел на этой войне, не только не профессиональные военные (кроме, естественно, офицеров внутренних войск, да и то главное тяжелое оружие которых — хрупкие БТРы), но и в самой меньшей степени ответственные за ошибки политиков в чеченском конфликте: дали приказ, сказали «надо»,

не объяснив толком, что же ждет их — профессиональных борцов с профессиональной преступностью. Они умеют анализировать, искать доказательства, проводить облавы и рейды, естественно, стрелять, некоторые из них — те же собровцы — хорошо владеть различными боевыми приемами. Их враг — мафия, которая при всей своей мощи еще не докатилась до фронтовых операций.

И вот они здесь. При мне у собровцев радость: первый раз за двадцать дней добыли кровати, до этого спали где придется. Остальные условия? Без условий. Деньги получают по возвращении — по два оклада. «Сколько?» — спрашиваю. Один отвечает: восемьсот тысяч, другой, постарше званием, — миллион. Еще один сказал, что как бы все не вычли: дали денег на гостиницу, а какая здесь гостиница? Как отчитаться? А деньги уже у семи...

Да, можно сказать, что им надоела Чечня как криминальная зона: фальшивые купюры (их столько нашли — дудаевский дворец можно оклеить), террористы, просто бандиты, которых ищет вся Россия. Не говоря уж о том, что им, профессионалам, был заказан въезд на территорию Чечни: из Франции и то легче выудить нашего гангстера, чем отсюда. Но, с другой стороны, им не пришла бы в голову, допустим, идея, сровнять с землей московское Солнцево только потому, что там была рождена знаменитая солнцевская мафия! Хоть и люди служивые и привыкшие к риску, они в принципе люди мирного времени.

А здесь стали людьми войны. Гордятся тем, что их раненные скрывают свои раны, чтобы не уехать в тыл. Довольны, что профессиональные военные признают их авторитет. Да даже тем хотя бы, что внутренние войска (хоть и другая служба, но все же свое МВД) понесли потери неизмеримо меньшие, чем регулярная армия, — ясно, это дает им право чувствовать себя куда более уверенными, чем соседям, армейским офицерам.

Нет, они не говорят о «матушке России», о «сохранении территории», о «национальных интересах» (вообще я заметил: всякие подобные слова звучат тем громче, чем дальше звук боев), этих мужиков волнуют более земные проблемы: мину прямо перед эшелонам вытащили, БТР сломался, снайперы расшумелись.

Повторяю, я приехал к людям, с многими из которых меня связывают профессиональные интересы, а с некоторыми — даже давно уже знаком.

Но недели, а у некоторых — уже и месяц войны (о количестве проведенных дней в Грозном можно судить, какая у кого выросла борода) превратили их в совсем других, незнакомых мне людей.

Какой мир! Какие мирные переговоры! С кем? С этим бандитом? После того как столько наших ребят полегло? — вот был всеобщий ропот на мои робкие слова, что не может же так продолжаться еще и еще: тупик, а за ним — пропасть...

Больше того! Они кричали на меня, как будто я журналист в одном лице, единственный во всей России: «Хватит нас-то оплевывать! Что, мы самые виноватые?..», «Чеченцы люди, а мы тогда кто?», «Где же вы были раньше со своими правами человека, когда в Чечне был полный геноцид русского населения? Почему не возмущались тогда, когда за бесценнок заставляли продавать свои дома?»

Я им говорил о разоренном городе, а они мне: «Почему же вы не напишете, как они повесили вниз головой 11 солдат на здании Совмина?» Я о том, как армейский капитан положил из автомата четырех мирных жителей, абсолютно не причастных к тому, что из его батальона в живых осталось только шестеро солдат, а они мне о том, сколько они нашли в чеченских домах с разграбленных поездов.

И я понимал их личную правоту—каждого в отдельности, пережившего за эти дни здесь такое, что в страшном сне бы им не приснилось, но я знал, что где-то в другом подвале другого дома кто-нибудь из моих коллег точно так же, сидя с чеченскими боевиками, слушает о пытках, которым подвергают русские солдаты чеченцев, и о своих молодых ребятах, которые ранеными остались в строю, и о мужестве и подлости, которые всегда соседствуют в любой войне, и, конечно, о разрушенных домах, и об унижении, и обо всем, обо всем, что и они пережили за эти дни. И, возможно, точно так же и мой коллега услышит грозный ропот в ответ на свой вопрос: «Может быть, хватит? Может быть, пора кончать? Может быть, все-таки мир?» А после снова — слова о родном доме, вообще о Родине, вообще о свободе...

Может, война — это зеркало, в которое смотрит человек и не может в нем узнать себя самого?

Что-то не так в этой российско-чеченской баталии. При всем идиотизме войн в них обычно присутствует хоть какая-то, но логика.

Ведь не успели мы стать враждебными друг для друга народами — всего-то и прошло три года, что за срок для истории? Даже в удостоверениях сотрудников полиции Республики Чечня текст написан на чистом русском языке, и если уж и отличаются они от московских, то только печатью: вместо птицы — животное, то есть вместо орла — волк.

Нет, что-то есть нехорошее в этой войне.

И даже, боюсь, не в зеркало мы смотрим — друг на друга, — позабыв уже, как выглядим на самом деле.

Из-за какого-то другого стекла другие люди насмешливо наблюдают, как ручеек крови превратился в полноводную реку.

Кажется, наконец-то я понял, что же произошло. Эта война — чудовищная игра, в которую заставили играть, падают за смертью по настоящему, сотни, сотни и сотни тысяч человек.

Оружие. Нефть. Золото. Деньги. Те, кто не воюет. Возможно, эта цепочка слов и поможет наконец-то восстановить утраченную логику событий в Чечне.

«Это был как сон... — рассказывает мне парень из СОБРа. — Мы шли с Серегой, и он вдруг крикнул: «Смотри, бронезилет на снегу... Давай возьмем». Мы подошли ближе. Да, это был бронезилет, но — на обезглавленном теле. И ты знаешь, вдруг уже ничего не сработало. Я ничего не почувствовал...» Да, к этому быстро привыкаешь, слишком быстро. Уже на второй день я отметил в себе, что уже почти не реагирую на выстрелы. Военные медики мне сказали, что оптимальный срок пребывания в боевых условиях — две недели. Потом у человека наступает апатия, и ему уже безразлична не только чужая жизнь, но и своя... Убежден, что большинству из тех, кто попал на эту войну, раньше не приходилось стрелять в человека. Теперь для них это уже стало нормальным: и стрелять, и рассказывать о том, как он стрелял. Вот типичный рассказ, услышанный мной: «Мы прочесывали квартал. Задержали человека, чеченца... «Что вы, я из оппозиции...» Мы отпустили его, и он уже зашел за угол. И тут к нам подбегает женщина: «Он же боевик, зачем вы его отпустили?»» «И что вы?» — спрашиваю. — «Ну, догнали, завели за угол... Все...» Но куда больше — хотя, казалось бы, куда больше, — чем смерть, бесит грязь, наверное, неизбежная в таких странных войнах. Полковник внутренних войск рассказывает: «При-

бегают армейский генерал. Срочно требует машины для вывоза беженцев. Я даю... Потом вижу толпу беженцев: «Вы почему не уехали?» Отвечают: «У нас не было долларов...» Я кидаюсь в свой БТР, догоняю этого гада... Собровцы заломили руки... Жалко...».

Заметил, что в городе совсем не осталось ни птиц, ни животных. Единственного, кого видел, был котенок, живущий в подвале на молокозаводе. Офицеры называли его Дух.

«Курапаткины х-вы...» — мягче слов по отношению к нашим военачальникам мой собеседник не находит, вспомнив вдруг российского генерала, чье имя стало символом поражения в войне, которую Россия позорно проиграла в начале века. «Шестого января мы с мужиками собрались — изо всех подразделений, чтобы самим подсчитать, сколько же полегло в этом бездарном наступлении». — «Ну и сколько?» — «По нашим подсчетам вышло около пяти тысяч... — И, помолчав, добавляет: — волочи...» Все чаще и чаще я слышу здесь это слово. Это и еще более резкие... Те, что не выдержит газетная страница... «Они были, как зомби — рассказывает еще один мой собеседник о пацанах, которые и стрелять толком не научились. — Минный обстрел, а они медленно кладут на землю автоматы и так же медленно расходятся в разные стороны. Мы смогли сделать только одно — повалить их на землю под хоть какое-то укрытие...»

Мне удалось встретиться с несколькими участниками этого позорного похода на Грозный.

Наступление началось 30 декабря (а не 31, как писали в газетах). Оно шло тремя колоннами по трем дорогам. Сначала, еще не доходя до Грозного, в ночь с 30 на 31 декабря, попали под бомбы собственных самолетов. «Я звоню генералу Р.: «Вы сошли с ума! Что вы делаете!»... Он мне: «Найдите и расстреляйте этого наводчика...» Мы находим наводчика: «Но я наводчик армейской авиации, а бомбит вас фронтовая...» — слышим в ответ...» — это свидетельство подполковника Р.

Но это были не единственные жертвы еще во время прохождения колонн на Грозный: из-за несогласованности действий армии и внутренних войск то и дело начиналась стрельба друг по другу.

Танки входили в Грозный, как на парад, с поднятыми вверх дулами. Они шли уверенно и спокойно, по ним никто не стре-

лял до того, как они оказались в узких улочках центра. Потом взлетела зеленая ракета... Наперерез первому танку выскочил гранатометчик... Подбили первый, последний и танк в середине колонны... Потом, потом уже все было кончено, тем более что пехота, которая должна была сопровождать танки, опоздала на три часа.

Но именно в эти часы милицейский генерал Воробьев совершил подвиг, о котором сейчас вспоминают его подчиненные: когда первых три его БТР были подбиты, он остановил свою колонну, понимая, что дальше он ведет ее на бессмысленную гибель. В рациях слышались крики: «Вперед! Это приказ первого!..» Это приказ наиглавнейшего!.. Он не пошел, и неизвестно, как бы сложилась дальнейшая его судьба, если бы спустя несколько дней он не погиб...

Не хочу оценивать стратегию и тактику наших военачальников, пославших на смерть тысячи солдат и офицеров. Хотя не понимаю, почему только лишь седьмого января (по словам офицера-связиста) наши войска получили аппаратуру, способную глушить переговоры дудаевских войск. Тем более не понимаю, почему не до, а после взятия дворца Дудаева (вот уж не думал, наверное, архитектор, проектировавший здание обкома партии, что он строит дом с вполне аристократическим названием) стало известно о существовании под центром города двадцатикилометрового туннеля, сообщавшегося с обкомом, по которому вполне могла пройти колонна танков: не Дудаев же его строил! И не знаю, почему только сейчас, уже в январе, стало известно, что еще в 1992 году в Грозном было проведено командно-штабное учение, на котором потенциальным противником была Россия, — грош тогда цена всем нашим спецслужбам.

Повторяю: проверять и анализировать эти факты, известные, кстати, слишком многим людям, дело специалистов.

Но одно несомненно: в войну ввергли совершенно неподготовленных солдат, Многие из которых и в стрельбах-то участвовали раз или два (в отличие, кстати, от внутренних войск: там стрельбы проходят восемьдесят раз в месяц — жизнь заставляет из-за многочисленных межнациональных конфликтов). Те же офицеры СОБРа говорили мне о множестве примеров полной растерянности солдат и командиров. И, встретив в Моздоке высокого чина из Военной прокуратуры, услышал от него, как уже

сегодня запугивают солдат, чтобы они не рассказывали, сколько же раз они на самом деле «играли а войну» перед тем, как бросили их на войну не игрушечную, а настоящую...

Но это только прелюдия, жестокая, кровавая, но объяснимая хотя бы патологической бездарностью наших генералов. А дальше — то начинается самое интересное: дальше начинаются деньги. Огромные деньги тех, кто в этой войне уже выиграл.

Еще в Москве, до отъезда в Грозный, знакомый ингушский писатель спросил меня: «А тебе не кажется, что в Грозном идет очень странная война... Ведь дорога на юг совершенно свободна, и, как я знаю, именно по ней Дудаев получает и оружие, и боеприпасы...» Я не поверил и потому, только прилетев в Моздок, начал уточнять: да может ли такое быть на самом деле?.. Оказалось, да, может, и не одна дорога, а даже две, которые связывали ополченцев Дудаева с их базами: свободно, вези что хочешь.

Но и это еще не все! Уже в Грозном я узнал о перехваченных радиопереговорах дудаевского штаба: речь шла о том, куда будут внесены 100 тысяч долларов как плата за оружие, которое должно быть сброшено с парашютами. Ну не люксембургский же самолет пересек наше воздушное пространство?!

И это не все! По словам одного из высших офицеров, дудаевская армия использует на вооружение автомат АКМС 94-го года выпуска с восемью магазинами, оптическим и ночным прицелом. Эти автоматы, как сказал мой собеседник, производятся в Туле и в Ижевске и до сей поры так и не поступили ни в армию, ни во внутренние войска.

Одни проливают кровь, другие на этой крови обогащаются.

Да, на войне как на войне: подонство и благородство, мужество и грязь — близко, рядышком. Но что-то в этой войне совсем нехорошее, нехорошее настолько, что я все больше и больше прихожу к одной странной версии: а не была ли придумана вся эта история с независимой Чечней только лишь для того, чтобы легче, удобнее, безопаснее было делать себе миллионные состояния. И ту же Чечню создали точно так же, как многочисленные преступные группировки прикрывались крышами фирм? И не только тем, кто в Грозном, но и тем, кто в Москве?

На нефти, на оружии, на золоте? Да взять те же фальшивые авизо, которые принесли ущерб России, если не ошибаюсь, на два триллиона рублей по ценам 92-го года! Их называют «че-

ченскими», но, уверен, невозможно провести эту операцию без российских, московских банковских структур.. Да и люди, которые сейчас официально проходят по этому уголовному делу, живут — или жили — отнюдь не в Грозном и носят ну совсем не чеченские фамилии: Горшков, Костючков... (называю лишь те, что уже звучали у нас же, в «Литературной газете»).

Может, для того и нужна была такая Чечня и такой Дудаев? Иначе не понимаю, почему же он — раз уж такой нам враг — до сих пор не лишен нашего генеральского звания? Почему он свободно мотался по всему земному шару — не на баллистической ракете, а, скорее всего, на самолете, пересекавшем пространство России? Почему и сами российские власти с ним время от времени заигрывали (вспомним хотя бы прошлую осень)?..

Посчитал бы эту версию чистейшим бредом, если бы вдруг на днях не нашел в Грозном один любопытный документ, который проливает свет на подпольную экономическую деятельность Чечни в России или — России в Чечне. Судите сами:

8 февраля 1993 г.
КОНТРАКТ

Культурно-торговый центр «Эркээни» (Республика Саха), именуемый в дальнейшем «поставщик», с одной стороны, и Министерство финансов и экономики — Чеченская Республика, именуемая в дальнейшем «покупатель», с другой стороны, договорились о нижеследующем:

1. ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА «Поставщик» обеспечивает поставку в адрес «покупателя» золота 999-й пробы в слитках в количестве 5000 (пять тысяч) кг по цене 556 000 (пятьсот пятьдесят шесть тысяч) рублей за один килограмм на общую сумму 2 780 000 000 (два миллиарда семьсот восемьдесят миллионов) рублей 00 коп.

ДОГОВОР ПОДПИСАЛИ: От имени поставщика: Генеральный директор КРИВОШАПКИН, от имени Министерства финансов и экономики Чеченской Республики Т. АБУБАКАРОВ

Как мне известно, сделка эта состоялась на одном из небольших аэродромов Азербайджана...

Грязная штука, эта война. Совсем грязная. Возможно, правы те мои собеседники, которые сказали мне, что единственно истинно «точечными» ударами российской авиации в Грозном были удары по банку и по Министерству финансов и экономики. Сейчас я уже ничему не удивлюсь. И тому, что оружие, на котором кто-то зарабатывает сейчас колоссальные деньги, будет последней операцией, после которой отпадет необходимость в самом существовании независимой Чечни.

А кровь льется. А война идет. И воюют люди, которые, как и всегда бывает в этих случаях, ничего не получают ни при победе, ни при поражении, а будут жить или погибнут лишь в качестве статистов этого грязного спектакля.

Мы застряли в пробке. Слева танки, справа танки. В воздухе гарь и копоть. Хлопки далеких выстрелов... Вдоль колонны военных «КамАЗов» бредет маленький черноволосый пацан. «Каша есть?» — кричит он водителю машины, на которой мы едем. Азиатского типа водитель открывает дверцу и кричит вниз, пацану: «Нет каши, нет...» Пацан подходит к следующей машине, и еще к одной, и еще, постепенно скрываясь за поворотом.

Что же, мальчик, мы с тобой сделали...

Грозный — Моздок — Москва

08.02.1995

ЧУЖОЙ...

Александр Гуров — молодой генерал, находящийся на пенсии. Со Львом — все в полном порядке: он радостно облизывается, празднуя свою победу. Со времени публикации в «ЛГ» нашего диалога «Лев прыгнул» прошло всего лишь семь лет — мгновение для истории.

В только что вышедшей книге Александра Гурова «Красная мафия» наткнулся на один документ, и мне показалось, что вдруг погрузился в какую-то другую жизнь из времен Салтыкова-Щедрина.

Из письма первого секретаря Хабаровского крайкома КПССа — Чёрного министру МВД СССР А. Власову:

Уважаемый Александр Владимирович!

В «Литературной газете» от 20 июля 88-го года под девизом «Диагноз: организованная преступность. Проведены первые исследования» опубликовано интервью руководителя исследований, научного работника НИИ МВД СССР Александра Гурова обозревателю «ЛГ» Юрию Щекочихину.

...Заявление т. Гурова, по имеющимся данным, вызвало нездоровую активность среди рецидивных элементов в Комсомольске-на-Амуре и Советской Гавани, недоумение среди работников правоохранительных органов, породило известную настороженность среди трудящихся края.

Хабаровский крайком КПСС считает, что подобные умозаключения такого ранга работников МВД СССР в средствах массовой информации вводят в заблуждение общественное мнение, не служат мобилизации правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Крайком партии надеется, что руководство МВД СССР даст этому факту нужную оценку и примет меры к недопущению подобного впредь...

Прочитав, я не удивился этому письму, потому что аналогичное, на имя главного редактора, получила и «Литературная газета». А также — возмущенные письма от разного другого на-

чальства других регионов страны (припоминаю, Львов, Краснодар, Ставрополь), обозначенные тогда А. Гуровым как подконтрольные мафиозным группировкам.

Мафия!.. У нас мафия?! Не в далекой Америке и вечно солнечной Италии, а у нас, в стране давно уже победившего социализма! Не в кино — в жизни!..

Помню, какой тогда поток писем и телеграмм хлынул в редакцию, о каких только мафиях я тогда не узнал: «мафия — на заводе», «мафия — в совхозе», «мафия — в институте», «мафия — в жэке». И совсем уж трогательным был телефонный звонок в редакцию: «Можно вызвать журналиста на дом? У нас дома мафия!» — «Давно?» — «Трижды уже лечился, а все пьет и пьет...».

Там, вверху, в больших и маленьких начальственных кабинетах началось, мы знали, мы чувствовали, началось тревожное шевеление: это в одной стране. А в другой, не огражденной кремлевскими стенами и милицейскими постами возле обкомовских особняков, имя милицейского полковника, известного ранее только лишь в узком кругу профессионалов, вдруг стало знакомым миллионам и популярно среди миллионов.

Гуров оказался первым, кто произнес слово «мафия» по отношению к нашей отечественной преступности.

Хотя однажды, на заре своей милицейской карьеры, он тоже, можно сказать, прославился: безызвестный молодой лейтенант милиции Александр Гуров застрелил знаменитого льва Кинга, жившего, как какой-нибудь Мухтар, в обычных домашних-городских условиях.

История о жестоком менте, убившем беззащитного льва, облетела тогда все газеты, и только одним — снятием погон — должна была закончиться милицейская карьера А. Гурова, если бы уже в кабинете Щёлокова он не сумел объяснить, что беззащитный лев иначе съел бы не менее беззащитного студента.

Потому-то и в нашем первом, и во всех последующих диалогах именно льва мы использовали как символ мафии, и потому мы уже перестали удивляться, читая слово «лев» на всяких экзотических языках. («Лев прыгает хорошо? — как-то спустя уже несколько лет спросил меня знаменитый американский криминолог и добавил: — А наши, местные, мне кажется, больше похожи на кошек»).

Но куда более суровое наказание ждало А. Гурова после его выступления в «ЛП» — уже, как я знаю, был заготовлен приказ об увольнении из милиции, но вмешался, прочитав наш диалог, Михаил Горбачёв. И мгновенно все изменилось. Вызвали на ковер, чтобы уволить, а вместо этого: «Правильно сказано, полковник». Вместо крушения карьеры — назначение (это случилось спустя год после первого «льва») на пост начальника управления, вместо снятия погон — надели генеральские, вместо позора и презрения — избрание в Верховный Совет России.

Слышал тогда от ученых: «Да что он может знать? Он же бывший участковый». Слышал от разных чинов из МВД: «Да что он понимает в практических делах? Он же из ученых!» Одни политики обвиняли его в том, что он «прокоммунистический», другие — что он «подыгрывает демократам». А он — просто работал. Высоко взлетал, снова падал, снова взлетал. Менялись министры, менялись его должности: пришел Баранников — освободили с должности начальника Главка по организованной преступности, Бакатин позвал в КГБ — перешел. Потом Баранников оказался уже и там, и Гурова сначала в Центр общественных связей, потом, подальше от начальственных глаз, — директором института, на тихое пенсионное место. Он все больше и больше осознавал, что особенно никому и не нужен: и время другое, и люди другие, да и правила игры — не те, к которым он привык. И случилось то, что и должно было случиться: ему было предложено уйти на пенсию в каких-то неполных пятьдесят лет.

Начальство может отвернуться, снять с работы, отправить на пенсию, «доказать» твою собственную ненужность и невостребованность, но одно сделать не может (уже к счастью): лишить тебя права голоса, Уничтожить твоё имя, заставить общество забыть о тебе.

Потому-то, наверное, толпились в дверях, стояли в проходах люди, пришедшие в Центральный Дом журналиста на презентацию его книги «Красная мафия». Такого здесь давно не было...

За годы нашего знакомства только в «Литгазете» мы провели пять или шесть больших, на страницу, диалогов, каждый раз пытаюсь найти новые точки отсчета движения нашей, отечественной мафии. В этот раз, когда мы увиделись, поняли, что общество достигло уже такого уровня понимания криминальных процессов в стране, что уже, о чем бы я ни спросил, чтобы он ни

ответил, вряд ли возможно сказать что-то новое, еще неизвестное. И так уже все понятно.

Но мы неожиданно проговорили полдня, переходя от проблемы к проблеме. Сначала об одной нашумевшей и уже забытой сенсации.

«Согласно указу президента начинаем производить «красную ртуть»...»

— Операции с «красной ртутью» стали, наверное, главной мировой сенсацией 90-х. Не было ни одной крупной газеты, ни нашей, ни западной, которая бы не печатала на своих страницах материалы о подпольных сделках с этим таинственным веществом. Но правды так до конца никто и не знает. Ты-то хоть можешь объяснить, что же происходило на самом деле?

— Первые упоминания о «красной ртути» появились в начале семидесятых годов.

— Ты имеешь в виду наши службы?

— Нет, говорю о газетных заметках. В МВД первые сообщения об операциях с «красной ртутью» появились в 1989-1990-х годах, и тогда же был назначен и человек, который должен был разобраться с этой проблемой. Как мне известно, тогда же и с такой же ситуацией столкнулись и в КГБ СССР. Тогда все думали, что «красная ртуть» — некий вид стратегического сырья. Больше того, в эту канитель удалось вовлечь и политиков, и политические структуры. И даже самого президента...

— Ты имеешь в виду Горбачёва или Ельцина?

— Ельцина. Он подписал указ, согласно которому концерну «Промэкология» было предписано производить и продавать «красную ртуть»... Но к этому времени уже стало ясно, что никакой «красной ртути» не существует, а есть просто оксид «красной ртути» или обычная ртуть, подкрашенная битым кирпичем...

Короче, вещества с плотностью 22 грамма на 1 куб. сантиметр в природе просто не существует.

— А когда ты сам это понял?

— Когда начался шум в печати и на съезде была создана депутатская комиссия, в которой я возглавил группу.

— И к чему же вы пришли?

— Мы собрали массу документов, в том числе департамента по энергетике США, из которых следовало, что заинтересованы в «красной ртути» типичные мошенники, которые поняли, что это «вещество» можно продать на Западе.

— Но на Западе не такие же идиоты!

— Да, но там есть такие же, как и у нас, мошенники... После того, как вышел Указ Президента о производстве «красной ртути», на Западе появилась масса посреднических фирм, которые приезжали в Россию, заключали здесь договора и так далее. И, изучая эти контракты, мы вдруг обнаружили, что килограмм ртути стоил 400 тысяч долларов, а фирм-получателей не было. То есть неизвестно, кому же предназначалось это «страшное» сырье, которое, если и существует, то, может быть, на какой-нибудь другой планете.

— Но деньги, согласно контрактам, выписывались, да?

— Вот именно! Появилась версия о том, что в обыкновенной ртути растворяется оружейный плутоний или золото и под видом «красной ртути» вывозится за рубеж.

— Эта версия подтвердилась?

— Нет! Она не соответствовала элементарной логике, потому что килограмм золота стоил во много раз дешевле, чем «красной ртути». Зачем его растворять? Но появляется все больше и больше документов, в том числе и банковских счетов, которые свидетельствуют о том, что вокруг этого несуществующего материала под названием «красная ртуть» происходит все больше и больше всякой суеты.

— А откуда взялся сам термин «красная ртуть»?

— Возможно, это была тема какого-нибудь специального научного исследования или, скорее, этим термином, точнее, кодом, обозначалась какая-либо криминальная операция с «красной ртутью» с отмывом наркоденог. Почему? Потому что было все: бумаги, счета, цены, посредники — нет только самого вещества и нет фирм-получателей... То есть была проведена крупнейшая операция по отмыву в России наркоденог...

— Но это предположение, которое так и не было доказано?

— Было возбуждено уголовное дело, но Прокуратура России поступила как всегда, оригинально: она прекратила уголовное дело на том основании, что такого вещества просто не существует, хотя это было ясно и без прокуратуры: сколько уже

было сделано экспертиз нашими ведущими институтами. Но интересовало-то другое: как, каким образом появились документы о производстве несуществующего вещества, подписанные на самом верху? Кто именно — пофамильно — причастен к этому? Наконец, что представляли собой фирмы, которые выступая посредниками, оперировали огромными суммами? Да, однажды изъяли два или три килограмма. Мы с нетерпением ждали, какой же результат даст нам таможня. Дождались! Экспертиза показала — оксид ртути, не представляющий никакой стратегической ценности. Мы не поверили! Направили от Верховного Совета генерала Воронова. Ему докладывают то же самое! Я пошел в военную контрразведку, может, они что-то знают. И они: нет такого стратегического сырья!

— И что? И ничего?

— И ничего... Когда я все выяснил, тут же позвонил Сергею Александровичу Филатову и попросил как можно скорее отменить указ президента, который поставил и Россию, и самого президента в идиотское положение... Иначе, сказал я ему, скоро к вам придет делегация с предложением о производстве и продаже «осмия-187», которого на земле наберется килограммов 10-15, а его уже предлагают тоннами... Филатов сообщил мне, что указ отменен, а предложения о массовой продаже «осмия-187» уже поступали...

Создает ли мафия свою организацию объединенных наций?

— Ну, о том, насколько наши криминальные группы проникли сегодня и на Запад, и на Восток, уже и говорить не приходится. Другое интересно: насколько достоверны сообщения о том, что мафии разных стран, как когда-то пролетарии, соединяются? Слухи, правда?

— Правда, — убежден А. Гуров. — В Польше еще в 1991-м проходил съезд международных мафиози, где делились сферы влияния. Да что в 91-м! Как мне известно, еще в 89-м году в Цюрихе проходила «экономическая конференция», которую организовала международная наркомафия (эти данные мне поступили от американских и итальянских коллег). И это естественно,

потому что сегодня мафия стран СНГ очень активно выходит на международную арену и начинает теснить традиционные западные мафиозные группы, которые разжирили и забюрократизировались. Боятся ли они влияния нашей, «красной» мафии? Думаю, что да, боятся прежде всего того, что боевые действия нашей мафии могут быть перенесены на их тихие и благополучные земли. Потому-то и проводят они съезды и конференции.

— Как ты оцениваешь создание нашими преступными сообществами жесткой структурной системы?

— Еще в 1991 году на территории всего СССР действовало около пяти тысяч преступных организаций, а в России — около трех тысяч. Сегодня же говорят о пяти тысячах только на территории России. Не думаю, что это так. Это ненормально даже с точки зрения мафиозного движения. Думаю, что напротив — идет процесс интеграции менее крупных в более крупные.

— И к чему это приведет?

— Убежден: к созданию криминальных союзов. Уже есть три — четыре самые крупные группировки, которые и вырабатывают общую тактику и стратегию. И плюс к этому идет огосударствление мафии.

— И, наверное, самой сильной стала все-таки солнцевская группировка? По крайней мере, как мне известно, ее влияние уже давно не ограничивается Москвой. То они заявляют о себе в Крыму, то в Тольятти, то в Екатеринбурге...

— Думаю, что это правда.

Перешла ли наша мафия на наркобизнес?

— Однажды я написал, что, как бы это ни цинично звучало, наша мафия должна занять свое место в обществе, как и традиционные западные мафии, которые контролируют все, что связано с пороками человека: от наркотиков до проституции и игорного бизнеса, потому что сегодня наша мафия контролирует практически все. Процессы самого последнего времени — даже последних месяцев — показывают, что наша мафия всерьез перешла на наркобизнес. По крайней мере, мне известно, что наши «крестные отцы», которые к этому виду дохода серьезно не относились, все больше и больше занимаются наркотиками...

— По официальным данным МВД, еще в 93-м году оборот наркоденог составил 200 миллиардов рублей — не такая уж большая сумма. Да, до последнего времени наша мафия не создавала мощных наркосиндикатов, да и не владела сильными нарколабораториями, хотя наши ученые выброшенные с насиженных мест, уже разработали сильнейшие препараты, которые ценятся и на Западе. Будущее может быть за нами...

— То есть имеем все шансы перегнать Колумбию?

— Возможно, потому что Россия и бывшие республики Союза являются как потребителями, так и производителями наркотиков. Но почему же все-таки наши крупные преступные группировки в основном занимаются другими видами бизнеса? Сегодня им заниматься только лишь наркобизнесом невыгодно. Есть куда более легкие и безопасные способы добычи денег, та же торговля лесом, металлом или нефтью. Да, процесс пошел, но пока у нас все еще остается 200 способов хищения денег, таких наркосиндикатов, как в Колумбии или США, у нас не появится... Но как только мы перекроем им дыхание в сфере лицензий, контрабанды, хищений, рэкета и так далее, так тут же возникнут сильнейшие наркосиндикаты...

О Чечне и чеченской мафии

— Скажи, что же за феномен чеченской мафии? Когда он возник?

— Я бы все-таки не называл ее чисто чеченской мафией. В чеченскую группировку, которая действует и частично продолжает действовать в Москве, в Тюмени, на Дальнем Востоке, входят же не только чеченцы. В московскую чеченскую группировку входит и измайловская группировка... На ВДНХ какая-то группировка есть. Штук пять их, наверное, находятся под ее протекторатом. Точно так же, когда мы начали изучать казанскую группировку, то выяснили, что там больше всего русских, а не татар.

— Но все-таки когда же сами чеченцы стали прибывать в Москву и начали здесь формировать свои преступные бригады?

— В 1987-1988 годах, когда председателем Совмина России стал Власов, который раньше работал в Чечено-Ингушетии.

У нас раньше не было прямых доказательств того, что именно он их привез, но именно при нем мы впервые ощутили их присутствие. До этого в Москве работали преступники из Грузии — их делом были разбои, квартирные кражи... Тогда даже был создан специальный отдел в Москве из сотрудников грузинской милиции.

— И как приняли чеченских коллег московские бандиты?

— Началась война, но тем не менее освоились они в Москве довольно быстро, постепенно отошли от кровавых грабежей и разбоев и уже перекинулись на валютные операции, мошенничество...

Потом часть этой группировки ушла в легальный или полуполюгальный бизнес...

— И ты не считаешь, что чеченская мафия в Москве может именно сегодня дестабилизировать обстановку в городе?

— Я слышал подобные оценки, но скорее всего это умышленное преувеличение. Прибегать им к терактам — значит потерять в Москве все. Зачем им это нужно?

— Мне тоже кажется, что запугивание москвичей чеченской мафией, скорее, политическая игра.

— Убежден, что кому-то из властных структур очень хотелось, чтобы в Москве были взрывы. Будут взрывы — можно опять установить чрезвычайку, ходить по улицам с автоматами, бить дубинкой по спинам честных граждан, а последние вопили бы радостно, как спокойно жить под дулами автоматов.

— Как в октябре 93-го?

— Да, Как в октябре, когда уже стали печататься письма, как при Сталине: тогда - уничтожить как можно больше врагов народа, сейчас чтобы поставили на улицах как можно больше автоматчиков — омонцовцев, чтобы каждого прохожего могли поставить лицом к стене и бить дубинками по почкам. Я тогда сам был вынужден надеть генеральскую форму, чтобы в своем городе чувствовать себя в безопасности, потому что они сначала бьют, а потом разбираются.

— Ну, я тоже считаю, что боязнь чеченских взрывов насаждалась преднамеренно...

— Меня еще спрашивали об этом на радио «Свобода», и уже тогда я сказал, что погромы или взрывы могут быть спровоцированы властями. Или менее вероятный вариант — иная преступ-

ная группировка, учитывая ситуацию, решит развязать городскую войну, чтобы расправиться с конкурентами...

— Я с тобой полностью согласен...

— Мы контролировали чеченскую группировку! Их было около трехсот человек — мы их всех знали...

— Но ты знаешь, побывав сейчас в Грозном, я все больше и больше прихожу к выводу, что и сама независимая Чечня, и война, которая происходит там, все делалось и делается в интересах различных мафиозных группировок. Повторю те факты, которые уже приводил в своей статье «За Родину?! За мафию?!»: контракт на поставку Чечне 5 000 кг золота из Якутии; дудаевские войска используют новейшее российское оружие, которым не располагает российская армия; чеченские фальшивые авизо были придуманы не в Чечне, а в Москве, и так далее, и так далее...

— Я с тобой согласен, но давай зададимся одним вопросом: что мы сейчас называем мафией? Когда сегодня вопят: Чечня! мафия! мафия! Чечня! — то я предлагаю отделить зерна от плевел. Что, мы подразумеваем те триста человек из чеченских группировок в Москве?

— Нет!

— Если мы говорим о мафии в лице огосударственных структур, которым было выгодно создать именно такую Чечню, то мы должны вести речь не о чеченских бандитах, а о политиках! Я никогда не поверю, что без их ведома все это делалось! Но нам пытаются доказать, что московская или тюменская чеченская группировка настолько осложнила криминогенную ситуацию, что надо было бомбить Грозный! Ну, давайте тогда и Москву разбомбим, потому что в ней есть солнцевская группировка! Это же абсурд — бороться с карманными кражами в трамваях ликвидацией трамваев! Я считаю, что кто-то создал эту истинную мафию, и пускай они за это ответят! Если мы найдем причину возникновения Чечни и конкретных виновных — хотя бы один раз за эти пять лет! — то мы можем остановить это кровопролитие! Власть сама создает проблему, потом заставляет эту искусственно созданную проблему решать — часто вооруженным путем, а виновными оказываются совсем другие люди, а не те, кто ее создал. Я же помню, когда сам был депутатом, как в Москве ликовали, когда к власти пришел Дудаев, когда он там у

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

себя, в Грозном, разогнал Верховный Совет, то его считали главным демократом... И когда Сергей Ющенко сегодня прозрел, то я помню, что он совсем по-другому выступал на съездах и в курилках!

И снова, снова, снова мы переходили с чисто специфических тем к тому, о чем уже и говорить-то все устали...

Но и тогда, и потом, уже спустя несколько дней после нашей встречи, я все думал и думал о том, почему же вдруг неостребованным сегодня оказался Александр Гуров, человек, с именем которого связана первая борьба с этим зверем, давно уже подмявшим нас под себя.

Он оказался чужим для властей. Чужим, и, наверное, по одной-единственной причине: он человек служивый и профессиональный, знавший только одно — свое дело. А сегодня больше удобны комиссары, политруки — даже независимо от того, какой идее человек служит, — чем те, кто просто умеет делать свое дело.

— Мне жаловаться вроде не на что — таких, как сегодня, денег я никогда не получал. Но когда я думаю, жалею ли я о том, что ушел, не остался? Романтически смотря на себя, на свою судьбу — да, наверное, жалею. Но, с другой стороны, что бы я сегодня делал, оставаясь на своей последней должности — директора Института федеральной безопасности? Да ничего! И тогда, и раньше мы выходили на множество проблем, которые со временем стали никому не интересны... В этих условиях я бы просто мучился... Потом, спустя какую-то паузу, добавил: — Но вернулся бы? Вернулся...

01.03.1995

НОВАЯ ГАЗЕТА

Новая газета

«Новая ежедневная газета» была основана в 1993 году группой единомышленников, ушедших из «Комсомольской правды». С 1995 года стала еженедельником, с 1998 «Новая газета» выходила два раза в неделю, с 2008 года и по настоящее время — три раза в неделю (понедельник, среда, пятница).

Сегодня тираж газеты составляет около 280 тыс. экземпляров, а с учетом региональных вкладок — более 800 тыс. «Новая газета» издается в Санкт-Петербурге, Рязани, Краснодаре, Воронеже, Владивостоке, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Новосибирске, Самаре, а также за рубежом — в Германии, Казахстане и Израиле.

Интернет-аудитория сайта «Новой» составляет более 300 тыс. уникальных пользователей в неделю. А форум и блог газеты помогают упрочить взаимодействие с читателями.

Основой концепции деятельности «Новой газеты» являются фундаментальные либеральные и гуманистические ценности.

Особое место в газете занимали журналистские расследования — коррупция в высших эшелонах власти, экономические махинации, преступления спецслужб, события в горячих точках...

В «Новой газете» работали и работают лучшие «перья» российской журналистики, лауреаты международных премий, выдающиеся ученые, деятели культуры, известные литераторы и общественные деятели. Газета по праву гордится своими колумнистами, ведущими рубрик, авторами громких и талантливых публикаций, среди которых: Анна Политковская, Юрий Рост, Михаил Горбачев, Юлия Латынина, Леонид Никитинский, Дина Рубина, Евгений Бунимович, Станислав Рассадин, Вячеслав Измай-

лов, Александр Генис, Алла Боссарт, Кирилл Рогов, Дмитрий Быков, Сергей Юрский, Андрей Битов.

Среди премий и наград «Новой газеты» премия «Свободная пресса Восточной Европы», премия Герда Буцериуса, премия «Лучшая газета Европы», премия Генри Наннена, премия Улофа Пальме. «Новая газета» стала лауреатом профессионального конкурса «Золотой гонг» в 2009 году в номинации «Лучшая газета России». Восемь сотрудников «Новой газеты» награждены высокой премией в области российской журналистики «Золотое перо России» — все они работают в «Новой» и сегодня.

К сожалению, лидирует «Новая» и в другом, печальном списке — журналистов, погибших при исполнении своих профессиональных обязанностей.

В 2000 году за серию публикаций, раскрывающих коррупцию в Липецкой области, был убит обозреватель «Новой» Игорь Домников. Убийцы его были найдены и осуждены, но заказчики еще на свободе. В 2003 году при странных обстоятельствах умер заместитель главного редактора «Новой» Юрий Щекочихин. 7 октября 2006 года в подъезде собственного дома пятью выстрелами в упор была убита Анна Политковская. 19 января 2009 года посреди дня в центре Москвы был убит адвокат «Новой» Станислав Маркелов и внештатный корреспондент газеты Анастасия Бабурова. В июле 2009 года в Чечне была похищена и убита сотрудница правозащитного центра «Мемориал» и корреспондент «Новой» в Чечне Наталья Эстемирова. Газета продолжает следить за ходом расследований гибели журналистов и информирует об этом аудиторию. Сегодня отделом расследований имени Юрия Щекочихина руководит Роман Шлейнов.

Главный редактор «Новой газеты» — Дмитрий Муратов.

ДЕЛО НЕ В ТОМ, ЧТО ПРЕЗИДЕНТ УБИЛ КАБАНА, А В ТОМ, ЧТО ВЗВОЛНОВАЛИСЬ ЛИШЬ ЗА ОКЕАНОМ

Как бывшие голуби мира, падают и падают на московский Кремль письма из США. Содержание их аналогично, адресат один и тот же — Борис Николаевич Ельцин:

«Мистер Президент,

Не так давно я прочел, что вы убили кабана на очередной охоте. Однако, если описание этого случая на охоте было правильным, я должен сказать, что это совсем не выглядит как охота. Какая же это охота, когда вы кормите животное, а потом забираетесь на вышку и убиваете его?

В статье говорится, что кабаны почти исчезли из лесов вокруг Москвы. Зачем же вам, сэр, понадобилось убивать животное, относящееся к исчезающему виду?

Есть столько достойных занятий, которым вы могли бы посвятить свое время, чем убивать животных, особенно в роли «подсадных уток», не имеющих шанса к спасению.

Я надеюсь, что в будущем вы будете выбирать занятия, которые не угрожают ни вам, ни какому-либо другому живому существу.

Подписи: Беверли Поеллер (Ниагара Фоло, штат Нью-Йорк), Соня Тернер Джонсон (Аризона), Фрэнк де Пиетро (Дэнмор), Флора Рейя (Эскондидо, Калифорния) и другие».

Странные эти ребята, американцы.. Что это они как с цепи сорвались и пишат, пишат, пишат нашему президенту, будто нет у них более важных дел?

Нет, я не о том, что Борис Николаевич — скорее всего, еще до своей болезни — удачно поохотился и эта охота попала на газетные страницы.

Почти все наши последние вожди, начиная с Никиты Сергеевича, любили это дело. Для них делали специальные заказники, к берлогам и норам проводились спецтрассы, поднимались в воздух спецвертолеты, и даже животные — и те время от времени были спец.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Так, однажды в Карпатах, в спецзаказнике Министерства обороны егеря рассказывали мне щемящую историю о том, как из-за отсутствия кабанов им для высокого гостя, министра обороны Устинова, пришлось раскрасить в кабаний цвет бедную домашнюю хрюшку.

Нет, я не об особенностях нашей царской охоты.

Я все думаю об этих чертовых американцах...

Сдались им наши кабаны...

И потом понял, почему они засыпают чужого президента своими посланиями.

Им привычно обращаться по таким мелким поводам и к президенту своему.

Независимо от того, считает ли сам президент и его администрация вопрос, с которым к нему обращаются, мелким или крупным, наивным или серьезным, важным или не стоящим высокого внимания.

Главное — не то, что считает сам президент. Главное для граждан — чувствовать, что это они проходят по стране как хозяева, а человек, которого они избрали на высший пост, — лишь исполнитель их волеизъявления.

Господи, о чем это я?..

Сейчас там, на Западе, начали бить новую тревогу: исчезают наши уссурийские тигры.

Как бы люди не исчезли...

10.02.97

БЕРЕГИ СЕБЯ

Человечество — это человек.

Люди — это тоже человек.

И государство — человек.

Иногда я вдруг просыпаюсь с чувством ненависти к тем, кто одно ставит выше другого. Я понимаю, что не прав. Что есть идеи, способные спасти мир. Есть люди, которые, спасая мир, опираются на эти идеи. Есть наконец-то политики (а в силу сложившихся обстоятельств я иногда с горечью отношусь к ним и себя самого), которые утверждают, что идеи, которые они проповедуют, спасут человека от человечества. Вытащат из проруби, из горящего дома, перехватят нож, нацеленный в сердце...

Но, стоп, стоп...

Я не об этом. Я же хотел о другом.

О полковнике главного штаба внутренних войск России Александре Александровиче Чикунове, чьи кассеты с песнями о горечи и предательстве чеченской войны, официально называемой восстановлением конституционного порядка, разлетаются по России, как раненые птицы...

Ладно. Как мы познакомились.

Кто помнит военный аэродром в Моздоке, тогда, в конце января 1995 года, тот помнит, как это было.

В Москву, в Москву... В свою редакцию, успеть написать, успеть напечатать.

Мне сказали: «Борт есть. Тебя берут...»

Возле борта стояли пилоты, с сомнением смотревшие на мои черные от грозненской грязи джинсы. Какие-то важные полковники. Два не менее важных генерала. Они были чистыми. Они возвращались с войны.

За день до этого, в Северном, грозненском аэропорту, где располагался хорошо защищенный штаб нашей группировки, меня поразило брезгливое шараханье какого-то генерала в чистеньком камуфляже от новосибирского полковника Юры Зайцева в камуфляже грязном, когда тот спросил его, можно ли подбросить этого журналиста на самолете командующего до Моздока.

Генерал даже не ответил. Он просто чиркнул по нам холодным начальственным взглядом и пошел дальше, и я помню, как Юра Зайцев смущенно взглянул на свою замызганную куртку...

Ты, идиот... Ты же толкнул ребят на эту бессмысленную, грязную и нелепую войну! Ты, ты... А с полковником мы только-только ушли от пуль снайперов в центре Грозного. Там на наших глазах был сбит российский флаг над зданием бывшего обкома партии, по мнению одних, называвшимся дворцом Дудаева, а других — рейхстагом. Над этим рейхстагом по очередному идиотскому приказу пацаны, убежденные вашей преступной романтикой, падая поочередно замертво, этот флаг поднимали. Как я узнал впоследствии, доставили семь российских флагов, убеждая всех, что полк носит тот же самый номер, что и тот, который поднял Знамя Победы над рейхстагом.

Я все это хотел крикнуть этому незнакомому мне генералу.

Но ничего, естественно, не крикнул. Может быть, он такой же командированный, как я? Но, скорее всего, это я прикинул сейчас, просто испугался. Ведь завопи я тогда — так и не добрался бы до Моздока.

Так вот, когда погрузились в тяжелый «Ан» (а людей все прибывало, и эти люди, как мне показалось, в этой войне были просто свидетелями, судя по их парадной камуфляжной форме), вдруг случилось одно происшествие: из кабины самолета с уже включенными двигателями вышел пилот и сказал, что самолет надо всем покинуть.

Какой-то полковник что-то грозно заверещал... «Раненых везут», — смущенно объяснил пилот.

Потом мы стояли на летном поле в томительном ожидании и еще, наверное, в тревожных размышлениях: а если не поместимся в этот самолет, то когда следующий? Вечером? Завтра? Никогда?

Вы знаете, даже сейчас, спустя два года, когда уже и война кончилась, я не могу забыть ни те вертолеты, откуда кого-то выносили, а кто-то выходил сам; ни те четыре деревянных ящика — «груз 200», поднимаемые аккуратно в самолетное чрево; наконец, удивленные глаза парнишки по возрасту, показалось мне, не старше в ту пору моего шестнадцатилетнего сына, которого пронесли на носилках мимо нас.

Да, мы тогда все улетели... Все уместились...

Я приткнулся с какими-то людьми на мате в хвосте самолета, думая тогда, естественно, о том, о чем должен написать, и написать срочно, чтобы не задержать уже готовый к печати номер. И вдруг меня позвали:

— Что ты там лежишь? Иди, уместимся...

Я сел между двумя людьми в грязных камуфляжах.

— Вижу, какой-то седой боец в грязных джинсах лежит... Потом вижу — лицо вроде знакомое... — произнес, заикаясь, мне один из них.

Так мы познакомились с полковником Александром Александровичем Чикуновым, только что вышедшим из госпиталя после контузии.

Сейчас я не вспомню точно, что я от него услышал тогда, в самолете, что — потом, что я узнал о нем тогда, что — после, в дальнейших командировках в Чечню.

Наверное, тогда он рассказал мне, как он ворвался в блиндаж генерала Рохлина и заорал: «Что же вы по своим-то лупите!», — как уже в госпитале, когда, чудом оставшись в живых, он увидел мать скорее уже погибшего солдата, которая растерянно показывала справку, выданную ей в майкопской бригаде, polegшей в победоносном штурме Грозного: «Ваш сын в списках живых, мертвых, пропавших без вести не значится»; как места раненых занимал мародерский багаж из «гуманитарной помощи», загружаемый в самолеты ошалелыми от предательства генералов солдатами; о зверствах омоновцев, насилующих шестнадцатилетнюю чеченскую девчонку; о том, как на его руках умирал пацан со словами, которые потом стали строчкой его песни: «Только маме не говорите»...

Наверное, тогда. Но, может быть, позже... Уже в Москве. Уже через месяц. Или — через полгода. Или — через год.

Но тогда я понял то, что уже почувствовал сам, — как он ненавидит эту войну, и что только грачевские генералы в генштабе и вожди в Кремле были убеждены, что воюют за целостность России...

Мы подлетали к Чкаловску.

— Сынки... — подозвал он двух солдат с акаэмами, летевших по какой-то военной надобности в Москву вооруженными. — Если кто выйдет из самолета раньше мертвых и раненых — открывайте огонь на поражение. Приказываю...

— Есть... — ответили ребята...

Я не забуду этого.

Думаю часто, может быть, постоянно: а для чего ему все это надо?

Фергана, Сумгаит, Баку, Карабах, Осетия, Чечня... Пять нашивок за ранения... Денег — просто никаких. Семью из Владикавказа — и ту только что перевез: все, что дала ему Родина до этого, так это кровать в подвальной офицерской общаге. В комнате, которую он делил с полковником. Которого страна наградила кроватью за участие в миротворческой миссии в Боснии.

Зачем? Почему? Что это за люди? Что им чеченцы?

Чеченцы — враги русских, русские — враги чеченцев: все это придумали те, кто сам никогда не стрелял в другого человека, но убивал целые поколения резолюциями на документах.

Нет, нет...

В чем-то мы не разобрались, чего-то не понимаем. Принимаем за российское офицерство то недоумков типа Грачева, то руженых типа Терехова.

А это офицерство есть. Оно никуда не делось.

И без них никуда не деться.

И их-то не вините.

P.S. Я, кажется, впервые в жизни переступил границу, которую раньше старался не переступать, — написал о человеке, ставшем однажды мне очень близким и остающемся близким по сей день. То есть написал о человеке, которого считаю своим Другом.

У меня немало друзей. Я никогда не осмеливался писать о них, а когда осмеливался, то было уже поздно: они не могли ни услышать меня, ни прочитать.

Здесь, наверное, случай особый.

Впервые в своей жизни я очутился в мире, в котором даже в страшных снах не мог представить собственное присутствие. И впервые я познакомился с пахарями войны, эту войну ненавидящими и презирующими тех, кто их на эту войну послал. И тем не менее делающими свое дело и закрывающими своими телами необученных пацанов, брошенных в это пекло.

«Родина, не предавай меня...» — уже врезалась в сознание многих эта строчка из песни Сан Саныча Чикунова, разнесенная тысячами магнитофонов.

Прощаясь, он не говорит: «До свидания». «Береги себя», — говорит он на прощание.

Береги себя.

Берегите себя.

17.02.97

ПО НАШИМ ПОЛИТИКАМ ПЛАЧЕТ ТЮРЬМА ИЛИ БОЛЬНИЦА?

Приезжая в командировки в другие страны, иногда ловишь себя на мысли, что чего-то не понимаешь.

Вот и сейчас, в Норвегии, откуда только что вернулся.

Конечно, у них жизнь менее романтическая, чем у нас. Им, норвежцам, недоступны привычные нашему слуху слова: «разборка», «стрелка» и даже «ваучер». То, что для нас стало жизнью привычной, для них — мир приключений.

Вот, допустим, одна история, которая взволновала всю Норвегию.

У них здесь — всеобщая воинская повинность, и, надо сказать, проблем с призывом нет. А одному парню не повезло — у него нашли некие психические отклонения и потому в армию его не взяли. Но он очень переживал, потому что с детства мечтал стать солдатом: носить форму, чеканить шаг и ходить строем. В общем, странный парень.

И вдруг однажды он узнает, что на территории Норвегии начинаются учения НАТО. Вот он, пришел мой час, решил этот странный парень, раздобыл военную форму с эмблемами регулировщика и встал на перекрестке.

Взмахнул жезлом, и колонна английских войск повернула в лесную чащу, где и затерялась.

Естественно, разразился колоссальный скандал, который тут же попал во все газеты.

Нет, этого парня нельзя судить! Он же воплотил мечту своего детства! Такого парня нельзя судить! — таков был общественный вердикт.

— А что бы сделали у вас? — спросили мои норвежские друзья.

А вправду, что?

Вот тех, кто на перекрестке нашей истории повернул армию в Чечню, их надо судить или лечить?

И я надолго задумался.

Ставангер — Москва

ЕСТЬ ЕЩЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ГОТОВЫ ЗАЩИТИТЬ СЛАБОГО

Случай у стадиона «Динамо»

Эта история не давала нам покоя все последние недели.

Найдем мы его или не найдем? Отыщем ли его в многомиллионном городе среди таких же, как он? Возможно ли, чтобы зло — хотя бы в его малом, невселенском масштабе — было наказано? Способны ли мы сегодня, в размытости границ зла и добра, в отчаянии от невозможности быть услышанными, в атмосфере, когда умение врать, не краснея, становится политической доблестью, сделать хоть малость, хоть что-нибудь, хоть чуть-чуть?..

Старший лейтенант милиции топтал сапогами подростка.

Большой человек бил человека маленького.

Четырнадцатилетний Алеша, может быть, впервые почувствовал, как болезненно бывает прикосновение власти к человеку.

Все это происходило 18 октября на ступеньках, ведущих от стадиона «Динамо» к метро «Динамо», за пятнадцать минут до начала футбольного матча.

Все это происходило на глазах у сотен людей, которые выходили из метро или ждали автобус на остановке.

Вечером позвонил взбешенный Никита Киселев, консультант отдела расследований «Новой газеты»:

— На южной трибуне перед матчем столкнулись две группы фанатов — «Динамо» и «Спартак». До драки дело не дошло: ОМОН сработал очень профессионально, пацанов растащили... И когда все закончилось, со стадиона выскочил старший лейтенант, догнал мальчишку, свалил его подножкой на землю и начал топтать. У пацана шла кровь. Он его поднял и добивал стоя. Народ опешил.

Какая-то женщина закричала: «Мы взрослые люди... Мы должны что-то сделать!»

Он его топтал с остервенением. У него была радость на лице. Радость от того, что он бьет ногами.

У меня «планка упала». Я думал, что мои руки сомкнутся на его шее. Меня женщины от него оттащили: «Ты что делаешь, корреспондент! Ты же покалечишь!»

Было бы это в результате драки, я мог бы еще понять. Я кричал старлею:

— Задержал — веди. Я подпишусь. Но зачем вот это все?

Я ему вцепился в руки, в ноги:

— Ты чего делаешь? Ты же мужик, что ты делаешь?.. Это же не война. Это же ребенок.

Он:

— Я и в Чечне был...

Я его предупредил:

— Мы с тобой встретимся. Мы с тобой обязательно встретимся.

Он от меня бочком, бочком... Потом за ворота стадиона.

На бегу, оглянувшись, я увидел, как возле пацана суетятся люди в белых халатах.

Всю дорогу от входа на стадион и до входа на южную трибуну я пытался узнать его фамилию и подразделение. Он так и не сказал, кто он.

Я нашел майора, на глазах у которого все это происходило:

— Ты видел, что происходит?

— Видел... Это безобразие, конечно... Но это не мои... Мои стоят по периметру. Мои такого себе не позволяют...

Никита сказал, что найдет этого старшего лейтенанта...

Только как его найдешь?

Но вдруг мы все поняли, что отыскать его — даже не дело принципа. Что-то было важнее, чем принцип сам по себе. Что сегодня принципы? Что-то другое...

Я думал, долго думал: почему так меня задела эта история, почему так больно полоснула по сердцу? Что, мало разве такого происходит? Что, разве к этому, к такому нельзя уже было привыкнуть?

Нас всех приучают к тому, что зло ненаказуемо.

Никита рассказал, что его удивило одно: реакция людей возле метро. Ну что, бьет и бьет! Что, еще не привыкли?

Оказывается, нет. Оказывается, мы еще люди.

Десятки людей, узнав, что Никита из «Новой газеты», записывали ему свои адреса, чтобы выступить в качестве свидетелей.

Все эти дни Никита носился по Москве, чтобы узнать, как зовут избитого пацана и как зовут этого садиста в форме.

Но нашла этого старшего лейтенанта сама милиция, куда я обратился с письмом. Позвонили, попросили подъехать.

Мы с Никитой приехали в Северный муниципальный округ.

Перед Никитой разложили фотографии нескольких старших лейтенантов, которые в тот день были на стадионе.

— Этот, — указал Никита на одну из фотографий.

— Правильно, этот... — вздохнул майор. — Мы уже его сами вычислили.

С лейтенантом Геннадием Кихтенко мы разговаривали в присутствии его окружных и городских начальников. Вот запись этого разговора.

— Шла драка, — сказал Кихтенко. — Один человек повалил другого на землю и бил его...

Никита:

— Вы догнали этого мальчонку около метро. И он от вас никуда особенно не убежал.

— Догонял... Когда я его догнал, то ударил его по ногам. Он упал...

— И когда он упал, за что вы его били?

— Я его не бил... Все дело в том, что я не довел дело до конца. Отпустил его... В этом я признаю себя виновным.

— Зачем вы его били-то? — снова спрашивает Никита. — Я же вам сказал, ведите его, если он виноват. Я сам подпишусь под протоколом... Это же дети... Там же тысячи людей стояли и смотрели, как вы топчете его ногами...

— Вы говорите, что я разбил ему лицо. А может быть, ему разбил лицо тот, с кем он дрался.

— Но вы же ему сделали подсечку...

— Он упал в снег...

— Какой снег был 18 октября! Ногами вы его добились! У него кровь шла из носа! Зачем вы его потом добивали руками?! Вы его взяли за шкуру! Но почему же вы его отпустили, если он был виноват?

— Он извинился.

— Кто?!

— Тот молодой человек. И я решил его отпустить. Я виноват в том, что его отпустил.

— А каков состав его преступления? Какое правонарушение? — спросил майор. — Вы можете объяснить? Какой состав, — вы можете объяснить? — уже повысил голос майор.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

На этот вопрос старший лейтенант Геннадий Кихтенко, проработавший в милиции уже пять лет, так и не смог ответить.

Вот практически документальный отчет о нашей встрече.

На следующий день был подписан приказ об увольнении Кихтенко из органов внутренних дел.

Испытываю ли я сегодня радость оттого, что добродетель восторжествовала, а порок — наказан?

Да нет, конечно, нет.

Что уж там, тот старший лейтенант... (И в Чечне он, кстати, не был.)

Но сам принцип всеобщей ответственности у меня все больше и больше вызывает внутреннее сопротивление.

Ну давайте, давайте. Нас же много. Их же меньше...

Четырнадцатилетний Алеша, возможно, первый раз в жизни на себе почувствовал, что власть жестока, ее удары — болезненны, что перед властью ты беззащитен. Но, возможно, я очень надеюсь, очень, что четырнадцатилетний Алеша понял тогда и еще одну истину, без которой и жизнь-то не жизнь: есть люди, которые могут спасти от жестокости власти.

В тот день власть представлял старший лейтенант.

Человечество — один человек. Плюс люди вокруг.

Уже немало.

10.11.1997

БЫЧЬИ ШЕИ ВЕНЧАЮТ ГОЛОВЫ ОСЛОВ

Что меня поразило на прошедшей неделе? Как всегда, не то, что должно было бы считаться главным за неделю, а мелочь, деталь, фрагмент жизни.

Но такое за этим фрагментом!

У Киевского вокзала увидел двух молодых «быков» (надеюсь, расшифровки этого новояза не требуется) с плакатом: «Предлагаем услуги по охране солидных людей, а также для решения других деликатных вопросов».

Несчастные ребята! Вот и их довела жизнь!

Ладно — никому не нужны писатели. Ладно — талантливые инженеры без работы. Ладно — шахтерам не платят. К этому уже привыкли...

«Быки» — не нужны!

Радоваться? Удивляться?

Да нет, не радоваться и не удивляться.

Привыкать и пытаться понять, почему мы уже начали привыкать к огосударствлению преступности.

Я не удивляюсь сегодня, когда на «стрелке» встречаются подполковник (с одной стороны) и майор (с другой. Побеждает, естественно, старший по званию). И тому не удивляюсь, что самой надежной «крышей» становятся не «люберецкие» или «подольские», а РООП или ФСБ. И даже совершенно анекдотическому случаю, о котором узнал на днях: представители одной преступной группировки обратились к адвокату, чтобы тот помог оградить от милицейских поборов бандитскую бензоколонку («Готовы платить! Но когда приезжает РООП, потом УЭП, потом райотдел, потом еще какие-то в форме... Так никаких денег не хватит!»), — тоже не удивляюсь.

Думаю об этих бедных безработных уже никому не нужных «бычках»...

Мой товарищ, милицейский (в прошлом) генерал, зашел к знакомому начальнику райотдела и увидел молодых оперов с тяжелыми цепями на тяжелых шеях.

— Что они у тебя, ошалели? — спросил мой товарищ. — Я же вам приказал на работу в цепях не ходить!

...Бедные «быки», не там они встали со своим объявлением!

Хотя там, возможно, все рабочие места уже заняты.

КАССА ПО ИМЕНИ ВОЙНА

Сынок, доживи до полочки!

Каждый раз, возвращаясь из Чечни, пытаешься понять: тебя что-нибудь поразило на этот раз? у тебя перехватило дыхание от нового увиденного и нового узнанного? почувствовал ли ты себя вновь стоящим над пропастью, края которой не разглядишь, как ни стараешься?

Из последней чеченской командировки я вернулся неделю назад. Была суббота, вечер... Думал, что успею прямо из Чкаловска, с подмосковного военного аэродрома, заехать в редакцию и отдиктовать в номер самые последние новости оттуда, с войны. Но пока летел самолет, пока добирался до редакции — вечер стал уже совсем поздним: газета на понедельник уже была сделана.

Потом началась мирная московская неделя. Острота последних впечатлений от войны начинала сглаживаться.

Но что-то такое из увиденного и услышанного там заставляло внутренне вздрагивать. Ведь я слышал что-то совсем тревожное.

И вдруг неделю спустя, то есть уже в эту, первую мартовскую, субботу — как молния: о, Господи! Как же я мог забыть этот мимолетный разговор с тем полковником!

Да, я выяснял: получают ли солдаты те боевые деньги, определенные президентским указом, — восемьсот с чем-то в день? Не исчезают ли они в интендантских закромах? Доходят ли они до каждого, кто провел хоть день своей жизни на грани смерти?

Мне объяснили: да, доходят...

Рассказали механизм, как это делается. Солдатам деньги на руки не дают: все-таки сумма немалая получается. И когда солдат едет на дембель — то тоже без мешка денег: мало ли что случится в дороге? Приезжает, открывает счет в Сбербанке, сообщает в свою часть. И только тогда — пожалуйста.

Но, сказали мне, если к солдату приезжают родители, то они могут получить за сына эти «боевые деньги».

И тогда этот полковник сказал:

— Теперь родители зачастили. Приезжают и приезжают...

Потом мы говорили о чем-то другом — мало ли тем на войне. И эта фраза тут же забылась, растворилась в совсем других. Но что-то осталось... Совсем важное, важнее, чем сама эта фраза, тревожило меня все последующие дни.

Что, что, что, что!..

Как я мог об этом забыть!

«РОДИТЕЛИ ПРИЕЗЖАЮТ И ПРИЕЗЖАЮТ»...

Измордованные нищетой и постоянной невыплатой зарплат и пенсий, отчаявшиеся жить нормально. Из далеких орловских деревень и незаметных на карте поселков где-нибудь на Урале.

Когда зарплата шестьсот в месяц... Когда пенсия — триста...

Родители приезжают не только навестить сыновей! Они приезжают к ним как к спасителям! Помогите, сыночек...

И что, у кого-нибудь поднимется рука бросить в них камень? Кто-нибудь скажет об отсутствии родительских чувств? О деградации души? Или о чем-то другом, столь же высоком?

Вы понимаете, что произошло? Что они сделали, призывая довести необъявленную войну до победного конца и убедив общество, что когда победим — тогда и начнем жить лучше? А пока уж потерпите, казна не резиновая?

Что он, человек, похожий на нашего будущего президента, устроил со своим легендарным «мочить в сортире»? Какие чувства возбудил в людях? Какое нечеловеческое уже поднимается в человеке?

Когда-то Инна Павловна Руденко, обозреватель «Комсомолки», написала (во время афганской войны): у нас появились воевавшие дети не воевавших отцов. Теперь не воевавшие отцы едут за деньгами воюющих сыновей. Вы в это просто вдумайтесь.

Хотел террористов — получилось: всех, всю страну...

Я не знаю, что будет дальше.

Только в одном уверен, убежден: наверное, до самой смерти не простил бы себе, если бы не вспомнил то, о чем случайно узнал в этой последней чеченской командировке.

И если бы сегодня не написал об этом.

ХОРОШО ЖИВЕТСЯ ТЕМ, КТО БОРЕТСЯ С МАФИЕЙ

Поэтому это дело не доверяют народу

Вот ведь как получается: случайно узнаешь факт из не нашей, иноземной жизни—и такое вдруг тебе привидится на родных отечественных просторах, что аж дух захватывает от предчувствия несбыточного.

Но сначала о том, чем же так зацепила меня одна фраза председателя итальянского парламента Лучано Виоленто, с которым мы вместе выступали в Риме на российско-итальянской большой парламентской комиссии.

Чуть ли не с самого детства (по крайней мере с его сознательной части) мое воображение будоражила фраза: «с конфискацией имущества».

Мне представлялись какие-то необозримые склады и безграничные поля со всем этим конфискованным: уходящие за горизонт колонны автомобилей; целые поселки из особняков и коттеджей с полянами, бассейнами и райскими птицами; анфилады подпольных третьяковок и эрмитажей; горы золота и бриллиантов... В общем, всякая чушь лезла тогда в голову. Правда, была еще юношеская романтическая надежда, что ворота в эти закрома конфискованного всегда открыты людям, у которых конфисковывать нечего и не за что...

Но, прожив уже вон сколько лет, я так и не понял: а к кому же переходит все это? кому достаются эти особняки? кто ездит на этих автомобилях? Если родина отбирает у грешников несправедливо нажитое добро, то кому она отдает-то? Другим грешникам? Или все это бесчисленное воровское добро хоть кому-то принесет кусочек счастья?

Ответов на эти вопросы я так и не нашел, да и сам ни разу в жизни ничего из конфискованного не видел...

Хотя нет... Стоп. Однажды видел. Больше того — держал в руках...

Это была очень смешная история.

Я тогда работал в «Литературной газете». Было еще брежневское время (чем-то начинающее напоминать сегодняшнее), когда «ЛГ» удавалось пробираться к читателям сквозь жесткие цензорские рифы. И получалось: не столько из-за талантливой журналистско-писательской команды (да чихать они хотели на всяких талантливых), сколько из-за царедворского мастерства тогдашнего главного редактора, героя, депутата и члена ЦК Александра Борисовича Чаковского.

И вот Чаку (как называли его все мы) — 70 лет. Событие по тем дням грандиозное: с Колонным залом, президиумом из лиц, чьи сумрачные изображения вывешивались на октябрьские и майские, с очередной наградой и т.д. и т.п..

Колонный зал — это вечером. А с самого утра — вереница высоких гостей, которые по очереди входили в кабинет Чака с разнообразными подарками. Каждому из нас, журналистов «ЛГ», было поручено препровождать высоких гостей в соответствии с профилем нашей газетной специализации. Мне досталась делегация МВД во главе с министром Н. Щелоковым. Встретил, привел в его кабинет, присутствовал при вручении подарка: просто замечательных, каких-то немислимых карманных часов..

Утром следующего дня мне позвонил помощник Щелокова:

— Выручай... Наши козлы-хозяйственники напутали: передали Чаковскому часы из вещдоков. Объясни ему как-то аккуратно, что есть другие часы, еще лучше. Надо заменить. Ну объясни как-нибудь. Выручай, одним словом..

Я что-то наговорил Чаку (он, по-моему, так ничего и не понял), приехал на Огарева, груз сдал — груз принял.

— А эти-то часы не из вещдоков? — на всякий случай поинтересовался я.

— Нет, не волнуйся... Эти — уже наши... — объяснили мне.

— Уже конфискованные? — догадался я.

Мне, естественно, ничего не ответили, только понимающе подмигнули.

Новые часы были и в самом деле еще более замечательные и немислимые...

Да, это был первый и последний случай в моей жизни, когда я держал в руках конфискованное имущество.

Но слышал о его судьбе еще не раз.

То всплывали какие-то скандалы вокруг тех, кто его распределял, то кого-то снимали с работы, то даже арестовывали. То доходили всякие слухи о разных закрытых складах для своих, где все можно было купить за двадцать процентов реальной стоимости. Я понимал, что вся история советского конфиската началась давно, очень давно, когда первые советские вожди, министры и военачальники жили в чужих квартирах, спали на чужих кроватях и ели из чужих тарелок чужими ложками. Но, уже проработав столько лет в газете, побывав трижды депутатом, я так и не смог понять, что же на самом деле стоит за простыми и пугающими словами «с конфискации имущества». В пользу кого оно, в конце концов, конфискуется или в каких очередных закромах родины исчезает...

И даже перестал задавать себе эти вопросы.

И вдруг — несколько дней назад... Рим, итальянский парламент, конференция, выступление Лучано Виоленто...

Да, надо сказать, что председатель парламента — человек в Италии не только знаменитый, но и легендарный. Именно он, до того как уйти в политику, прославился как бесстрашный судья, отправивший в тюремные камеры многих знаменитых мафиози, его имя стало символом борьбы с коррупцией.

Именно с его именем связана знаменитая операция «Чистые руки», позволившая отправить на скамью подсудимых две тысячи самых высокопоставленных итальянских чиновников. (Вот ведь как у них! В большую политику приходят по делу, по заслугам, по национальной известности! А не как в некоторых других странах, где путь к вершинам власти идет сквозь подковерные интриги или совсем уж виртуальным путем...)

Да, так вот что сказал (среди прочего — очень интересного и полезного для нас самих) Лучано Виоленто:

— После суда над знаменитым мафиози Рина все его имущество конфисковано. Его парк стал общественным. Там бегают дети. А всего... Двадцать процентов конфискованных зданий и особняков переданы государству, двенадцать процентов переданы полиции и карабинерам...

Помню, слушал, быстро записывал все эти цифры в блокнот и понимал, понимал: вот они, ответы на те вопросы, которые мучали меня еще в юности. Но — не наши ответы. И — не наши вопросы.

А потом Лучано Виоленто сказал те слова, которые я сам так долго пытался сформулировать, печально думая, почему же паром, гудком, бесполезным сотрясением воздуха оборачиваются бесконечные обещания властей бороться с коррупцией и организованной преступностью. Кто с кем борется? Кому верить? На кого надеяться?

Вот что он сказал, перечислив, что, как, кому и почему передано:

— Граждане должны верить, что это не борьба между государством и мафией. Между мафией и обществом. Мафией и народом...

Вот ведь как!

НЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И МАФИЕЙ...

Если уж в Италии так актуальны эти слова, так что же говорить о нас.

О ситуации, сложившейся в России (особенно в последние годы), когда чиновники, милиция, налоговая полиция, ФСБ, отобрав «крыши» у бандитов, сами стали «крышами», да еще какими!

Когда не проходит и дня, чтобы меня не просили спасти кого-то от налетов — нет, уже не солнцевских или подольских, а от «защитников» в погонах.

Когда невозможно найти правду в суде и снова, как в брежневские времена, приходится обивать пороги депутатских да редакционных кабинетов.

Когда несколько олигархов стали и умом, и совестью, и честью нашей современной эпохи.

Когда, наконец, борьба государства с мафией воспринимается только лишь как передел собственности между бандитами из мафии (что в черных, что в белых воротничках) и чиновниками от государства — в пользу, естественно, последних.

Какой тогда смысл в этих бесконечных призывах и обещаниях, когда главные слова так и не сказаны...

Вернее, сказаны. Но не нами.

Рим — Москва

13.07.2000

АВТОГРАФ НА НЕБЕ

Простите, Герман Степанович...

Однажды в Париже мы заблудились с Германом Степановичем Титовым.

Да, с Германом Титовым — гордостью нашего детства.

Не думал мальчишкой, не предполагал, что вот так случится, и мы окажемся в одной Госдуме.

Шла в Париже межпарламентская ассамблея, нас послали вместе. В один из дней был перерыв — часа два, не больше — перед тем как ехать на прием к председателю французского парламента.

— Пойдем погуляем, — предложил я Герману Титову (он удивился еще в самолете, когда я назвал его на вы и по имени-отчеству: «Мы же из одной Думы. Ты — Юрий, я — Герман»).

Жили мы где-то в центре, у Елисейских Полей, в маленькой уютной гостинице.

Немного покружив, мы устроились за столиком, заказали себе какого-то вина. Ели, разговаривали — но только не о политике. Нормальный такой разговор, как будто мы в Твери в пельменной.

И вдруг он сказал:

— Жалко, нет пионеров. Они бы обшарили это место на смоленских болотах.

Я, помню, удивленно посмотрел на него: какие пионеры, какое болото?

— Найти бы пробитое крыло самолета Юры Гагарина, — спокойно объяснил он.

— Крыло? Самолета? Гагарина? — я чуть не подскочил от прикосновения к чему-то такому...

— Да. Я же был в правительственной комиссии по его гибели. Я-то знаю... Нечаянно долбанули.

— И что? И как? Ракетами?

— Да ладно... Когда-нибудь потом... — сказал Герман Степанович, вспомнив, наверное, что я еще и журналист.

Дальше было так. Мы заказали себе еще по бокалу вина, еще посидели. Ну а потом пошли.

Пошли-то пошли, но я вдруг с ужасом понял, что позабыл и название гостиницы, и переулочек, где она находится. Помнил только, что там зеленый дворик. Фонтан. Какой-то памятник...

А надо вам сказать, что в отличие от Москвы в Париже предпочитают совсем не говорить по-английски (а это единственный, кроме русского, язык, которым я худо-бедно владею).

Помню охватившее меня отчаяние, когда я мучительно пытался спросить у парижских прохожих о местонахождении нашей гостиницы. Они делали вид, что меня не понимают.

— Мы что, заблудились? — спокойно поинтересовался Герман Степанович.

— Да эти французы — идиоты. Не понимают человеческого языка, — ответил я.

И потом вдруг...

Идет женщина. На первое мое — по-английски: «Извините, не скажете...» — сделала вид, что не понимает. И тогда я злобно сказал: «Да вы знаете! Это же второй космонавт в мире. Его имя записано в Книгу Гиннеса как самого молодого человека, который был в космосе». И вдруг она остановилась.

— Герман Титов? — ткнула она в него пальцем.

Герман Степанович, услышав знакомые слова, улыбнулся, как он уже привык улыбаться при встречах с незнакомцами, для которых он всегда — знакомый.

Француженка что-то залепетала на неизвестном мне французском, потом на совсем хорошем английском попросила меня перевести, что, когда была школьницей, влюбилась в Германа Степановича, увидев его фотографию во всех газетах. И что какое счастье — вот так встретиться на улице. Ну и так далее...

Тут же выяснилось, что она знает, где этот фонтан, дворик, памятник. И знает, какая это гостиница. «Нет-нет, не надо... Я сама вас провожу».

Оказалось, что это все рядом. Просто мы шли в противоположном направлении.

Нас уже ждали посольские люди и волновались, где же мы. Все-таки опаздывать на прием к главному парламентариям Франции...

Французская женщина попросила меня перевести Г. С., что была бы счастлива получить его автограф. Стала копаться в сумочке. Нашла свою записную книжку.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

И он привычно расписался...

Уже после, в Москве, я так и не дорасспросил его о загадке Юрия Гагарина. Или в суете событий не был настойчив в своих вопросах.

Ну и автографа тоже не взял. Жаль, наверное. Хотя что там... Вон его автограф — на небе.

25.09.2000

НОВОГОДНИЙ ОТСЧЕТ XXI

Спецназовцы, ненавидящие войну, пару дней провели в Москве

Сколько мне было лет? Двадцать? Двадцать один?

Помню, что булгаковских «Мастера и Маргариту» мне дали в шестнадцать. До сих пор чувствую себя мальчишкой, когда читаю «Мастера» снова и снова.

С «Белой гвардией» Булгакова — хуже. Стал больше чем взрослый. Да, уже был двадцать один.

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом...»

Помните?

«Но дни и в мирные, и в кровавые годы летят, как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь».

Ну?

Я встречал ребят в аэропорту «Внуково». Спасибо девушкам из внуковского депутатского зала (сколько раз они выручали нас, чтобы от трапа взять пленных солдат из Чечни, которых привозил наш Слава Измайлов) — снова помогли. Даже не с пленными. С теми, кто сегодня воюет.

Последним из самолета вышел их командир Саша. Трое его солдат, которых, как и его самого, позвали на вечер памяти тех, кто погиб за шесть лет чеченской войны, и кто прилетел в Москву по просьбе Сергея Говорухина и Юры Павленкова, чтобы их вспомнить.

— Рука как? Живет? — спросил я у Саши.

— Кончай... Это мои ребята. Познакомься.

Саню я узнал в декабре 99-го. Через Юру Павленкова (он тогда работал в главном штабе Сухопутных войск). Саша был ранен в ногу. Юра ему советовал — вернее, просил! — лечь в военный госпиталь. «Нет, меня ждут ребята», — отвечал Саша.

Стал выяснять: почему парень рвется туда, в Чечню? Зачем? Что за ребята? И кто он такой?

Узнал: два ордена Мужества. Две медали «За отвагу». Представили на звание Героя России.

Войну ненавидит. В войне приходится участвовать — за ним его ребята, с кем нужно проводить спецоперации в Грозном, Шали, Гудермесе. Не дали ликвидировать Басаева. Хаттаб переиграл в одной стычке в Дагестане. Считает многих омовцев мародерами. С недоверием относится к спецслужбам. В Москву приехал, чтобы добыть для своих ребят горные ботинки и черную униформу. Таких денег не нашлось.

Через два месяца его еще раз ранят. Снова представят к званию Героя. В госпитале ему намекнут, что надо послать в Минобороны ящик коньяка. Он выматерился, когда ему удалось позвонить мне по телефону: «Юр, пошли они...»

Потом позвонил его командир, Герой России: «Помогите Сане. Он — наша гордость».

Доказать, что Саня — гордость нашей армии, у меня не получилось. «Ну чего? Дадим еще третий орден «За мужество»... Молодой еще...» — так мне ответили чиновники из Минобороны, хватающие боевые ордена на далеких от фронта арбатских переулках.

(Не смею называть фамилию Саши и его часть — слишком много денег дают за его голову. Но поверьте мне: он — честь нашей армии.)

Ну ладно... Отвлекся.

Хотя нет. Нет. Все об этом.

— Рука как? Живет?..

— Кончай... Это мои ребята...

Его ребята оказались просто ребятами.

Одному — двадцать один: Жене. Второму, старшему из Сашиных бойцов, Андрею — двадцать шесть. Третьему, еще одному Андрею, двадцать.

У первого — орден Мужества, у второго — орден Мужества и медаль «За отвагу», у третьего, самого младшего, двадцатилетнего Андрея — орден Мужества.

И командир, Саша, в тридцать лет — с иконостасом наград.

Я рассказываю, как все было.

Как они сняли свои куртки в депутатской комнате «Внуково». Как они, смущаясь своими орденами, прошли мимо известных

чиновников и генералов попить кофе и пива. Как я их познакомил с примчавшимся сюда, во Внуково, их ровесником из МГИМО Максимом Лихолетовым, только что закончившим свою практику у нас, в комитете по безопасности Госдумы. Как потом мы показывали Москву: «Вот Ленинские горы... Вот Москва-река... Вот Кутузовский... Вот Кремль... Вот Дума... Здесь — бывший ЦК... Вот — наша газета...» Как потом тетя Люся, спаситель наших не очень богатых корреспондентов, кормила их в нашей столовой... Как потом мы поехали ко мне — на дачу в Переделкино, где мои друзья Ирина Сабова и Владислав Тепленко готовили ребятам ужин... Как вечером Максим и его однокурсник из МГИМО Сергей повезли ребят по ночной Москве, пока их командир Саша убаюкивал свою раненую руку... Каким был следующий день, официальный, в ДК «Меридиан», где по призыву младшего Говорухина собрались те, кто воевал в Чечне по чьей-то воле и кто помнит тех, кто остался навсегда, навечно там, и как ребята, наши ребята, еще воюющие, отворачивались от телекамер... И как был еще один день в Москве, вечер в Москве, когда мы сидели в Переделкине... Приехали Павел Гутионтов (для читающих — секретарь Союза журналистов), Анатолий Головков, замечательный журналист и бард (для слушающих), до этого, чуть раньше, Дима Муратов, главный редактор нашей газеты.

Как это было...

Уже больше недели прошло, но, пока жив, не позабуду ребят, пацанов, которых мы, взрослые, заставили воевать там, где. Где — мы сами не можем понять.

И еще одно — очень важное.

Самый младший из этих ребят, двадцатилетний орденоносец Андрей, — из города, бывшего города — Грозного.

В январе 95-го года — в том самом январе, когда по разрушенному центру я мчался на бэтээре, уже привыкнув к тому, что на обочинах лежат тела, бывшие люди, — он учился в школе в Старопромысловском районе.

— Ты не знал, что в центре города идут бои? — спросил я Андрея.

— Мы еще думали, что можем доучиться...

Андрей мне рассказал, что в школе уже вылетали стекла от бомбовых ударов и учителя — и чеченские, и русские — брали домой классные журналы, чтобы их не унесли не ученики, а бомбежки. Но они там, на окраине Грозного, думали, что пронесет, проедет, их не коснется. Они — еще дети.

— В твоем классе были только русские или русские и чеченцы?

— Половина на половину. А что, это важно для вас? — спросил меня Андрей.

— Да нет... А что дальше... Война же...

— Потом мне отец сказал: «Здесь, наверно, будет очень тяжело. За тобой едет твой дядя. Закончишь школу в Ставропольском крае».

— А почему остался отец?

— Он нефтяник. Он думал, что еще наладится...

Андрей кончил школу там, у дяди. Поступить в Грозненский нефтехим, который окончил его отец, он уже не мог: не было ни института, ни самого Грозного.

Потом — и родители уехали из Грозного. Потом — призвали в армию. Потом — оказался в маленьком подразделении, которым командует мой друг Саша, где мужество — не доблесть, а работа. Такая вот жизнь.

Ну а потом...

Потом, потом...

Двадцатилетний Андрей брал штурмом собственный дом. В январе исчезающего, последнего в веке 2000 года. И — получил за взятие своего собственного дома орден Мужества.

— Скажи, парень, а могло так случиться, что твои одноклассники-чеченцы стреляли бы в тебя из твоего собственного дома?

— Нет... Нет... Я знаю всех своих друзей. Их тоже увезли родители из Грозного тогда, в начале 95-го...

— Ты знаешь, где они сейчас?

— В Ставрополе, даже в Москве.

— Так с кем же ты там воюешь?

Только не с моими... Чеченские ребята из Грозного не воюют.

— А кто же? Наемники?

— Да... И еще пацаны с гор, для которых Грозный — как для меня Москва.

Это, повторяю, мнение двадцатилетнего Андрея.

Ребята, с которыми меня свела жизнь в последние дни этого года и века, — не какие-нибудь шакалы войны: каждый хотел и хочет учиться дальше. Но вот время такое... Да еще (повторяю почти дословно то, что услышал от каждого): «Денег не хватит ни у нас, ни у родителей, чтобы поступить...»

Пока они воюют.

А их командиру, моему другу Саше, назначена еще одна операция. Руке — больно.

Его бы уговорить в Москву, в Бурденко. А он — о них.

Для его ребят — еще одна операция. Спецоперация. Сейчас, в канун уходящего года...

Эй, будьте живы.

Не забуду историю Андрея.

Штурм собственного дома... Орден — за штурм...

Качели во дворе. Мама с папой — и он между ними. Футбол... Драка... Взгляд девчонки... Мороженое...

«На плечах у Николки унтер-офицерские погоны с белыми нашивками, а на левом рукаве остроугольный трехцветный шеврон...» Туманятся Николкины глаза... Мы что-то штурмуем. Или детство. Или будущее.

25.12.2000

ЛЕВ ПРЫГНУЛ В XXI ВЕК. УЖЕ В ПОГОНАХ

Бывший начальник Управления по борьбе с оргпреступностью, ныне председатель комитета безопасности Госдумы генерал Александр Гуров, первым — 13 лет назад — назвавший мафию мафией, сейчас говорит, что различные «солнцевские» и «подольские» ОПГ — дети по сравнению с людьми из спецслужб и госчиновниками.

В дождливый летний день в центре Москвы мы сидели в квартире у Александра Гурова, подполковника милиции, работавшего тогда в НИИ МВД СССР, и говорили о том, что же такое советская мафия.

Это были другое время и другая страна, которую сейчас не отыщешь на географической карте.

Шел 1988 год.

Помню, потом, уже ночью, я долго думал, с чего бы начать этот наш диалог, который позднее, после публикации в «Литгазете» (где я тогда работал), произвел неожиданный для всех, включая нас с Александром Ивановичем, эффект.

А начал я тогда так:

«Слово «мафия» уже до такой степени вошло в наш лексикон, что скажи кому-нибудь, вздохнув: «Куда денешься — мафия...», тебя не спросят: «Что, тревожно в Италии, да?»

Мы сжились с этим словом настолько, что к чему только и к кому только его не приклеиваем. К магазинам, НИИ, баням, кафедрам, творческим союзам, больницам, пивным палаткам, сантехникам, дипломатам, проституткам, мясникам, шахматистам, билетным кассирам; к городам, областям, республикам, к не заметным на карте поселкам и к столичным центрам»...

Повторяю, шел 1988 год. Советский Союз исчезнет через три года. Россию как новое государство на земном шаре никто не мог представить даже в кошмарном сне.

Наш диалог «Лев прыгнул» был опубликован в «ЛГ» спустя неделю.

О собственных неприятностях, связанных с этой публикацией, я узнал спустя лишь несколько дней, когда в газету (в ЦК КПСС, а оттуда — в газету) начали поступать возмущенные письма от разных областных начальников, чьи территории мы окрасили в мафиозный цвет.

Но у подполковника Александра Гурова они начались тут же, утром, когда газета только-только вышла.

За ним приехали на черной министерской «Волге», чтобы торжественно отвезти в МВД и там, на большом начальственном ковре, так же торжественно снять погоны.

Но..

Дальше — как в красивой сказке.

Пока «Волга» везла Александра Гурова на заклание, главному редактору «Литгазеты» А.Б. Чаковскому позвонил по «кремлевке» генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев и сказал: «Наконец-то кто-то об этом написал».

Это слово — «наконец-то» — тут же, естественно, оказалось в здании МВД на Житной, и когда «Волга» довезла Александра Гурова до высокого ковра, на котором с него должны были снять погоны, оно уже ласково вылетало из уст тогдашнего министра МВД.

«Правильно. Спасибо. Наконец-то».

А возмущенные секретари обкома партии еще писали «телеги» на меня и Гурова, не подозревая, что незнание слова «наконец-то» их погубит.

Но по высшему указанию было создано Управление по организованной преступности МВД СССР (по небрежности машинистки выпало слово «борьба» в этом названии, то есть по борьбе с оргпреступностью. И сейчас имя этого подразделения звучит несколько странно).

Спустя еще полгода Александр Гуров был назначен начальником этого управления.

Потом оно стало Главным управлением МВД СССР. Таким образом была создана система подавления преступности. Были разные изменения в судьбе Гурова. Его то поднимали, то опускали. Менялись министры, менялось время, да и название страны, как известно, тоже изменилось.

Он сам-то, правда, не изменился. Даже и живет все в той же скромной подполковничьей квартире, в которой 13 лет на-

зад (господи, уже 13!) говорили мы с ним о всепоглощающем льве.

Да, был еще один эпизод этой истории, о котором мы, правда, узнали спустя много лет.

Однажды, когда А.И. Гуров был уже вытолкнут из системы, к нему пришел человек — близкий друг известного, потом убитого авторитета Лени Завадского — и рассказал, что тут же после появления статьи в городе Сочи собрался пионерский слет «воров в законе». Их почему-то очень заинтересовал наш «Лев...». И почему-то они решили, что с нами надо что-то сделать. Было голосование, по которому нам хватило двух голосов «за» (воры не хотели ажиотажа), чтобы остаться живыми. Но именно в это время Шеварднадзе совершил кавалерийский налет на грузинских «воров в законе», и у многих из них оказалась уважительная причина не попасть на сочинский «съезд».

Вот спасибо, Эдуард Амвросиевич!

Все-таки романтическое было время.

— Романтический у нас с тобой был первый лев, Александр Иванович (для непосвященных читателей: этих львов у нас было штук пять). Романтический, даже наивный, — говорю я Гурову неделю назад, когда решили мы с ним выяснить, какого же цвета лев, перепрыгнувший в XXI век.

Вот читаю я этот наш первый диалог:

«Я спрашиваю А. Гурова: есть ли отличия нашей, доморощенной мафии от западной? Отвечает, что есть... Западную мафию отличают от нашей транснациональные связи, а границы СССР, как известно, закрыты накрепко не только для мафиози. И второе, главное отличие — тамошняя мафия постоянно пытается легализовать свой капитал, порождая не подпольных, как у нас, а вполне легальных миллионеров...»

Кто бы мог представить тогда, в 1988-м, как все повернется...

— Да нет, — возражает мне Гуров, — что же там романтического? Многое-то мы тогда предсказали точно. Ведь так?

А может быть, и правда — так...

Беру наугад несколько цитат оттуда, из 88-го.

Основной признак мафии по Гурову-подполковнику: «Преступное сообщество становится мафией лишь в условиях коррупции: оно должно быть связано с представителями государ-

ственного аппарата, которые состоят на службе у преступников. Если это прокурор, то он спасет от наказания, если работник милиции, то передаст наисекретнейшую информацию, если это ответственный работник, то вовремя сделает нужный звонок».

Ну чем отличается 88-й от 2001-го?

Или еще.

Тогда мы говорили о том, что организованная преступность родилась в середине 70-х годов: все больше и больше денег начало перекачиваться из госбюджета в частные руки через подпольные цеха и фабрики. Появились и «цеховики» — преступники в белых воротничках. И как реакция на появление теневой экономики — резкая активизация профессионального преступного мира. «Даже (цитирую Гурова. — Ю.Щ.) концепции работы с новым контингентом были разработаны при помощи одного из идеологов преступного мира старой формации — «вора в законе» Черкасова.

— Что это за концепция?

— Первая: бери у того, у кого есть что брать; вторая: бери не все, ибо терпению человека приходит конец; третья: бери на каждое дело работника правоохранительных органов, ибо «мусор из избы не вынесет» (цитирую дословно. — Ю.Щ.). Руководствуясь этими концепциями, и начала свою деятельность преступная организация Монгола».

Ну как в воду тогда глядел Александр Гуров. Только, правда, мы не могли представить, что же еще сможем увидеть в конце XX — начале XXI века.

Наконец, еще одна цитата. Это уже из нашего материала мая 90-го, то есть два года спустя. Статья «Охота на льва». Александр Гуров уже начальник управления, генерал и депутат Верховного Совета РСФСР:

«Идет дальнейшая консолидация преступных группировок: мелкие группы на основе договоров образуют более крупные. Идет захват территорий, и в связи с этим обостряется борьба за сферы влияния (рзкет выступает в качестве катализатора). Это первый вывод А.И. Гурова. Второе: объединение экономической преступности и общеуголовной. Третье: внедрение мафии в государственную экономику, в систему распределения (целые

поезда за взятки поворачивают в другую сторону). Четвертое: вторжение организованной преступности в политику с помощью коррумпированных ответственных работников (по мнению А.И. Гурова, уже были попытки протащить в Советы настоящих рецидивистов). Пятое: в отличие от Запада отечественная мафия активно использует в своих целях подростков. И, наконец, шестое: выход нашей мафии на международную арену».

Да, еще вспоминаю, как спросил Александра Ивановича: о чем сейчас ОНИ думают, когда мы говорим о НИХ?

— О новой стратегии. Как отмыть деньги, как за рубежом их в банк поместить, какие изгнать группировки из одного аэропорта и самим заселиться, как выкупить своего, попавшего в беду, с кем из чиновников установить связи. Пока еще есть с кем устанавливать...

Что это за фраза такая тогда проскочила — «пока еще есть с кем устанавливать»? Вера во что-то, надежда на кого-то, naive мечты детства взрослых мужчин.

Спустя десять лет, то есть неделю назад, в январе 2001 года, А.И. Гуров говорит:

— 70% госслужащих коррумпированы. Хотя, может, даже больше.

Тогда, в первом «Льве», в 88-м, мы сконструировали некий трехэтажный мафиозный «дом», в середине которого — деятель теневой экономики, с первого «этажа» их доят гангстеры и рэкетеры, а сверху, с третьего, выкачивают деньги чиновники-взяточники.

Сегодня «дом» перестроился.

Сегодня все эти разномастные «солнцевские», «подольские», «ореховские», «измайловские» выглядят гайдаровскими тимуровцами, которых вытеснили на детскую площадку.

Тогда, в 90-м, у нас был вот такой диалог с А.И. Гуровым:

«— Организованная преступность резко поднимется. Нам придется пережить шок. Мафия какое-то время будет свирепствовать.

— Какое-то время? А потом?

— Часть уйдет в легальный бизнес, отмыв деньги, как это было, допустим, в США. Сегодня американцев не волнует «роза

ностра», а итальянцев — «каморра». («Мы ее контролируем», — сказали они мне.) Запад волнует лишь новая волна наркобизнеса.

— То есть у мафии на Западе есть свое место?

— Вот именно. И свое место, и свои виды бизнеса. Полиция их контролирует. У нас же сегодня нет «места» мафии в обществе. Она везде. И потому, когда начнется переход к рынку, мафии придется искать свое место...»

Так мы думали тогда, в 90-м...

Сегодня я лично убежден: и место, которое, как мы думали тогда, придется искать мафии, уже занято.

Спрашиваю у А.И. Гурова: почему же в середине 90-х, особенно между 93-м и 95-м, начался отстрел главарей да и просто солдат преступных группировок (только «воров в законе» в этот период было убито больше двадцати — огромный процент из общего поголовья)?

— Они стали жертвами борьбы за госсобственность, которую именно тогда сдавали за бесценок налево и направо, — считает Александр Гуров. — Хотели успеть — и не успели.

— Но вот пример колоритной фигуры — Анатолий Быков. Он как бы и там, и здесь? Он-то успел, у него получилось?

— Ну и кто сейчас контролирует красноярский алюминий?..

Тогда, в 90-м, мы говорили вот еще о чем:

«Спрашиваю: а не готовится ли и преступный мир к переходу на новую экономику? Не начал ли осваивать новые ремесла, бизнес западной мафии: наркотики, игорные дома и т. д.?»

А.И. Гуров считает, что ускорения процесса пока нет. По его мнению, в стране нет и наркомафии.

— Но почему?

— Зачем же рисковать, когда есть масса способов обогатиться более легкими приемами: и рэкет, и контроль над проститутками, и хищения, и спекуляция? Ведь известны 200 способов хищения госимущества с использованием только должностного положения. Ну в какой стране ты еще это увидишь? Вот когда мы перекроем эти каналы, тогда у нас усилится наркобизнес...»

Было сказано тогда, в 90-м...

Сейчас такое уже и не скажешь.

Наркобизнес и наркомафия — наша горькая реальность, но не уверен, что в этой реальности бандитам достался самый лакомый кусок.

Года полтора назад мне пришлось заниматься жуткой ситуацией, сложившейся в Ямбурге, городке газовиков: школьники были поголовно охвачены наркотиками, и прикрывали наркоторговцев люди в милицейских мундирах. Открыто, не боясь и не стесняясь...

Только бригада из главка по оргпреступности, которая по нашей просьбе вылетела туда, хоть как-то поправила ситуацию. Хотя как поправишь уже изувеченных наркотиками детей?

Повторяю: всех этих «солнцевских-подольских» оттеснили на детские площадки. Взрослые — другие. А те, если и львы, то уж слишком облезлые.

И дело не только в том, что оставшиеся в живых лидеры или те, кого официально называли лидерами, повзрослели, остепенились, заимели детей и имущество, которое уже сами готовы защищать от разных «отморозков». Государственная машина оказалась сильнее, но вовсе не такой, как когда-то давно виделась нам в туманном и завораживающем будущем.

Читаю иногда наивные заметки о существовании якобы специальных бригад из МВД или ФСБ, которые уничтожали и уничтожают преступные группы, — такие, видите ли, чистильщики. Даже название, помню, им придумали: «Белая стрела» или что-то в этом роде. Большею чуши не придумаешь!

— Конечно, чушь, — соглашается Александр Гуров. — Нет такого, не было и быть не может. Но... Есть киллеры — высокие профессионалы, которые в свое время работали в МВД, различных спецслужбах, спецназах, или бывшие спортсмены-стрелки. Я не исключаю, что именно их, то есть бывших, могли нанять бандиты для своих кровавых разборок.

— Или — настоящие? Те, которые в свободное от службы время находят именно такой вид заработка? Как, допустим, сержанты, которые подрабатывают, охраняя киоски или какие-нибудь офисы?

— И такого я тоже не исключаю. Но повторяю: для киллера сделать свое дело — это не просто прийти, увидеть и застрелить

или взорвать. Конечно, есть сотни «одноразовых» исполнителей, которых, как правило, тут же ликвидируют, но есть настоящие профессионалы (их весьма немного — человек 20—30), имена которых мало кто знает, но те, кто их знает, берегут их как зеницу ока. Один такой профессионал неожиданно пришел в ГУОП. Ребята оттуда рассказали мне: он пришел сдаваться из-за того, что за ним по пятам уже шла ФСБ и у него украли или забрали паспорт. И тогда он им сказал: «Вы не думайте, что это легкая работа».

Стоп, стоп... Да не мой ли это киллер?

И история с ФСБ, и с паспортом, и с этой фразой... Очень, очень похоже. Только там было еще романтичнее.

Несколько лет назад мне позвонила Маша Слоним, тогдашний корреспондент Би-би-си, и сказала, что меня разыскивает один киллер. «В каком смысле?» — естественно, удивился я.

Оказалось, какой-то парень, сказавший Маше, что он киллер, на самом деле пытается встретиться со мной: у него какие-то неприятности.

Потом он мне позвонил, и мы назначили встречу в редакции.

Они пришли вдвоем. Сам он меня поразил тем, что оказался совсем не атлетического сложения и даже в очках. «Вы тоже киллер?» — спросил я второго. «Нет, я водитель Олега».

Этот киллер оказался бывшим офицером спецназа. Его пригласили в Москву на выполнение задания. Но оказалось, что люди, которые его наняли, — бывшие или настоящие сотрудники ФСБ. У него отобрали паспорт. И его, как он сказал, начал искать другой киллер. Он себя почувствовал загнанным в угол.

— А я потратил на объект целый месяц. Они же все время меняют квартиры, дачи... — и потом добавил: — Юрий, вы не думайте, что это очень легкая профессия.

Та самая фраза...

По его просьбе я связался с ГУОПом. Минут через 15 оттуда приехал человек. Что стало дальше с этим парнем — я, честно, не знаю. Тогда мне было сказано, что его спрячут и попытаются разобраться, что да как.

Разобрались ли — тоже не знаю.

Я вдруг вспомнил эту историю по одной причине: в тех первых «Львах» киллеры не могли быть предметом нашего разговора, хотя прошло всего лишь 10—15 лет.

Тогда мы не могли представить себе, о какой «крыше» нам придется говорить сегодня.

Да, тимуровцами выглядят сейчас бывшие грозные рэкетеры из «подольских» или «солнцевских», которые «крышевали» все: от киосков и магазинов до рынков и банков. Но это вовсе не потому, что прокуратура, ФСБ, милиция или налоговики победили преступные группировки.

— Сейчас на разборках уже и бандитов-то не увидишь: с одной стороны — полковник из ФСБ, с другой — майор из милиции... Даже на большой международной конференции по борьбе с коррупцией мне не раз говорили об изменении российского криминального мира, — говорит Александр Гуров.

Да не только сейчас, во время нашей беседы. Уже год, пока мы с Александром Ивановичем работаем в одном думском комитете, говорим мы об этом. С ним и многими другими нашими коллегами.

Как же так произошло? Кто виноват в этом? Что можно сделать? Кто может что-то сделать? Новые законы? Или новые люди, которые должны сегодня возглавить все наши так называемые правоохранительные органы?

В любом киоске можно найти служебный журнал, в котором буквой «М» отмечены милицейские сборы. Это сержантское поле, мелочовка. На любом рынке знают, кто из милиции — местной, районной, городской — собирает дань. (Да сами посмотрите, какие машины стоят у отделений милиции, примыкающих к рынкам. Кажется, это не захудалая ментовка, а офис «Мерседеса» или «БМВ».) Президент огромной строительной фирмы на вопрос, не наезжают ли на него бандиты, откровенно ответил: «Да у меня руоповская крыша». И добавил: «Правда, деньги туда плачу такие же». А сколько получают офицеры действующего резерва ФСБ, занявшие начальственные кресла в крупных банках и фирмах? (Уж об этом «Новая газета» писала не один раз.)

А вот уже совсем анекдотический случай. Члены одной преступной группировки пришли за помощью к адвокату. Они ре-

шили жить по-новому и построили бензозаправку на МКАД. Спустя несколько дней к ним пришли ребята из какого-то РУОПа и сказали: «Двадцать тысяч долларов — и не будет проблем». Они, естественно, дали. Но через день к ним заявились ребята из ОБЭПа (экономическая полиция) и потребовали 15 000 долларов за «крышу». Еще через несколько дней пришел милицейский капитан, сообщил, что он курирует бензозаправку, и сказал, что 5000 долларов в месяц его вполне устроят. Но когда спустя еще день пришел другой капитан и, объяснив, что тот, первый капитан, курирует не бензозаправку, а рынки, а 5000 долларов надо платить именно ему, второму капитану, — представители ОПГ (не путать с ОВД, МВД, ГИБДД и т. д.) не выдержали и пошли к адвокату: «Мы понимаем, что надо платить, но, может, все-таки кому-нибудь одному?»

Я верю в эту историю.

И все больше и больше понимаю, что за лев устраивает свои цирковые номера на глазах у всех — от президента до человека в автомобиле, которому не надо объяснять, в какой фонд собирает деньги лейтенант ГИБДД.

Да, кстати, о фондах. Есть фонды, которые подкармливают всех: от Генпрокуратуры до налоговой полиции. Об одном из таких фондов — Фонде поддержки налоговой полиции — я писал в статье «Новые солнцевские»: руководящий состав налоговой полиции Москвы открыто вымогал с небольшого банка 300 тысяч долларов. Уголовное дело было возбуждено спустя год, и чем оно закончится, могу представить...

— Фонды поддержки правоохранительных органов, которых сейчас развелось множество? Да это просто недостойное явление, тем более что тем, кто на самом деле борется с преступниками, достаются лишь крохи с барских столов. Если и достаются, — считает Александр Гуров.

Но фондовые деньги — хоть чем-то прикрытая форма взятки. А есть еще не прикрытая, хотя бы даже «липовыми» бумагами. А есть совсем откровенная.

— Помню, когда еще занимался Узбекистаном, узнал, что кресло замначальника УВД стоит 50 тысяч рублей, а кресло начальника УВД — 70 тысяч. Я искренне удивился: откуда у людей

по тем временам такие деньги и зачем они покупают эти места? Потом мне объяснили. Все средства элементарно собираются взятками. И так же элементарно потом возместятся куда большими суммами. Это было тогда. Давно. В Узбекистане, — говорит Александр Гуров.

— Александр Иванович, ты бы знал, какие суммы сегодня платятся за назначение начальников УВД, начальников горотделов и районных начальников. Что в милиции, что в налоговой полиции, что в прокуратуре... Об этом мне рассказывали очень многие мои бывшие коллеги. Когда я говорю об этом дальше, выше, меня непременно спрашивают: «А как ты это докажешь? где документы, где свидетели, где показания потерпевших?» И даже: «И где, наконец, свидетельства тех, кто взял эти деньги?»

— Вот видишь, течет река. Она течет. Ведь не надо никаких документов или подтверждений, что это река, что она течет, куда она течет и т. д. С коррупцией то же самое. По данным наших исследований, еще раз повторяю, 70 процентов чиновников берут взятки. Но, скорее всего, больше, — считает Гуров.

Стоп, стоп... Только не говорите нам, что крайние сегодня — люди из милиции, ФСБ, прокуратуры. Не напоминайте фамилии высокопоставленных чиновников — фамилии, которые у всех на слуху. Не говорите об олигархах, которых и олигархами сделали те же самые высокие кремлевские чины.

Сегодня — о другом. Почему мы не можем выбраться из этой атмосферы? Мы что, рыбки в аквариуме?

Речь о тех, кто обязан что-то сделать, а ничего не делает.

— Александр Иванович, но у нас же в России всё сажают и сажают. Даже после амнистии в лагерях, тюрьмах и следственных изоляторах находятся более миллиона наших соотечественников.

— Я думаю об этом все время. В мире сегодня 7 миллионов человек находятся в камерах. Каждый седьмой — наш. Что это? Наши — самые преступные? Скажу больше. За последние сорок лет в нашей стране 43 миллиона человек прошли через лагеря и тюрьмы, а 76 миллионов так или иначе столкнулись с тюремно-полицейской системой. Ужасающая цифра.

— Да, только в прошлом году, в 2000-м, через следственные изоляторы прошли более двух миллионов наших сограждан. Многих потом освободили. Но и сутки в камере, в нашей российской камере, — тоже большой испытательный срок для нормального человека.

Когда бываю в зонах, слышу от начальников: «Опять посадили за украденный ящик водки или украденное ведро краски». Кого задерживает милиция? Против кого возбуждает уголовные дела прокурор? Кого осуждает суд? Самых слабых и незащитных, без высоких связей и денег? Скажи мне, почему так происходит?

— Мы уже говорим с тобой целый год об idiotской системе отчетности, сохранившейся в правоохранительной системе. Об этой системе «палок» (этот термин знают все милиционеры).

— Саша, у меня такое ощущение, что из-за этой отчетности и возбуждают дела, и скрывают преступления.

— Начальник УВД Западного округа Москвы довел до абсолютного маразма эту систему. Высчитывали на калькуляторах, но и 70 — 80% раскрываемости — это тоже вранье. Легче сделать статистику на слабых и незащитных, чем на сильных и богатых. Если не раскрыто одно убийство, что портит статистику, то начальник посылает участковых и оперов срочно проводить контрольные закупки по близлежащим торговым точкам. И тогда на одно нераскрытое убийство приходится девять раскрытых мошенничеств. Общая раскрываемость преступлений, таким образом, составляет 90 процентов. Вот и вся нехитрая «химия».

— Из-за подобной idiotской отчетности происходят многие наши беды. Откуда же она взялась и что же с ней делать?

— Дело в том, что всегда мы жили по плану, по пятилеткам. Всюду сплошные цифры, сплошная отчетность. Особенно это чувствуется в милиции. Погоны накладывают отпечаток на человека. Сегодня даже я, уже генерал-лейтенант, председатель комитета по безопасности Госдумы, когда вижу старшего по званию — в общем-то хорошего человека министра обороны Игоря Сергеева — по врожденной привычке лейтенанта милиции пытаюсь вытянуться по струнке и сказать ему как начальнику что-нибудь хорошее. Я понимаю психологию всех, от лейтенанта до министра, испытывающих желание сказать вышестоящему

начальнику что-нибудь хорошее. А что хорошее для начальника? Цифры! Мы столько-то раскрыли, столько-то арестовали. И я понимаю, что это неправда, и слушающий меня начальник понимает, что это неправда. Но и мне легче говорить так, и ему легче слушать такое.

— То есть дело не в приказах, а в психологии человека в погонах?

— И себя уже переделать нельзя. В нас это вдалбливали на протяжении десятков лет. Что с этим сделать? Думается, что мы подойдем к тому, что во главе силовых ведомств будут стоять политики. Так делается во всех цивилизованных странах Запада: министр-политик приходит и уходит, а его заместители-профессионалы остаются. Правда, для этого требуется наличие цивилизованного общества, которого у нас в стране пока не наблюдается.

Думаю, что Александр Иванович Гуров, председатель комитета по безопасности Государственной Думы, знает, о чем говорит.

Но...

Воспитать цивилизованное общество...

Хотя нуждается ли наше российское общество в воспитании? Может быть, их, воспитанных, «заметут» невоспитанные?

Однажды для цивилизованного воспитания в камере на Петровке, 38 оказался Роман Абрамович: бывший прокурор Москвы Геннадий Пономарев посадил его — то есть сделал первые правовые действия — на трое суток за хищение эшелона с мазутом. Абрамович, как я знаю, даже успел дать первые показания. Потом по чьему-то начальственному звонку дело было передано в Республику Коми (откуда и исчез мазут) и там испарилось в местных нефтяных скважинах.

Где сейчас Геннадий Пономарев?

А где находится Роман Абрамович, мы все знаем.

И еще одно. А сами-то бандиты? Они что, сейчас — самые бедные?

У них тоже все в порядке.

Увидел на улицах в Екатеринбурге растяжки, пропагандирующие партию под названием «ОПС«Уралмаш». (Объясняю

для непосвященных: объединенная преступная группа — ОПГ. ОПС — то же самое: «Г» — группа. «С» — сообщество.)

В Екатеринбурге об этом знает каждый.

Недалеко от госпиталя, где один великий доктор пытается спасти всех ветеранов — от Великой Отечественной до невеликих афганской и чеченских, — кладбище. Центральная аллея — в памятниках не жертвам этих войн, нет — жертвам крупных разборок между уралмашевскими. Классными памятниками открывается кладбище: у одного погибшего братка птица вылетает из клетки, у другого — руль от «Мерседеса» в руках... И — охрана. Чтобы не осквернили могилы. А рядом, в пятистах метрах, в ветеранском госпитале пацаны из Чечни лежат в коридорах, и денег нет на новый корпус: матери погибших солдат проводят марафоны, чтобы кто-то подарил госпиталю картошку, капусту да телевизор в палату.

Правда, их спасает великий нейрохирург. (Не называю имени: его и так знают не только в городе, но и во всей России. Стыдно что-то стало: рядом с братками?..)

Но Россель, поддерживающий партию «ОПС«Уралмаш», отстает от Москвы.

Ладно.

Я думаю о других: о тех молодых операх и следователях, которые пришли в милицию, прокуратуру, ФСБ, налоговую полицию с надеждой что-либо изменить. Многие из них — мои товарищи. Они скрипя зубами рассказывают, как их пытаются сломать не бандиты, а собственные начальники.

Думаю о тех высоких профессионалах с известными на всю Россию именами, которых вытолкнула Система только за то, что они не хотят жить по новым правилам львиных игр.

Мы думаем, что они когда-нибудь вернуться. Мы надеемся, что те, кто пришел, не будут продаваться.

Иначе во что превратится наша страна?

P.S. С 1991 по 1998 год из системы МВД ушли 1 600 000 (один миллион шестьсот тысяч) сотрудников.

За прошлый год из московской милиции уволились 9000 сотрудников.

То же происходит и в других правоохранительных органах. Не говорю, что ушли только хорошие, а пришли только плохие.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Сама цифра меня поразила: сколько сегодня за решеткой? Сколько — перед ней? Больше ничего не могу добавить.

Лев все еще прыгает. Волосатый лев затаился. А в погонах — прыгнул.

29.01.2001

«СЕКРЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ» И СЕКРЕТНЫЕ НАГРАДЫ

Мало кто знает, что Патрушев (ФСБ) и Рушайло (эксперт-министр МВД) уже стали Героями России.

У нас не «Война и мир». На чеченской войне не могу себе представить благородных отношений между смертельными врагами. Благородства войны нет, а политические салоны на манер толстовской Анны Шерер, никогда не видевшие войну, кровь, грязь, слезы, пот и еще раз грязь, грязь, рассуждают о стратегии, тактике, хвалят одних генералов, хвалят других, цепляют любимым генералам самые высокие награды.

Будто большая Россия воюет снова с Наполеоном. Правда, кавказской национальности.

О чем я? Да все о том же. О Чечне. О той радостной неадекватной истерии начальства по поводу того, что убит полевой командир Бараев. (Подонки, о котором мы не раз писали. Но сейчас — не о нем, а об истерии.)

Все, даже дети из первого класса школы, научились произносить слово «спецоперация». А мы их еще учим и учим тому, что показанный со всех сторон труп, валяющийся на земле, — это здорово.

Никогда не писал о том, что происходит в Думе, не ругался публично со своими коллегами. Но главного рабочего страны, ни разу не рискнувшего поехать в командировку в «горячую» точку страны, не могу не процитировать.

Среда. 27 июня. 105-е заседание Госдумы.

Председательствующий. Так, Шандыбин Василий Иванович, пожалуйста.

Шандыбин В.И.: «Уважаемый Геннадий Николаевич, наконец-то спецслужбы России приступили от слов к делу и продемонстрировали величие русского духа. Уничтожен кровавый террорист Арби Бараев. Все мы знаем, что Бараев был врагом чеченского и других народов. Считаю, что газета «Известия» правильно охарактеризовала эту спецоперацию как начало пути к миру в Чечне. Предлагаю поручить комитету по безопасности

подготовить от имени Государственной Думы приветственную телеграмму на имя министра обороны Иванова, министра внутренних дел Грызлова и непосредственно руководителя этой операции директора ФСБ Патрушева. А также ходатайствовать перед Президентом о награждении участников операции государственными наградами. Кроме того, я предлагаю всем депутатам выразить свое восхищение и благодарность нашим спецслужбам за проведенную операцию».

Вот он — наш сегодняшний роман «Война и мир». Вот они — наши салоны Анны Шерер. Еще одним нашим генералам — по одной звездочке.

По мнению моего коллеги по Думе, человека, знающего и информированного, Асланбека Аслаханова, генерала МВД СССР, избранного от Чечни, Бараева убили кровники. Те, чьих родственников уничтожил этот бандит. Тому подтверждение: жители его родного села отказались пропустить машину с его телом, родная земля отказалась принимать его. Но почему-то шеф ФСБ Патрушев, которому Шандыбин предлагает вручить высокую награду, специально прилетел в Чечню, чтобы появиться перед телекамерами как автор этой спецоперации.

Не волнуйтесь за него, Василий Иванович.

Примерно два года назад по секретному указу (его почему-то называют еще «пьяным») ему, Патрушеву, а также Рушайло и еще нескольким высокопоставленным чиновникам уже было присвоено звание Героя России.

Может быть, неслучайно Патрушев сегодня и занимает особняк, который раньше арендовал еще один «салонный» герой чеченской войны — Борис Абрамович Березовский.

Вот она — правда об этой чеченской войне.

Вот наш нескончаемый роман «Война и мир».

Гибнущие солдаты и офицеры у нас безымянные.

Салонных героев не перечесать. (Кстати, за Афганистан Героями стали около 300 человек, за чеченскую, на своей территории, — уже больше 500.)

Помню, никогда не забуду свою первую чеченскую командировку. Для меня это была первая война. Тогда я написал нервную и злую статью «За Родину. За Мафию». Короткий отрывок оттуда:

«Люди, с которыми я провел неделю на этой войне, не только не профессиональные военные (кроме, естественно, офицеров

внутренних войск, да и то их главное тяжелое оружие — хрупкие бэтээры), но и в самой меньшей степени ответственные за ошибки политиков в чеченском конфликте: дали приказ, сказали «Надо», не объяснив толком, что же ждет их — профессиональных борцов с профессиональной преступностью. Они умеют анализировать, искать доказательства, проводить облавы и рейды, естественно, стрелять, некоторые из них — те же собровцы — хорошо владеют различными боевыми приемами. Их враг — мафия, которая, при всей своей мощи, еще не докатилась до фронтовых операций.

Но недели, а у некоторых — уже и месяц войны (о количестве проведенных здесь дней можно судить по тому, какая у кого выросла борода) превратили их совсем в других, незнакомых мне людей.

— Какой мир! Какие мирные переговоры! С кем? С этим бандитом? После того, как столько наших ребят полегло? — слышался всеобщий ропот на мои робкие слова, что не может же так продолжаться еще и еще: тупик, а за ним — пропасть...

Больше того! Они кричали на меня, как будто я, журналист, виноват во всем, единственный во всей России: «Хватит нас оплевывать! Что, мы самые виноватые?.. Чеченцы — люди, а мы кто? Где же вы были раньше со своими правами человека, когда в Чечне был полный геноцид русского населения? Почему не возмущались, когда русских за бесценок заставляли продавать свои дома?!».

Я им говорил о разоренном городе, а они мне: «Почему же вы не напишите, как они повесили вниз головой 11 солдат на здании Совмина?» Я о том, как армейский капитан положил из автомата четырех мирных жителей, абсолютно непричастных к тому, что из его батальона в живых осталось только шестеро солдат, а они мне о том, сколько чего они нашли в чеченских домах с ограбленных поездов.

И я понимал их личную правоту — каждого в отдельности, пережившего за эти дни здесь такое, что в страшном сне и мне бы не приснилось. Но я знал, что где-то в другом подвале другого дома кто-нибудь из моих коллег точно так же, сидя с чеченскими боевиками, слушает о пытках, которыми русские солдаты подвергают чеченцев.

И возможно, точно так же и мой коллега услышит грозный ропот в ответ на мой вопрос: «Может быть, хватит? Может быть,

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

пора кончать? Может быть, все-таки мир?». А после этого снова — слова о родном, чеченском, доме, вообще о Родине, вообще о свободе?

Может, война — это зеркало, в которое смотрит человек и не может в нем узнать себя самого?

Что-то не так в этой российско-чеченской баталии. При всем идиотизме войн в них обычно присутствует хоть какая-то, но логика».

Повторяю, это написано в январе 1995 года.

Но ничего не хочу менять, потому что ничего не изменилось. Я не позабуду, да мы все, конечно, как спокойно ушла банда Радуева из Первомайска.

Я знаю, как и почему отпустили Басаева и Хаттаба из Дагестана. Это ИХ игры. Это ОНИ шлепают друг другу на мундиры свои новые звездочки Героев и ордена.

Это ОНИ доказывают, что убийство — это хорошо, забывая о том, что это все происходит на нашей единственной Родине.

P.S. Наш товарищ Саша Раковицан после очередного ранения снова в госпитале. Трижды представленный на звание Героя России, так и не получил Героя. Сначала от него потребовали ящик коньяка, потом — денег.

02.07.2001

КТО ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ МИРУ?

День 11 сентября уже стал днем историческим, пополнив череду печальных дат в современной истории человечества. Или в истории современного человечества.

Да, было все: от террористов-одиночек, в нашем обиходе называемых киллерами, до взрывов посольств, домов, автобусов, дискотек и торговых центров. Такого еще не было... Открытых военных действий...

Весь мир терзается в догадках: кто стоит за этим ужасом и кошмаром? Какая страна? Какое имя? Какие очередные уроды?

(Слава богу, хоть наш Радуев в «Лефортово» — уж он бы наверняка тоже объявил себя причастным.)

Но меня больше интересует не слово «КТО». С «КТО» еще можно справиться: отбомбить, стереть с лица земли, расстрелять или даже четвертовать в назидание потомкам.

Меня интересует, ЧТО стоит за открытым объявлением войны мирному человечеству.

С кем бы я ни говорил (поверьте, люди это знающие и компетентные), никто не считает, что за этим всемирным кошмаром стоит какое-то правительство или государство. С сомнением относятся и к именам заказчиков, которые сейчас у всех на устах.

Большинство сходятся на версии, что в данном случае мир столкнулся с суперпрофессионалами, появление которых разнообразные спецслужбы просто проспали, занятые разборками между собой.

Один из моих очень информированных собеседников сказал:

— Исполнителей-камикадзе найти сегодня не очень трудно, это могут быть и палестинцы, и арабы, и даже латины. Для планирования и подготовки подобной операции, еще не виданной в мире, требуются суперпрофессионалы. Не думаю, что бен Ладен является именно таким «профи». Да, для подобного невиданного теракта нужны огромные финансовые вливания, и деньги у него есть. Но то, что это именно бен Ладен, — не уверен. Такая операция планируется не одну неделю, не один месяц...

Даже, помню, покушение на посла Турции в Будапеште готовили почти полгода... Здесь куда дольше... — и неожиданно для меня предположил: — В мире появился кто-то, кого мир еще не знает. Этот человек — или люди — способны переполющить всю планету.

Потом добавил:

— К этому теракту будут примазываться очень многие... Бог с ними! Страшнее другое: он стал мощнейшим стимулятором для индуцирования новых и новых терактов, страшных терактов, к которым человечество, разделенное на очень богатое и очень бедное, просто не готово. Ведь, как ни позорно для нас, людей, бедное-то человечество чуть ли не рукоплещет — или даже рукоплещет, — наблюдая апокалиптические картинки из Нью-Йорка... Боюсь, что XXI век принес нам нового Че Гевару, но уже без всякого романтического ореола. И думаю, что его имя вскоре станет известным...

Да, согласен, этот теракт может стать серьезным стимулятором для тех, кто хочет отомстить богатым: людям, городам, странам...

Мир оказался на грани войны... Но знать бы, с кем. Конечно, можно покрыть целые районы, города и даже государства кровавым бомбовым ковром. Но будет ли польза...

Американцы пробовали в Ираке и в Афганистане, уменьшили они опасность терроризма? Ликвидировали одиозных главарей? (Верхом цинизма были в эти дни заявления некоторых наших политиков и телеобозревателей, ставящих в один ряд события в Штатах и в Чечне: вот, а некоторые говорят о каких-то переговорах! После такого-то...)

Сегодня можно говорить о беспомощности американских спецслужб, о близорукости американских политиков, которые смотрят на звезды, но не замечают того, что под ногами. Не радоваться же чужим ошибкам, которые привели к величайшей трагедии!

Мне часто приходилось встречаться (как депутату и члену Комитета по безопасности) с представителями различных западных спецслужб. С нашими, естественно, тоже. И я понял: сколько бы ни говорили о совместной борьбе с международным терроризмом — ни о чем не договоримся! Все они — дети и наследники холодной войны, и поймать шпионов друг друга куда важнее, чем

вместе ликвидировать одного террориста. Мир оказался беспомощен перед тем, что произошло. Все мы оказались учениками на этом жутком уроке, после которого многие уже не вернулись домой.

13.09.2001

ДВЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ НЕ ПОНЯЛИ ДРУГ ДРУГА

Чеченский вариант может стать сценарием для всего мира

Мы находимся не на пороге... Мы уже перешли порог третьей мировой войны.

Иногда эта война мне снилась, но я не думал, что она так близко.

Первая мировая была войной экономической, Вторая мировая — идеологической. Третья мировая будет война двух цивилизаций.

Я это всегда чувствовал на Кавказе, в Чечне. Я часто заходил в тупик, пытаюсь понять, почему женщины не должны сидеть за столом. В ответ мне улыбались, но не понимали меня.

После американской трагедии Америка думает, что она, Америка, может победить иную цивилизацию.

Я представляю, как это будет, когда вижу карты и схемы нападений на базы террористов. Но базы сегодня — это государства.

А люди — это не государства, это просто люди.

За эти дни я говорил со многими западными политиками и представителями спецслужб. И понял, что, по их мнению, для спасения мира осталась одна возможность: бить до конца, используя накопленный в одной цивилизации опыт — ракеты, бомбы, точечные удары, по всем тем, кто цветом кожи напоминает бандитов, подонков, уродов, кто совершал эти чудовищные акции в США.

Я понимаю, почему наши российские «ястребы» так довольны, что досталось и Америке.

Они считают, что чеченский вариант в России должен стать вариантом для всего мира.

Помню, когда в Ханкале я спросил у Казанцева (он тогда был командующим нашей группировкой), почему надо наносить бомбовые удары по территории Чечни, из-за которых гибнут дети, женщины, старики, он мне ответил: «Мы же армия, нам же дали приказ».

Конечно, это дело спецслужб — борьба с террористами.

Понимаю, кажется, сегодня американская армия готова повторить наш чеченский вариант.

Мне снится эта война. Это Третья мировая. Война двух не понимающих друг друга цивилизаций.

Одна цивилизация против другой цивилизации, одни традиции против других традиций.

Первая мировая началась с Сараево, Вторая — с Польши, а Третья — с Нью-Йорка? Или с Кабула? Или с Грозного?

К чему могут привести обширные военные действия одной цивилизации против другой цивилизации? Только к одному: воспитанию ненависти к «не своим». Дети войны еще отомстят, дети войны еще скажут свое слово, когда наши внуки будут большими.

Давайте спасем мир от Третьей мировой! Терроризм — это общая беда. Я думаю, что главный кризис нашей истории (сегодняшней истории) — это беспомощность мира перед войной.

Мы сделали так много ракет, самолетов, авианосцев, танков, гранатометов... Что там еще?.. Мы направили их всех друг против друга.

У двух сверхдержав, России и США, главные задачи — бороться друг с другом (самые большие управления в ЦРУ и в СВР — отделы по борьбе с противниками холодной войны).

И вдруг мир оказался на пороге той войны, где любые шпионы кажутся советскими тимуровцами (или томсойеровцами для американцев). Просто две цивилизации не поняли друг друга.

Повторяю, почему наши политические «ястребы» так довольно потирают руки: «А вы нас осуждали за бомбежки Чечни, вот и вам досталось»

Но я помню, как в конгрессе США мне сказал коллега: «Ты пойми, наши, то есть власть исполнительная, не хотят доставать бен Ладена, как и ваши исполнители не хотят доставать Хаттаба, они хотят сохранить свой Мир».

А мы постараемся сохранить Мир наш.

17.09.2001

ПОЧЕМУ ПРЕЗИДЕНТ — ЭТО ЕЩЕ НЕ КОРОЛЬ

Я удивляюсь каждый день.

Кажется, что удивление есть нормальное состояние человека. Наша делегация Госдумы была в Стокгольме. Вице-премьер Швеции Л. Ельм-Валлен сказала нам, что она сейчас опаздывает на поезд. Вице-премьер — третий человек в Швеции после короля и премьера. Она поехала на вокзал на велосипеде.

Повторяю: третий человек большого государства. Движение для велосипедов не перекрывают.

Да, конечно, мы выиграли Полтавскую битву, но когда в короля Швеции кинули кусок торта (это был не бен Ладен, а шведский подросток), то король спросил этого подростка, закованного в наручники, не жмут ли они ему, и запретил возбуждать уголовное дело по поводу нападения на короля.

Я понимаю, что у нас разные государства. Но когда я вижу, как автомобильный народ ждет по часу проезда нашего президента, то понимаю, что Путин пока не король.

Стокгольм — Москва

12.11.2001

СУДЬИ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

**То, что происходит в наших судах, —
это невидимые миру слезы**

Закованные в броню абсолютной неприкосновенности, судьи рассматривают любое слово, направленное против них, как посягательство на данную законом неприкосновенность. Любой запрос, даже официальный, посланный из Госдумы, наталкивается на корпоративную оборону.

«Берут ли взятки в судах за смягчение приговора?» — «Клевета».

«Сколько надо заплатить арбитражному суду, чтобы вернуть собственные деньги?» — «Оскорбляете!».

«Сколько надо добавить в карман судьи, чтобы матерый преступник был отпущен под залог?» — «В суд за клевету».

Все замечательно, все хорошо в нашей судебной системе, только почему же не верят в справедливость нашего «самого гуманного», который до сих пор гордится наименьшим в Европе числом оправдательных приговоров (0,4 процента — у нас, 15-17 процентов — в Европе).

Официально гордятся (даже кичатся) своей святостью, но, как всегда в России, народный фольклор эту святость высмеивает. Вот один из фольклорных примеров:

Судья звонит своему другу: «Скажи, что мне делать? Завтра выносить решение по одному финансовому спору. Одна сторона предлагает 150 тысяч долларов, а вторая — 100». Ему отвечают: «Возьми с каждого по сто тысяч и суди по совести».

Что это? Фольклор отражает жизнь или жизнь становится фольклором?

А это уже не фольклор — реальная история.

В одном из приморских городков в райотдел милиции приходит отдыхающая — судья одного из приволжских городов — и сообщает, что ее только-только нагрели на «лохотроне» на 20 тысяч долларов. Молодой опер возьми и спроси: «А откуда у судьи такие деньги?»

Бедный парень! Ему потом пришлось еще долго отписываться на заявления судьи, обвинившей его в нарушении ее, судьи, независимости.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Пишу это не для того, чтобы бросить тень, на весь судейский корпус (у нас, если скажешь, что генерал взял взятку, — обидишь всю Российскую армию, напишешь про сотрудника ФСБ, крышующего банк, — рушишь систему национальной безопасности). Знаю, как все происходит в закрытом от посторонних глаз, подкованном судейском мире, от самих судей, которых выкинула сама эта система.

Пытаюсь понять, почему же даже робкие шаги по демократизации судебной системы вызывают такой яростный отпор высших судебных иерархов, — не понимаю. Не на свободу третьей власти посягает судебная реформа — на приближение к реалиям жизни, к европейским стандартам, к гражданскому обществу, к защите не чиновника, а просто гражданина.

Россия и сейчас стоит на первом месте по количеству людей, находящихся за колючей проволокой, — больше миллиона. Но когда бываешь в зонах, слушаешь от начальников одни и те же слова: «Опять сажают за ящик водки да за пьяную драку. Серьезных-то у нас нет».

Нет, нет... Да откуда им взяться, если даже министру-взяточнику дают смехотворный срок: девять лет... условно.

Может быть, и причина столь явной судебной избирательности в той сложившейся ситуации, которую так хочется переменить.

17.12.2001

СВОЮ ГРУЗИЮ Я НЕ ОТДАМ

Давно не было так беспомощно стыдно, как в три последних дня прошедшей недели.

Когда в среду на закрытом заседании Госдумы министр обороны Сергей Иванов назвал Грузию не только «так называемым государством», но и обозначил ее чуть ли не «потенциальным» противником России, серьезно не воспринял эти его слова: Иванов — человек в политике молодой, в армейской системе — тем более. Мало ли что сорвется с языка! И не такое слышал!

Но когда спустя два дня почти то же самое услышал уже от президента Путина, да еще больше, серьезнее — с угрозой военного вмешательства в дела соседнего с нами государства, — стало не по себе.

Да, отношения с Грузией испортились, дальше некуда... Даже не России и Грузии — куда нам деваться друг без друга! — между политическими элитами двух стран.

Но одно дело — политические покусывания президентов, спикеров, министров и политтехнологов. А тут — прямые, откровенные, неприкрытые угрозы!

Понимаю, дерутся малолетки на окраинном дворе: «Ах, вы Васю-косоного позовете, так у нас есть свой Петя-кривой!», «Получай, фашист, гранату!» и так далее...

Но это же люди, народы, наше прошлое, наши друзья...

Поразила почти единодушная эйфория, охватившая политиков разных мастей и окрасок при президентском обещании очередной крови, при новом «мочить», при откровенном призыве к охотничьему инстинкту: «Ату их, ату...»

Стоп-стоп! Это что, грузины сначала привезли Дудаева в Чечню, а потом не знали, как от него избавиться? Это в Тбилиси сквозь пальцы смотрели, как образуется в Чечне беспредельный режим? Или это грузинский генерал сказал, что возьмет Грозный силами одного десантного полка? Это их самолеты раздолбали Грозный, Гудермес и десятки, сотни поселков, сел и аулов? Это их командиры подписывали — и подписывают — тысячи похоронок? Это их генералы спокойно выпустили Хаттаба и Басаева из Дагестана, обрекая Россию на очередную чеченскую войну? Или это их спецслужбы годами гонялись за Радуевым и

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

Бараевым, пока наконец одного не сдали сами чеченцы, а второго сами же не убили? Наконец, на чьих счетах оказались миллионы и миллионы бюджетных денег, которые выделяли и выделяют на вечное восстановление Чечни?

И еще — разве Грузия звала к себе тысячи беженцев из Чечни? Их загоняли туда наши, российские бомбы, наши, российские танки, наш, российский спецназ с жестокими и часто бессмысленными зачистками!

Что же вы не ловите своих, то есть наших российских террористов в Панкисском ущелье! — грозно стучат кулаком по столу наши генералы, в штатском и в форме.

Господа, да подойдите к зеркалу!

Если за две чеченские войны через эту бойню прошли около миллиона российских мальчишек, то где же взять такую армаду маленькой Грузии?

Или что, у нас выросло еще одно необстрелянное поколение, которому, чтобы стать истинными россиянами, не хватает одной малости: погибнуть самим или убить другого?

Или просто выборы на носу?

Но куда хуже, куда опаснее, что результатом этой «мочительной эйфории» станет не временная вражда между двумя президентами — президенты приходят и уходят, — а та трещина между нашими народами, та пропасть, которая страшнее всяких ущелий...

Нет! Свою Грузию я не отдам!

И не забуду, как маленьким чуть не плакал на последних кадрах фильма «Отец солдата».

16.09.2002

СЕКРЕТНЫЕ ГЕРОИ

Закрытыми указами Золотые Звезды раздают начальству. О чем нам написали бойцы группы «Альфа»

Помню, как в ту октябрьскую ночь мы общались на Дубровке. Как врачи, депутаты, журналисты, в том числе из «Новой газеты», таскали воду людям, оказавшимся в плену у террористов. Как вместе оплакивали тех, кого не удалось спасти. В принципе это была нормальная работа в ненормальной ситуации.

Но были еще ребята, имен которых мы не знали, да и не знаем сегодня: те, кто брал штурмом этот ставший известным на весь мир Дом культуры. Мы вместе хохотали над тем, как некоторые депутаты Мосгордумы взяли почетные знаки за участие в операции по освобождению заложников, и даже краснели за них. Но на самом деле из спецслужб только бойцы из «Альфы» и «Вымпела», двух спецподразделений ФСБ России, были достойны наград. И вдруг...

А что «вдруг», вы поймете из этого письма...

«Пишут Вам бойцы группы «Альфа» ЦСН ФСБ России, участвовавшие в штурме «Норд-Оста».

Сразу же после Нового года состоялось награждение орденами и медалями сотрудников спецподразделения ФСБ, принимавших участие в штурме. В том числе пятерым было присвоено высокое звание Героя России.

Из них по одному бойцу групп «Альфа» и «Вымпел» получили звезды Героя — ребята во всех отношениях заслуженные: прошли все горячие точки.

Кто же остальные три «героя», примазавшиеся к чужим заслугам?

Это первый замдиректора ФСБ генерал В. Проничев — руководитель штаба по освобождению заложников и начальник ЦСН генерал А. Тихонов. Причем именно Проничев и Тихонов отвечают за борьбу с терроризмом на территории России.

Мало того, что они не понесли никакого наказания за проникновения террористов в центр Москвы, но и получили звезды Героев, отняв их, по сути, у более достойных ребят, действительно рисквавших своими жизнями.

Пятый Герой — это химик, путивший газ в театральный центр. Человек, ставший и спасителем, и убийцей для многих заложников. <...>

С уважением бойцы группы «Альфа»

Я стал выяснять: правда это или нет? Что, дали Героев еще и людям, которые не участвовали в освобождении?

Оказалось — чистая правда. Сам президент Путин закрытым указом наградил бывших своих коллег — двух генералов ФСБ, и сам лично вручил звездочки Героев на коллегии ФСБ России.

Почему обижены ребята из «Альфы» и «Вымпела»? Оказывается, на своих офицерских собраниях в присутствии своих начальников они решили наградить только тех, кто был там, в том здании, в том мраке и кошмаре.

Но, как обычно, на мраке и кошмаре другие делают себе свое светлое будущее.

Не понимаю, что у нас происходит с закрытыми тайными указами о присвоении звания Героя России.

Раньше было все ясно: нелегальные разведчики, ядерные академики. Но только за последнее время по закрытым указам стали Героями России директор ФСБ Патрушев, секретарь Совета безопасности Рушайло, генеральный прокурор Устинов. Их надо награждать тайно, опасаясь за их жизнь? Но генералы — тот же Казанцев или Трошев не стесняясь носят свои Звезды.

Рушайло, Устинов и Патрушев стали Героями за успехи в чеченской войне. Сколько еще таких Героев?

Я позвонил в Ассоциацию Героев СССР и России, возглавляемую генералом Варенниковым. Мне сообщили точные цифры, сколько званий Героев присвоили за 9-летнюю афганскую войну: 40-я армия — 44, КГБ — 6, МВД — 1, погранвойска — 7.

Когда мы стали узнавать, сколько Героев присвоили за чеченскую войну, нам ответили: не знаем. Почему? — удивились мы. Нам сообщили, что это секретные данные.

И я понимаю, почему они секретные: из тех, кто воевал и воюет в Чечне, 90% награждены посмертно.

Помню, как мне сказал грустный майор контрразведки в Чечне, только что потерявший своего товарища: «Если погибну и мне дадут Звезду Героя посмертно, может быть, моя семья бу-

дет жить в квартире». Те, кто воюют, знают, что это такое. А «секретные» — это «левые герои», которые идут за спинами героев настоящих. Как и случилось с «Норд-Остом».

Не понимаю, почему наш президент раздает великие звания не тем, кто делает что-то, а тем, на чью поддержку он может рассчитывать.

Так обычно происходит в африканских и латиноамериканских странах в периоды военной диктатуры.

И потому я понимаю обиду ребят из «Альфы» и «Вымпела»: они что, лишь сопровождение для этих генералов?

Думаю, что любому начальнику было стыдно получать награды за «Норд-Ост». Так отдали бы их тем, кто честно занимался своим рабочим военным делом.

У нас есть друг — Саша Раковицан. Героический парень, дважды раненный, он всегда снова шел к своим солдатам, чтобы они не были одни. У него два ордена Мужества, дважды его представляли к званию Героя России. Первый раз, когда после первого ранения он лежал в госпитале, его попросили послать в Москву ящик коньяка, и все его ребята скидывались своими маленькими деньгами, чтобы это сделать. Потом попросили передать деньги. У него их не было.

Я приведу только одно его представление на звание Героя:

«Прапорщик Раковицан Александр Викторович, командир комендантского взвода 205-й отдельной мотострелковой бригады, в период с 13 августа 1999 года по 17 января 2000 года выполнял правительственное задание по уничтожению вооруженных бандформирований на территории Республики Дагестан...

6 октября прапорщик Раковицан А.В. возглавил обходящий отряд, переправлявшийся через реку Терек. Бандиты подготовили мост к подрыву. Прапорщик Раковицан А.В., спрыгнув с моста, своим весом оборвал провода и тем самым спас единственный мост через реку Терек.

...15 ноября 1999 года... зашел во фланг противника и закидал боевиков гранатами...

...31 декабря... 9 января... 17 января... Тяжело ранен, но продолжал руководить боем...

Вывод: за личное мужество и героизм, совершенные при исполнении воинского долга, в условиях, сопряженных с риском

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

для жизни, прапорщик Раковицан Александр Викторович достоин присвоения звания Героя Российской Федерации.

Командир оперативной группы войск «Запад» полковник Стволов С.Н.».

Помню, как мне позвонил Герой России Сергей Стволов, командир Саши: «Мне стыдно: я получил Героя, а Саша — нет. Сделайте что-нибудь». Я писал письма министру обороны, президенту. Ответов не было. Герой России полковник Стволов погиб. Больше никто не просит меня за своих ребят.

P.S. А если этим новым «секретным» героям дадут еще одну «секретную» звезду, то по еще не отмененному советскому закону надо ставить бюст на земле, где они родились. Представляю этот бюст: пустой постамент с надписью «Генералу Киже». («Поручик Киже» — повесть Юрия Тынянова, названная в честь виртуального героя, появившегося в результате писарской ошибки. «Поручики же» было написано так: «поручик Киже». Этот герой России XIX века сделал бурную карьеру.)

03.03.2003

БАРАНОВ МНОГО. ОВЕЦ ДЛЯ ГЕНЕРАЛЬСКИХ ПАПАХ НЕ ХВАТАЕТ

Новость о том, что военную реформу надо срочно форсировать, то есть переходить на контрактную службу, не считаю той новостью, которая потрясла весь мир.

Несмотря на заявление министра обороны Сергея Иванова и заседание правительства — никто так толком и не разобрался, будет реформа или нет; если будет, то когда и кого в конце концов она коснется.

Даже весеннему ежику понятно, что подобный эмоциональный взрыв: «сделаем, сделаем, сделаем!», «быстро, быстро, быстро!» — был вызван прежде всего тем, что американцы провели блестящую операцию в Ираке. До начала этой операции все российские эксперты в один голос заявляли не только о том, что война будет затяжной и кровавой, но и о том, что с них, с американцев, взять: «Они умеют только бомбить да швыряться ракетами, а попробуй они столкнуться с противником на земле, лицом к лицу! Куда им!»

Оказалось, что ошибка вышла: и на земле умеют, да еще как!

Кто же такому научил? Кто же их обул, одел, дал потрясающее оружие, тренировал для битв в пустыне, запрещал выносить из завоеванных домов холодильники и телевизоры и не брать деньги за проезд через блокпосты?

Боюсь, что это были не российские учителя.

Оказывается, и нам нужна профессиональная армия, иначе все наши попытки выиграть сражение даже на территории собственной страны обречены на провал.

Выдам страшную военную тайну: когда чеченско-арабские боевики вторглись на территорию Дагестана, для того, чтобы остановить их, срочно начали искать не то чтобы боеспособную дивизию — боеспособную роту и взвод и даже боеспособных воинов! Вот так, со всей России (!), с бору по сосенке, была собрана сотысячная группировка.

А чем же занимается вся остальная наша российская рать?

Почему наши военачальники, сквозь зубы соглашаясь на необходимость контрактников в армии, все время говорят о при-

зыве, и даже один год в армии (в каком-то будущем времени) сопровождается грозным: «Но никаких отсрочек!».

Зачем нам вообще нужна такая военная орава, если события последних лет показали, что орава эта если что и умеет, то маршировать на парадах?

От слов о том, что «каждый молодой человек обязан пройти военную школу», веет какой-то старобылиной древностью. Молодежи, умеющей стрелять и махать кулаками, в России предостаточно: только через Чечню за две войны уже прошло (вместе с милицейскими десантами и т.д.) около миллиона молодых ребят. Какая еще школа похвастается таким количеством выпускников! Но почему же с такой стремительностью растет число тех ее учеников, которые сбегают из этой школы, в лучшем случае — в комитеты солдатских матерей, а в худшем — на необъятные российские просторы вместе с прихваченными «Калашниковыми»?

Сильными хотят стать миллионы ребят, образованными — сотни. Уметь нанести удар другому человеку могут многие, защитить от удара — другого человека — единицы.

Милитаризация общества необходима прежде всего тем, кто привык командовать, а не убеждать. Контрактная система военной службы опасна тем, кто привык использовать даровую военную силу в своих личных и часто — корыстных интересах.

И теперь к самому главному: генерал без солдат — не генерал. Чем больше в стране генералов, тем больше им нужно солдат. Потому-то и держится в такой тайне количество генералов в России (не только в армии и на флоте — в многочисленных силовых ведомствах, от милиции до ФСБ).

Однажды я спросил у одного высокопоставленного силового чиновника, которого мы пригласили в Комитет по безопасности:

«Вы постоянно говорите, что нет денег! Почему же тогда так много генералов и год от года их становится все больше и больше?» Ответ меня обескуражил: «Но у людей же должна быть перспектива роста! Иначе они же все разбегутся!».

Да, должна, но не до такой же степени! Я был, честно, ошарашен, когда однажды на совещании в Генштабе перед поездкой в Чечню не столько удивился числу людей в лампазах, снующих по коридорам, а тому, что размер моей головы и ног (для того, чтобы приготовить камуфляж) в перерыве совещания выяснял

человек с генерал-майорскими погонами — хозяйственная операция, достойная, в лучшем случае, сержанта.

Когда в ответ на вопросы о том, почему же в армии не прекращаются дедовщина и прочие издевательства, почему молодежь бежит из этой армейской школы, ответ военных одинаков до издевательства: какое общество — такая и армия.

Но только надо добавить: стремительный рост генеральской армии в стране (говорят, что в армии это началось при Грачеве, в МВД — при Рушайло: пример Орлова, помощника министра с генерал-лейтенантскими погонами, ныне находящегося в перспективном федеральном розыске, — ничего, кроме злости, у простых милицейских работяг не вызывал) отражает всеобщую сегодняшнюю картинку — всевластие все увеличивающегося чиновничества, которое ведет себя как прапорщики в бородастом армейском анекдоте: до обеда думают, что украсть, а после обеда — как вынести.

Но военным чиновникам легче: их поступки можно окутать некой военной или государственной тайной, их подчиненные куда более бессловесные, чем те же, но без солдатской формы.

...Возвратился из Чечни, как обычно после такой командировки, злой и унылый. Иду по Переделкину и вижу, что на строительстве очередного особняка работают солдаты. Позвал старшего — им оказался молоденький лейтенант; представился, спросил, что за военную базу они строят в доселе тихом писательском поселке. «Дачу... — растерянно ответил лейтенант. — По приказу полковника...» — назвал он какую-то фамилию. И тогда, сам себе удивляясь, я приказал начальственным голосом: «Буду возвращаться — чтобы вас на этом новом объекте не было!».

Действительно, когда шел обратно по нашей лесной дороге, воины строем выходили с этого очередного генеральского объекта. Правда, спустя несколько дней я увидел их снова: те же лица, которые я успел запомнить, тот же лейтенант. Но все уже — в каком-то гражданском тряпье.

Таких примеров — множество. Потому-то многочисленная рать генералов будет делать все, чтобы военная реформа захлебнулась, как безоблачная мечта детства. Но и не только поэтому.

Мой товарищ, уже вторую войну честно и мужественно тянувший свою армейскую лямку в Чечне, рассказал мне совсем не-

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

давно: «Едем на бэтээре — натыкаемся на левую нефтяную скважину. Честно скажу: хотели у них отнять бак с маслом. Вдруг подлетает другой бэтээр: «Мы — из ФСБ. Вы что, с ума сошли?! Это личная скважина Казанцева. Вон отсюда!»

Возможно, именем полпреда по Южному округу просто прикрывались какие-нибудь другие начальники. Но помню, как меня спросил командующий Приволжским округом внутренних войск, с которым случайно пересеклись в Гудермесе: «Объясните, почему мои ребята заняты здесь на охране нефтяных скважин Кадырова?» Об этой личной, персональной, нефти для разного рода начальников в Чечне знают все, от мала до велика. Потому-то ни один бензовоз не был взорван на чеченских дорогах. Да и война не кончается (по крайней мере, по одной из причин), пока чиновники и генералы на денежном довольствии войны.

Один новоиспеченный генерал как-то пожаловался мне: «А папаху не выдали. Говорят, уже нет шерсти для папах». Потому-то не удивлюсь, если овец для генеральских папах будут закупать в Австралии, хотя и не исключаю, что за австралийских будут выдавать доморощенных: хитростей у наших чиновников, и военных в том числе, больше некуда. Но армейские, повторяю, куда больше защищены..

Потому-то генеральский корпус России — главный противник военной реформы: с кем же они тогда останутся? Они будут и дальше держать оборону. А сто тысяч боеспособных как-нибудь наберут..

28.04.2003

ДЕЛО О «ТРЕХ КИТАХ»: СУДЬЕ УГРОЖАЮТ, ПРОКУРОРА ИЗОЛИРОВАЛИ, СВИДЕТЕЛЯ УБИЛИ

**Несмотря на то, что дело находится
под личным контролем президента**

Дело о «Трех китах» — знаковое для Президента.

Да, говорю о Владимире Путине.

Он, как и его предшественник Борис Ельцин, не раз брал расследование громких дел под свой личный контроль (правда, чем этот «контроль» заканчивался, всем хорошо известно). Но в деле о «Трех китах», сопровождающем все три года его президентства, он пошел дальше ничего не значащих слов об «особом контроле»: назначил независимого прокурора для расследования дела — Владимира Лоскутова, по мнению газеты «Известия», своего петербургского приятеля еще со студенческих времен. И что? Да ничего. Ни-че-го!

Вечером в прошедший вторник — очередная серия о «Трех китах».

В кого стрелял киллер, проникший сквозь охраняемый, как форт, военный госпиталь им. Бурденко, поднявшийся на четвертый этаж нейрохирургического отделения, открывший дверь палаты и дважды нажавший на курок пистолета с глушителем?

Очередная жертва очередного убойного заказа — не политик федерального или даже регионального уровня. Капитан первого ранга в отставке? Да мало ли их таких, отставных! Бизнесмен? Что, мало стреляют в бизнесменов? И даже сами экзотические обстоятельства убийства — больничная палата, вечер, закрытый военный госпиталь (просто кадры из очередного криминального сериала!) — если и могут удивить, то какого-нибудь московского гостя из тихого швейцарского кантона, с трудом осваивающего занимательное русское слово «бес-пре-дел».

Но сообщение об убийстве 43-летнего президента ассоциации «Мебельный бизнес» (и бывшего морского капитана) Сергея Переверзева уже во вторник вечером попало на ленты всех информационных агентств, а во все последующие дни про-

шедшей недели — на первые полосы газет и в выпуски теле-новостей.

Нет, не рядовое событие российской жизни — убийство Сергея Переверзева. Над ним, как неоновая реклама на вечернем Можайском шоссе, зловеще просияло: «Три кита».

4 июня Сергей Переверзев должен был выступить в качестве свидетеля защиты на судебном процессе против сотрудников Государственного таможенного комитета Волкова и Файзулина, обвиняемых владельцем «Трех китов» Сергеем Зуевым в злоупотреблении служебным положением. 2 апреля в интервью «МК» Переверзев открыто говорит об угрозе собственной безопасности. 14 мая он попадает в автокатастрофу на Кутузовском проспекте, в которой один человек погиб и трое, включая Сергея Переверзева, были ранены. Переверзев оказывается в военном госпитале. Во вторник 27 мая, в 21.30, — выстрелы в больничной палате.

Одновременно судья, который должен был вести это дело, получает записку следующего содержания (орфография и пунктуация сохранены) — как видно из текста, уже не первую:

«Уважаемый Сергей Энгерович!

Похоже у Вас очень крепкие нервы либо Вы не получили первого письма.

Можете считать это письмо угрозой, но, поверьте, ее легко претворить в жизнь.

Вы и только Вы будете решать — быть Вашему сыну с Вами рядом, либо сидеть ему на цепи в чеченском подвале, откуда выйти он вряд ли сможет, а если это и станет возможным, то инвалидная коляска до конца его дней ему будет обеспечена.

Не принимайте ненужных и неуместных решений по делу ГТК — ТРИ КИТА.

Очень хочется надеяться, что Вы сможете принять правильное решение и сделаете нужные выводы».

Может, в записке намек на то, чтобы таможенники были оправданы? Не думаю, убежден, что нет: наоборот, осуждены!

Ведь точно такая же атака была предпринята на следователя по особо важным делам Следственного комитета МВД РФ Павла Зайцева: чтобы забылось дело о многомиллионных хищениях владельцев «Трех китов», Генпрокуратура возбудила дело на следователя, который это дело вел. И даже когда Мосгорсуд

полностью оправдал Зайцева, Верховный суд — по протесту Генпрокуратуры — отменил этот оправдательный приговор, причем о том, что отменит, мне было известно за четыре дня до вынесения приговора...

Пишу все это — и чувствую себя студентом-двоечником, вызубрившим одну шпаргалку! Сколько же можно писать про одно и то же! Про этих чертовых «Трех китов», про тот спрут из бандитов и чиновников, соединившихся вокруг столов да стульев (кого там только нет: от чеченских и солнцевских бандитов до прокурорских, фээсбэшных и милицейских начальников). Про то, что за обыкновенными столами и стульями — многомиллионные интересы мафиозных структур от России до Германии, Италии, Америки.

Про роль зловещего серого кардинала Генпрокуратуры Ю. Бирюкова, в который раз — и которое уже громкое дело! — разваливающего на глазах ошалевшей от подобной наглости российской общественности (3 июня Комиссия Госдумы по борьбе с коррупцией специально соберется, чтобы обсудить объемное досье на Бирюкова и его коллегу по Генпрокуратуре В. Колмогорова).

Про исчезающие документы из уголовного дела, про бесконечные угрозы следователям, судьям и депутатам. Наконец, про беспрецедентное убийство в полутемной палате закрытого военного госпиталя...

Но приходится, приходится вновь и вновь говорить об этом (потому-то мы снова напоминаем сегодня хронику всех событий вокруг «Трех китов», которую ведет «Новая газета»).

Это не история о столах и стульях, это другая, совсем другая история, напрямую указывающая на то, в каком пространстве жизни, современной истории, избранного президента и парламента и назначенных чиновников оказалась Россия.

«Три кита» — знаковое дело для нашего времени! Знаковое для Госдумы: Комитет по безопасности посвятил ему целое заседание, а сама Дума направила десятки писем в адрес Генпрокуратуры. Знаковое для Европы и Америки: там, у них, где происходят аресты западных партнеров «Трех китов», все еще безуспешно ждут ответов на свои следственные поручения от наших МВД и Генпрокуратуры. Знаковое для нашего правосудия — только не повторяйте мне все эти сказки про независи-

мость судей и про то, что «только суд может назвать человека виновным»: пока дождешься этого настоящего суда, документы уголовного дела будут уничтожены, свидетели — запуганы или убиты, а сами следователи — или осуждены, или уйдут, отчаявшись пробить эту стену. Есть дело Зайцева, есть дело таможенников, а куда же делось дело о многомиллионной контрабанде?

Доходит до анекдота! К независимому президентскому прокурору Лоскутову так и не попало письмо из Германии от представителя криминальной полиции Германии в Москве Франка Хельмута, в котором прямо названы липовые немецкие фирмы, созданные тем же Зуевым; названы фамилии тех, в том числе и самого Зуева, кого подозревают в отмывании денег и создании преступного синдиката; сообщено о том, что в Италии уже произведены аресты по делу о «Трех китах», что там, в Германии, готовы помочь российским коллегам и сами, в свою очередь, ждут помощи от коллег российских!

Нет у него этого письма, не дошло, потерялось, испарилось в недрах Генпрокуратуры. Могу передать ему копию, да будет ли толк? И не в этом дело! Что же во власти избранного Россией Президента? Пробить бестелефонной старушке телефонный номер? Сказануть что-нибудь красивое по-немецки? Взлететь на истребителе?

«Кто он, мистер Путин?». Помню, сколько раз мне самому приходилось слышать этот вопрос от своих зарубежных коллег тогда, когда он вдруг неожиданно возник на вершине российской власти.

Прошло три года. Я до сих пор не могу найти точного ответа на этот вопрос.

Дважды за эти годы я обращался к Президенту с личными письмами, касающимися, поверьте, важных, государственных вопросов, — и дважды мне приходилось повторять одну и ту же фразу: «Понимаю ваше желание создать команду, но, мне кажется, вокруг вас собирается стая. А под стайей Россия уже устала жить».

Дважды я получал в ответ ничего не значащие отписки от кремлевских клерков.

Одно из этих писем было, кстати, именно о «Трех китах» и судьбе Павла Зайцева...

...Следователи, ведущие дело об убийстве Сергея Переверзева, предполагают, что киллер смог проникнуть на территорию строго охраняемого военного госпиталя со двора морга. Интересно...

Мне тоже все чаще и чаще кажется, что те, из морга, но абсолютно живые и абсолютно невредимые, задушат нас всех в своих «жарких» объятиях именно в то время, когда Президент будет устанавливать телефон очередной ошастливленной им старушке. А развалины домов будут прикрывать изображениями тех же, но сияющих будущих строений.

Уже третий год наблюдаем за развитием этого контрабандного дела. А края не видно. Напомним о том, как развивались события:

2001 год. «Новая газета» № 51, 55

Есть версии, что к мебельному скандалу причастны руководители МВД, ФСБ и Государственного таможенного комитета (ГТК). Сам факт контрабанды всплывает из-за межведомственного конфликта: по одну сторону баррикад — МВД и ГТК, по другую — Генпрокуратура. Возникают фамилии людей из ФСБ...

2002 год. «Новая газета» № 12

В Комитет по безопасности Госдумы пришел замгенпрокурора Колмогоров и стал убеждать депутатов, что дело о контрабанде расследовали с многочисленными нарушениями прав человека. Тогда же следователь Зайцев, который вел дело «Трех китов», впервые сообщил, что на него оказывают давление, а прокуроры делают все возможное, чтобы прикрыть расследование. После того как Генпрокуратура забрала дело из Следственного комитета МВД, от пары сотен томов осталось только 20. Остальные «потерялись»...

«Новая газета» № 58

Президент Путин взял дело о контрабанде под свой личный контроль. Стало очевидным, что ситуация, в которой столкнулись интересы почти всех российских силовых структур, не так проста, как ее пытаются представить.

Юрий Щекочихин • Три эпохи российской журналистики

«Новая газета» № 66

Контрабанда — всего лишь часть процесса по отмыванию денег, имеющего отношение к истории с «Бэнк оф Нью-Йорк» и, что удивительно, к российским организациям системы «Рособоронэкспорта», которые занимаются торговлей оружием.

2003 год. «Новая газета» № 16

Следователя Зайцева, которого преследовали прокуроры, недавно оправдали в Мосгорсуде. Но Верховный суд по прокурорскому настоянию отменил оправдательный приговор. Создалось такое ощущение, что главная цель процесса — скомпрометировать само разбирательство, назвать его несостоятельным и напрочь забыть о связях с «Бэнк оф Нью-Йорк» и оружейными делами...

«Новая газета» № 31

Из Германии в Россию поступили документы о том, что главный фигурант дела «Бэнк оф Нью-Йорк» Питер Берлин и его фирма «Бенекс» посылали 4 млн 670 тыс. долларов немецкой фирме. А она, в свою очередь, участвовала в финансировании строительства торговых центров «Гранд» и «Три кита». Сюрприз для Генпрокуратуры, которая не видит подобных связей.

02.06.2003

Содержание

Г. Явлинский. Читайте Щекочихина	3
Я.Н. Засурский. У истоков свободной журналистики	5
Юрий Щекочихин. Краткая биография	9

Комсомольская правда

Чище, ребята!	15
Помни о «Виктории»!	19
Выдумщик	23
Минус «наш парень» Света	25
Итак, он вырос	27
Неподтвердившееся письмо	31
Дети и деньги	36
Посторонний	42

Литературная газета

Пощада	49
После шторма	57
На качелях	69
Комментарий к прошению о помиловании	83
Однажды на тихой улице	92
Черные миллионы	102
Лев прыгнул!	108
Экстремальная модель	123
«Лев прыгнул»: взгляд из-за океана	141
Под контролем мафии	153
Потомок	166
Охота на льва, или Бой с тенью	175
Московский спрут	183
Гуров ушел... Лев съел	195
Страх	200
Мое имя — Сергей.	
Возможно, я самый юный коррупционер	214
Лев прыгнул. Уже через границу	223

На всю Россию всего девять бандитов?!	232
Русские рабы	240
«Здравствуй, дорогая мафия...»	249
Ряженные	258
За Родину?! За мафию?	273
Чужой	288

Новая газета

Дело не в том, что президент убил кабана, а в том, что взволновались лишь за океаном	303
Береги себя	305
По нашим политикам плачет тюрьма или больница?	310
Есть еще люди, которые готовы защитить слабого	311
Бычьи шеи венчают головы ослов	315
Касса по имени война	316
Хорошо живет тем, кто борется с мафией	318
Автограф на небе	322
Новогодний отсчет XXI	325
Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах	330
«Секретная операция» и секретные награды	345
Кто объявил войну миру?	349
Две цивилизации не поняли друг друга	352
Почему президент — это еще не король	354
Судьи против правосудия	355
Свою Грузию я не отдам	357
Секретные герои	359
Баранов много. Овец для генеральских папах не хватает	363
Дело о «трех китах»: судье угрожают, прокурора изолировали, свидетеля убили	367

ЮРИЙ ЩЕКОЧИХИН

ТРИ ЭПОХИ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В оформлении книги использованы фотоматериалы
из архива Фонда имени Юрия Щекочихина.

Оформление обложки А.В. Баланцевой
Корректор Е.В. Черкасова
Дизайн Е.Н. Сиротиной

Подписано в печать 01.06.2018. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Объем 24,5 уч. изд. л. Тираж 500 экз.
Заказ №.88

Издательство ИП Матушкина И.И. E-mail: ira-publisher@mail.ru
Отпечатано в типографии ООО «ИПЦ “Маска”». E-mail: info@maska.su